ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ СБОРНИК

1941

Забытые победы Красной Армии

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

1941-й навсегда врезался в народную память как самый черный год отечественной истории, год величайшей военной катастрофы, сокрушительных поражений и чудовищных потерь, поставивших страну на грань полного уничтожения. В массовом сознании осталась лишь одна победа 41-го – в битве под Москвой, где немцы, прежде якобы не знавшие неудач, впервые были остановлены и отброшены на запад. Однако будь эта победа первой и единственной – Красной Армии вряд ли удалось бы переломить ход войны.

На самом деле летом и осенью 1941 года советские войска нанесли Вермахту ряд чувствительных ударов и серьезных поражений, которые теперь незаслуженно забыты, оставшись в тени грандиозной Московской битвы, но без которых не было бы ни победы под Москвой, ни Великой Победы.

Контрнаступление под Ельней и успешная Елецкая операция, окружение немецкой группировки под Сольцами и налеты советской авиации на Берлин, эффективные удары по вражеским аэродромам и боевые действия на Дунае в первые недели войны – именно в этих незнаменитых сражениях, о которых подробно рассказано в данной книге, решалась судьба России, именно эти забытые победы предрешили исход кампании 1941 года, а в конечном счете – и всей войны.

- 1941. Забытые победы Красной Армии
- На земле
- Арвидас Жардинскас (Литва). Легенда об одиноком танке (Вновь к истории расейняйского КВ)
-
-
-
- Владислав Гончаров. Первый котел
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

-
-
-
-
- Борис Кавалерчик. Сражение за Ельню
-
-
-
-
-
- Валерий Вохмянин, Александр Подопригора. Гамбит Тимошенко
-
-
- Владислав Гончаров. Елецкая операция
-
-
-
- В небесах
- Мирослав Морозов. На Берлин!
-
- Александр Заблотский, Роман Ларинцев. «При атаке аэродромов уничтожать материальную часть в несколько заходов…»
-
- Александр Заблотский Роман Ларинцев. Во славу Севастополя!
-
- …И на море
- Андрей Платонов Дунайские победы
-
-
-

1941. Забытые победы Красной Армии

На земле

Арвидас Жардинскас (Литва). Легенда об одиноком танке (Вновь к истории расейняйского КВ)

Историография вопроса

В июне 1941 года в Литве около селения Расейняй один танк КВ на сутки задержал наступление немецкой 4-й танковой группы. [1]

Наверное, немало любителей военной истории только по этой цитате из книги скандально известного автора узнали об этом интересном, но сравнительно мало исследованном эпизоде начала войны Германии и СССР. Но это и не удивительно, и вот почему. В Советском Союзе Великой Отечественной войне уделялось довольно много внимания. Существовало множество кинофильмов по военной тематике (на этом специализировалась киностудия имени Довженко), книг, статей в газетах и журналах. Но опять же этому не надо удивляться. Ведь почти каждая семья тогдашнего СССР так или иначе пострадала в войне. Не удивительно и то, что были возвышены герои и их подвиги. Когда события войны все более отдаляются, становится ясно, что некоторые герои были липовыми, а их подвиги – лишь мифами, предназначенные для поднятия боевого духа воинов. Но странно не это. Оказывается, были и герои, совершившие настоящие, не выдуманные подвиги, которые в советское время неизвестно по какой причине замалчивались.

Один из таких подвигов – наполовину легендарная история «расейняйского танка».

Самый первый раз этот эпизод начала войны был упомянут еще в годы немецкой оккупации. В 1942 году журнал «Карие» («Воин») напечатал перевод статьи военного корреспондента Курта Г. Шлоценберга (Kurt G. Slozenberg) «Битвы стальных слонов», опубликованной в издаваемой в Вильнюсе на немецком языке газете «Вильнер цайтунг» *(Wilnaer Zeitung)*. В советское время история одиночного танка в Литве была мало известна. Официально об этом эпизоде вспомнили лишь в 1965 году, когда наконец собрались перенести останки воинов из мест их захоронения на воинское кладбище в Расейняй. О перезахоронении танкистов писала газета Расейняйского района «Вальстечю лайкраштис» [2] . Но позднее – опять мертвая тишина.

На Западе этот эпизод был довольно хорошо известен. После

окончания войны группа высокопоставленных немецких офицеров, попавших в американский плен, была доставлена на ту сторону Атлантики. Здесь они под руководством бывшего начальника Генерального штаба генерал-полковника Гальдера написали серию статей. Сборники этих статей использовались в качестве учебных пособий для американских военных.

Одно из первых описаний боя одиночного танка у селения Расейняй, сделанное на английском языке, было помещено в выпущенной в 1950 году в США брошюре «Методы ведения боевых действий русской армией во Второй мировой войне» [3] . Однако в этом издании самому бою уделено сравнительно мало места (примерно одна страница), он описан мельком, неполно и неконкретно. Как правильно отмечает А. Исаев, *«из рапорта создается впечатление о многодневной осаде танка, потому что в тексте нет хронологии событий, совмещения со временем и датами» [4]* .

Наиболее подробно история танка описана в историческом исследовании «Действия малых подразделений во время германской кампании в России» [5] (далее мы будем называть его сокращенно «Действия малых подразделений»), изданном в США в июле 1953 года. В одной из статей («Бронетанковая блокада перекрестка») [6] этого издания описывается ход боя. Надо сказать, что и в некоторых других текстах есть утверждения, что бой длился двое суток. Как бы там ни было, эта статья стала первоисточником для многих авторов, пишущих о «расейняйском танке». Между прочим, в этой брошюре впервые напечатана позднее хорошо известная фотография – немецкий солдат фотографирует подбитый советский КВ-2 [7] .

Одним из наиболее солидных изданий, посвященных исследованию начального периода советско-германской войны, является вышедшая под редакцией полковника Дэвида М. Гланца книга «Начальный период войны на Восточном фронте. 22 июня – август 1941 года» [8] . Это издание представляет собой сборник докладов, которые были прочитаны на симпозиуме, проходившем в городе Гармиш-Партенкирхен в Баварских Альпах. Действиям в Литве были посвящены две темы – о боях на шауляйском [9] и на вильнюсском [10] направлениях. Доклад о боях на шауляйском направлении, помимо других докладчиков, читал полковник запаса Хельмут Ритген, который в 1941 году был адъютантом командира батальона танкового полка 6-й танковой дивизии. Его дополнил генерал запаса граф фон Кильманзег, который в то время являлся офицером штаба той же 6-й танковой дивизии. Хотя именно эта танковая дивизия столкнулась с легендарным танком, интересующему нас бою в докладе посвящен лишь один

абзац. [11]

В книге Томаса Л. Иенца «Танковые войска» (*«Panzertruppen* »), посвященной истории танковых сил Германии, приводится выдержка из журнала боевых действий 11-го танкового полка 6-й немецкой танковой дивизии, в которой описывается фрагмент начала боя [12] . К сожалению – только фрагмент, а описание всего боя почему-то отсутствует. Этот фрагмент цитирует множество авторов, описывающих историю танка – например, известный исследователь военной истории А. Исаев, М. Свирин, Е. Дриг [13] и другие.

Наиболее полное описание боя представлено в книге Э. Рауса «Танковые сражения на Восточном фронте» [14] . Автор подробно описывает ход всего сражения, которым он сам руководил. Однако воспоминания, в отличие от дневников или боевых документов, пишутся по прошествии сравнительно немалого времени, когда забывается множество деталей. Не исключением является и книга воспоминаний Рауса. Более того, как пишет во введении переводчик книги на русский язык [15] , эта книга создана не по рукописи Рауса, так как рукопись пропала при неясных обстоятельствах. Текст рукописи восстанавливался на основе статей в различных сборниках и периодике, а также по неопубликованных примечаний. Сравнивая текст из раздела «Отрезаны одним танком» [16] в книге Рауса с текстом из «Действий малых подразделений», нетрудно убедиться, что в мемуары просто вставлен мало переработанный текст «Бронетанковой блокады перекрестка». Это позволяет считать, что он также принадлежит перу Э. Рауса.

Таким образом, в советское время на русском языке об этом эпизоде войны почти ничего не было написано. Подробнее о ней начали говорить только в 1990-х годах. С этого времени бой одиночного танка упоминается практически в каждом издании, посвященном истории танка КВ [17] .О «расейняйском танке» писал и уже упомянутый В. Суворов. Правда, на описание этого эпизода в «Последней республике» мог обратить внимание не каждый читатель – однако к нему успешно прицепились некоторые критики. Один из них, Валерий Харламов, даже утверждал, что такого танка вообще не было [18] .

Больше всего «одинокий танк» прославил один из главных критиков В. Суворова – А. Исаев, который описал этот бой в статье, опубликованной в журнале «Полигон». Позднее сокращенный вариант этой статьи был помещен в его книге «Анти-суворов» [19] , а полный текст еще раз опубликован в 2007 году в сборнике статей «Танковый прорыв. Советские танки в бою. 1937–1942 гг.» [20] . Надо сказать, что А. Исаев в литературе на

русском языке впервые наиболее широко и полно описал этот эпизод начала войны.

Итак, как же все это было? Забегая вперед, скажем – это был бой танка из советской 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса (3 МК) и боевой группы «Раус» *(kampfgruppe Raus)* из 6-й танковой дивизии (6 *.Pz.Div* :) 41-го моторизованного армейского корпуса (*XLI.Armekorps (mot.))* вермахта. Расскажем немного подробнее об этих соединениях.

2-я танковая дивизия Красной Армии накануне войны

Накануне войны СССР с Германией на территории Прибалтийского особого военного округа (ПрибОВО), помимо других частей, дислоцировались и два механизированных корпуса (МК) – 3-й и 12-й. Последний начал формироваться в Латвии только в феврале 1941 года. Накануне войны, 16 июня 1941 года, командование корпуса получило директиву штаба округа о скрытой переброске дивизий поближе к границе с Германией. Поздним вечером 18 июня дивизии 12-го мехкорпуса двинулись в поход и после двух дней марша прибыли в северные районы Литвы.

3-й механизированный корпус формировался с июня 1940 года в Западном особом военном округе [21] . После ввода советских войск в государства Балтии дальнейшее формирование корпуса было поручено командованию созданного Прибалтийского военного округа. Первым командующим корпуса был назначен генерал-лейтенант А. Еременко. В декабре 1940 года его сменил генерал-майор танковых войск В. Куркин. 84-я моторизованная дивизия формировалась на базе дислоцированной в Вильнюсе 84-й стрелковой дивизии, в начале войны ею командовал генерал-майор П. И. Фоменко. 5-я танковая дивизия формировалась в Пренай и Алитусе на базе 2-й легкотанковой бригады, в начале войны ею командовал полковник Ф. Ф. Федоров.

2-я танковая дивизия формировалась в Ионаве на базе 7-й кавалерийской дивизии. Танковые полки дивизии формировались из 21-й тяжелой танковой бригады, танкового полка 7-й кавалерийской дивизии и танковых батальонов стрелковых дивизий 24-го стрелкового корпуса. Первым командиром дивизии был генерал-майор танковых войск Семен Моисеевич Кривошеин, в декабре 1940 года его сменил генерал-майор танковых войск Егор Николаевич Солянкин.

При формировании дивизии возникли некоторые трудности. Во-первых, не хватало жилых помещений как бойцам, так и командирам. Во-вторых корпус формировался не из технически подготовленных и соответствующим образом оснащенных частей

(за исключением 2-й лтбр), а из самых различных подразделений: отдельных танковых батальонов, саперных рот, кавалерийских частей и т. д. Несмотря на это, первый командир корпуса А. И. Еременко сумел организовать обучение бойцов, и к концу 1940 года, когда проводилось совещание высшего командного состава, корпус занял первое место [22] в категории бронетанковых соединений.

Несколько подробнее рассмотрим состав 2-й танковой дивизии накануне войны:

• Командир дивизии: генерал-майор танковых войск Е. Н. Солянкин;
• 3-й танковый полк – командир майор И. И. Рагочий;
• 4-й танковый полк – командир неизвестен;
• 2-й мотострелковый полк – командир майор П. П. Гаченков;
• 2-й гаубичный артполк;
• 2-й автотранспортый батальон;
• 2-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион;
• 2-й отдельный разведывательный батальон;
• 2-й понтонно-мостовой батальон;
• 2-й отдельный батальон связи;
• 2-й ремонтно-восстановительный батальон;
• несколько другим мелких частей.

Место постоянной дислокации – Укмерге.

Эта дивизия была первым соединением Красной Армии, которое получило на вооружение танки КВ. Первые боевые машины этой модели прибыли в соединение в августе 1940 года. Накануне войны во 2-й танковой дивизии имелся 51 танк КВ. В некоторых изданиях [23] встречается утверждение о том, что в ПрибОВО накануне войны насчитывалось 78 танков КВ. Однако это неверно. Как утверждает М. Коломиец, по архивным документам для ПрибОВО действительно было предназначено еще 27 танков КВ. В сопроводительных документах отмечалось: «пункт назначения – Алитус» (то есть 5-я тд). Однако в пути эшелон застала война, он был направлен в Белоруссию, и эти дополнительные танки КВ вступили в войну в составе Западного фронта. В отчетах это изменение маршрута не отображено [24] .

18 июня в 3-м мехкорпусе была объявлена боевая тревога. Дивизии были выведены из мест своей постоянной дислокации. 2-я танковая дивизия была выведена в Руклу и в учебный лагерь в районе железнодорожной станции Гайжюнай, а если точнее – в леса в 5 км от лагеря.

6-я танковая дивизия вермахта накануне войны

Согласно плану «Барбаросса», против советских войск в Литве должна была действовать группа армий «Север» (*Heeresgruppe*

«Nord») от Паланги до северного берега озера Виштитис и 3-я танковая группа *(3.Panzergruppe 3) [25]* группы армий «Центр» *(Heeresgruppe «Mitte»)* – от южного берега озера Виштитис до Капчяместиса (Копцево). В немецкой армии танки были только в танковых дивизиях, которые, в свою очередь, входили в состав танковых групп; в пехотных дивизиях танков не было. На границе с Литвой были сосредоточены две танковые группы – 3-я и 4-я.

4-я танковая группа *(4. Pazergruppe)* под командованием генерал-полковника Эриха Гепнера *(Erich Hoepnerf* была сосредоточена в центре боевого построения группы армий «Север» и являлась ее основной ударной силой. В ее состав входили 41-й моторизованный армейский корпус *(XLI.(mot.))* генерала танковых войск Георга-Ганса Рейнгарда (*Reinhardt*), состоявший из 1-й танковой дивизии *(1 Pz.Div.*), 6-й танковой дивизии *(6Pz.Div.*), 36-й моторизованной дивизии *(361.Div. (mot.))* и 269-й пехотной дивизии *(2691.Div* :), а также 56-й моторизованный армейский корпус (*LV1. (mot.*) генерала пехоты Эриха фон Манштейна, состоявший из 8-й танковой дивизии *(8Pz.Div.),* 3-й моторизованной дивизии *(31.Div.(mot* .), 290-й пехотной дивизии *(2901.Div.)* и находящейся в резерве моторизованной пехотной дивизии СС «Мертвая голова» *(«Totenkopf»).* Надо сказать, что в некоторых источниках указывается, что дивизия была в резерве не корпуса, а танковой группы.

Рассмотрим более подробно историю 6-й танковой дивизии, ее состав и боевые действия в первые дни войны.

Дивизия была одним из старейших танковых соединений вермахта. Ее история началась 12 октября 1937 года, когда в Вуппертале была сформирована 1-я легкая бригада *(1. leichte Brigade) [26]* . Ее командиром стал тогда еще генерал-майор Хепнер. 10 ноября 1938 года эта бригада была переформирована в 1-ю легкую дивизию *(1. leichte Division),* а 18 октября 1939 года (по данным Иентца – 12 сентября 1939 года) переименована в 6-ю танковую дивизию. В 1938 году тогдашняя легкая дивизия участвовала в занятии Судет, в 1939 году в составе 14-го корпуса *(XIV.Armeekorps)* 10-й армии группы армий «Юг» – в занятии Польши. В 1940 году, уже как 6-я танковая дивизия в составе 41-го корпуса *(XLI.Panzerkorps)* танковой группы Клейста, она участвовала во Французской кампании.

Накануне войны с Советским Союзом дивизия под командованием Франца Ландграфа была дислоцирована в Торуни, имея следующий состав [27] :

•11-й танковый полк – состоял из трех танковых батальонов: I, II и 65-го. В танковых батальонах дивизии было 47 Pz.II, 155 Pz.35(t), 30 Pz.IV, 5 командирских танков на шасси танка Pz.35(t)

и 8 командирских танков на шасси танка Pz.II. Эта дивизия была единственной во всем вермахте, имевшей чехословацкие танки Pz.35(t), которые составляли две трети от всех танков дивизии.

В состав 6-й мотострелковой бригады (6 .*Schtz.Brig* .) входили:

• 4-й мотострелковый полк (*S.R.4*),

• 114-й мотострелковый полк (*S.R.114*),

• 6-й мотоциклетный батальон (6 .*Krd.Btl.*),

В каждом полку имелось по два пехотных батальона и рота пехотных орудий, на вооружении которой было шесть 75-мм орудий. Только одна пехотная рота имела на вооружении полугусеничные тягачи SPW.

• 76-й моторизованный артиллерийский полк *(A.R. 76)* состоял из двух легких пушечных (105 мм) и одного среднего гаубичного (155 мм) дивизионов, в каждом по три батареи по четыре орудия,

• 57-й разведывательный батальон (*Pz.A.A.57*),

• 41-й истребительно-противотанковый дивизион *(Pz.Jg.41)*. На вооружении только 12 новых 50-мм противотанковых пушек и 24 37-мм противотанковые пушки, так называемые «колотушки».

• 57-й саперный батальон *(Pz.Pi.57),*

• 82-й моторизованный батальон связи (*82.Nachr.Btl.*),

• 57-й транспортный батальон *(57.Nachs.Btl.)*.

Кроме того, перед самой войной дивизии были подчинены 2-й дивизион 59-го артиллерийского полка и 2-й дивизион 411-го зенитного полка *(II/Flak.411)*.

Возвращаясь к танковому составу дивизии, следует обратить внимание на чешские танки Pz.35 (t). Большинство исследователей, подсчитывающих число немецких танков накануне войны, в качестве первичного источника используют работу Б. Мюллер-Гиллебранда «Сухопутная армия Германии. 1933–1945» [28] . Однако в таблице 24 этой книги напротив танка Pz.35 стоит прочерк…

Действия 6-й танковой дивизии вермахта 22–23 июня

В середине июня 1941 года дивизия получила приказ двигаться в направлении границы [29] . Марш продолжался четверо суток, только ночами, любое движение днем было запрещено. По достижении Тильзита возникла проблема переправы через Неман по мосту королевы Луизы, так как по нему также двигалась 1-я танковая дивизия. Поэтому мост использовали только танки, а автомобили и другая техника переправлялись по построенному в последний момент у Шерейтлаукиса понтонному мосту. Передовые части заняли позиции у границы недалеко от Таураге 21 июня, а основным силам это было разрешено только в ночь на 22 июня.

Дивизия получила задачу: форсировать лесистый участок Шилине, Кангайляй, занять севернее Кангайляй мост через Шешувис и высоты у Мешкай (1-я промежуточная цель), далее занять Стейгвилай (16 км северо-восточнее Таураге) и находящийся там мост через Шешувис (1-я цель наступления). Тогда дивизия должна была по берегам Шалтуоны через Эржвилкас достичь возвышенность у Расейняй (2-я цель наступления). И наконец цель первого дня – занять плацдарм за Дубисой северо-восточнее Расейняй по дороге в направлении Шилува, Гринкишкис. Выполнение этой задачи, по словам командования корпуса, «будет иметь большое значение».

Ранним утром 22 июня подразделения немецкой 6-й танковой дивизии пересекают советскую границу

22 июня 1941 года в 3:04 по берлинскому времени (4:04 по действовавшему в Литве московскому времени) началась артподготовка немцев. После ее окончания разведчики сообщили, что находившиеся у границы близ деревни Шилине деревянные пулеметные вышки уничтожены, и 6-я танковая дивизия перешла границу. Перед наступлением дивизия была разделена на две тактические группы – боевая группа «фон Зекендорф» и боевая группа «Раус». Этими группами командовали подполковник барон Эрих фон Зекендорф *(Erich von Seckendorf)* и полковник Эрхард Раус *(Erhard Raus)*. Боевая группа Зекендорфа должна была преодолеть лес на участке Шилине-Кангайляй, у Кангайляй и Анелишке занять мост через Шешувис, затем внезапным ударом занять плацдарм у Стейгвилай. Левый фланг должен был прикрывать 6-й мотоциклетный батальон.

Боевая группа Рауса была задержана и получила приказ двигаться с исходных позиций несколько позднее. Она севернее

Шилине должна была около 2 км двигаться по лесным

дорогам за боевой группой Зекендорфа, а далее через Памейжяй и Мейжяй прорываться в направлении Мешкай, пройдя Платкепуряй, занять Гауре.

Наступление начал 6-й мотоциклетный батальон и боевая группа Зекендорфа. По показаниям пленных, в это время советские войска были рассредоточены на широком фронте, а это позволяло попавшим в немецкий тыл (хотя их было немного) оказывать сильное сопротивление. Хорошо ориентируясь на местности, советские войска держали свои позиции до последнего бойца. Стремительное продвижение все более замедлялось – мешали плохие дороги и сложная местность. Приказ на наступление группы Рауса раз за разом откладывался. В это время было получено сообщение, что разведывательный батальон боевой группы Зекендорфа застрял, и пут непригодень для марша оставшихся сил. Наконец около 10 часов боевая группа Рауса получила приказ двигаться за 6-м мотоциклетным батальоном. Преодолев большие трудности (дорога через лес была лежневкой), боевая группа Рауса около 19 часов достигла Кангайляй, а около 23 часов – Кюкишкяй. Из-за плохих дорог отстал арьергард – автоцистерны и полевые кухни.

На второй день войны боевые группы из Эржвилкаса двинулись параллельными дорогами. Боевая группа фон Зекендорфа двигалась по дороге через Блюджяй и Калнуяй. Боевая группа Рауса из места стоянки в Анелишке двинулась в 5:30 и до Эржвилкаса шла вслед за боевой группой фон Зекендорфа, а потом повернула на более короткий маршрут через Руткишкяй, Паупис. Дороги улучшились, и передовые подразделения под командованием майора Шмидта (Schmidt), увеличив темп, приблизились к широкому лесистому участку у Аукштаслиниса, где настигли отступающий арьергард противника. После короткого ожесточенного боя противник был разбит, однако немцы понесли первые потери: был выведен из строя один танк, смертельно ранен командир 2-й роты 1-го батальона 4-го мотострелкового полка обер-лейтенант Кулок.

По дороге на Расейняй

В 12:45 немцы достигли местности юго-западнее Расейняя. Наступать на город предполагалось с высоты, находящейся западнее него. Около 13:30 боевая группа Рауса 1-м батальоном 4-го мсп (*L/4.S.R* .), усиленным одной танковой ротой и 3-й батареей 41-го танко-истребительного дивизиона (*3./Pz.Jg* .) при поддержке всех трех батарей 2-го дивизиона 76-го артполка *(II. 76.AR*) начала наступление. Группа Зекендорфа в бой за город не вступила, ей было приказано двигаться по высотам западнее него в направление реки Дубиса. Группа Рауса достигла цели в 15:00. Для дальнейшего наступления 2-му батальону 4-го мотострелкового полка *(II./ 4.S.R* .) с одной усиленной ротой, 6-й батареей 76-го артполка (*6./76.AR*) и 3-й батареей 57-го саперного батальона *(3./ 57.Pz.Pi.Bn.)* были назначены машины, ив 16:30 марш был продолжен.

Сломив сильное сопротивление советских войск, в 19:00 немцы достигли моста через реку Дубису на дороге Расейняй – Шилува и захватили его. Усиленный 2-й батальон 4-го мотострелкового полка *(II.Bn/4.S.R.)* занял плацдарм. Разведка, посланная в направлении Шилувы, пользы не дала. Штаб боевой группы Рауса разместился в Беданчяй.

В это время боевая группа фон Зекендорфа заняла еще один мост через Дубису и захватила плацдарм на левом (восточном) берегу реки у Кибартеляй.

Однако долго радоваться победе немцам не пришлось. Разведка Люфтваффе сообщила, что из районов Кедайняй и Ионава в направлении Кракяй движется около двухсот советских танков. Не было никаких сомнений, что их цель – немецкая 6-я танковая дивизия.

Действия 2-й танковой дивизии Красной Армии 22–23 июня

О начавшейся войне советский народ узнал не сразу. Вот как начало войны описывает Бережков, который в то время работал в советском посольстве в Берлине:

В шесть часов московского времени мы включили радиоприемник, ожидая, что скажет Москва. Но все наши радиостанции вначале транслировали уроки гимнастики, позднее пионерскую зорьку и наконец последние известия, которые, как всегда, начались новостями с полей и сообщениями о достижениях передовиков производства. […] Постоянно подходим к радиоприемнику. Из него продолжает звучать народная музыка и марши. Только в 12 часов московского времени Молотов прочитал сообщение Советского правительства. [30]

Поэтому не удивительно, что о начавшейся войне не сразу узнали и солдаты частей, находившихся дальше от границы. Как пишет в своих воспоминаниях Д. И. Осадчий [31] , 22 июня в 10 часов 45 минут во 2-й танковой дивизии читалась политинформация, а о начавшейся войне еще ничего не было известно.

Разбитые советские грузовики в районе Расейняя

И только тогда, когда прилетевшие немецкие бомбардировщики разбомбили бывшие в то время пустыми казармы в Рукле и в районе железнодорожной станции Гайжюнай (как ранее говорилось, дивизия располагалась в нескольких километрах, в лесу), стало ясно, что начались боевые действия.

Конечно, так поздно о начале войны узнали только рядовые бойцы, а командование округа (фронта), армий и корпусов о начале немецкого наступления узнало довольно скоро и сразу же начало готовить боевые приказы на оборону. Но пока эти приказы

из штаба фронта прошли все инстанции и достигли 2-й танковой дивизии, прошло чуть ли не полдня. Например, директива командующего Северо-Западным фронтом была подписана в 9 часов 45 минут [32] . Пока эта директива достигла штаба 8-й армии, прошло немало времени, так как боевой приказ, в котором, кроме всего прочего, указывались действия 2-й танковой дивизии, был подписан командованием армии лишь в 14:0с) [33] . Непосредственно дивизия получила приказ около 16:00. И только в 17 часов 30 минут дивизия начала марш.

Уже в сумерках дивизия достигла Ионавы. Со стороны Каунаса беспрерывно двигался поток беженцев. Этот встречный поток очень осложнил движение, поэтому был отдан приказ изменить маршрут: после переезда моста через Нерис в направлении Расейняя двигались второстепенными пыльными дорогами. При движении колонны было категорически запрещено использовать радиостанции. Этот марш в темное время суток, без потерь от авиации противника, описывался в послевоенных учебниках как образец хорошей организации. Хотя потерь все же избежать не удалось – по техническим нормативам при движении в таких условиях нужно было обязательно каждые 2 часа менять воздушные фильтры двигателей танков КВ. Многие экипажи не обращали на это внимания, да и не имели такой возможности, поэтому немало танков остановилось на обочине, не достигнув конечной цели.

Приказ командующего Северо-Западным фронтом и повторяющий его приказ командующего 8-й армией в создавшейся ситуации были логичными. Направление наступления немецкого 41-го моторизованного корпуса вырисовывалось более чем очевидно: Таураге – Шяуляй – Рига. Советские дивизии должны были одновременно нанести удар по флангам и тылу немецких дивизий, окружить их и уничтожить. 23-я и 28-я танковые дивизии 12-го механизированного корпуса атаковали в юго-западном направлении по левому флангу немцев, 2-я танковая дивизии 3-го механизированного корпуса – в юго-западном направлении по правому флангу немцев.

Однако это были лишь благие намерения. Одновременный удар не был нанесен из-за элементарных и прозаических причин – не хватало топлива и боеприпасов, командиры дивизии из-за плохой связи не могли скоординировать свои действия.

Как бы то ни было, этот эпизод в исторической литературе получил название танковой битвы под Расейняем. По существу, она распадалась на несколько эпизодов: бой советских 23-й и 28-й танковых дивизий с немецкими 1-й танковой и 61-й пехотной дивизиями и бой советской 2-й танковой дивизии с немецкой 6-й

танковой дивизией. Вот этот последний эпизод мы и рассмотрим подробнее.

Как уже говорилось ранее, 2-я танковая дивизия к вечеру 22 июня получила приказ командующего 8-й армией двигаться в направлении Расейняя. Точнее говоря, из-за отсутствия связи этот приказ дивизия получила не напрямую от командующего армией – его передал и дал дальнейшие указания прибывший в дивизию начальник Автобронетанкового управления Северо-Западного фронта П. Полубояров. Он быстро пришел к выводу, что первичный приказ начать наступление в 4 часа утра невыполним, перенес начало наступления на 11 часов утра, информировав об этом командующего фронтом [34] . Однако, как выяснилось позднее, и новый срок был нереален.

В этом месте начинаются некоторые неясности со временем начала битвы. Евгений Дриг и некоторые другие авторы указывают, что 2-я танковая дивизия вступила в бой утром 23 июня [35] . Это утверждение взято скорее всего из воспоминаний Полубоярова [36] . Однако воспоминания не являются самым надежным источником для реконструкции исторических событий.

2440
Liduvėnai
Žalplai
23°00'
55°30'
Žiliečiai
Šiešlaukiškis
Kusai
Sarkeliai
Pagedoliukas
ALEJAI
Užumedis
Deksniai
Plauginiai
Pagedolis
Alejai II
Plauginiai
Onikiai
Puišiai
Dv. Bazarai
Kapliai
Aleksandrai
Dumsiškiai
Slabada
Burgaičiai
Varnėnai
Minionial
Daumėnai
RAŠEINIAI
Paraseinys
Kontrimai
Dainėnai
Dainiai
Gurai
Ramonai II
Ramonai II (Kontrolial)
Bagdoniškė
Anžiliai
6150
6145
6140

2445
Šiauliai
2450
Darbutiškiai
Varkaliai
Bagušiškiai
Kiaulininkai
Kusaičiai
Padubysis
Skaraitiškė
Bogušiai
Baguočiai
Liūliai
Kyviškė
Bedančiai II
Kunkojai
Kantūnai
Sutkaičiai
Petkuniškiai
Pasalys
Giruočiai
Daugodai
Meistai
Pakautai
Kusai
Gruzdiškė
Baraičiai
Šukiškiai
Kaimelė
Girdaičiai
Beržytė
Kulkiai
Riškainiai
Lenkeliai
Laužai

Росейняй и окрестности. Довоенная карта. Район боя взят в рамку; место боя выделена кружком с точкой

Значительно более надежный источник – документы тех лет. А в отчете боевых действий немецкой 6-й танковой дивизии за 23 июня указывается, что бой за Расейняй начался около обеда, поэтому танковая битва у Дубисы должна была начаться значительно позднее. Что танковая битва началась в 15 часов, пишет и Вернер Хаупт [37] .

Однако возникает вопрос, где была и каким маршрутом двигалась к полю боя 2-я танковая дивизия? Ведь от окрестностей Ионавы до Расейняя – около 100 километров. Конечно, танки двигались не самым прямым путем. Немецкая воздушная разведка сообщила, что заметила советскую танковую колонну у Байсогалы и Гринкишкиса. Посмотрев на карту, можно легко убедиться, что танковая колонна сделала большой крюк и прошла не менее 150 км. Поэтому не удивительно, что из-за этого стали возникать проблемы. Во-первых, не один и не два танка могли остаться на обочине, не выдержав такого «ралли». Во-вторых, и это главное – горючее. Даже если танки отбыли с полными баками горючего, в районе цели эти баки должны были оказаться уже полупустыми. Зная, каким было в те времена снабжение, наивно полагать, что горючее можно было пополнить в пути.

Bedančiai I
Bedančiai II
Kaukėnai
Kunkojai
Dainiai
Pareigiai
Klusai
Ramonai I
Elg
Pakalniškiai
prie Bed.
prie Kunk.
prie Klus.
118.8
112.9
117.1

Район боя одиночного танка КВ

Таким образом, 2-я танковая дивизия двигалась до цели слишком долго. Как уже знаем, из района Руклы она вышла около 17:30, а Ионавы достигла уже в сумерках, то есть в 22–23 часа. От Ионавы до Дубисы дивизия шла около 16 часов. Многовато. Но это можно объяснить тем, что машины двигались по второстепенным дорогам, а карт не было. Вот как это описывает Д. Осадчий [38] (выделение мое – *А. Ж.)*

«Около 16 часов командир 3-го танкового полка майор И. Рагочий вызвал командиров батальонов и рот и поставил боевую задачу Из его устного приказа я понял, что враг перешел государственную границу и движется в направлении Расейняй. Полку придется совершить марш с возможностью встречного боя. Командир полка указал маршрут движения и возможные границы развертывания. Все это мы записали в блокноты. ***Топографических карт никто не имел».***

Без карт, ночью, незнакомыми деревенскими дорожками проехать около 150 км… Поэтому совсем не удивительно, что дивизия провела в пути не так мало времени. Другая проблема – место битвы. Вот как его описывает Е. Дриг [39] .

«Утром 23 июня две боевые группы дивизии „Раус" и „Зекендорф ", переправившись через Дубису, заняли плацдарм на восточном берегу реки. Как это часто случалось в ходе приграничного сражения 1941 года, назначенный исходный рубеж для спланированного советской стороной контрудара был уже занят противником. Части 2-й танковой дивизии встретили 6-ю танковую дивизию корпуса Рейнгардтауже на западном берегу реки Дубиса, в нескольких километрах к северу от Рассейняя. Вместо контрудара во фланг началось встречное сражение.

Несколько странное утверждение. Хотя немцы заняли плацдарм на восточном берегу реки, советские войска встретили врага на западном. Но, может, это ошибка корректуры? Но ошибками корректуры было бы трудно объяснить географические ошибки Алексея Исаева в журнале «Полигон», с учетом того, что в текст вставлена схема.

«У 1 тд был другой интерес – захват железнодорожного моста через Дубису. Этот мост находился вниз по течению реки от моста, который удерживал расеняйский КВ». [40]

Говоря о железнодорожном мосте, А. Исаев имеет в виду Лидувенай. Не надо быть большим специалистом в географии, чтобы убедиться: Лидувенай находятся выше по течению, нежели мост, который якобы, захватив, удерживал расейняйский КВ. О точном месте расположения танка – позднее.

«Захват 300-метрового железнодорожного моста снимал для

1 тд проблему преодоления реки Дубиса и пути продвижения вглубь Прибалтики».

Захват железнодорожного моста у Лидувенай имел стратегическое значение для успешного продвижения на восток конкретно 4-й танковой группы и вообще всей группы армий «Север». Тактической единице – 1-й танковой дивизии – для переправы через Дубису и продолжения успешного продвижения дальше на восток было совершенно достаточно автомобильного моста у того же Лидувеная. Между прочим, железнодорожный мост у Лидувеная длиннее в два раза. Этот мост является самым длинным в Литве, его длина – 599 метров.

«В 15:00 23 июня кампфгруппа Зекедорф 6 танковой дивизии захватила Расейняй и небольшой плацдарм на правом берегу Дубисы».

Посмотрев на карту, видим, что река Дубиса находится примерно в 10 км северо-восточнее Расейняя и течет с северо-запада на юго-восток. Боевая группа «Зекендорф» двигалась дорогой Расейняй – Гринкишкис и заняла плацдарм на восточном, то есть на *левом* берегу Дубисы.

Но вернемся к самому сражению. Итак, столкновение советской 2-й танковой дивизии и боевой группы «Зекендорф» немецкой 6-й танковой дивизии началось 23 июня примерно в 15 часов на восточном берегу Дубисы северо-восточнее Расейняя. Не будем подробно анализировать его ход. Обратим внимание только на то, что, как писал Е. Дриг, вместо контрудара советским войскам пришлось вступить во встречный бой. Для немцев в этом бою оказалась очень неожиданной встреча с тяжелыми советскими КВ. Выяснилось, что ни немецкие 37-мм противотанковые пушки, ни пушки немецких танков не способны нанести ущерба этим монстрам.

Часто приходится слышать мнение, что в начале войны немцы не имели никаких средств против танков КВ, что последние были абсолютно неуязвимы. Это неправда. Немцы очень быстро, прямо на поле боя установили, что с КВ можно успешно бороться 105-мм пушкой или 150-мм гаубицей. А 150-мм пушка была даже избыточно мощна – известны случаи, когда после ее метких выстрелов с танка срывало башню. Но самым эффективным оружием оказалась 88-мм зенитная пушка. Там, где немцы успевали своевременно подтянуть эти орудия, советским танкам приходилось туго.

История одиночного танка

Во время боя боевой группы «Зекендорф» 6-й немецкой танковой дивизии и советской 2-й танковой дивизии 3-го механизированного корпуса северо-восточнее Расейняй на дорогу

Расейняй-Шилува недалеко от поворота на Дайняй прибыл один советский танк. Как уже ранее говорилось, по этой дороге двигалась боевая группа Рауса из 6-й танковой дивизии. Ею уже был занят мост через Дубису и плацдарм на восточном берегу. Вот на этой дороге и появился советский тяжелый танк КВ, который блокировал все движение. Попробуем точно установить место, где он находился.

Часто пишут, что танк стоял у моста через Дубису или очень близко от него. Вот строки из «Антисуворова» А. Исаева:

«1-й танковой дивизии 41-го моторизованного корпуса, как и 36-й моторизованной дивизии того же корпуса, одиночный танк у моста через Дубису не мешал». [41]

Ту же ошибку делает даже переводчик книги Рауса в своем предисловии:

«Когда танк КВ, очень удачно встав на мосту через Дубису, разрезал надвое 6-ю танковую дивизию, все попытки танкистов привлечь авиацию для уничтожения зловредного танка успеха не имели. Летчики наотрез отказались заниматься такой мелкой целью». [42]

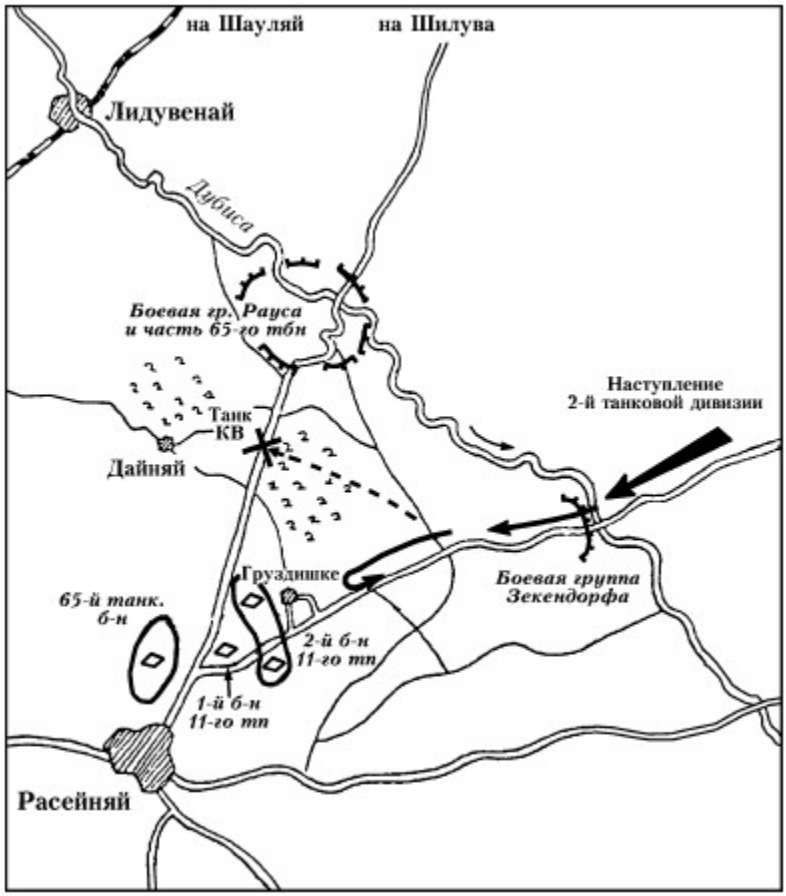
А вот как описывает первую встречу с танком сам Э. Раус:

«В нарушение принятых правил несколько пленных, захваченных в последних боях, в том числе один лейтенант Красной Армии, были отправлены в тыл на грузовике под охраной всего лишь одного унтер-офицера. На полпути назад к Расейняю шофер внезапно увидел на дороге вражеский танк и остановился». [43]

Таким образом, грузовик с пленными встретился с танком на полпути между Дубисой и Расейняем. Имея в виду, что расстояние между двумя этими точками составляет 10 км, можно считать, что танк стоял примерно в 5 км южнее моста. Опираясь на это, некоторые авторы утверждают, что танк стоял около самого перекрестка на Дайняй.

Само местонахождение танка удалось установить довольно точно. Как известно, танкисты были похоронены там же, на обочине, а в 1965 году перезахоронены на воинском кладбище в Расейняе. Причина перезахоронения была более чем прозаичной: в этом месте были намечены осушительные работы. Как велись раскопки могил танкистов, рассказал старожил тех мест Ионас Тамутис, он и показал место, где танкисты были похоронены первоначально. [44]

Другой интересный вопрос: когда точно танк остановился на дороге? Из сборника «Действия малых подразделений» можно понять, что танк встал недалеко от перекрестка на Дайняй еще 23 июня. Другие авторы этот вопрос не детализируют.



Общая схема боя в районе Расейняя

Примерное время появления танка на дороге удалось установить из журнала боевых действий 6-й мотострелковой бригады.

*«**24.6** Запланированный марш дивизии был остановлен. После сообщения воздушной разведки о сосредоточении крупных танковых группировок противника было приказано перейти к обороне.*

Наступление замеченных вражеских танков было направлено только против боевой группы Зекендорфа. Тяжелые танки (позднее описаны как 52-тонные танки новой модели) прорвали линию обороны и вышли в тыл. Около 9 часов было сообщено, что два таких гиганта оказались на нашей дороге наступления.

Около 14 часов на помощь боевой группе Зекендорфа был послан 65-й танковый батальон под командованием подполковника Шенка. Обойти вражеские силы не удалось, он огнем занял наш плацдарм и с севера по обеим берегам Дубисы небольшими батальонами пехоты начал наступление.

Неожиданно один танк противника оказался недалеко от командного пункта нашей бригады. Он поджег два наших грузовика

и остановился посередине дороги. Такая наглость произвела большое впечатление, однако тогда не было известно, что он остановился из-за технических поломок». [45]

Таким образом, согласно ЖБД мы примерно можем утверждать, что танк появился на дороге 24 июня около полудня. Между прочим, этот фрагмент журнала интересен тем, что присутствует упоминание немцев о «52-тонных танках». Вне сомнения, речь идет о танках КВ-2, только немцы в начале войны не знали их «официального» названия. Технические же характеристики танков они узнали очень быстро – от взятых в плен танкистов. Вот рапорт командира 41-го истребительно-противотанкового дивизиона:

«Экипаж одного русского танка дал показания, которые выслушал и записал переводчик: они рассказывали о своем 52-тонном танке. Толщина брони 85 мм, только люка 38 мм. В танке 15,2-см орудие, три 7,62-мм пулемета (в запасе еще два). Танки, участвовавшие в сегодняшнем танковом бою, якобы принадлежат 2-й танковой дивизии, которая сформирована в 1939 году, как бригада и недавно развернута в дивизию. За атаковавшей сегодня дивизией стоит пехотная дивизия, которая тоже имеет танки. Эта пехотная дивизия прибыла сегодня. Каждая танковая рота в среднем имеет 20 танков. В танковой дивизии артиллерия не используется. Дивизия дислоцировалась в Ионаве». [46]

Вполне возможно, что на основе этого рапорта было послано сообщение в Берлин, где с ним познакомился Ф. Гальдер. В записи за 24 июня он еще сомневается, что танк может иметь пушку такой мощности.

«На фронте групп армий “Юг ” и “Север ” появился русский тяжелый танк нового типа, который, видимо, имеет орудие калибра 80 мм (согласно донесению штаба группы армий „Север ” – даже 150 мм, что, впрочем, маловероятно)». [47]

А вот в записи за 25 июня Ф. Гальдер, скорее всего, получивший дополнительные данные о вооружении советского тяжелого танка новой модели, в калибре пушки уже не сомневается.

«Получены кое-какие данные о новом русском тяжелом танке: вес 52 тонны, лобовая броня – 34 см(?), бортовая броня – 8 см. Вооружение: 152-мм пушка и три пулемета». [48]

Но вернемся на дорогу Расейняй – Шилува. Оказавшийся на дороге танк создал немало проблем для боевой группы «Раус», командный пункт которой в этот момент находился в 1,5 км северо-западнее от танка. Прежде всего танк порвал провода, поэтому исчезла телефонная связь со штабом дивизии. Никто не знал, не появятся ли другие танки, поэтому боевой группе было

дано указание готовиться к круговой обороне. Саперы получили указание заминировать дороги, а разведывательный взвод был срочно послан разведать окрестности. Вскоре он установил, что в окрестностях танков противника больше нет. Однако и один танк создавал много проблем. На дороге растянулась большая очередь санитарных автомобилей – было невозможно эвакуировать в тыл раненых. Некоторые из них, включая лейтенанта графа Плетенберга, умерли, не получив вовремя необходимой помощи. Со стороны Расейняя также остановилась колонна грузовиков с боеприпасами и продовольствием. Несколько из них (большинство авторов упоминает 12, в журнале боевых действий говорится о двух) танк уничтожил огнем своего орудия. Попытки объехать танк полями также не удались. Объезжая с одной стороны, автомобили застревали в песке, по другую сторону дороги местность была заболоченной, поэтому здесь объехать было вообще невозможно. Требовалось срочно изыскать средства для устранения преграды.

Немецкая автомобильная колонна в районе Расейняя

Приказ уничтожить танк был отдан артиллеристам 41-го противотанкового дивизиона. В книге Э. Рауса говорится [49] , что уничтожить танк должна была батарея упомянутого дивизиона, которой командовал лейтенант Вагенрот. А в журнале боевых действий 6-й мотострелковой бригады указано, что уничтожить танк должны были орудия 1-й батареи 41-го дивизиона, которой командовал обер-лейтенант Некенауэр [50] .

Еще одно несоответствие – это количество орудий. Раус говорит о четырех орудиях, в журнале же боевых действий

сказано о двух. В любом случае это были полученные перед войной противотанковые орудия Рак 40 калибром 5 см. Но дальше опять идут нестыковки – с какого расстояния «паки» стреляли в танк? В «Действиях малых подразделений» пишется, что вначале противотанковые пушки приблизились на расстояние 1000 ярдов, а позднее осторожно сократили дистанцию до 600 ярдов. В русской версии книги Э. Рауса ярды превращаются в метры. А в журнале боевых действий говорится о расстоянии в 200 метров.

Немецкое 88-мм зенитное орудие ведет огонь по советским тонком в районе Расейняй – Василишкис

Как бы там ни было, стреляли немцы с достаточно близкого расстояния и весьма точно. Огонь был метким, удалось добиться восьми попаданий. И когда уже казалось, что все кончено, орудие танка медленно повернулось, тщательно прицелилось и методичным огнем уничтожило обе новенькие пушки. При взрыве боеприпасов, сложенных у одного из орудий, погибло два артиллериста, один был ранен.

Так немцы в очередной раз убедились, что даже новые 50-мм противотанковые пушки Рак 40 бессильны против новых советских тяжелых танков – накануне, в бою 23 июня, в этом убедилась боевая группа «Зекендорф».

Уничтожить танк попробовали полевой пушкой калибра 105 мм. Убедившись в точности огня танка, это орудие не стали выставлять на прямую наводку, а стреляли с закрытой позиции, корректируя огонь. Однако и это не дало эффекта – надо было попасть точно, а осколки разрывавшихся рядом снарядов не наносили танку вреда. Интересно, что этот эпизод не упомянут ни в книге Э. Рауса, ни в «Действиях малых подразделений».

Стало ясно, что имеющимися средствами уничтожить танк не

удастся. Оставалась единственная возможность – 88-мм зенитное орудие. Одно из них, вызванное из Расейняя, начали осторожно подтаскивать к танку с юга. Сам танк все еще был развернут на юг, так как именно с этой стороны его атаковали первоначально. На дороге продолжали дымить подожженные грузовики. Дым мешал танкистам целиться и был в какой-то мере прикрытием, давая атакующим возможность приблизиться незамеченными поближе. Наконец, для орудия была выбрана позиция на опушке леса, примерно в 500 м от танка. Артиллеристы начали лихорадочно готовить свою пушку. Однако выяснилось, что у танкистов поистине железные нервы. Когда казалось, что подготовка орудия завершена, танк резко повернул башню и выстрелил первым. Выстрел был метким – зенитное орудие свалилось в канаву, несколько солдат оказалось убито, другие были вынуждены отступить.

Танк продолжал блокировать дорогу, боевая группа Рауса все еще оставалась парализована, приближалась ночь. В штабе бригады обсуждались различные варианты уничтожения танка. Одним из них была попытка взорвать танк, подтащив к нему взрывчатку. Группа саперов-добровольцев в ночь на 25 июня незаметно подкралась к танку и положила на него два пакета взрывчатки: один из них, побольше, на надгусеничную полку, меньший – у основания орудия. Но, как выяснилось позднее, взрывы не дали ожидаемого результата.

Наступило утро, а танк все еще блокировал дорогу. Немцам пришлось пойти на хитрость. Было решено отвлечь внимание экипажа танка. На восток, северо-восток и северо-запад от танка было редколесье. По нему начали двигаться Pz.35, стреляя в сторону танка. Танкисты занервничали (орудие стало поворачиваться вправо-влево) и не заметили приближающуюся с тыла опасность.

Отвлекая внимание экипажа танка, немцы установили на огневую позицию новое 88-мм зенитное орудие. Здесь надо упомянуть еще одну очень интересную деталь. В архиве 6-й танковой дивизии удалось найти радиограмму, в которой говорится, что на Расейняйский аэродром в ночь на 25 июня самолетом (!) были доставлены боеприпасы для зенитного орудия. Возможно, что они предназначались именно для уничтожения танка.

Одно из множества фотографий якобы «расейняйского» танка, опубликованных в западной литературе

Однако и этот последний эпизод боя связан с загадкой. Стивен Залога утверждает, что зенитное орудие принадлежало 298-му зенитно-артиллерийскому дивизиону *(Flak.Abt.298) [51]* . Видимо, вслед за признанным авторитетом то же самое утверждают и другие авторы. Однако это неправда. В составе 6-й танковой дивизии действительно имелся 298-й зенитно-артиллерийский дивизион, но он был сформирован только в 1943 году. На начальном этапе войны в германской армии имелся другой дивизион, сокращенно обозначавшийся точно так же — *Flak.Abt.298* , но он принадлежал Люфтваффе, дислоцировался во Франции и не имел в своем составе зенитных орудий, так как это был прожекторный дивизион *Flakscheinwerf er-Abt. 298(v)*.

В составе 41-го моторизованного корпуса находилась только одна часть, имевшая на вооружении 88-мм зенитные пушки – 1-й смешанный дивизион 3-го зенитного полка *(Fla.-Abt.gem.I./3.)*. Лишь орудия этого дивизиона могли уничтожить танк. Это подтверждает и запись в журнале боевых действий дивизии.

Правда, эта запись задает новую загадку: в ней говорится о трех орудиях! Так против танка было направлено одно или все-таки три орудия? Стреляло одно – или все три? Вряд ли мы когда-нибудь это узнаем.

Как пишет в своих воспоминаниях Э. Раус, немцы были поражены героизмом русских солдат, поэтому похоронили танкистов со

всеми воинскими почестями.

Эпилог

На этом можно было бы закончить нашу историю, однако остается один невыясненный вопрос – какова была модель танка? Все исследователи соглашаются с тем, что это была машина КВ. Но, как мы знаем, в начале войны на вооружении Красной Армии находились танки КВ двух модификаций: КВ-1 и КВ-2. Вот тут мнения разделяются. Аргументы за то, что это был КВ-1, следующие: так танк называет в своих мемуарах Э. Раус; силуэт КВ-1 выбит на памятной доске у могилы танкистов в Расейняе на воинском кладбище; КВ-1 имел значительно больший, чем у КВ-2, боекомплект – а ведь одиночному танку, как мы знаем, пришлось немало стрелять, уже стоя на дороге, да и в бою, произошедшем до этого, его пушка тоже наверняка, не молчала.

Подбитый советский танк КВ. На обороте фото имеется надпись «Расейняй» – однако не будем забывать, что во время удара 2-й танковой дивизии вдоль шоссе от Гринкишкиса через Дубису прорвалось несколько танков этого типа

В неоднократно упомянутой работе «Действия малых подразделений» текст об одиночном танке иллюстрирован фотографией: немецкий солдат фотографирует КВ-2. Эту фотографию вставил в свою книгу «Советские тяжелые танки» *(«Soviet heavy tanks»)* и Стивен Залога. Подпись над фотографией гласит: *«Оператор „оси ” фотографирует захваченный недалеко от РасеÜННz КВ-2».* В книге Залоги есть и другая фотография того же танка. Подпись под фотографией также недвусмысленно указывает место: *«Этот одиночный КВ-2 образца 1940 года из 2-й танковой дивизии не выдержал многократных атак 6-й танковой*

дивизии недалеко от перекрестка около Расейняя в Литве». Видимые повреждения машины тоже соответствуют повреждениям, которые по описанию боя должны были иметься у танка, блокировавшего дорогу: сорвана гусеница, повреждено орудие, сквозные отверстия в борте.

В Интернете блуждает около сотни фотографий этого танка. По ним можно понять, что танк простоял на месте боя по меньшей мере год. Но старожил тех мест Ионас Тамутис утверждает, что «расейняйский» танк стоял на дороге и мешал двигаться транспорту, поэтому его стащили с проезжей части через несколько дней. Другой трудно оспариваемый аргумент противников приведенной версии: известно немало фотографий этого танка с надписью на обороте «Ostrow» – то есть Остров под Псковом. Поэтому для того, чтобы установить точную марку танка, нужны дополнительные исследования.

Можно сомневаться в деталях боя, однако нельзя отрицать тот факт, что такой бой был. Пусть это был не КВ-2, а КВ-1, и продержался он не двое суток, а лишь неполные сутки. Но ведь это сделал один танк, случайно оказавшийся в нужном месте! А как мы знаем, таких монстров в Литве было 50. Если бы им всем были бы выбраны заранее подходящие оборонительные позиции, немецкое наступление, скорее всего, оказалось бы куда более медленным.

Еще один КВ, уничтоженный в районе Расейняя

* * *

И в качестве завершения – та самая статья И. Лаурайтиса из «Крестьянской газеты» («Влстечю лайкраштис») от 8 октября 1965

года:

Как звали героев?

В печати уже сообщалось, что недавно в Расейняе прозвучал похоронный марш. Жители города провожали на братское кладбище несколько новых гробов. Торжественно был перенесен прах неизвестных героев, погибших за свободу Жемайтии [52] . Кто такие были эти герои? Как и когда они погибли?

Старшие местные жители хорошо все помнят. Они и сейчас могут рассказать, как поспешно отступали советские солдаты, как наши дороги наводнили колонны фашистов.

Первые залпы автоматов, первые разрывы бомб послышались утром 22-го июня, а в полдень фашисты прорвались через Расейняй. Коричневая волна катилась на запад [53] .

На второй день войны звуки боев на фронте приходили уже издалека. Но вот вечером того дня в 5 километрах от Расейняя, у деревни Дайняй (теперь колхоз «Ауксине варпа» [Золотой колос]), появился советский тяжелый танк. Как он оказался в фашистском тылу?

Можно предположить, что этот танк был из подразделения, накануне войны получившего приказ сосредоточиться в окрестностях Расейняя. Это подтверждают и военные архивы. Собравшись в указанном районе, подразделение тяжелых танков на второй день войны атаковало немецкую механизированную колонну в направлении Крижкалнис – Скаудвиле. Советские танкисты уничтожили около 80 фашистских боевых машин. В битве, судя по всему, участвовал и упомянутый нами танк, а после боя он возвращался обратно.

Въехав на дорогу Расейняй – Шилувау деревни Дайняй, танк остановился. Чихнул двигатель, и стальной богатырь успокоился. Без признаков жизни он простоял всю ночь.

Рассвело третье утро войны, но по-прежнему не было видно никаких признаков, что экипаж танка жив. Местные жители перестали обращать на него внимание: мало ли таких осталось после бури войны!

Но как только со стороны Расейняя показалась тяжело груженная немецкая машина, советский танк неожиданно ожил. Повернулась стальная башня, пушка нацелилась на машину. Звонкий выстрел и оглушающий взрыв сотрясли всю окрестность. Немецкая машина вспыхнула как факел. Позднее местные жители обнаружили возле нее четыре обугленных трупа врага.

Советские воины не покинули своей машины и после этого. Наверное, они решили до последнего вздоха сражаться с врагами. Сегодня трудно представить, сколько храбрости они показали, как горячо горела ненависть в их сердцах. Ведь неподвижный танк –

хорошая цель, это стальной гроб для всего экипажа. Мы никогда не узнаем, что говорили тогда танкисты. Но их поступок свидетельствует, что это были люди необыкновенной воли.

Взорванная машина – это еще не весь счет фашистам. Когда на дороге показались два броневика врага, танкисты и их встретили огнем. У деревни Дайняй они и закончили свой путь. Закончили на третий день войны.

Сражающийся советский танк создал фашистам проблемы. Он блокировал дорогу, по которой должны были идти немецкие колонны. Против маленькой советской крепости фашисты подтянули две противотанковые пушки. Но одну из них они даже не успели подготовить к бою. Танкисты вовремя заметили ее и уничтожили метким выстрелом.

Однако борьба была неравной. Прямым попаданием в смотровую щель фашисты вынудили танк замолчать. Позднее они пригнали местных жителей, которые извлекли из танка шесть трупов. Там их и похоронили, а документы взяли немцы.

Война оставила на нашей земле немало могил. Уважая память павших, советские люди после войны перенесли их на братские кладбища. Одни из тех могил уже раскрыли свои тайны. Уже выяснены имена и фамилии погибших, найдены родственники. А могила танкистов, приютившаяся у кустарника, оставалась немой. Но колхозники и после стольких лет помнили этот бой, говорили об этом. В это лето они пришли в военкомат и сказали:

– Посмотрите.

Заговорила могила у деревни Дайняй. Откопав, нашли личные вещи танкистов. Но они говорят очень мало. Две

фляги и три авторучки без надписей или знаков. Два ремня показывают, что в танке было два офицера.

Более красноречивыми оказались ложки. На одной из них вырезана фамилия: ***Смирное В . А.*** *На второй – три буквы:* ***Ш.Н.А*** *. Видимо, это первые буквы фамилии, имени и отчества солдата.*

Самая ценная находка, устанавливающая личность герое в – портсигар и в нем комсомольский билет, порядочно испорченный временем. Внутренние листки билета склеились с каким-то другим документом. На первой странице можно прочитать только последние цифры номера билета – ***…1573.*** *Ясная фамилия и неполное имя:* ***Ершов Пав…***

Самой информативной оказалась квитанция. На ней можно прочесть все записи. Из нее узнаем фамилию одного из танкистов, место его жительства. Квитанция говорит:

«Паспорт, серия ЛУ 289759, выдан 8 октября 1935 г. Псковским отделом милиции Ершову Павлу Егоровичу, сдан 11 февраля 1940 г. в Чудовский военкомат.

Надеемся, что по этим данным удастся найти близких Ершова или людей, знавших его. Таким образом мы откроем еще одну страницу в жизни воина. Но кто были остальные танкисты? О них надо знать. Это наш долг перед героями.

Вряд ли мы узнаем имена всех членов экипажа. Вряд ли точно установим, кто скрывается за инициалами Ш.Н.А. Да и кто такой был Смирнов В. А., узнать уже вряд ли возможно. Но вот найти родных Ершова Павла Егоровича, я думаю, можно. Данных для этого имеется достаточно. А потом можно подумать, и каким способом (скажем памятная доска на родине или даже посмертная награда) увековечить память одного конкретного члена героического экипажа одинокого танка КВ.

Перевод с литовского Александра Новиченко

Владислав Гончаров. Первый котел

Контрудар под Сольцами в июле 1941 года

К исходу шестнадцатого дня войны, 7 июля 1941 года, основные силы 4-й немецкой танковой группы – 3 танковых, 3 моторизованных и 2 пехотных дивизии – смогли преодолеть «линию Сталина» по старой государственной границе. Но к этому времени советское командование наконец-то сумело выстроить перед ними сплошную линию обороны: 9 дивизий 41-го, 22-го, 24-го и 29-го стрелковых корпусов, а также остатки 12-го и 21-го механизированных корпусов, 3-й танковой и 163-й моторизованной дивизий 1-го мехкорпуса. Даже с учетом меньшей численности советских дивизий, значительной их недоукомплектованности [54] и крайней нехватки корпусных и армейских частей противник вряд ли имел здесь даже полуторное численное превосходство. Можно было надеяться, что эту линию обороны удастся удержать хотя бы до подхода немецкой пехоты – 5 дивизий 1-го и 21-го армейских корпусов.

Однако в ночь на 8 июля боевая группа «Зекендорф» 6-й танковой дивизии, потеснив части 235-й стрелковой дивизии на фронте 41-го стрелкового корпуса, вышла к реке Череха, прикрывающей с юга подходы к Пскову, и сумела переправиться через нее. Утром 8 июля немецкие танки проявились на шоссе Псков – Порхов восточнее Карамышево. Директивой № 24 от 8 июля командование фронтом распорядилось нанести здесь контрудар силами 3-й танковой дивизии, собрав для ее поддержки менее четырех стрелковых полков. Однако немцы успели быстро навести мосты через не слишком широкую Череху и уже в следующую ночь перебросили на плацдарм боевую группу «Раус», таким образом сосредоточив здесь основную ударную силу 3-й танковой дивизии.

В то же время попытка быстро перебросить сюда основные силы 111-й и 118-й стрелковых дивизий, занимавших оборону на спокойном участке фронта на рубеже Псковского УР западнее Пскова, не увенчалась успехом из-за нераспорядительности командования 41-го стрелкового корпуса и несвоевременного взрыва мостов через реку Великая. Утром 9 июля группы «Раус» и «Зекендорф» нанесли удар с плацдарма у Карамышево; в тот же день, опасаясь обхода, войска 41-го стрелкового корпуса оставили Псков. Фронт в очередной раз был прорван.

В этот же день 1-й механизированный корпус вместе с 41-м и 22-м стрелковыми корпусами были объединены в 11-ю армию, фактически формируемую заново. Всего в армии теперь

насчитывалось 9 дивизий – 6 стрелковых, 2 танковых и одна моторизованная [55] :

• 41-й стрелковый корпус – 111-я, 118-я, 235-я и 90-я [56] стрелковые дивизии

• 22-й стрелковый корпус – 180-я и 182-я стрелковые дивизии

• 1-й механизированный корпус – 3-я танковая дивизия, 163-я моторизованная дивизия

• 21-я танковая дивизия

• 183-я стрелковая дивизия

Однако большинство этих соединений уже понесло серьезные потери в предыдущих боях. Так в 128-й стрелковой дивизии насчитывалось 2070 человек, 11 орудий и минометов. 163-я моторизованная дивизия к 6 июля потеряла половину своих танков, 70 % артиллерии и 60 % личного состава. 111 – я стрелковая дивизия отходила на Лугу в виде отдельных неорганизованных групп; впоследствии выяснилось, что в ней сохранилось около 7 тысяч человек личного состава – но для восстановления боеспособности соединения требовалось некоторое время. 21-я танковая дивизия, срочно переброшенная с Карельского перешейка и к 10 июля сосредоточившаяся в Луге, фактически состояла из одного 42-го танкового полка.

Лучше обстояло дело в 22-м Эстонском территориальном стрелковом корпусе, еще не успевшем побывать в серьезных боях – например, его 180-я дивизия имела 11 332 бойца, 3039 лошадей и 193 орудия (37-мм – 31,45-мм – 58, 76-мм – 74, 76-мм зенитных – 4, 122-мм – 14, 152-мм – 12); в корпусной артиллерии насчитывалось 53 107-мм и 9 152-мм орудий. Однако автомашин в корпусе было лишь около трети от штатного количества, а к артсистемам иностранных образцов не хватало снарядов. Вдобавок «национальный» состав корпуса считался (и считается ныне у многих историков) ненадежным – судя по всему, не вполне справедливо. Встречаются даже рассказы о том, что « *большинство солдат и офицеров Эстонского территориального корпуса Красной армии (22-й территориальный стрелковый корпус, бывшая Эстонская армия), выведенного с началом войны из пределов Эстонии, перешли на Псковщине на сторону немцев (июль 1941) и были готовы сразу же продолжать войну против СССР»,* а *«его остатки переведены на Урал, в трудовые части (работали, в частности, на лесоповале)» [57]* .

Однако это и аналогичные утверждения являются неправдой. В целом корпус – в том числе и его эстонские бойцы – неплохо проявил себя в июльских боях. 180-я стрелковая дивизия в мае 1942 года стала 28-й гвардейской, а 182-я была расформирована лишь после окончания войны с Германией, летом 1945 года.

Командующим 11-й армией был назначен генерал-лейтенант В. И. Морозов, а ее управление приказом командования фронта от 8 июля перемещалось с левого крыла фронта на станцию Дно (90 км восточнее Пскова). Большая часть соединений прежней 11-й армии (за исключением 29-го стрелкового корпуса) была передана в состав 27-й армии генерала Н. Э. Берзарина, отлично показавшего себя в ходе боев за Двинск.

5-й воздушно-десантный корпус, отличившийся под Двинском, был выведен из боя и отправлен на переформирование. 29-й стрелковый корпус передавался в состав 22-й армии Западного фронта. Выведенные из боя остатки 12-го механизированного корпуса были сосредоточены для переформирования в район города Сольцы, а затем были направлены на другую сторону озера Ильмень, в район 20–30 км юго-восточнее Новгорода.

Левый фланг 11-й армии (22-й стрелковый корпус) пока еще удерживал рубеж по реке Череха. Южнее, от Новоржева до Идрицы по линии Выбор, Пушкинские Горы, Опочка оборонялась 27-я армия (11 дивизий), причем ее 65-й стрелковый корпус, утратив боеспособность, выходил из боя и сосредотачивался в 40 км восточнее Опочки. 22-я армия под натиском 16-й немецкой армии отходила в район Себежа.

На следующий день, 10 июля, для объединения усилий по обороне Ленинграда Ставка своей директивой создала командование Северо-Западного направления во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым. Начальником штаба у Ворошилова стал генерал-майор М. В. Захаров, а членом Военного Совета – А. А. Жданов. Командование объединило Северо-Западный (генерал-майор П. П. Собенников) и Северный фронты, а также Балтийский и Северный флоты. Граница между фронтами проходила по линии Псков – Новгород, то есть на направлении немецкого наступления она пока находилась в тылу Северо-Западного фронта.

Еще 4 июля Военный совет Северного фронта (бывшего Ленинградского военного округа) получил директиву начальника Генерального штаба РККА о создании в тылу Северо-Западного фронта оборонительной позиции на фронте от озера Ильмень до устья Нарвы, по линии рек Шелонь, Мшага и Луга. Позднее она получила название Лужского рубежа. Сюда требовалось немедленно перебросить все свободные силы фронта, одновременно силами гражданского населения начав строительство окопов, огневых точек и противотанковых рвов. Рубеж должен был иметь глубину 10–15 километров, противотанковые заграждения и минные поля.

6 июля в составе фронта была создана Лужская оперативная группа под командованием генерал-лейтенанта К. П. Пядышева. Сюда должны были войти 177-я стрелковая дивизия, перебрасываемая из Боровичей, 191-я стрелковая дивизия с нарвского направления, два сводных артполка от ленинградских военных училищ, несколько разрозненных артиллерийских дивизионов, а также формируемые в Ленинграде три дивизии народного ополчения.

Одновременно из резерва Северного фронта на Лужский рубеж были направлены: с Петрозаводского направления – 237-я стрелковая дивизия, а с Карельского перешейка – 70-я стрелковая дивизия. Отсюда же было переброшено и управление 10-го механизированного корпуса с 21-й и 24-й танковыми дивизиями. Однако все эти силы могли полностью сосредоточиться на Лужском рубеже лишь к середине июля. Вдобавок Ворошилов, вступив в должность главкома направления, сразу же принял решение передать эти силы из состава Северного фронта 11-й армии Северо-Западного фронта. По словам тогдашнего начальника инженерной службы Северного фронта Б. В. Бычевского, *«когда об этом узнал генерал-майор Д. Н. Никигиев [начальник штаба фронта], его чуть не хватил удар. Для Лужской полосы обороны снова не оказывалось нужных сил, и в то же время мы ослабили себя на севере». [58]*

Можно понять обиду командования фронтом, у которого одним росчерком пера забрали с кровью выдранные из Карелии войска – но справедливости ради стоит сказать, что именно благодаря этому решению Ворошилова был создан ударный кулак, впоследствии использованный при контрударе под Сольцами. Можно с большой долей вероятности предполагать, что в противном случае эти силы были бы без особого эффекта задействованы в обороне Луги и Ленинградского шоссе, в то время как для прорыва Манштейна на Новгород не оказалось бы никаких препятствий.

С другой стороны, управление 11-й армии прибыло к своим новым войскам лишь 12 июля. До этого в течение нескольких силы 41-го и 22-го стрелковых корпусов формально управлялись командованием фронта, а фактически оставались без управления, что также сыграло отрицательную роль в первоначальном развитии событий.

* * *

10 июля передовой отряд немецкой 6-й танковой дивизии

вышел к селу Ямкино в 20 км севернее Дорохова, перед самой рекой Шелонь и выходом на шоссе Порхов – Новгород. Здесь дивизия впервые после перехода границы наткнулась на сильное и умелое сопротивление русских. Из воспоминаний Э. Рауса и истории 6-й танковой дивизии следует, что оборона советских войск опиралась здесь на танки КВ, каждый из которых поддерживался группой пехоты и несколькими легкими танками – позднее немцы будут так же использовать в обороне свои «Тигры» и «Королевские Тигры», сопровождая их более легкими машинами. 37-мм и 50-мм противотанковые пушки оказались бессильны против тяжелых танков, а 88-мм орудий у дивизии уже не было – все сопровождавшие танковые части зенитные батареи Люфтваффе, несмотря на протесты генерала Ландграфа, забрал себе Манштейн.

В конце концов ночью русские сами отошли из района Ямкино, открыв немцам выход на Новгородское шоссе. Это произошло после того, как 3-я моторизованная дивизия 56-го моторизованного корпуса прорвалась к Порхову, расколов советскую оборону и отрезав здесь остатки 5-го танкового полка (из 3-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса) вместе с 232-м стрелковым полком 182-й эстонской дивизии. 11 июля немцы захватили Порхов. После этого 3-я мотодивизия получила приказ выдвигаться отсюда на север для прикрытия стыка с 41-м моторизованным корпусом, а ее место заняла 8-я танковая дивизия.

Тем временем 10 июля 1-я танковая дивизия немцев атаковала вдоль шоссе Псков – Луга. Сбив с него советские части, за сутки она продвинулась своими передовыми отрядами на несколько десятков километров. К этому моменту в районе Луги уже находилась полнокровная 177-я стрелковая дивизия полковника А. Ф. Машошина, а также части 21-й и 24-й танковых дивизий 10-го механизированного корпуса, переброшенные с Карельского перешейка. Увы, перед отправкой этих дивизий командование 23-й армии оставило себе значительное количество техники, поэтому фактически каждая танковая дивизия имела лишь по два неполных полка – танковый и мотострелковый. Кроме того, сюда же от Пскова и Острова отходили остатки разгромленных 90-й и 111-й стрелковых дивизий; в район южнее Луги отступала 235-я стрелковая дивизия.

В ночь на 11 июля навстречу продвигающимся по шоссе немцам выдвинулась 21-я танковая дивизия. Собственно, дивизия всего лишь получила приказ на переброску в район Порхова через Лудони и Новоселье. Мотопехоты она не имела – 21-й мотополк сначала было решено отправить в Порхов по железной дороге,

затем он был направлен туда пешим маршем и в итоге единственным из всего 10-го мехкорпуса действительно оказался в назначенном районе.

Около 9 утра выброшенная вперед разведка доложила, что у деревни Камарино находится до батальона немецкой мотопехоты с танками и противотанковыми орудиями. Хотя маршрут корпуса сворачивал влево, не доходя до этого места, командир дивизии решил уничтожить угрожавшую его движению группировку противника, выделив для этого два танковых батальона 42-го танкового полка полковника В. И. Заводова. Танки должны были действовать совместно с частями 90-й стрелковой дивизии и 5-го погранотряда, занимавшими оборону на шоссе.

Увы, когда танки начали атаку, пехота 90-й стрелковой дивизии попросту разбежалась или залегла под огнем вражеской артиллерии и минометов. Поэтому танки атаковали противника самостоятельно. В результате противник, потеряв (по нашим донесениям) до двух рот пехоты, несколько пулеметов и противотанковых пушек, отступил в южном направлении. В бою было потеряно 17 танков – 8 из них сгорело, а 9 числились подбитыми, пропавшими без вести или оставленными на поле боя. В бою пропал без вести со своим танком командир полка полковник Заводов. Погибло или пропало без вести 34 человека (в том числе 6 офицеров), ранено – 3 человека. Судя по такому исходу, большинство безвозвратно потерянных танков просто остались с экипажами на территории «отступившего» противника.

Вечером того же дня дивизия была передана в подчинение командования 1 – го механизированного корпуса; в связи с изменением обстановки и захватом немцами Порхова ее перенаправили в район городка Ситня через Болоцко. После сообщения о движении противника через Ситню на Сольцы дивизию повернули в район Городище (25 км северо-запад-нее Сольцев), где в этот момент располагался штаб 11-й армии. К исходу 13 июля дивизия вышла к Городище, вступив здесь в бой с разведкой 3-й моторизованной дивизии противника. Итог всех этих беспорядочных маневров, приказов и контрприказов оказался неожиданно удачным: 21-я танковая дивизия оказалась там, где была нужнее всего, и уже на следующий день приняла участие в наступлении на Сольцы. [59]

Несмотря на то, что в этот же день другой немецкий отряд занял станцию Струги-Красные, контратака 21-й танковой дивизии позволила частям 90-й стрелковой дивизии и разрозненным подразделениям отступавшей из-под Пскова 111-й стрелковой дивизии закрепиться на шоссе в районе деревни Новоселье и привести себя в порядок. Командование 111-й

дивизии было сменено, ее отступающие части реорганизованы. Выяснилось, что в дивизии еще осталось 7 тысяч человек – больше половины ее первоначального состава. Тем временем по реке Плюсса разворачивался выдвинутый из Луги передовой 483-й полк 177-й стрелковой дивизии, которая должна была перекрыть противнику путь наступления на Лугу.

Во второй половине дня 11 июля на командный пункт 21-й танковой дивизии прибыл представитель штаба Северо-Западного фронта с распоряжением о передаче дивизии в состав 1-го механизированного корпуса и выводе ее в район Сольцы. Логика командования фронтом была следующей: на лужском направлении оставались две свежие стрелковые дивизии, а также переброшенные сюда с Карельского перешейка части 10-го мехкорпуса – 29-й танковый, 21-й и 24-й мотострелковые полки.

В то же время на направлении Порхов – Сольцы – Новгород, где оборонялись 180-я и 182-я эстонские дивизии 22-го территориального корпуса, также возникла опасность прорыва. В выведенных на переформирование остатках 3-й танковой и 202-й моторизованной дивизий 1 – го мехкорпуса к этому моменту оставалось по три десятка танков. Идея оттянуть остатки танковых соединений в тыл, переформировать их и нанести удар плотно сжатым кулаком была вполне логичной, чуть позже ее даже удалось осуществить.

* * *

У противника тоже имелись проблемы. Согласно директиве ОКХ, изданной еще 9 июля, 4-я танковая группа Гепнера должна была наступать на правом фланге группы армий «Север», нанося основной удар на Новгород и далее вдоль реки Волхов, обходя и отрезая Ленинград с востока. Но советское командование уже сумело перекрыть это направление достаточными силами, а условия местности крайне сковывали маневр подвижных частей. 11 июля командование 4-й танковой группы сообщало в группу армий:

«Общее положение с транспортными средствами: в первую очередь характерна большая убыль, вызванная главным образом тяжелейшими дорожными условиями. Дальнейшее продвижение вперед возможно лишь при условии планомерного снабжения запасными частями по воздуху». [60]

Жалобы на скверные дороги и плохое состояние транспорта у немцев всегда начинаются вместе с неудачами. Но здесь обращает на себя внимание упование на авиацию. Действительно, в

ближайшие дни транспортная авиация очень понадобилась передовым частям 4-й танковой группы… Утром следующего дня Гальдер отметил в своем дневнике: *«Танковая группа, авангарды которой ослаблены и устали, лишь незначительно продвинулась в направлении Ленинграда». [61]* Командующий группой армий фельдмаршал фон Лееб, в свою очередь записал 12 июля в своем дневнике:

«Информация из разговора с Хойзингером из оперативного отдела: фюрер больше не придает никакого особенного значения Петербургу! Но адъютант фюрера, полковник Шмундт, который был здесь несколько дней назад, утверждал обратное. Чему же верить? В любом случае, завтра хочу поговорить с Гепнером». [62]

Зная о сосредотачивавшейся в районе Луги крупной советской группировке – и, судя по всему, преувеличив ее численность – командование 4-й танковой группы решило провести рокировку, обратную той, что вело советское командование. Оно отказалиось от прямой атаки Лужского рубежа, предпочтя обойти его с фланга. Для этого Гепнер выдвинул против Луги подходящую из тыла 269-ю пехотную дивизию (она была переброшена автотранспортом 6-й танковой дивизии), а основные силы трех подвижных соединений бросил на север – где, по его расчетам, рубеж обороны советских войск еще не был подготовлен. Это неожиданное решение было поддержано генерал-фельдмаршалом фон Леебом, однако неожиданное недовольство им выразил сам Гитлер. На дневном совещании 13 июля в ставке фюрера было решено, что:

«На фронте группы армий „Север ” решающей задачей является выход в район севернее озера Ильмень, закрытие прохода между озером Ильмень и Ладожским, блокада Ленинграда с востока. Южнее Ильменя следует выставить заслон в сторону Старой Руссы». [63]

Таким образом, главный удар должен был наноситься прямо на Ленинград. Однако 41-й моторизованный корпус уже был повернут к северу, поэтому на следующий день командующий группой армий «Север» издал компромиссный приказ, в котором указывал:

«Задача 4-й танковой группы заключается прежде всего в захвате всей линии Новгород, Луга, Нарва, чтобы оттуда развивать удар с целью окружения Ленинграда (главное направление окружения на юго-востоке)».

Но было уже поздно – события пошли так, как пошли. Сегодня мы с высокой долей уверенности можем сказать, что в случае немецкого удара на Лугу одна свежая (177-я) и одна потрепанная (235-я) дивизии, даже при поддержке двух танковых

полков из 10-го мехкорпуса и достаточно сильной артиллерийской группировки, вряд ли выдержали бы концентрированный удар четырех дивизий 41-го моторизованного корпуса. Части 111 – й и 90-й стрелковых дивизий на этот момент были небоеспособны и ничем помочь обороне не могли. В этот период войны немцы имели полное преимущество в инициативе, имея возможность навязать противнику не только место, но и время боя. Вместо этого Гепнер и Рейнгард бросили свои силы в обход, тем самым удлинив маршрут наступления и плечо подвоза, теряя драгоценное время. Вдобавок силы двух подвижных корпусов оказались разъединены, а их фланги уязвимы для контрударов.

Уже днем 11 июля 1 – я танковая дивизия получила приказ генерала Рейнгарда – прекратить наступление на Новгород и развернуться севернее города Луга в направлении на Большой Сабек. Еще левее, на Поречье и Кингисепп, должна была наступать 6-я танковая дивизия. 36-я моторизованная дивизия корпуса, несколько запоздавшая с переправой техники через Великую из-за взорванных мостов, направлялась строго на север, вдоль Псковского и Чудского озер. Теперь на новгородское направление выдвигался 56-й моторизованный корпус – 3-я моторизованная, 8-я танковая дивизии и дивизия СС «Мертвая Голова». Прежние ее позиции перед фронтом 27-й армии сдавались подошедшему 10-му армейскому корпусу.

Следует заметить, что в предыдущих боях Манштейн показал себя довольно бледно. А ведь он считался восходящей звездой вермахта, одним из «отцов» Французской кампании, всегда и везде прилагая максимум усилий для саморекламы! Теперь же, по сравнению с успехами удачливого соседа, результаты действий 56-го моторизованного корпуса выглядели едва ли не провалом. Поэтому, когда возник шанс отличиться, Манштейн решил использовать его во что бы то ни стало. Согласно решению, принятому в ставке фюрера 13 июля и подтвержденному командованием группы армий 14 июля, главный удар наносился в полосе 56-го моторизованного корпуса – на который ложилась основная тяжесть будущего сражения и падала наибольшая слава после победы…

Подбитые танки немецкой 6-й танковой дивизии

Еще днем 12 июля группа «Раус», почти сутки преодолевавшая 25-километровую полосу бездорожья между Новгородским и Лужским шоссе, атаковала части 90-й стрелковой дивизии у деревни Новоселье. Одновременно севернее, вдоль железной дороги, перешли в наступление части 269-й пехотной дивизии. 13 июля, продвинувшись еще на полтора десятка километров, немцы заняли станцию Плюсса и форсировали одноименную реку. За Плюссой разгорелись тяжелые бои – наступающие части 269-й пехотной дивизии встретили упорное сопротивление 483-го стрелкового и 3-го мотострелкового полков, усиленных маневренной группой полковника Родина (32 танка БТ и мотострелковый батальон 24-й танковой дивизии со средствами усиления). Днем 14 июля танки группы Родина из района села Шереги контратаковали противника двумя группами: одна наступала на запад в общем направлении на станцию Плюсса, другая – на юго-запад вдоль шоссе, по которому к месту боев подходили новые немецкие силы. Тем временем 483-й стрелковый полк выбил передовые отряды немцев со станции Лямцево и из деревни Крени в 9 км восточнее нее, отбросив врага к реке Плюсса. Советские танки ворвались на станцию Плюсса, где было захвачено радиооборудование и две противотанковые пушки. [64] В этот день танкисты потеряли 5 танков БТ (часть из них удалось эвакуировать в тыл), две бронемашины БА-10 и 25 человек убитыми и ранеными.

Расчет сержанта Свирина ведет огонь из трофейной противотанковой пушки. Северо-Западное направление, июль 1941 года

Для ликвидации кризиса генерал Рейнгард был вынужден снять с маршрутов и направить к Плюссе 118-й пехотный полк 36-й моторизованной дивизии и части второго эшелона 1-й танковой дивизии. Утром 15 июля 489-й пехотный полк 269-й немецкой дивизии при поддержке танков нанес контрудар через Плюссу в сторону Луги. В результате два советских полка и группа Родина были вынуждены вновь отойти на рубеж Лямцево, Городище, Заплюсье – примерно по современной границе Ленинградской области, в 30 км западнее реки Луга. В этот день в ходе контратак танкистами были захвачены три немецких противотанковых пушки с передками (из них две – совершенно исправных), однако группа Родина потеряла 12 танков БТ. Всего за два дня боев потери группы составили 24 убитых и 37 раненых. Занятый рубеж удалось удерживать еще в течение десяти дней, что оказалось крайне важно для последующего развития событий.

Тем временем части 6-й танковой дивизии двигались дальше на север. Уже 13 июля передовые части дивизии (группа «Раус») с боем захватили 20-тонный мост через Плюссу в Лядах, охранявшийся небольшим отрядом саперов. Но хуже всего было то, что в этот же день в 70 км севернее передовой отряд 1 – й танковой дивизии, совершивший за два дня почти 150-

километровый марш, вышел к реке Луга юго-восточнее Кингисеппа.

Рубеж реки здесь охраняли части 2-й Ленинградской дивизии народного ополчения и сводный отряд Ленинградского пехотного училища под командованием полковника Мухина. Войск здесь было крайне мало – эшелоны с ополченцами только начали прибывать, большинство из них было еще либо в Ленинграде, либо в пути.

13 июля боевая группа 1-й танковой дивизии после короткого боя с местным истребительным отрядом заняла село Осьмино. Однако здесь движение немцев было вовремя обнаружено, а разведывательной группе из отряда курсантов ночью удалось даже взять четырех пленных. Утром 14 июля 1-й батальон 113-го мотострелкового полка 1-й немецкой танковой дивизии вышел к реке Луга у села Большой Сабек в 18 км выше Ивановского. Здесь немцев уже ждали – мост был взорван прямо под передовыми вражескими машинами. В течение всего дня немцы пытались переправиться через Лугу с помощью надувных лодок и подручных средств, но каждый раз их атаки отбивались с большими потерями. Лишь на рассвете 15 июля немцам удалось переправиться через реку и зацепиться за ее правый берег. Однако организовать наступление с плацдарма противник не смог.

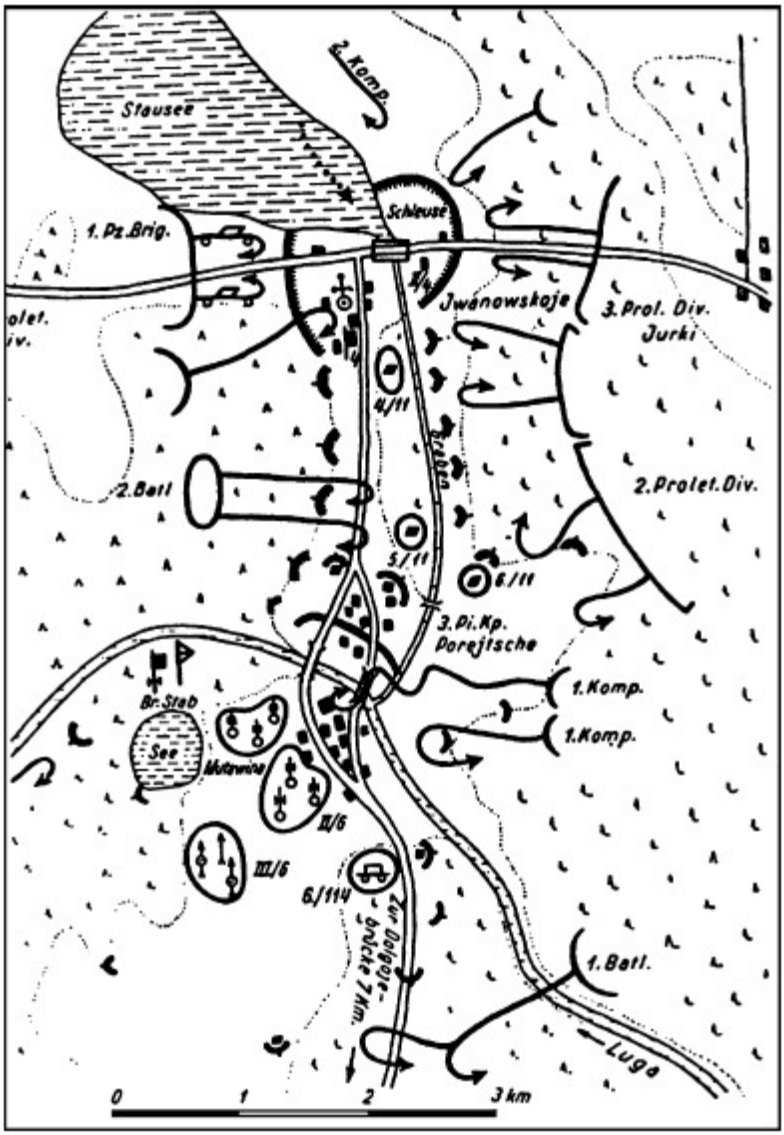
Колонна 7-й роты 1 1 – го танкового полка 6-й танковой дивизии на марше. Июль 1941 года

Рейнгард решил перевести 6-ю танковую дивизию на левый фланг 1-й танковой, дабы выйти к Кингисеппу и Нарве, а при удаче – и к Финскому заливу. В результате 6-й танковой дивизии

пришлось сутки двигаться по малонаселенному району с небольшим количеством дорог и вдобавок обходить с запада озеро Самро, пересекая пути движения 1-й танковой дивизии. Здесь все еще находились отступающие советские части, время от времени успевавшие минировать и взрывать мосты. Впоследствии Раус описал это движение как марш в глубине вражеской территории, среди превосходящих русских сил, да еще через болота – что было не совсем правдой, так как местность восточнее Чудского озера песчаная, возвышенная и довольно сухая. Моторизованная колонна группы «Раус» была обнаружена только утром 14 июля. А через пару часов передовой немецкий отряд подошел к мосту через Лугу у деревни Поречье, в 12 км южнее большого села Ивановское. Мост охраняло подразделение 6-й роты 51 – го полка 2-й дивизии НКВД численностью в 47 человек. Раус описывает бой за мост как героический рейд саперной роты и заявляет, что охрана мостов просто не заметила приближения машин с немцами. Но по свидетельству с нашей стороны, все обстояло совсем по-другому: к мосту подъехал грузовик ЗИС с немцами, переодетыми в красноармейскую форму, которые убили часового и атаковали казарму охраны. [65] Документы слегка дорисовывают эту картину:

«Танки противника, замаскированные нашими опознавательными знаками, подошли вплотную к мосту Из одного танка выскочил солдат противника в красноармейской форме с запиской в руке и подбежал к часовому В момент чтения записки часовым головной танк рывком наехал на часового и, раздавив его, пытался проскочить через мост, но в это время гарнизон по тревоге занял окопы и открыл по танкам ружейно-пулеметный огонь. Вслед за танком к мосту подошла на машинах пехота противника численностью до роты, с которой гарнизон вступил в бой. Бой продолжался в течение полутора часов. В результате боя уничтожено до 70 фашистов». [66]

В истории 6-й танковой дивизии прямо указано, что мост через Лугу для группы Рауса был захвачен не каким-то «саперным батальоном», а диверсионной командой из 800-го учебного полка «Бранденбург» [67] – точно так же, как это было в Двинске. Характерно, что Раус пишет о «массе пленных» – однако охрана моста, отошедшая на станцию Кленно, потеряла убитыми и пропавшими без вести только 10 человек. [68]



Плацдарм, занятый 6-й танковой дивизией в районе Ивановского (карта из истории 6-й танковой дивизии)

Генерал-полковник Гепнер на плацдарме за Лугой. Рядом с ним капитан Штрак, майор штаба граф Кильманзегг и генерал-майор Ландграф

Захваченный «бранденбургерами» мост тут же проскочило несколько танков, с ходу ворвавшихся в село Ивановское. Находившийся здесь штаб строительного участка после короткого боя отошел на станцию Веймарн в 15 км к северу. Так противником был занят еще один плацдарм на правом берегу Луги.

После переброски сюда остальных сил 2-й дивизии народного ополчения, а также 90-й и 191-й стрелковых дивизий, плацдармы в нижнем течении Луги были блокированы. Немцы со своей стороны выдвинули 36-ю моторизованную дивизию на рубеж Луги правее 1-й танковой дивизии, перекрыв разрыв с 269-й пехотной дивизией. На левый фланг 6-й танковой дивизии были выдвинуты 1-я и 58-я пехотные дивизии. Их целью было выйти к Финскому заливу и отрезать все еще находящиеся южнее Чудского озера советские войска – 11-ю, 125-ю и 268-ю стрелковые дивизии, а также отошедшую сюда через Гдов 118-ю дивизию (позднее они были объединены в Нарвскую оперативную группу). Две немецкие дивизии вышли к Нарве, но дойти до Финского залива и полностью выполнить поставленную задачу им не удалось.

Быстро вскрыть плацдармы, захваченные 1 – й и 6-й танковыми дивизиями, немцы тоже не смогли. Впервые за всю кампанию их подвижные части вынуждены были терять время и топтаться на

месте, с большими потерями штурмуя вражескую оборону – вместо того, чтобы мчаться по дорогам, обгоняя отступающую пехоту противника. В итоге фронт на рубеже Луги и Нарвы стабилизировался на целых три недели.

* * *

Однако самые интересные события в это время происходили южнее – на новгородском направлении. Именно здесь наносил удар 56-й моторизованный корпус Эриха фон Манштейна. Наступать непосредственно по новгородскому шоссе должна была 8-я танковая дивизия. Слева от нее на Городище и Уторгошь атаковала 3-я моторизованная дивизия: она начала наступление раньше, но вынуждена была продвигаться в местности с плохими дорогами. Справа находилась дивизия СС «Мертвая Голова», сменившая части 3-й моторизованной дивизии. В ближайшие дни из-за больших потерь (три моторизованных полка пришлось свести в два) дивизия СС была выведена в резерв танковой группы. Ее место должна была занять 290-я пехотная дивизия, но, не будучи моторизованной, последняя выдвигалась на север слишком медленно.

Как мы видим, и здесь подвижные силы войска вермахта втянулись в тяжелые бои по прорыву советской обороны, утратив свое преимущество в маневре. Вдобавок разрыв с находящимся южнее 10-м армейским корпусом 16-й немецкой армии опасно увеличился. Обе дивизии корпуса (30-я и 126-я) в это время вели тяжелые бои северо-восточнее Опочки, наступая на Оршу и Новоржев. Командование группы армий срочно направило в разрыв 11-ю и 21-ю пехотные дивизии 1-го армейского корпуса: они должны были форсированным маршем двигаться через Остров на Порхов чтобы занять район станции Дно и прикрыть правый фланг корпуса Манштейна *(«южнее Ильменя следует выставить заслон в сторону Старой Руссы»)*.

Однако Манштейн не хотел ждать, пока медленная пехота выдвинется из тыла – тем более что воздушная разведка не обнаружила в районе станции Дно крупных соединений противника. Он решил, не теряя драгоценного времени, совершить рывок к Новгороду вдоль шоссе, благо справа оно прикрывалось от возможных ударов противника рекой Шелонь. Как мы помним, подобный прием – прикрытие рекой фланга наступающей группировки – немцы использовали и в сражении за Дубно. Целью маневра, по признанию самого Манштейна, был скорейший захват мостов на реке Мшага, от которой до

Новгорода оставалось 50 км.

Еще 10 июля 56-й моторизованный корпус сломил оборону 22-го стрелкового корпуса по реке Уза восточнее Черехи. 11 июля части 8-й танковой дивизии заняли город Порхов, обороняемый 232-м полком 182-й эстонской дивизии и остатками 5-го полка 3-й танковой дивизии – несколько танков Т-28. Левее 3-я моторизованная дивизия 56-го моторизованного корпуса тем временем сменила в районе Ямкино 6-ю танковую дивизию 41-го мотокорпуса.

12 июля обе дивизии Манштейна продолжили наступление в общем направлении на Новгород. 8-я танковая дивизия продвигалась вдоль Новгородского шоссе в нескольких боевых группах, не имевших непосредственного контакта связи друг с другом. Днем после сильного боя она заняла поселок Боровичи. Двигавшаяся первой боевая группа подполковника Фронхофера, по ее донесениям, подбила 8 русских танков, к вечеру прошла еще 27 км и достигла городка Ситня, заняв плацдарм на восточном берегу одноименной речки.

Однако в ночь на 13 июля плацдарм группы Фронхофера был атакован двумя десятками русских танков. Это могли быть только машины 3-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса, выведенного на переформирование в район Сольцы – однако сомнительно, что в дивизии вообще оставалось столько машин. Немецкие безвозвратные потери за эту ночь составили четыре танка!

Эрих фон Манштейн

Утром 13 июля части 8-й танковой дивизии начали наступление с плацдарма за Ситней, смяв оборону 645-го и 682-го полков 202-й моторизованной дивизии, поддержанных истребительными отрядами и местным ополчением. Первой шла боевая группа 10-го танкового полка, за ней по шоссе двигались 8-й мотоциклетный батальон и посаженный на танки 2-й батальон 28-го моторизованного полка под командованием капитана Гаэдке. Однако уже через десяток километров, у деревни Райцы, немцы опять наткнулись на советские танки. По их докладам, было подбито 11 советских боевых машин, в том числе два КВ. История 8-й танковой дивизии утверждает, что это были «подразделения советской 21-й танковой бригады». Однако 21-я танковая дивизия 13 июля вела разведку в районе Городище,

выдвигаясь навстречу 3-й моторизованной дивизии; ее журнал боевых действий в этот день не фиксирует каких-либо серьезных боевых столкновений – тем более на Новгородском шоссе. Возможно, речь опять идет о подразделениях 3-й танковой и 202-й моторизованной дивизий, но в таком случае число и потери советских танков сильно преувеличены (в 202-й мотодивизии танков не было вообще). В Сольцах могли оказаться также легкие машины из остатков 12-го мех-корпуса (отряд полковника Орленко), отведенных сюда для переформирования еще 9 июля. Сюда же командиром 1-го механизированного корпуса генерал-майором Чернявским был направлен 5-й мотоциклетный полк, однако неизвестно, успел ли он прибыть на место до падения города

Из-за советских контратак боевая группа Фронхофера смогла продолжить наступление только в 15 часов 13 июля. Впереди двигался 3-й батальон 10-го танкового полка. Подавив несколько опорных пунктов, немецкие части прошли еще 9 км и вечером достигли линии железной дороги Ленинград – Витебск перед городом Сольцы. Батальон капитана Гаэдке занял здесь оборону фронтом на север, в то время как танки под командованием подполковника Венденбурга двинулись дальше. Они прошли через Сольцы насквозь, уничтожив при этом еще несколько русских танков – возможно, немцы просто обнаружили находящиеся здесь в ремонте неисправные машины. Оставившие город части 202-й моторизованной дивизии отошли на правый берег Шелони, взорвав железнодорожный мост.

Как и рассчитывал Манштейн, русские на открытом южном фланге корпуса пока не давали о себе знать. Правда, 14 июля командный пункт корпуса на северном берегу реки Шелонь километров за тридцать до Сольцев был атакован небольшим отрядом противника, но это нападение без проблем удалось отбить.

Однако быстрое продвижение 8-й танковой дивизии поставило ее в очень тяжелое положение. Стало ясно, что о дальнейшем наступлении уже не приходится и думать. Правый фланг дивизии растянулся на 70 км и был прикрыт только рекой Шелонь. Левый фланг дивизии достигал 40 км, причем локтевой связи с 3-м мотокорпусом установлено не было. Последнее никак не красит командира дивизии генерала танковых войск Эриха Бранденбергера, который бросил всю свою технику вперед, напрочь забыв о флангах.

Днем 14 июля в Сольцах уже сосредоточились основные силы дивизии – оба танковых полка и большая часть мотострелкового полка; здесь был развернут командный пункт дивизии и

ремонтная база. Часть пехоты все еще находилась на марше в районе Ситни, здесь же находились тыловые части, дивизионная артиллерия, а также два 105-мм дивизиона из корпусного артполка 48-й саперный батальон РГК. Для упорядочения дорожного движения в тылу дивизии были выделены части полевой жандармерии, ответственным за регулирование был назначен командир противотанкового дивизиона майор Асбек. Однако самое худшее было еще впереди.

Утром 14 июля передовой отряд 8-й танковой дивизии (разведывательный и пехотный батальоны с несколькими танками и бронемашинами) вышел к реке Мшага в 20 км восточнее Сольцы – и в 50 км от Новгорода. Сюда же по шоссе от Сольцев выдвигалась рота средних танков, саперная рота, артиллерийский и противотанковый дивизионы. Однако мост через Minaiy также оказался взорван, а по самой реке продолжался Лужский оборонительный рубеж, занятый в этом месте 329-м полком только что прибывшей из-под Ленинграда 70-й стрелковой дивизии.

Днем воздушная разведка (проводившаяся самолетами из отряда ближней разведки 3.(Н)/41) доложила, что *«противник на севере уже закончил сосредоточение. Хорошо замаскированные танки заняли позиции. Наблюдается еще подход танков. Населенные пункты плотно заняты войсками, движение по лесным дорогам. Обнаружены скопления пехоты и лошадей».* Одновременно выброшенный от Сольцев на север разведотряд обнаружил противника возле городка Уторгошь – это были части 237-й стрелковой дивизии.

8-я танковая дивизия сама пришла в ловушку.

* * *

Как ни странно, подробного изложения контрудара под Сольцами в отечественной военно-исторической литературе не существует. Очень краткое, на полторы странички, описание, данное А. И. Радзиевским в работе «Армейские операции» (1977), практически дословно повторяется в «Военно-историческом журнале» (1992, № *4–5)*. Немецкие авторы, по вполне понятным причинам, также излагают эти события предельно лаконично. Даже Манштейн при всем его многословии, описывая события этих дней, предпочитает больше внимания уделять описаниям русской природы и бытовым подробностям из жизни штаба 56-го моторизованного корпуса, крайне редко называя конкретные даты и названия населенных пунктов.

Судя по всему, идея контрудара в районе западнее озера Ильмень родилась у командования Северо-Западного направления еще 12 июля, после оставления Порхова. К этому моменту на новгородском направлении по левому крылу Лужского оборонительного рубежа были сосредоточены две новые дивизии – 70-я и 237-я стрелковые, переданные в состав Северо-Западного фронта.

Позднее начальник штаба 70-й стрелковой дивизии полковник Н. А. Виноградов вспоминал:

«Два дня назад [то есть 12 июля – *В. Г.] нас, командиров и начальников штабов, вызвал командарм 11-й армии. Сразу предупредил:*

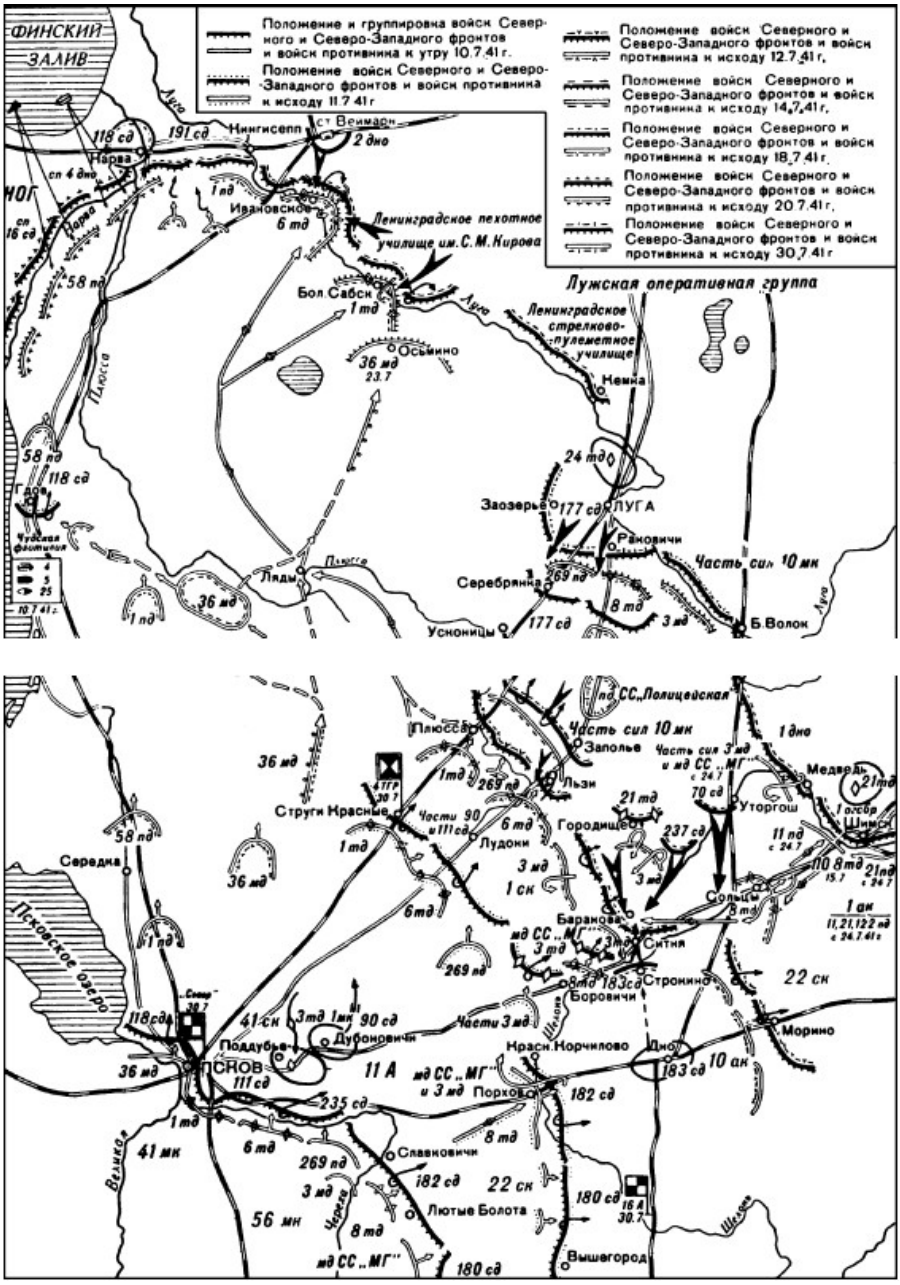
– Карты не понадобятся. Запоминайте. По приказу маршала К. Е. Ворошилова нашей армии предстоит остановить и разгромить наступающего на Новгород противника. Для этого армия ударами по сходящимся направлениям окружает и уничтожает прорвавшегося врага. Справа, в направлении на Болоцк, наступает 237-я дивизия; в центре – на Сольцы – 70-я, имея задачу в дальнейшем выйти в район Баранова; с юга, в направлении на Ситню, действует 183-я дивизия. В состав ударной группировки входит 21-я танковая дивизия 10-го мехкорпуса.

Полки между тем продолжали совершенствовать оборону. До поры до времени план предстоящих действий сохраняли в тайне». [69]

Заметим, что на 12 июля перечисленные здесь пункты еще не были заняты противником, это произошло лишь к 14-му. Некоторые авторы считают, что приказ на наступление был отдан 13 июля. В любом случае «автором» операции можно считать Климента Ефремовича Ворошилова, а началом подготовки к ней – передачу 70-й и 237-й стрелковых дивизий в состав 11-й армии.

Всего в контрударе должны были принять участие две свежих и одна потрепанная стрелковые дивизии, а также 21-я танковая дивизия, фактически представлявшая собой «боевую группу» в немецкой терминологии – в нее входили 42-й танковый и 21-й гаубичный артиллерийский полки. Это был «молот». Роль «наковальни» выполняли отступившие за реку Шелонь 645-й и 682-й мотострелковые полки 202-й мотодивизии и 5-й мотоциклетный полк. Слева от них по Шел они разворачивалась 183-я стрелковая дивизия.

Формально части 21-й танковой и 202-й моторизованной дивизии подчинялись командованию 1-го механизированного корпуса, но фактически они действовали на разных участках, в отрыве друг от друга, получая приказы напрямую из штаба 11 – й армии.



Общий ход боевых действий на Лужском рубеже и восточнее Пскова с 10 июля по 8 августа 1941 года

Кроме того, в подчинении штаба мехкорпуса находились разбросанные по разным участкам остатки 3-й танковой дивизии, в которых на 15 июля насчитывалось 4 танка Т-28, 2 КВ и 16 БТ. Большинство этих машин (в частности, оба КВ) находились в полосе ударной группировки 11-й армии и также приняли участие в боях за Сольцы. [70]

На правом фланге ударной группировки между Плюссой и Лугой против усиленной 169-й немецкой пехотной дивизии продолжали держать оборону 111-я и 177-я стрелковые дивизии и «боевая группа» 24-й танковой дивизии – 49-й танковый и 24-й гаубичный артиллерийский полки. В связи с примерным равенством сил фронт здесь стабилизировался, и за этот фланг беспокоиться не приходилось. В тылу, по рубежу реки Луга, разворачивалась только что сформированная 1-я ленинградская дивизия народного ополчения.

70-я и 237-я стрелковые дивизии до войны имели сокращенный штат (5900 человек), однако в первой половине июня дополнительно получили по 6000 резервистов. Впрочем, по Радзиевскому, в 70-й дивизии к началу контрнаступления имелось 15 333 человека, 16 танков, 53 полевых и 32 противотанковых орудия, 60 зениток, 136 минометов всех калибров и 585 пулеметов. [71] Вдобавок эта дивизия принимала участие еще в Финской войне и имела кадровый костяк. А вот 237-я дивизия была сформирована в Петрозаводске лишь весной 1941 года и не имела никакого боевого опыта. 21-я танковая дивизия после боя на Псковском шоссе имела не более 110 танков Т-26, часть из которых была неисправна либо осталась в тылу.

В целом с учетом сильного некомплекта остальных частей и соединений (в 183-й стрелковой дивизии оставалось около 7000 человек, два полка 202-й мотодивизии имели порядка 5000 человек и т. д.) общая численность советских войск, активно или пассивно принявших участие в операции, составляла порядка 42–45 тысяч человек. Против них действовали основные силы 8-й танковой и 3-й моторизованных дивизий вермахта, приданные им зенитные подразделения, а также некоторые корпусные части (например, 48-й моторизованный саперный батальон РГК). В резерве 56-го моторизованного корпуса находилась дивизия СС «Мертвая Голова». В целом силы противника в этом районе насчитывали 50–60 тысяч человек, из них не менее 30 тысяч – в двух дивизиях первой линии.

Соотношение бронетехники определить сложнее. На 22 июня 8-я танковая дивизия вермахта имела 212 танков, в том числе 8 Pz.HI и 30 Pz.IV. Согласно записи Гальдера от 13 июля (по докладу Буле) потери в танках на этот момент составили около 50 % наличных сил. Правда, здесь имеются в виду в том числе и эвакуированные в тыл поврежденные машины. В любом случае мы можем оценить силы 8-й танковой дивизии в 100–120 исправных машин, из них 20–25 средних. Как мы видим, им противостояло такое же количество советских танков (если не учитывать плавающие танкетки Т-38 стрелковых дивизий). В основном это

были Т-26; средних танков практически не имелось, тяжелые были представлены двумя машинами КВ.

Таким образом, советские войска имели некоторое превосходство в численности – о подавляющем перевесе речи идти не могло. Однако с учетом охватывающего положения наших войск и их преимущества в инициативе можно было рассчитывать на успех операции.

Для наступления по плану штаба 11-й армии были созданы две группировки: северная – в составе 70-й и 237-й стрелковых дивизий при поддержке частей 21-й танковой дивизии, южная – в составе 183-й стрелковой дивизии. 202-я моторизованная дивизия играла пассивную роль. Одновременно южнее Шелони 180-я и 182-я дивизии 22-го Эстонского корпуса должны были перейти в наступление на Порхов, чтобы отвлечь противника и по возможности отодвинуть его фронт от правого фланга наступающей группировки.

Таким образом, ударная группировка 1-й армии имела следующие задачи:

70-я стрелковая дивизия генерал-майора А. Г. Федюнина находилась в центре ударной группировки и в боях проявила себя наиболее хорошо. Своим левым флангом (252-й стрелковый полк) она прикрывала рубеж по реке Мшага севернее Шимска в 15 км к востоку от Сольцы. Центральный 68-й стрелковый полк разворачивался в районе Любач в 12 км северо-восточнее Сольцы, а левофланговый 329-й полк – по реке Мшага в районе станции Уторгошь в 15 км севернее Сольцы. Дивизии были приданы остатки 3-й танковой дивизии 1-го мехкорпуса (в частности, 5-й танковый полк), в которых на 15 июля насчитывалось 22 исправных машины – 2 КВ, 4 Т-28 и 16 БТ-7.

237-я стрелковая дивизия полковника В. Я. Тишинского (13 июля сменил генерал-майора Д. А. Попова) развернулась на левом фланге основной ударной группировки. Она должна была нанести удар из района Городище, Старая Каменка в юго-западном направлении на Болоцко, где действовала 3-я моторизованная дивизия противника. Фронт наступления дивизии составлял 15 км. 835-й полк подполковника Кибальчича прикрывал открытый правый фланг дивизии в районе села Большой Звад.

21-я танковая дивизия (42-й танковый и 21-й гаубичный полки, а также отдельные дивизионные части) была передана в подчинение командира 237-й стрелковой дивизии и поддерживала ее наступление, атакуя в общем направлении от Городище на юг. Командир 237-й стрелковой дивизии, подобно другим пехотным командирам, получив в свое подчинение

танковую часть, сразу же раздергал ее на батальоны и даже на роты для поддержки стрелковых частей и подразделений, вдобавок действовавших на разных направлениях. На этот момент в дивизии имелось не более 70 танков Т-26.

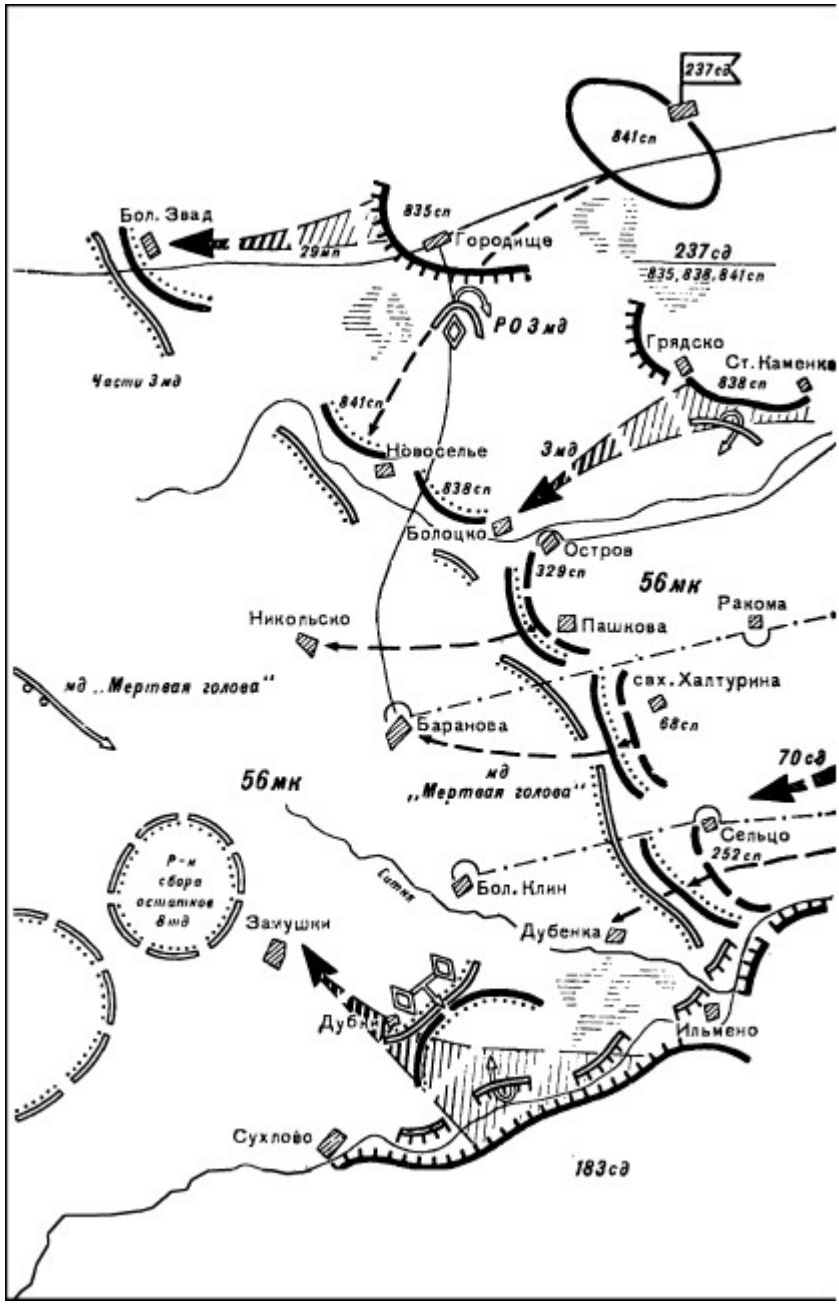
183-я стрелковая дивизия занимала 12-километровый фронт по реке Шелонь на рубеже Ильмено, Сухлово. Она должна была наступать в северо-западном направлении на Ситня и в дальнейшем соединиться с 237-й стрелковой дивизией, таким образом окружив основные силы прорвавшегося в Сольцы противника.

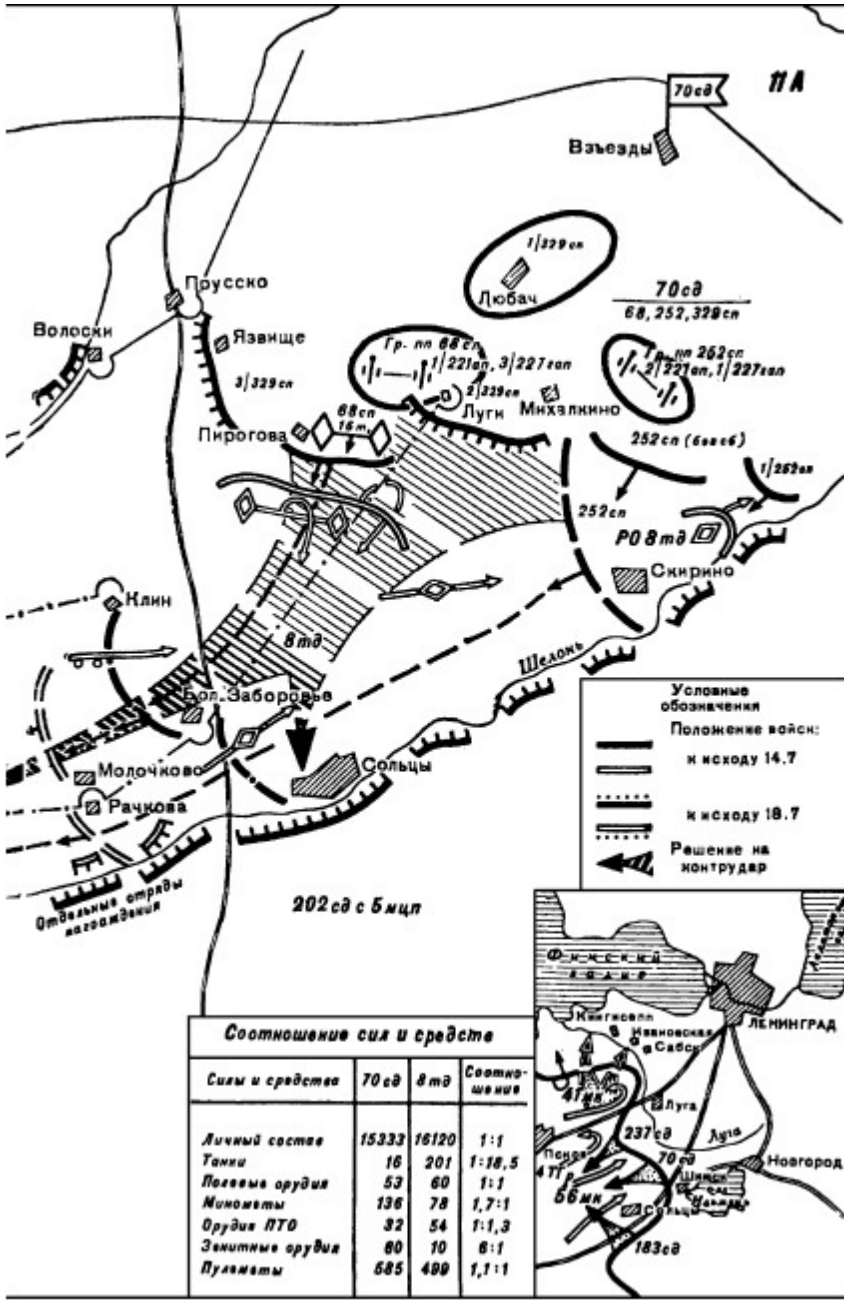
202-я мотострелковая дивизия С. Г. Штыкова (остатки 645-го и 682-го мотострелковых и 5-го мотоциклетного полков без артиллерии) занимала рубеж реки Шелонь напротив Сольцев.

Таким образом, замысел наступления состоял в том, чтобы атаковать Сольцы концентрическими ударами 70-й стрелковой дивизии с трех направлений. Одновременно 183-я стрелковая дивизия должна была перерезать коммуникацию немецкой танковой группировки у нее в тылу, а 237-я стрелковая дивизия отодвинуть фронт как можно дальше на запад. Предполагалось рассечь ударную группировку противника, а в случае успеха окружить и уничтожить ее западнее города Сольцы. Как мы увидим дальше, события развернулись несколько иначе.

Действия 14 июля

Контрудар 11-й армии начался в 18:00 14 июля. Согласно А. И. Радзиевскому, основывающему свое описание на боевых донесениях дивизии, основные силы 68-го и 252-го стрелковых полков 70-й стрелковой дивизии нанесли удар на фронте 10 км, нанося удар с рубежа от Пирогово до Скирино в направлении на Большое Заборовье, Молочково и Сольцы. 329-й полк одним батальоном обеспечивал правый фланг дивизии, а двумя другими составлял дивизионный резерв. Глубина задачи дивизии составляла 12 км (ближайшая – 8 км, дальнейшая – 4 км). Таким образом, один полк атаковал город с востока вдоль шоссе, а другой – с северо-востока, справа от железной дороги, имея задачей отбросить противника на его западную окраину.


237сд
841сп
Бол. Звад
29мп
835сп
Городище
237сд
835, 838, 841сп
РОЗмд
Грядско
Ст. Каменка
838сп
Части 3мд
841сп
Новоселье
3мд
838сп
Болоцко
Остров
329сп
56мк
Ракома
Никольско
Пашкова
мд „Мертвая голова"
свх. Халтурина
Баранова
68сп
70сд
56мк
мд „Мертвая голова"
Сельцо
252сп
Р-н сбора остатков 8мд
Бол. Клин
Дубенка
Захушки
Дубки
Ильмено
Сухлово
183сд



Контрудар советских войск под Сольцами 14–18 июля 1941 года

Это описание подтверждается и воспоминаниями участников сражения, приведенными в книге Ю. Кринова. Вечером 14 июня 68-й стрелковый полк капитана А. Краснова сбил вражеское боевое охранение и к рассвету 15 июля лесными тропами, не встречая существенного противодействия немцев, вышел к городу

Сольцы. Командир полка решил не атаковать город в лоб, а обойти его с запада. В 6 утра 15 июля батальоны заняли исходные рубежи для атаки.

Тем временем 252-й полк перешел Мшагу и атаковал противника вдоль шоссе Шимск – Сольцы. При поддержке авиации и двух артиллерийских дивизионов 221-го артполка он сбил батальон мотопехоты противника с шоссе и также вышел непосредственно к городу.

237-я стрелковая дивизия тоже должна была начать наступление в 18:00. Однако тем временем противник – передовые части 3-й моторизованной дивизии – силами до батальона с батареей 150-мм артиллерии вышел в лес в полутора километрах южнее Городище и начал артиллерийский обстрел наших войск. Наступление было отложено до 20:30. К этому времени в Городище планировалось сосредоточить два танковых батальона (один из них в резерве). Батальон огнеметных танков (10 машин) был отправлен в село Большой Звад, где вместе с батальоном 835-го стрелкового полка должен был прикрывать правый фланг дивизии и дорогу на Городище из Николаево.

За пять минут до начала наступления немцы первыми атаковали Городище; эта атака была сорвана огнем 21-го гаубично-артиллерийского полка. Наше наступление началось лишь в 21:00, однако два стрелковых батальона 835-го полка при поддержке танкового батальона сумели лишь закрепиться на опушке леса в 1,5 км южнее Городище.

Действия 15 июля

В этот день начался бой непосредственно за Сольцы. В полдень 252-й стрелковый полк 70-й дивизии атаковал восточную часть города, а 68-й полк при поддержке танков 42-го танкового полка ворвался на его северную окраину. Здесь в районе аэродрома обнаружилась ремонтно-заправочная база 8-й танковой дивизии. Всего в ходе боев за город в этот день, согласно донесениям полков, было уничтожено 20 немецких автомашин и 15 танков, из них 10 – в районе аэродрома.

Вечером дивизионная разведка выявила сосредоточение немецких танков и пехоты в западной части города, в районе кладбища. Очевидно, противник готовился к контратаке. Ночью сюда был подтянут 221-й артполк и часть противотанковой артиллерии дивизии – всего до 50 стволов.

Наступление 237-й стрелковой дивизии в этот день успеха не имело – к этому моменту против нее уже находились основные силы 3-й моторизованной дивизии немцев. За день 21-я танковая дивизия (42-й танковый полк и 21-й разведбатальон), действуя отдельными частями, потеряла 5 танков сгоревшими (то есть

безвозвратно) и 3 танка подбитыми.

Одновременно из-за реки Шелонь в направлении на Ситню нанесла удар 183-я Латвийская стрелковая дивизия. Этот удар был самым удачным. Именно здесь, в 20 км северо-западнее станции Дно и в 15 км северо-восточнее Порхова, нашим войскам удалось выходом на шоссе Порхов – Сольцы– Новгород перерезать немецкие коммуникации.

На рассвете 15 июля командный пункт 4-й танковой группы получил от штаба 56-го армейского корпуса радиограмму о том, что у деревни Опока в 3 км к югу от городка Боровичи тыловые части 8-й танковой дивизии *«отражают атаки противника, вооруженного пулеметами и минометами* ». [72] В истории 8-й танковой дивизии говорится даже о советских танках – но это можно отнести на счет богатой фантазии немецких тыловиков.

Личный состав немецких тыловых частей бросил технику и транспортные средства и отступил к деревне Заклинье, где перешла к обороне мотострелковая рота из состава 8-го моторизованного полка. Днем атаки из-за реки продолжались, в результате чего «панцерштрассе» оказалась перехвачена в нескольких местах на протяжении 15 километров. Вышедшими на шоссе отрядами 183-й дивизии была разгромлена тыловая автоколонна, в числе трофеев оказалась штабная машина 2-го батальона 52-го полка химических минометов. В машине среди прочих документов была обнаружена инструкция по использованию химических снарядов и мин, а также дополнения к ней, разосланные войскам еще 11 июня 1941 года и содержащие указания по технике и тактике применения отравляющих веществ.

Немцы не собирались без особой необходимости применять на Восточном фронта отравляющие вещества – но захваченные документы стали настоящим подарком советской пропаганде и уже 23 июля были опубликованы в газете «Правда». *«Главное командование требовало от нас объяснений, как оказалось возможным, что совершенно секретный документ попал в руки противника»,* – жалуется Манштейн.

Полностью сгоревший немецкий грузовик из колоны снабжения 8-й танковой дивизии. Район Сольцев, июль 1941 года

Днем 15 июля на командный пункт 56-го моторизованного корпуса, вместе с тылами 8-й танковой дивизии находившийся на Шелони в трех десятках километров западнее Сольцы, поступили более подробные донесения из атакованных частей. Сообщалось, что русские большими силами с севера нанесли удар по открытому флангу 8-й танковой дивизии и заняли Сольцы. Манштейн в своих мемуарах описывает эти события так:

«Таким образом, главные силы 8-й танковой дивизии, находившиеся между Сольцами и Мшагой, оказались отрезанными от тылов дивизии, при которых находился и штаб корпуса. Кроме того, противник отрезал и нас и с юга большими силами перерезал наши коммуникации. Одновременно продвигавшаяся дальше к северу 3-я мотодивизия была у Мал. Утогорж… атакована с севера и северо-востока превосходящими силами противника

В сложившейся обстановке не оставалось ничего другого, как отвести через Сольцы 8-ю танковую дивизию, чтобы уйти от угрожавших нам клещей. 3-я мотодивизия также должна была временно оторваться от противника, чтобы корпус вновь мог получить свободу действий…

8-й танковой дивизии удалось прорваться через Сольцы на запад и вновь соединить свои силы. Все же некоторое время ее снабжение обеспечивалось по воздуху. 3-й моторизованной дивизии удалось оторваться от противника, только отбив 17 атак». [73]

Из приведенного описания следует, что 8-я танковая дивизия была отрезана *восточнее* Сольцев. Как мы убедились, здесь

Манштейн ошибался – дивизия оборонялась в городе и западнее него. К вечеру 15 июля она распалась на три

группировки, перешедшие к обороне на рубеже реки Шелонь. Восточная представляла собой описанную выше боевую группу Фронхофера, она обороняла сами Сольцы. Центральная группировка включала в себя боевые группы полковника Шеллера (8-й моторизованный полк, 1-й и 3-й батальоны 10-го танкового полка, 2-й дивизион 61-го артиллерийского полка, 1-й дивизион 80-го артилерийского полка, 59-й противотанковый дивизион, 2-й дивизион 52-го полка химических минометов) и майора Шмидта (43-й танкоистребительный дивизион, 59-й дивизионный саперный батальон, 92-й легкий зенитный дивизион, а также тыловые части), она заняла позиции от железнодорожного моста у села Клин до Любитово на Шелони. Западнее нее боевая группа подполковника Кризолли (оставшийся 2-й батальон 10-го танкового полка, 28-й моторизованный полк, 2-й дивизион 80-го артиллерийского полка, части 43-го танкоистребительного батальона и 59-го саперного батальона, 2-й дивизион 23-го зенитного полка) заняла оборону по Шелони южнее Райцы, между селами Рельбицы и Любитово.

Тем временем в тылу 56-го моторизованного корпуса начиналась неразбериха, а коммуникации дивизии оказались практически парализованы даже там, где не было прямого воздействия противника. Журнал боевых действий дивизии фиксировал:

«Состояние дорог ужасное… и причиной тому не столько разбитые грунтовые дороги, сколько не принадлежащие к дивизии неорганизованно и неуправляемо двигающиеся части. Многочисленные сообщения свидетельствуют о беспорядочном появлении на дивизионных путях подразделение, в основном принадлежащих к тылам корпуса». [74]

Разбитый и брошенный немецкий штабной автомобиль. Район Сольцев, июль 1941 года

В конце концов 1-я дивизионная колонна подвоза боеприпасов под руководством обер-лейтенанта Вайдта смогла под огнем пробиться к передовым частям дивизии, сражающимся в районе Сольцев. А вот 3-я колонна сделать это уже не смогла и оказалась полностью уничтожена. Всего было потеряно шестьдесят автомобилей, находившаяся в колонне автомашина с документами дивизии попала в руки советских войск. По свидетельству Манштейна, для снабжения 8-й танковой дивизии горючим и боеприпасами пришлось использовать транспортную авиацию.

Весьма характерно, что советские документы не отмечают окружения целой танковой дивизии противника. Сделанное на их основе описание Радзиевского говорит об отходе немцев к Сольцам по шоссе через Скирино под лобовым натиском 252-го стрелкового полка, которому противостояло всего около батальона противника. Свидетельства участников боев, собранные Ю. Криновым, описывают о тяжелые бои за город с утра 15 до утра 17 июля, танковые контратаки противника – но тоже ни словом не упоминают про окружение. В целом же отечественные историки пишут про него только со слов Манштейна. Не проболтался бы командир 56-го моторизованного корпуса – никто бы и не узнал об «утерянной победе». Ведь даже номера советских дивизий в некоторых отечественных изданиях приводятся ошибочно – по карте из Манштейна, носящей совершенно фантастический характер.

Действия 16 июля

Весь день 16 июля вокруг Сольцев продолжались тяжелые бои. Два полка 70-й стрелковой дивизии при поддержке нескольких машин 5-го танкового полка отражали контратаки противника в западной части города. Но к вечеру 8-я танковая дивизия все-таки была вынуждена оставила Сольцы. Отход прикрывал 8-й мотоциклетный батальон подполковника Кютта, понесший большие потери. К 10 часам утра 17 июля дивизия отошла за насыпь железной дороги в двух километрах от его окраины. Одновременно немцы перешли к обороне на рубеже реки Шелонь от Рельбицы до железнодорожного моста.

Действия 17 июля

Приказом Манштейна полковник Шеллер был назначен командиром новой боевой группы, в которую вошли: усиленный полк СС, 3-й батальон 8-го моторизованного полка 3-й моторизованной дивизии, 48-й отдельный саперный батальон из состава РГК и одна рота из 10-го танкового полка. Самой 8-й

танковой дивизии к 18 июля предписывалось отойти за реку Ситню, на линию Лемно – Витебско – Ночи. Однако затем отход был приостановлен в связи с выдвижением на правый фланг дивизии 1-го армейского корпуса (11-я и 21-я пехотные дивизии). Корпус был передан в оперативное подчинение 4-й танковой группы и должен был наступать от Порхова в направлении на Дно.

Танк Pz.Kpfw.38(t) из 8-й танковой дивизии на улице города Сольцы, 17 июля 1941 года

Локтевая связь с 3-й мотодивизией слева все еще отсутствовала, однако наступление советских войск здесь развивалось гораздо менее удачно. 17 июля, после двух дней встречных боев, командование 11-й армии решило изменить направление удара 237-й дивизии, перенеся его южнее, в полосу левофлангового 838-го полка. Таким образом предполагалось отрезать 3-ю мотодивизию от 8-й танковой дивизии. В районе Городище был оставлен 1-й батальон 835-го стрелкового полка с 3-й ротой

2-го танкового батальона (10 машин), остальные два стрелковых батальона вместе с танками перебрасывались в район деревень Каменка и Черемец с задачей овладеть селами Болоцко, Борок, Новоселье и отрезать противнику путь отхода на юг. В этот же день был обнаружен 21-й мотострелковый полк – после долгого пешего марша он вышел в лес севернее станции Уторгош. К исходу 17 июля в 21-й танковой дивизии насчитывалось 56 танков, в том числе 10 огнеметных.

В этот же день мотоциклисты разведывательного батальона 3-й моторизованной дивизии вели разведку из района деревни Большой Звад и попали в засаду 2-го батальона 835-го стрелкового полка. К вечеру, по данным нашей разведки, противник силою до батальона мотопехоты с 10–15 танкетками и минометным взводом удерживал село Болоцко в излучине Мшаги, обеспечивая выдвижение своих частей западнее него на Городище. Между селами Болоцко и Новоселье отмечалось до моторизованной роты противника, а в лесу южнее Городище сосредоточился еще один немецкий батальон, при поддержке

минометов готовящийся вновь атаковать Городище.

Действия 18 июля

18 июля стоявшая дотоле жара сменилась прохладой, небо затянуло облаками. Советские войска продолжали атаки, хотя и с меньшей силой. 8-я танковая дивизия отчиталась о девяти подбитых вражеских танках. В этот день на командный пункт дивизии прибыл сам Манштейн, сообщивший о том, что следующей ночью 8-ю танковую должна сменить на позициях моторизованная дивизия СС «Мертвая Голова». Сначала отходили танковый, оба моторизованных полка и мотоциклетный батальон, затем – остальные части.

Тем временем к утру 18 июля 70-я стрелковая дивизия овладела деревнями Большое и Малое Заборовье и Ходачково, продвигаясь фронтом на запад. Правее нее в 3:30 части 237-й танковой дивизии при поддержке танков 42-го танкового полка перешли в наступление. 1-й батальон 835-го стрелкового полка, атакуя из района Городище без поддержки танков, сбил сопротивление противника и к 5 утра овладел южными скатами высоты 66,3. К 15:30 он вышел на рубеж отметка 66,0, Фомино (севернее Борок). Находившиеся здесь части противника были отброшены в болото юго-западнее Городище. 3-й батальон 838-го стрелкового полка, действуя при поддержке основных сил 42-го танкового полка (группа Решетникова) к 15:30 занял Болоцко. 2-й стрелковый батальон с ротой танков старшего лейтенанта Кошелева (18 машин) в 11 утра занял село Бараново, имея задачей в дальнейшем наступать на Новоселье и Язвищи, отрезая противнику пути отхода на юг.

К исходу дня 18 июля на правом фланге 237-й стрелковой дивизии противник (части 3-й моторизованной дивизии) оставил свои позиции перед 835-м стрелковым полком и отошли на Похонь, заняв восточные скаты высоты 71,4. Однако на левом фланге дивизии наступления в 18:30 противник атаковал только что взятую деревню Бараново – сначала авиацией, затем пехотой. Личный состав 2-го батальона 238-го полка не выдержал удара, оставил свои позиции и отошел на восток, после чего немцы вновь заняли Бараново. Наши танки отошли на Шубники.

Действия 19 июля

В час ночи 19 июля советскими частями был получен боевой приказ № 013 штаба 16-го стрелкового корпуса о переходе к обороне. 21-я танковая дивизия должна была передать по 10 своих танков 237-й и 70-й стрелковым дивизиям, а сама отойти в район села Большой Уторгош (в 10 км восточнее Городища, на дороге к станции Уторгош), где выйти в резерв командующего корпусом.

На середину дня 19 июля положение танковых групп 21-й танковой дивизии по докладу командира дивизии было следующим:

В районе БОЛ. ЗВАД и МАЛ. ЗВАД огнеметный б-н 42 ТП в составе 10 машин вел бой совместно с ротой пехоты 237 С Д.

В течение дня 18.7. и утром 19.7. батальон, потеряв 1 танк сгоревшим, с боем отошел на ГОРОДИЩЕ.

В ГОРОДИЩЕ 12 танков 42 ТП оставались в резерве командира 23 7 С Д.

В БОЛОЦКО из 15 танков в бою потеряно 4, осталось 11.
В бою за НОЧНЫЕ, БАРАНОВО вечером 18.7. в бою участвовало 19 танков б-на КРЫЛОВА, из них: сгорело 3, подбито 4, вышло из строя по техническим неисправностям 4, осталось 8 танков, из которых 3 танка имеют пулевые пробоины. Таким образом, из состава этой группы в 19 танков могут принять участие в бою только пять танков.

21-й мотострелковый полк, так и не вступив в бой, с 10:00 19 июля приказом командующего 11-й армией был вновь изъят из состава дивизии и на автомобилях дивизии спешно переброшен через Сольцы на юг – в район Учно в 30 км западнее Старой Руссы.

Однако в 11:50 командование 16-го стрелкового корпуса отдало новый приказ – с 16:15 всем дивизиям корпуса перейти в наступление и к исходу дня выйти на рубеж: 237-я стрелковая дивизия – Большой Звад, Малый Звад, Соловьи, Крутец, Загорье; 70-я стрелковая дивизия – Долговка, Захонье, лес восточнее Веретье, Сухлово. Командиру 21-й танковой дивизии предписывалось передать каждой стрелковой дивизии по 25 танков. Командир танковой дивизии доложил, что может выделить для атаки только 33 танка – остальные были либо потеряны, либо находились в ремонте.

В итоге намеченное на этот день наступление так и не состоялось. К 19 июля 237-я стрелковая дивизия продвинулась в западном направлении на расстояние в общей сложности до 8-10 км и своими тремя полками вышла на реку Мшага по линии Болоцко (838-й полк), Новоселье (841-й полк), 2–3 км западнее Городище (835-й полк).

70-я стрелковая дивизия в этот день активных действий не вела, как и противостоящие ей немцы. К вечеру 19 июля немецкая 8-я танковая дивизия окончательно вышла из боя и сосредоточилась для отдыха в районе Павы. В соприкосновении с противником оставалась лишь боевая группа Шеллера, к вечеру того же дня отошедшая на рубеж реки Ситня. Здесь же, за рекой, заняли огневые позиции все дивизионы 80-го артиллерийского

полка танковой дивизии.
20 июля все танки 21-й танковой дивизии были изъяты из стрелковых частей и выведены на ремонтно-восстановительную базу, развернутую рядом с командным пунктом дивизии в районе села Листовка в 4 км юго-восточнее станции Уторгош.

* * *

Еще 16 июля командование Северо-Западного фронта сообщало в Генштаб донесением за № 012:

Новгород, 16.7.41 17 ч. 45 мин.

Первое. Противник силами до одной тд и одной мд окружен и уничтожается в районах Пески, Пирогово, Болоцко, Барановo, Заборовъе.

В границах фронта установлено: до двух-трех тд, трех-четырех мд, трех-четырех пд.

Второе. Армии фронта, завершая разгром окруженного противника в районе Сольцы и прочно удерживая рубеж, занимаемый центром и левым флангом 27 А, остальными силами переходят в наступление [и] концентрическими ударами в направлениях Боровичи, Ямкино, Карамышево и Кудяево, Шахново, Славковичи уничтожают порховскую группировку противника.

Третье. 27 А, прочно удерживая фронт по р. Великая, ст. Ващагино, Высоцкое, Репиново, Шумиха, своей подвижной группой в составе 21 мк с 163 мд с рубежа Ратово, Сево, Жукова нанести удар в общем направлении Славковичи и к исходу 17.7 выйти в район Подсевы, Славковичи, Веретени. В дальнейшем нанести удар во фланг и тыл порховско-сольцской группировки противника.

Начало наступления с указанного рубежа – 21:00 16.7.41.

В случае выхода 163 мд в район Тирева дальнейшее наступление 163 мд начать с занимаемого рубежа.

Четвертое. Справа действуют части 22 ск.

Пятое. Авиации обеспечить сосредоточение и развертывание подвижной группы, по требованию командира 21 мк вести работу на поле боя и не допустить подхода новых сил противника с островского направления на восток.

Шестое. Станция снабжения – до выхода 21 мк в район Сево, Кудяево, Заблудовка – ст. Сущево, после – ст. Дно. Части подвижной группы обеспечить боеприпасами, горючим, продовольствием до нормы.

За командующего войсками СЗФ генерал-лейтенант Н. ВАТУТИН.

Член военного совета СЗФ генерал-майор БОЧКОВ.

За начальника штаба СЗФ генерал-майор СУХОМЛИН. [75]

Увы, полностью выполнить этот приказ не удалось – обстановка для советских войск постепенно ухудшалась. В район Порхова уже выдвигался 1 – й армейский корпус, временно переданный в подчинение 4-й танковой группе. К вечеру 17 июля его 11-я и 21-я пехотные дивизии развернулись на исходных позициях восточнее Порхова. На следующий день корпус начал наступление на Дно, и 19 июля эта узловая станция была взята 3-м полком 21-й пехотной дивизии. Правее нее 11-я пехотная дивизия отбросила части 22-го стрелкового корпуса, вышла на Шелонь выше Сольцев и 21 июля, переправившись через Шелонь, вновь заняла город – на этот раз с юга, а не с запада.

Теперь уже ударная советская группировка оказалась под угрозой окружения. Поэтому 20 июля командование 41-го стрелкового корпуса приказало своим дивизиям начать отход за реку Мшага, откуда неделю назад было начато наступление. 70-я стрелковая дивизия отводилась на рубеж Медведь, Шимск, прикрывая шоссе на Новгород. Правее нее, от станции Уторгош до Городище, фронтом на юг занимала оборону 237-я стрелковая дивизия. Ниже Шимска по Шел они развернулась 1-я горнострелковая бригада полковника И. Н. Панкратова.

Однако буквально на следующий день приказ на отход за Мшагу был отменен. Советское командование решило не оставлять захваченный район без боя. Вечером 21 июля все оставшиеся в 21-й танковой дивизии исправные машины были сведены в танковый батальон старшего лейтенанта Крылова. Всего в батальоне собралось 29 машин. Утром 22 июня батальон Крылова был направлен к деревне Скирино в 10 км западнее Сольцев, чтобы вместе со 2-м батальоном 838-го полка 237-й дивизии разгромить вышедшие сюда части 11-й немецкой пехотной дивизии и отбросить их на южный берег Шелони.

Батальон двигался через Луги и Михалкино, имея впереди себя разведку (3 машины). Отступавшие здесь части 70-й стрелковой дивизии не имели никакого представления об обстановке, некоторые командиры считали, что противник уже вышел им в тыл, заняв село Михалкино.

К полудню разведка батальона достигла южной опушки рощи в километре севернее Скирино, где вступила в бой с передовыми частями противника. Бой продолжался 40 минут. Было установлено, что Скирино занято передовыми частями противника силою до мотороты с минометами, двумя крупнокалиберными пулеметами и одной 50-мм пушкой. В бою из трех танков один был уничтожен огнем противника и еще один подбит.

К 13:00 в район боя подошли первые 8 танков старшего лейтенанта Кошелева. Машины с ходу атаковали противника и отбросили его к деревне Скирино, дав возможность батальону

Крылова занять оборону южнее Михалкино. Установить взаимодействие со 2-м батальоном 838-го стрелкового полка или хотя бы связаться с его командиром танкистам так и не удалось. Лишь на марше в районе деревни Луги была встречена рота этого батальона – 50 человек, сильно уставших после дневного марша; выяснилось, что бойцы в течение полутора суток ничего не ели. Командир дивизии отдал распоряжение «присвоить» роту, солдаты были накормлены и отправлены в Михалкино в распоряжение старшего лейтенанта Крылова.

В 14:00 командир дивизии приказал батальону удерживать деревню Михалкино до последнего танка. Через пару часов сюда прибыло подкрепление – взвод из состава 1-й горнострелковой бригады с тремя станковыми пулеметами. К вечеру в лесу южнее деревни Луги был обнаружен и 2-й батальон 838-го стрелкового полка; командир танкового батальона приказал ему занять оборону вдоль железнодорожной насыпи в 2 км к югу от Михалкино. [76] Однако на следующее утро, никого не предупредив, батальон снялся с позиций и исчез в неизвестном направлении.

Утром 23 июля в распоряжение командира танкового батальона прибыл 3-й батальон 252-го полка 70-й стрелковой дивизии – 50 человек с двумя полевыми и двумя противотанковыми орудиями.

В 10:45 того же дня после 20-минутного огневого налета на дороге от Скирино показалась колонна велосипедистов и мотоциклистов силою до двух рот с двумя противотанковыми пушками. Колонна была обстреляна ружейно-пулеметным огнем пехоты, а затем атакована взводом танков младшего лейтенанта Титова. В ходе боя колонна была почти полностью уничтожена, оставив на дороге две противотанковых пушки и два миномета, однако взвод Титова потерял в атаке 7 танков – четыре сгорели, три были подбиты (из последних два удалось эвакуировать, но вечером они были уничтожены немцами в районе деревни Луги). «Размен» оказался явно неравноценным, что было вызвано отсутствием у танкистов пехотной поддержки.

Два танка Т-26 из состава 21 – й танковой дивизии, подбитые в районе Скирино (восточнее Сольцев) 23 июля 1941 года

Бой за Михалкино продолжался до глубокой ночи. Около 18:00 немцам удалось даже ворваться на восточную окраину деревни, но контратакой танков и пехоты они были выбиты оттуда. Однако вскоре деревню пришлось оставить, так как она горела, подожженная артиллерийским огнем противника. Горела и созревающая рожь вокруг деревни. Оставшиеся 10 танков (из них 3 подбитых без хода) заняли оборону на западной окраине Михалкино и по опушке рощи севернее деревни.

В 23:00 командир танкового батальона по радио получил приказ командира 42-го танкового полка об отводе танков с пехотой на деревню Любачь в 5 км севернее – место, откуда началось наше наступление 10 дней назад. Но так как командир стрелкового батальона такого приказа для себя не получил (что естественно – у него не было радио), старший лейтенант

Крылов решил не отходить и продолжать оборону. На этот момент в стрелковом батальоне осталось 20 человек, одно полевое орудие с 10 снарядами и две противотанковых пушки; батальон был вооружен пулеметами, снятыми с подбитых танков. Взвод 1-й горнострелковой бригады тоже исчез. Как записано в журнале боевых действий 21-й танковой дивизии, *«остальная пехота, действующая 23.7, рассеялась в неизвестном направлении от артиллерийского и минометного огня противника».*

Утром и днем 24 июля немцы трижды атаковали позиции танкового батальона. Только когда к трем часам дня на ходу

остался один танк с вышедшим из строя вооружением, старший лейтенант Крылов принял решение отходить. К этому моменту в строю оставалось 44 человека из экипажей подбитых машин и до двух десятков пехотинцев. При отходе батальона в районе отметки 40,8 в столкновении с колонной противника была уничтожена легковая автомашина, 2 противотанковых орудия и 3 миномета, число убитых немцев оценили в 30 человек.

Из журнала боевых действий 21-й танковой дивизии:

«К 24:00 24.7.41. личный состав батальона с одним [танком] сосредоточился на КП штадива СТАР. ВЕРЕТЬЕ. ТБ с пехотой 3/252 СП два дня сдерживал пр-ка на этом направлении до последнего танка, чем полностью выполнил поставленную ему задачу.

ПОТЕРИ ТБ в боях за МИХАЛКИНО:

Убитыми 10 человек, из них:

Среднего начсостава – 2 чел.

Младшего начсостава – 4 чел.

Рядового – 4 чел.

Ранеными 12 человек, из них:

Среднего начсостава – 2 чел.

Младшего начсостава – 8 чел.

Рядового – 2 чел.

Потери в материальной части:

Сгорело танков – 23 шт.

Подбито и оставлено на поле боя – 4 шт.

Пропало без вести – 1 шт.»

Мы так подробно остановились на этом боевом эпизоде, чтобы подчеркнуть: летом 1941 года различные соединения Красной Армии имели очень разную боеспособность. Во многом это зависело от уровня подготовки и опыта командного состава.

Смешно и грустно читать рассуждения некоторых современных исследователей о том, что причиной поражений Красной Армии летом 1941 года стала трусость командного состава и нежелание солдат воевать. Дескать, если бы стояли все, как один, в упорной обороне, не подаваясь ни на шаг назад, тогда не дошли бы немцы ни до Москвы, ни до Ленинграда, ни до Киева…

Увы, одной стойкости в обороне мало. Стойкость не спасет соединение, если на него обрушится дробящий удар многократно превосходящего противника. А выпадет в обороне одно звено – и, как костяшки домино, начинают рушиться другие. Когда же на флангах и в тылу появятся мотоколонны противника, самая стойкая дивизия будет вынуждена отходить на другой рубеж. А при отходе главную роль играют уже не стойкость и способность

держать оборону, а возможность маневрировать, вывернуться из-под удара, не терять связь с подразделениями и вовремя получать информацию о своих войсках и о действиях противника. И здесь нужна не только и не столько личная храбрость командиров, сколько опыт и техническое оснащение – наличие транспорта, средств связи, а также умение всем этим пользоваться.

Мы видим, что решимость танкистов и бойцов 70-й стрелковой дивизии драться до последнего, не отходить без приказа и не бросать товарищей весьма контрастирует с поведением личного состава 237-й стрелковой дивизии, проявившей в боях за Сольцы довольно низкие боевые и моральные качества.

Но почему так произошло? Ведь обе дивизии, и 70-я, и 237-я, относились к соединениям второго эшелона, обе имели примерно одинаковую численность и оснащенность, в каждой половину состава составляли новобранцы. Свести все к ошибкам командира 237-й дивизии, к неправильному управлению войсками или вообще отсутствию оного тоже нельзя – как мы видим, боеспособность подразделений дивизии проявлялась на всех уровнях вплоть до ротного и батальонного.

Выше уже упоминалось, что в 3-м батальоне 252-го стрелкового полка 70-й дивизии к 23 июля осталось всего 50 человек. Командир одной из рот 329-го полка той же дивизии старший лейтенант А. Строилов вспоминал, что к 21 июля у него из 115 человек осталось 25, в том числе он сам, три младших командира и старшина; все взводные были выбиты. [77] А вот в роте 2-го батальона 838-го полка 237-й дивизии, как мы видели выше, на 23 июля осталось целых 50 человек, то есть еще половина боевого состава.

Таким образом, в 70-й дивизии и потери были существенно больше. В данном случае это говорит не о том, что командиры гнали солдат на убой, а как раз наоборот – дивизия успешно сражалась и наступала, нанося противнику ущерб. А вот 237-я дивизия наступала неохотно, не желая и не умея идти в бой без танков, а иногда и с ними.

Однако, обратив внимание на историю обеих дивизий, мы обнаружим в них существенную разницу. 70-я стрелковая дивизия была создана в Приволжском военном округе в 1934 году, принимала участие в советско-финской войне; именно она в марте 1940 года по льду Выборгского залива обошла Выборг с запада, перерезав шоссе на Хельсинки и во многом решив исход кампании. Тогда ею командовал М. П. Кирпонос – будущий командующий Киевским Особым военным округом.

То есть профессиональные действия дивизии в июле 1941 года не

удивительны: она имела кадровый офицерский состав, обладающий многолетней довоенной подготовкой и боевым опытом. Попадая в такую среду, даже необученные новобранцы быстро становились солдатами. Напротив, 237-я стрелковая дивизия, сформированная под Петрозаводском весной 1941 года, не имела ни боевого опыта, ни подготовки. Что там новобранцы – даже ее офицеры еще плохо знали друг друга!

Здесь уместно вспомнить дивизию СС «Мертвая Голова», действовавшую в составе 56-го моторизованного корпуса. Она была создана в 1939 году на базе различных добровольческих структур СС, в 1940 году получила краткий опыт кампании в Бельгии, но все равно по опыту и уровню подготовки сильно отставала от большинства других немецких дивизий – особенно моторизованных, которые всегда были элитой вермахта. Вдобавок офицеры «Мертвой Головы» не имели военного образования и соответствующей подготовки. Дивизия эта вообще была создана Гиммлером в пику чванливым армейцам, фактически из дворовой шпаны – энергичной, боевитой, уже натасканной на кровь в службе охраны концлагерей, но не имевшей никакого военного опыта.

Ничуть не удивительно, что в первых же боях лета 1941 года «Мертвая Голова», несмотря на свою храбрость и первоклассное техническое оснащение (всегда отличавшее войска СС), понесла большие и неоправданные потери, добившись сравнительно скромных результатов. Вот как отзывается о «Мертвой Голове» сам Манштейн:

«Дивизия также всегда атаковала с большой смелостью и показала упорство в обороне. Позже не раз эта дивизия была в составе моих войск, и я полагаю, что она была лучшей из всех дивизий СС, которые мне приходилось иметь. Ее бывший командир был храбрым солдатом – однако он вскоре был ранен, а позже убит. Но все эти качества не могли возместить отсутствующей военной подготовки командного состава. Дивизия имела колоссальные потери, так как она и ее командиры должны были учиться в бою тому, чему полки сухопутной армии уже давно научились. Эти потери, а также и недостаточный опыт приводили, в свою очередь, к тому, что она упускала благоприятные возможности и неизбежно должна была вести новые бои» [78] .

Перефразируя известную поговорку, можно сказать, что стадо баранов, предводительствуемое львом, будет гораздо боеспособнее стаи львов, не имеющей вообще никакого руководства.

* * *

Однако сражение за Сольцы все еще не закончилось. Командование 27-й армии пыталось если не выполнить ранее полученный приказ о наступлении на Порхов и Боровичи, то хотя бы отбросить назад дивизии 1-го армейского корпуса южнее реки Шелонь.

23 июля части 180-й Эстонской стрелковой дивизии при поддержке остатков 21-го и 28-го мотострелковых полков, давно уже действовавших в отрыве от своих дивизий, перешли в наступление на позиции 11-й немецкой дивизии в районе Городок в 6 км юго-западнее Сольцев. 21-й мотополк внезапной атакой овладел совхозом Выботь на дороге, что ведет из Сольцев на Вол от и Старую Руссу. Обходом с запада в деревне Угощь была отрезана группа противника силой до батальона.

Немецкие солдаты на реке Шелонь, август 1941 года

24 июля совместными действиями 21-го мотострелкового и 86-го стрелкового полков группу противника в Угощи удалось уничтожить. К исходу 25 июля мотострелки вышли к берегу Шелони напротив Сольцев, взяв под обстрел город и идущие здесь дороги. *«1-му армейскому корпусу, обороняясь, пришлось переправиться на другой берег и местами отступить»* – так описывает эти события Хаупт. [79] Развивая наступление, левый фланг 180-й стрелковой дивизии вышел к Шелони у села Рельбицы в 10 км западнее Сольцев и вновь переправился здесь

на северный берег. Однако уже на следующий день немцы бросили сюда подошедшую через Дно 126-ю пехотную дивизию 11-го корпуса и закрыли намечавшийся прорыв. Тем временем южнее войска левофлангового 10-го корпуса 16-й немецкой армии успешно наступали от Новоржева на Старую Руссу. Вечером 27 июля немцы заняли станцию Волот. Контратаки потрепанных 163-й моторизованной и 182-й стрелковой дивизий ни к чему не привели, хотя сюда был переброшен 21-й мотострелковый полк, изъятый из подчинения 180-й стрелковой дивизии. 27 июля части 1-го армейского корпуса вышли к озеру Ильмень южнее устья Шелони. К 30 июля войска 27-й армии отошли южнее озера Ильмень на Старую Руссу, а позднее – и за реку Ловать. Отсюда 12 августа войска свежей 34-й армии совместно с левым крылом 11-й армии в соответствии с директивой Ставки № 00824 от 9 августа начали новое наступление на Сольцы и Дно – но это уже совсем другая история…

* * *

Уже 19 июля командование 4-й танковой группы приняло решение изменить направление наступления 56-го моторизованного корпуса и вместо Новгорода направить его через Лугу с задачей выйти на Московское шоссе восточнее Ленинграда. Для этого наступления корпусу дополнительно подчинялась 269-я пехотная дивизия, действовавшая на лужском направлении.

Однако наступать Манштейн пока просто не мог – его войска были истрепаны и понесли серьезные потери (конечно, по меркам 1941 года). *«Потери трех дивизий корпуса достигли уже 600 человек,* – пишет Манштейн, – *…однако 8-й танковой дивизии удалось за несколько дней отдыха довести число готовых к бою танков с 80 до 150 единиц».* А ведь месяц назад в дивизии насчитывалось 212 танков! По советским данным, в боях за Сольцы было захвачено до 400 автомашин. Согласно истории 8-й танковой дивизии, только в ходе боев за Сольцы ее танковый полк безвозвратно потерял 30 танков. [80]

А вот что сообщают нам о потерях 56-го танкового корпуса в июле 1941 года немецкие документы: [81]

Потери 8-й танковой дивизии с 1 3 по 31 июля 1941 года [82]

Июля	Офицеров			Солдат		
	убито	ранено	б/в	убито	ранено	б/в
13	1	2	—	12	52	—
14	2	5	—	6	52	—
15	2	3	—	5	20	—
16	3	7	1	38	215	38
17	—	1	—	23	123	4
18	—	1	—	16	67	4
19	—	—	—	—	10	—
20	—	1	—	7	38	—
21–24 июля потерь нет (дивизия выведена из боя)						
25	1	—	—	6	18	+3
26	Нет данных					
27	—	—	—	4	5	—
28	1	1	—	1	3	—
29	—	1	—	11	35	—
30	Нет данных					
31	—	—	—	5	34	—

Как мы видим, максимальные потери дивизия понесла 16 июля – непосредственно при прорыве из окружения было убито или пропало без вести 80 человек, в том числе 4 офицера; еще 222 человека было ранено. Три сотни человек за день – в 1941 году для немцев это были очень большие потери. Более того, 38 человек пропавшими без вести за день не теряла в июле 1941 года более ни одна из дивизий корпуса Манштейна.

Всего же за неделю советского наступления, с 14 июля и до вывода из боя, 8-я танковая дивизия потеряла 689 человек, из них 146 безвозвратно (в том числе 8 офицеров). Для немцев в 1941 году это были огромные потери – из строя выбыло до 12–15 % боевого состава дивизии.

Скорее всего, реальное число погибших было еще больше – у немцев как раненые учитывались все солдаты, отправленные из подразделений в тыл, без учета последующей смертности на этапах санитарной эвакуации. В годы Второй мировой войны обычное соотношение убитых к раненым в успешных боях (то есть когда солдаты не попадают массово в плен, а раненым успевают вовремя оказать полноценную помощь) составляло один к трем – один к четырем. В немецких же сводках разница между числом убитых и раненых по упомянутой причине могла достигать семи или даже десяти раз.

Заметим, что по другим данным общие потери 8-й танковой

дивизии с начала Восточной кампании и до вывода из боя 20 июля (то есть за 29 дней) составили 1814 человек: убитыми – 24 офицера, 315 рядовых и унтер-офицеров; ранеными – 315 офицеров, 1127 рядовых и унтеров. Пропали без вести один офицер и 32 солдата. [83]

Потери 3-й моторизованной дивизии с 13 по 31 июля 1941 года

Июля	Офицеров			Солдат		
	убито	ранено	б/в	убито	ранено	б/в
13	1	—	—	3	11	1
14	3	8	—	25	138	13
15	3	—	—	12	50	3
16	1	5	1	33	83	1
17	—	4	—	25	92	9
18	1	4	—	13	75	—
19	—	—	—	11	20	—
20	—	1	—	7	46	11
21	1	—	—	—	—	—
22	—	—	—	1	13	—
23	—	—	—	2	21	—
24	—	2	—	28	56	1
25	2	2	—	14	182	3
26	3	2	—	14	37	+3
27	2	4	—	12	33	1
28	—	—	—	11	9	—
29	—	—	—	5	9	—
30	—	—	—	—	10	3
31	—	—	—	11	16	1

Максимальные потери этой дивизии пришлись на 14 июля – встречный бой с 237-й стрелковой дивизией. В этот день 3-я моторизованная дивизия потеряла 187 человек, из них 41 безвозвратно (в том числе 3 офицера). Общие потери дивизии за неделю боев (с 14 по 20 июля) составили 707 человек, в том числе безвозвратные – 181 человек (из них 9 офицеров).

Таким образом, утверждение о разгроме 8-й танковой дивизии, имеющее хождение в нашей военно-исторической литературе с легкой руки Манштейна, документально не подтверждается. 3-я моторизованная дивизия понесла больше потерь, чем 8-я танковая, хотя и не попадала в столь сложное положение. Правда,

3-я моторизованная и находилась в бою несколько дольше… Судя по всему, следует говорить лишь о существенных потерях 8-й танковой дивизии в технике, которая обеспечивала ей ударную силу.

Потери моторизованной дивизии СС «Мертвая Голова» в июле 1941 года

Июля	Офицеров			Солдат		
	убито	ранено	б/в	убито	ранено	б/в
15	1	2	–	22	57	6
16	–	7	1	22	77	–
17	–	–	–	16	22	–
18	–	–	–	12	72	3
19	–	–	–	10	23	–
20	3	–	1	15	64	9
21	1	8	–	?	?	?
22	4	1	–	14	84	–
23	–	–	–	11	40	–
24	3	4	–	44	149	1
25	–	4	–	25	154	2
26	–	4	–	44	187	7
27	1	1	–	6	93	25
28	1	3	–	13	69	–
29	–	2	–	7	34	–

15 и 16 июля дивизия СС «Мертвая Голова» находилась во втором эшелоне 56-го моторизованного корпуса. Тем не менее ее части приняли участие в расчистке коммуникаций корпуса и боях против 183-й стрелковой дивизии. Потери говорят о том, что бои эти были серьезными, а их интенсивность по дням оставалась примерно одинаковой. Общие потери дивизии за шесть дней (15–20 июля) составили 445 человек, в том числе безвозвратные – 121 человек (из них 6 офицеров).

Как мы видим, потери «Мертвой Головы» 21 июля также резко «проседают» – очевидно, в этот день отходящие от Сольцев советские войска оторвались от противника, поэтому на северном берегу Шелони серьезных боев не было. Южнее Шелони на Сольцы наступали 11-я и 21-я пехотные дивизии, о потерях которых мы данных не имеем.

Чтобы определить результат выхода 183-й стрелковой дивизии на тылы 56-го моторизованного корпуса, рассмотрим

потери корпусных частей за период с 13 по 29 июля 1941 года:

Июля	Офицеров			Солдат		
	убито	ранено	б/в	убито	ранено	б/в
13	—	—	—	8	10	—
14	—	—	—	4	11	—
15	1	—	—	1	11	—
16	—	—	—	2	—	—
17	—	—	—	3	6	—
18–19 — потерь не отмечено						
20	—	1	—	—	4	—
21–27 — потерь не отмечено						
28	—	—	—	5	8	—
29	—	1	—	5	22	—

Итак, за пять дней (13–17 июля) потери корпусных частей составили 19 человек убитыми (в том числе один офицер) и 38 ранеными. Честно говоря, эти цифры вызывают серьезные сомнения в своей полноте – таким образом заставляя усомниться и в полноте всех приведенных выше данных. Русские выходят на коммуникации моторизованного корпуса, громят тыловые колонны, захватывают автомобиль с секретными документами, вызывая скандал на уровне Главного командования – но при этом потери *всех* корпусных структур за день составляют пару человек убитыми и десяток раненых, как при налете нескольких бомбардировщиков на автоколонну!

Поневоле возникает вопрос: учитывались ли вообще в сводках о потерях тыловые структуры – транспортные колонны, части снабжения и обеспечения, а также различные интендантские организации и прочая тыловая бюрократия? Или «корпусные части» – это лишь артиллерия, разведывательные и саперные подразделения, непосредственно участвующие в бою с противником?

Но тогда встает и другой вопрос: а не велся ли точно так же учет потерь и на дивизионном уровне? Учитывались в нем *все* потери дивизии или же только потери непосредственно боевого состава («кампфштарке»)?

Пленные эсэсовцы. Лето 1941 года, ленинградское направление

Отсутствие в сводке потерь 8-й танковой дивизии следов полного разгрома одной из трех ее колонн снабжения 15 июля (брошено 60 грузовиков, личный состав разбежался в разные стороны) наводит на мысль о том, что эти потери в сводку не вносились.

Для справки приведем данные о потерях 48-го отдельного саперного батальона (Pi.Btl.48), в июле 1941 года приданного 56-му моторизованному корпусу:

Июля	Офицеров			Солдат		
	убито	ранено	б/в	убито	ранено	б/в
18	–	3	–	11	66	1
19	–	–	–	1	18	–
21	–	–	–	–	1	1

К сожалению, данных о потерях советских войск в боях за Сольцы мы не имеем. Безусловно, они были очень велики, несмотря на явный успех контрудара. Выше уже приводились свидетельства о том, что в ротах 70-й стрелковой дивизии оставалось по 25 человек из 115, а в батальоне – 50 человек. Даже учитывая то, что не вся «убыль» являлась потерями (кто-то мог отстать при отходе и прибиться в «чужое» подразделение, взвод или даже роту могли забрать из батальона и перебросить на другое направление), можно констатировать, что потери в боевом составе отдельных частей 70-й стрелковой дивизии достигали трех четвертей. Безусловно, подобные выводы надо делать крайне осторожно и ни в коем случае не абсолютизировать данные,

полученные из столь малой выборки. Но, увы, других цифр у нас нет…

С учетом того, что в боевых подразделениях дивизии, укомплектованной по полному штату, насчитывалось 7–8 тысяч «штыков», возможная цифра потерь составит 5 или даже 6 тысяч человек. Потерями дивизионных частей, тылов, артиллерии и т. д. можно пренебречь, так как они практически не попадали под непосредственное воздействие противника, подвергаясь лишь ударам артиллерии и авиации). Потери 237-й стрелковой дивизии были явно меньше – оценим их в *3–4* тысячи человек. Потерями 21-й танковой дивизии в столь условных выкладках можно пренебречь, так как из ее состава сражались почти исключительно экипажи боевых машин. При этом не стоит забывать, что речь идет не только о безвозвратных потерях, а в основном о раненых, большинство из которых так или иначе вернутся в строй.

Итак, 8–9 тысяч человек с советской стороны против примерно 1,5 тысячи с немецкой. Даже если предположить, что наша оценка потерь 70-й и 237-й дивизий была существенно завышена, а данные по немецким потерями неполны, то все равно придется признать: и в успешных для нас боях 1941 года противник терял как минимум в три раза меньше, чем мы. Увы, в области тактики в 1941-м (да и в 1942-м) Красная Армия еще сильно уступала вермахту. Чтобы счет потерь хотя бы сравнялся, советским бойцам и командирам надо было еще многому обучиться. А также получить техническое оснащение (в первую очередь транспорт и средства связи), по количеству и качеству как минимум не уступающее аналогичному оснащению противника.

Зато мы можем констатировать, что в июльских боях на дальних подступах к Ленинграду немецкое командование не показало каких-либо выдающихся оперативных способностей. Как только кончился «завод» у первоначально запущенной машины войны и иссякли все «домашние заготовки», немецкие генералы, даже танковые – командирская элита сухопутных войск! – начали то и дело принимать неоптимальные решения и допускать грубейшие ошибки.

Переоценив численность и возможности советских войск под Лугой (в первую очередь из-за решительных действий 177-й дивизии полковника Машошина), Рейнгардт отказался от сулившей успех немедленной атаки и решился на «непрямую операцию» – обойти Лужский рубеж с фланга. Одновременно Манштейн, недооценив противника (а также, возможно, стремясь сгладить впечатление от не слишком успешных действий 56-го

мотокорпуса под Двинском), вырвался вперед – и загнал свои передовые части в котел.

Командующий 4-й танковой группой генерал-полковник Гепнер, который должен был координировать действия подчиненных ему моторизованных корпусов, вместо этого играл роль шестеренки между их командирами и вышестоящими структурами сухопутных войск – командованием группы армий, ОКХ и ставкой фюрера. Он не только не исправил ошибки подчиненных, но допустил разъединение подвижных сил и потерю темпов. В итоге моторизованные корпуса танковой группы оказались на противоположных флангах и независимо действовали на разных направлениях. Между тем залогом успеха «блицкрига» являлись именно концентрация усилий на главной задаче, опережение противника в темпах и парализация его инициативы. Ни то, ни другое, ни третье Гепнеру и фон Леебу не удалось – они лишь растратили капитал, заработанный в Приграничном сражении.

Эрих Гепнер был уволен из армии 8 января 1942 года без права ношения мундира, а спустя два с половиной года повешен по делу о заговоре 20 июля. Вильгельм Йозеф Франц риттер фон Лееб подал в отставку 16 января 1942 года, но в заговорах не участвовал и благополучно отделался тремя годами американской тюрьмы после войны. Зато Рейнгардт, не стремившийся лишний раз спорить с фюрером, сделал блестящую карьеру, к 1945 году дослужившись до должности командующего группой армий «Центр». Манштейн достиг аналогичной должности уже в конце 1942 года, однако все те же неумеренные амбиции привели к его отставке в апреле 1944-го. После войны оба получили 15 и 18 лет тюрьмы соответственно – но уже в 1952 году были амнистированы гуманным англосаксонским правосудием…

* * *

Неудачи преследовали немцев на Новгородском направлении и в дальнейшем. Во второй половине дня 28 июля части 1-го армейского корпуса, наступавшие вдоль южного берега Шелони, вышли к железнодорожному мосту через реку у деревни Ручьи, напротив Шимска. В 16:00 охрана моста вступила в бой. После полуночи мост был взорван, все советские войска отошли в Шимск. Южный берег раки вплоть до озера Ильмень оказался в руках противника.

В ночь с 30 на 31 июля немцы силою до батальона из состава

24-го полка 21-й пехотной дивизии сумели скрытно переправиться через Мшагу у взорванного моста в деревне Мшага-Ямская и заняли деревню Бор в километре от Шимска. Попытки 1-й горнострелковой бригады выбить немцев с плацдарма к успеху не привели. Вечером 31 июля сюда был направлен 68-й полк 70-й стрелковой дивизии с двумя ротами 3-го танкового батальона 42-го полка, а также четыре КВ 5-го танкового полка. Легкие танки старались атаковать под прикрытием тяжелых КВ, пехота 68-го полка действовала впереди танков, чем заслужила от танкистов редкую похвалу.

37-мм противотанковые пушки – трофеи 21 – й танковой дивизии. Судя по всему, орудия захвачены при разгроме плацдарма

24-го полка 21 – й пехотной дивизии западнее Шимска 2 августа 1941 года

Однако сбросить противника с плацдарма не удалось: он навел понтонный мост через Шелонь и перебрасывал на северный берег новые силы. Весь день 1 августа на плацдарме шли тяжелые бои, и лишь к шести утра 2 августа совместными действиями 3-го батальона 42-го танкового полка, 21-го гаубично-артиллерийского полка, 68-го стрелкового полка, а также танков КВ из 5-го танкового полка при поддержке нашей авиации противник был сброшен в реку Шелонь.

На плацдарме было захвачено 35 орудий – в основном 37-мм «дверные колотушки», а также две 50-мм противотанковые пушки и две 150-мм гаубицы; кроме них – 110 винтовок, 6 минометов и большое количество боеприпасов. Помимо этого, эвакогруппа 42-й танковой дивизии со 2 по 7 августа учла и вывезла 13 исправных автотягачей и 3 мотоцикла, около 2000 снарядов и 7000 винтовочных патронов. Таким образом, можно считать, что на плацдарме был разбит и потерял практически всю свою артиллерию 24-й пехотный полк.

Поздно вечером 1 августа немцы попытались поддержать свой плацдарм, организовав под прикрытием артиллерийского огня переправу через Шелонь восточнее села Бор, на фланге 68-го стрелкового полка. Контратакой частей полка при поддержке 6 танков утром положение было восстановлено и здесь. Согласно донесению начальника штаба полка от 22:00 2 августа на левом берегу Шел они противником было оставлено свыше 200 трупов. [84]

3-й батальон 42-го танкового полка в бою 31 августа и 1 июля потерял 12 человек убитыми, 11 пропавшими без вести и 12 ранеными, а также 12 танков Т-26, из которых 6 удалось эвакуировать. Потери 5-го танкового полка за 31 июля составили один КВ.

Советские войска оставили позиции в устье реки Шелонь лишь 12 июля, после прорыва противником Лужского рубежа к северо-востоку от озера Ильмень.

* * *

В завершение рассказа про сражение за Сольцы следует упомянуть еще одну операцию на окружение, проведенную в этом же районе. В ночь на 24 июля противник нанес удар из района Уторгош на левом фланге Лужской оперативной группы, в 15 км восточнее Псковского шоссе на стыке 177-й и 235-й стрелковых

дивизий. Сбив около двух часов ночи боевое охранение 801-го полка 235-й стрелковой дивизии в районе деревни Борки, группа немецкой мотопехоты при поддержке танков преодолела заболоченное бездорожье и вышла на относительно хорошую грунтовую дорогу, ведущую к городу Луга с юго-востока, между рекой Луга и длинным озером Черемецкое.

На рассвете утра немцы заняли Великое Село и, развернувшись в три параллельные моторизованные колонны, двинулись в сторону Луги. Первое сообщение о прорыве было получено по «партийной линии» – из правления колхоза в селе Югостицы в Лужский райком партии по телефону сообщили, что через деревню прошло 20 танков и много машин с автоматчиками. Затем связь оборвалась. К 7 утра мотопехота противника занял село Наволок на восточном берегу озера Черемецкое, а передовой отряд мотоциклистов достиг совхоза Солнцев Берег в 14 км от города Луга. Всего, по данным разведки (возможно, преувеличенным), здесь двигалось до 80 легких танков и танкеток а также до полка пехоты на грузовиках.

Командир 41-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Астанин приказал командиру 24-й танковой дивизии полковнику М. И. Чеснокову силами находящегося на этот момент в районе Луги 49-го танкового полка атаковать в направлении Великое Село, Югостицы и Наволок, где отрезать и уничтожить прорвавшуюся вражескую группировку. Из состава 177-й стрелковой дивизии для ликвидации прорыва был выделен 502-й полк, из состава 235-й дивизии – 801-й полк, которые частью своих сил должны были подержать атаку танкистов.

• 1-й батальон полка (10 танков) под командованием капитана Прядуна был направлен от Луги по довольно сложному маршруту – через Бор, вдоль берега реки Луга на село Торошковичи, откуда при поддержке пехоты 801-го полка должен был ударить по восточному флангу противника. Батальон начал марш уже в 7:30.

• Отряд 2-го батальона в составе 2 машин КВ и взвода танков БТ должен был атаковать противника в лоб от села Бор прямо на Солнцев Берег и далее на Наволок. Его поддерживал батальон 502-го стрелкового полка

• Сводная рота 3-го батальона (15 танков) под командованием самого полковника Чеснокова, вышедшая в 10:30, обходила озеро Черменецкое с запада и от села Конозерье атаковала на восток, в направлении Великого Села. С группой Чеснокова должен был идти десант мотострелков, однако во всех последующих описаниях боя он не упоминается.

Таким образом одна группа сковывала противника встречным

ударом тяжелых машин КВ, в то время как две другие должны были ударом с двух сторон перехватить его коммуникации, выйдя на них у села Югостицы и южнее, в Великом Селе.

В 14:20 (по другим данным – в 16:20) группа капитана Прядуна достигла деревни Лунец, развернулась в боевой порядок и, не дожидаясь подхода пехоты, атаковала Югостицы, лежащие в 4 км к западу. Однако в Югостицах уже развернулась противотанковая артиллерия противника. Ее огнем атака танков была отбита; потеряв 4 машины БТ, группа Прядуна отошла в лес в километре восточнее села Лунец. В бою погибло 9 танкистов – экипажи трех погибших машин; еще три человека из экипажа четвертой были ранены. В числе погибших был командир танковой роты, Герой Советского Союза, лейтенант В. К. Пислегин. Танкисты доложили, что уничтожили танкетку и бронемашину противника, а также две противотанковых пушки.

Тем временем вторая группа танков вместе с 3-м батальоном 502-го стрелкового полка атаковала противника в районе совхоза Солнцев Берег. Одновременно 51-й корпусной артполк и 3-й дивизион артполка АКУКС нанесли мощный удар по скоплению вражеской техники в деревне Наволок; огонь корректировался постом, выдвинутым в район санатория «Красный Вал» на берегу Черменецкого озера.

Танки КВ прошли немецкие позиции, раздавив два 75-мм полевых орудия и подбив (по докладам танкистов) два «средних танка». Красноармейцы ворвались в совхоз, но из-за плохо налаженного взаимодействия танков с пехотой продвинуться дальше не удалось. Огнем немецкой артиллерии был уничтожен один БТ и подбиты оба танка КВ. Один из них своим ходом вышел из боя, но у второго оказалась перебита гусеница, он потерял ход и остался в глубине обороны противника. Очевидно, какое-то время танк вел бой, а затем взорвался. Причина взрыва установлена не была – последующий осмотр не обнаружил пробоин от снарядов. Судя по всему, внутри танка взорвались два ящика запалов от гранат Ф-1, отчего сдетонировал боезапас.

Группа полковника Чеснокова к вечеру 24 июля незаметно для противника сосредоточилась на опушке леса в километре от Великого Села, напротив села Заречье. Атаковав на закате, к 23:00 танкисты заняли Заречье и Великое Село, захватив здесь два мотоцикла и разбитый грузовик. Как вспоминал один из участников этого боя: *«Нам дали приказ преследовать и уничтожать прорвавшиеся части противника. Но когда мы вошли в деревню, там не было ни фашистов, ни местных жителей* ». [85]

Таким образом, единственная дорога, по которой могла снабжаться прорвавшаяся группировка, была перехвачена.

Моторизованный полк и до батальона танков оказались в тактическом окружении.

В ночь на 25 июля командир 177-й стрелковой дивизии полковник Машошин отправил в штаб корпуса донесение об обстановке. Из него следовало, что одновременно с наступлением на Наволок и Солнцев Берег часть сил противника двинулась от Югостиц на Петровскую Горку и Гасткино по западному берегу Череменецкого озера:

«Вечером 24.07.41 г. противник сосредоточил большие силы перед передним краем полосы обеспечения на нашем левом фланге и соседа слева на рубеже: лес вост. Солнц [ев] Берег, Гасткино, в районе Югостиц, Погост Петровский… Скопление до 300 автомашин с артиллерией в лесу восточнее Дубравки. Колонна пехоты силой до двух батальонов в движении из Погоста Петровского на Горки Петровские.. » [86]

25 июля бой продолжился. Утром к группе капитана Прядуна в районе деревни Лунец подошла рота 801-го полка 235-й стрелковой, несколько позднее – еще две роты. Сюда же был направлен 1-й дивизион 24-го гаубично-артиллерийского полка. Тем временем артиллерийские наблюдатели 710-го гаубичного полка 177-й дивизии заметили, как группа немцев (два грузовика в сопровождении мотоциклистов) проскочила от Наволока на Торошковичи у левого берега реки Луга.

Около полудня танкисты капитана Прядуна вновь перешли в атаку и на исходе дня сумели занять село Югостицы. В бою было потеряно два БТ, один из них безвозвратно (сгорел), еще два танка имели технические поломки. Однако среди танкистов было всего двое раненых – получили ожоги в горящей машине. Были уничтожены противотанковое орудие и грузовик немцев. С этого момента основные силы прорвавшейся группы были блокированы на восточном берегу Череменецкого озера в районе села Наволок; очевидно, какая-то маневренная группа осталась в районе Гасткино и Петровской Горки на западном берегу

Тем временем противник трижды пытался атаковать Великое Село с юга от села Шубино, но всякий раз отбрасывался назад огнем танков полковника Чеснокова. Наконец около 15 часов немцы открыли по Великому Селу и Заречью мощный артиллерийский огонь. Деревянные дома загорелись, и танкисты, не имея поддержки пехоты, вынуждены были отойти на север, к деревне Чайково, заняв оборону по восточной опушке леса за речкой Кукса, фронтом к дороге, чтобы перекрывать ее своим огнем. На этот момент в группе Чеснокова имелось 9 танков БТ, столько же Т-26 и один подбитый КВ. Это больше, чем выступило на марш 24 июля – очевидно, ночью к группе подошло

подкрепление.

Заняв Великое Село, немцы начали атаку вдоль дороги на север. Огнем танков из леса были подбиты три грузовика и два мотоцикла. Всего за день 25 июля группа Чеснокова потеряла два танка уничтоженными (сгорели), еще два оказались повреждены. Погибло 6 человек (экипажи сгоревших танков), еще 10 человек было ранено.

Немецкое командование оперативно среагировало на неудачу прорыва. Уже вечером 25 июля противник оставил село Наволок и отошел на юг. Днем 26 июля части 502-го стрелкового полка и 2-й батальон 49-го танкового полка заняли деревню Репьи у южного края озера и вышли к Югостицам. Одновременно сюда же отошли с юга танкисты полковника Чеснокова. Окруженный противник исчез – будто бы его и не было. Вечером части 235-й стрелковой дивизии и танки 49-го полка заняли Великое Село; немцы, не оказывая сопротивления, отошли южнее на Горки.

Судя по всему, в ночь с 25 на 26 июля немецкие танки и пехотинцы незаметно обошли Югостицы с запада (возможно, использовав дорогу по берегу Луги через Торошковичи). Не исключено, что часть тылов они успели оттянуть назад еще днем 25 июля, до взятия Югостиц группой капитана Прядуна и батальоном 235-й стрелковой дивизии.

Одновременно с атакой вдоль озера Черменецкое противник предпринял наступление на главном направлении. Утром 24 марта 269-я пехотная дивизия атаковала позиции 483-го полка 177-й стрелковой дивизии: одним полком на Псковском шоссе, а другим – вдоль железной дороги от станции Лямцево через Крошново на Серебрянку. Здесь немцам удалось прорвать оборону 1-го батальона 483-го полка и выйти к станции Серебрянка. В бою, поднимая бойцов в контратаку, погиб командир 483-го полка подполковник Харитонов. На следующий день противник продолжил наступление, продвинувшись за два дня на 10–12 км и выйдя на рубеж Серебрянка, Ретюнь.

Оперативная сводка штаба 41-го стрелкового корпуса от 18:00 26 июля 1941 года сообщала:

«1. На правом фланге 177 сд противник нанес удар силами до двух полков и около 10 танков при поддержке артиллерии и минометов. С 12:00 до 13:00 захватил пос. Серебрянка и подошел к Червище.

2. В Югостицах, Дубровке танковый батальон 24 тд с отрядом 235 сд в 6:00 отбросил противника на Великое Село, уничтожил до 20 грузовых автомашин с пехотой, две легковые машины с офицерами и один мотоцикл. Разбитая югостицкая группировка противника под прикрытием своей пехоты отошла на

Борки, Дедино, Добрыни, Турская Горка.

В Лишницы и Нежадва отмечена пехота с артиллерией и танками неустановленной численности. В районе Югостиц разбито до полка мотопехоты противника.

3. 177 сд ведет упорные бои на своем правом фланге вдоль железной дороги Серебрянка – Луга». [87]

27 июля поступил приказ командира 41-го стрелкового корпуса вывести части 49-й танковой дивизии – 24-й гаубичный артполк и 1-й танковый батальон капитана Прядуна (в который к этому времени было сведены оставшиеся 22 машины) – на помощь маневренной группе полковника Родина для отражения немецкого наступления вдоль Псковского шоссе.

Пока нельзя точно установить, какая именно немецкая часть принимала участие в этом наступлении и какие потери она понесла. Неизвестно, были это силы 269-й пехотной дивизии либо какая-то из приданных ей подвижных частей. Однако в нашем распоряжении имеется сводка потерь 269-й немецкой пехотной дивизии за период с 20 по 31 июля (с момента передачи 56-му армейскому корпусу):

Июля	Офицеров			Солдат		
	убито	ранено	б/в	убито	ранено	б/в
20	—	1	—	3	55	1
21	1	1	—	?	?	?
22	—	—	—	2	5	—
23	—	—	—	5	16	—
24	—	5	—	19	40	—
25	3	1	—	14	82	5
26	3	—	—	24	128	5
27	—	1	—	5	20	—
28	—	3	1	2	117	29
29	—	—	—	6	17	+8
30	—	1	—	6	24	1
31	—	1	—	1	7	+3

Как мы видим, потери дивизии начинают резко расти с 24 июля, а их пик приходится на 26–28 июля. При этом низкие потери

27 июля, возможно, объясняются отсутствием своевременных донесений от частей, по каковой причине часть их оказалась «перенесена» на следующий день. Данные по убитым за

28 июля выглядят не совсем правдоподобно. Тем не менее из приведенной сводки следует, что за неделю боев с 24 по 30 июля

дивизия потеряла 551 солдата, в том числе 112 убитыми (из них 7 офицеров). Из этого числа на 26–27 июля приходится 61 убитый и пропавший без вести и 270 раненых. Особое внимание привлекают 29 солдат, пропавших без вести 28 июля (возможно, что не за один, а за два дня), из которых 29-го к своим вышло 8 человек.

* * *

К сожалению, история с окружением моторизованной группы противника в районе Череменецкого озера весьма показательна для 1941 года. Противнику, попавшему в весьма сложную ситуацию, удалось не просто вырваться из кольца без существенных потерь, но и сделать это незаметно для блокирующих войск. Разберем подробнее причины, по которым так получилось.

Командир 41-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант Астанин принял совершенно правильное решение «наносить контрудар, а не булавочный укол» [88] . А затем он поручил его выполнение командирам 177-й и 235-й стрелковых дивизий, не проконтролировав их действия и не организовав взаимодействие между ними – хотя последнее являлось его прямой обязанностью как старшего начальника.

Для ликвидации прорыва формально были выделены серьезные силы – два стрелковых полка. Однако фактически от каждого полка в бою участвовало не более батальона, да и те начали действовать с большим опозданием.

Взаимодействие танков с пехотой было организовано из рук вон плохо. Увы, такое положение продолжалось у нас вплоть до конца 1942 года. И не только потому, что пехота (как на это часто жаловались танкисты) проявляла нестойкость, пряталась за танками либо вообще не желала идти в бой. Командиры стрелковых подразделений, лейтенанты и капитаны, зачастую призванные перед войной из резерва, просто не получили от своих начальников никаких более-менее подробных инструкций. Они могли организовать атаку или отход, но совершенно не представляли, как действовать в неожиданной для них ситуации – при блокировании маневренной группы противника на незнакомой местности в условиях отсутствия сплошного фронта.

Командиров полков тоже можно понять – они и сами-то плохо представляли себе обстановку и задачи контрнаступления, имея лишь сформулированные в общих словах приказы. Через год-полтора они научатся самостоятельно действовать в подобных

ситуациях: сами организовывать добычу информации о противнике, лично устанавливать контакты с соседом (зачастую через голову непосредственного руководства), автоматически, без приказа и понукания, предпринимать те или иные стандартные действия. Но это случится потом. Пока же война шла всего месяц, а дивизии участвовали в боях и того меньше.

В данном случае значительная часть вины лежит на самом командире 24-й танковой дивизии полковнике М. И. Чеснокове. Человек безусловной личной храбрости, он явно «застоялся» в роли командира, который ничем не командует, а его подразделения мелкими группами придаются тому или иному соединению. В результате он лично отправился в бой – вместо того, чтобы находиться на командном пункте 177-й стрелковой дивизии или даже 41-го корпуса, руководить действиями трех своих «боевых групп» и организовывать их взаимодействие с пехотой «сверху», через штабы стрелковых соединений.

Кстати, именно в этой роли существование штаба 24-й танковой дивизии, в подчинении у которой находился всего один танковый полк, было бы вполне оправданным. Немцы специально организовывали подобные структуры, странные на первый взгляд: танковая бригада, в которую входит один танковый полк, но при этом и там, и там имеется по своему штабу.

На деле при этом штаб полка осуществляет «вертикальное» руководство батальонами, а штаб бригады организует «горизонтальное» взаимодействие с танковыми или пехотными частями других дивизий.

В результате группа самого Чеснокова действовала совсем без пехоты, а в группе капитана Прядуна взаимодействие с пехотой было налажено только на второй день, после чего удалось без особых проблем и потерь захватить ключевую деревню Югостицы. Днем 24 июля в атаке на Солнцев Берег 2-й батальон 49-го танкового полка не смог организовать взаимодействие с пехотой 502-го стрелкового полка, хотя времени для этого было предостаточно. Ценнейшая машина КВ со всем экипажем была потеряна из-за отсутствия взаимодействия внутри самого танкового батальона (и, возможно, из-за халатности экипажа).

После того, как с захватом Великого Села в ночь на 25 июля были перехвачены коммуникации вражеской группировки, никто из тактических командиров не догадался организовать разведку ее действительного местонахождения, не говоря уже о выяснении маневров и намерений противника. Не было проведено разведки местности с выявлением всех дорог и троп, по которым противник имел возможность обойти наши заслоны. В итоге оказался упущен крупный по меркам сорок первого года успех.

Хорошо проявила себя артиллерия – как корпусная, так и дивизионная. Но, в принципе, это не удивительно: высокую эффективность советской артиллерии и хорошую подготовку артиллеристов немцы признавали всегда.

Таким образом, командирам Красной Армии еще предстояло многому научиться. Но июльские бои показали главное: немецкие войска, даже танковые дивизии, можно не только остановить, но и разбить.

Борис Кавалерчик. Сражение за Ельню

Великая Отечественная война началась по германскому сценарию. На СССР обрушился удар чудовищной силы, масштабы которого советское руководство осознало не сразу. И дело было не только в количестве сил и средств, задействованных Германией по плану «Барбаросса», хотя и они были немалыми. Не менее важным было высокое качество этих войск и их командования. Солдаты, офицеры и генералы вермахта были заранее отмобилизованы, отлично обучены, вооружены, оснащены и организованы. В большинстве своем они обладали свежим опытом ведения современной войны. Как никогда высоки были их боевой дух и уверенность в себе. Это была уверенность людей, умеющих и привыкших побеждать любого противника.

Противостоящие им бойцы и командиры Красной Армии уступали им по всем этим параметрам. Средний уровень образования и боевой подготовки личного состава РККА, от простых красноармейцев до высшего командования, был существенно ниже, чем у их немецких оппонентов. То же самое относилось к организованности и сколоченности советских подразделений, частей и соединений, их умению взаимодействовать между собой и с другими родами войск. Иными словами, вермахт заметно превосходил предвоенную Красную Армию в главном – в умении воевать. Были у РККА и другие недостатки, значительно снижавшие ее боеготовность. Война застала вооруженные силы Советского Союза на стадии развертывания и переоснащения новой техникой. Из-за этого многие новые танки и самолеты, которые формально находились в войсках, на деле все еще не были достаточно освоены их экипажами и не могли быть полноценно использованы в бою. В результате приобретения в 1939–1940 годов новых территорий Карелии, Прибалтийских республик, Западной Белоруссии, Западной Украины, Бессарабии и Северной Буковины большое количество войск пришлось перебазировать на другие места дислокации, заниматься их оборудованием и строительством укреплений. Срочно разрабатывались новые планы войны, создавались и переформировывались многочисленные части и соединения. Все эти мероприятия, так и не завершенные до начала войны, отвлекали красноармейцев от повседневной учебы и отрицательно сказывались на их и без того низкой боевой подготовке. Военные действия, в которых участвовал СССР в

1939–1940 годах, наглядно выявили существенные недостатки его вооруженных сил, но на их исправление до начала войны времени уже не хватило…

Итоги первых приграничных сражений были вполне закономерными. За короткое время начального периода войны Красная Армия понесла без преувеличения ужасающие безвозвратные потери в людях и технике. Достаточно сказать, что за первые 18 суток войны в Прибалтике были утрачены 2523 танка (среднесуточные потери – 140 машин), за тот же срок в Белоруссии – 4799 танков (среднесуточно – 267), а на Украине только за 15 дней – 4381 танк (среднесуточно – 292) [89] . Даже во время знаменитой битвы на Курской дуге среднесуточные советские потери составили 85 танков [90] , то есть в несколько раз меньше. Многие тысячи танков, на создание которых перед войной расходовались громадные средства, были растрачены быстро и бесполезно, не оказав заметного влияния на ход боевых действий. Немногие формирования кадровой Красной Армии, сумевшие избежать окружения и полного уничтожения в приграничных сражениях и сильно поредевшие в кровопролитных боях, под непрерывным натиском немцев откатывались все дальше и дальше на восток.

После первых своих головокружительных успехов немцы полагали, что победа уже близка. Перед началом войны они рассчитывали, что им будут противостоять 200–300 советских дивизий, а после их разгрома германские войска уже никто и ничто не остановит. Но вскоре германскому командованию пришлось убедиться в том, что оно жестоко просчиталось. На пути вермахта вставали все новые и новые советские части и соединения. Только за первое военное полугодие в СССР были вновь сформированы 391 дивизия и 270 бригад, а еще 28 дивизий и 35 бригад были созданы на базе других соединений. Таким образом, вместе с 303 дивизиями и 22 бригадами, имевшимися в Красной Армии к началу войны, общий ресурс составил 885,5 расчетных дивизий [91] ! Эти формирования часто не были обучены должным образом, не имели вооружения, снаряжения и личного состава по полному штату, нередко оснащались устаревшими образцами оружия и боевой техники – но они существовали, и они сражались. Больше того, сражались активно, не уходя в глухую оборону. Одним из немногих успешных примеров советских контрударов первого периода войны и является Ельнинская наступательная операция.

Во главе Резервного фронта, который ее проводил, стоял генерал армии Г. К. Жуков, переведенный туда с поста начальника Генштаба 30 июля 1941 года. Его главной задачей

была ликвидация ельнинского выступа, который оценивался советским военным руководством как удобный передовой плацдарм для наступления на Москву – ведь Ельня находилась от нее всего в трехстах километрах. По этой же причине за него упорно цеплялись и немцы. Кроме этого, они не хотели сдавать Ельню из соображений престижа. В результате за этот город завязалась упорная кровопролитная борьба, в которой никто не хотел уступать.

В советских источниках эти бои подробно освещаются главным образом с советской стороны, причем более или менее детальный рассказ ведется о заключительной стадии сражения – наступлении Красной Армии, начавшемся 30 августа и завершившимся взятием Ельни. Найти полную информацию обо всем сражении и полные сведения об участвующих в нем немецких войсках очень нелегко. Данная работа является попыткой восполнить пробелы в знаниях об этом недостаточно изученном, но, несомненно, очень важном эпизоде Великой Отечественной войны.

* * *

Ельня была захвачена частями 10-й танковой дивизии из состава 46-го танкового корпуса 2-й танковой группы Гудериана 19 июля 1941 года. Немцы начали атаку около 3 часов дня, но скоро наткнулись на длинный противотанковый ров, вырытый в 2 км западнее Ельни. Немецкие танки повернули на север, форсировали ров, используя в качестве прохода пересекающую его железнодорожную насыпь, и ворвались в горящий город вместе с сопровождающей их мотопехотой и мотоциклистами.

К девяти вечера немцы полностью овладели Ельней, в жестоких уличных боях выбив из нее подразделения советской 19-й стрелковой дивизии. Дольше всего держались защитники городского железнодорожного вокзала, но и он в итоге пал. Немецкие танки израсходовали в этом бою последние капли горючего. На следующий день горючее подвезли, и 10-я танковая дивизия сумела продвинуться еще немного на восток. На большее у дивизии уже не хватило сил – ведь на 22 июля в ее строю числилось всего 9 танков – 5 легких Pz.II и 4 средних Pz.HI [92] – из 200, с которыми она пересекла советскую границу [93] . Остальные частью вышли из строя из-за поломок, а частью были подбиты или сожжены в непрерывных боях. 46-й танковый корпус, начиная с 28 июня, прошел от границы с боями около 1000 км, и это не могло не сказаться на его возможностях. Немцы были

вынуждены остановиться, но спокойно отдохнуть им так и не удалось. Никто из них тогда не смог бы предугадать, что эта временная остановка затянется на долгих полтора месяца и закончится сдачей Ельни.

Еще более неожиданным стал сам характер этого сражения: в отличие от маневренных и динамичных боев, которые германская армия вела с самого начала Второй мировой войны, под Ельней ей пришлось занять жесткую оборону. Немцы были вынуждены зарыться в землю и под почти непрерывными артобстрелами отражать многочисленные и настойчивые атаки советской пехоты, временами поддерживаемой танками. Эта продолжительная и жестокая бойня во многом напоминала кровопролитные бои на истощение времен Первой мировой войны – тем более что пока ни одно сражение после ее окончания не стоило немцам стольких жертв, как битва за ельнинский выступ.

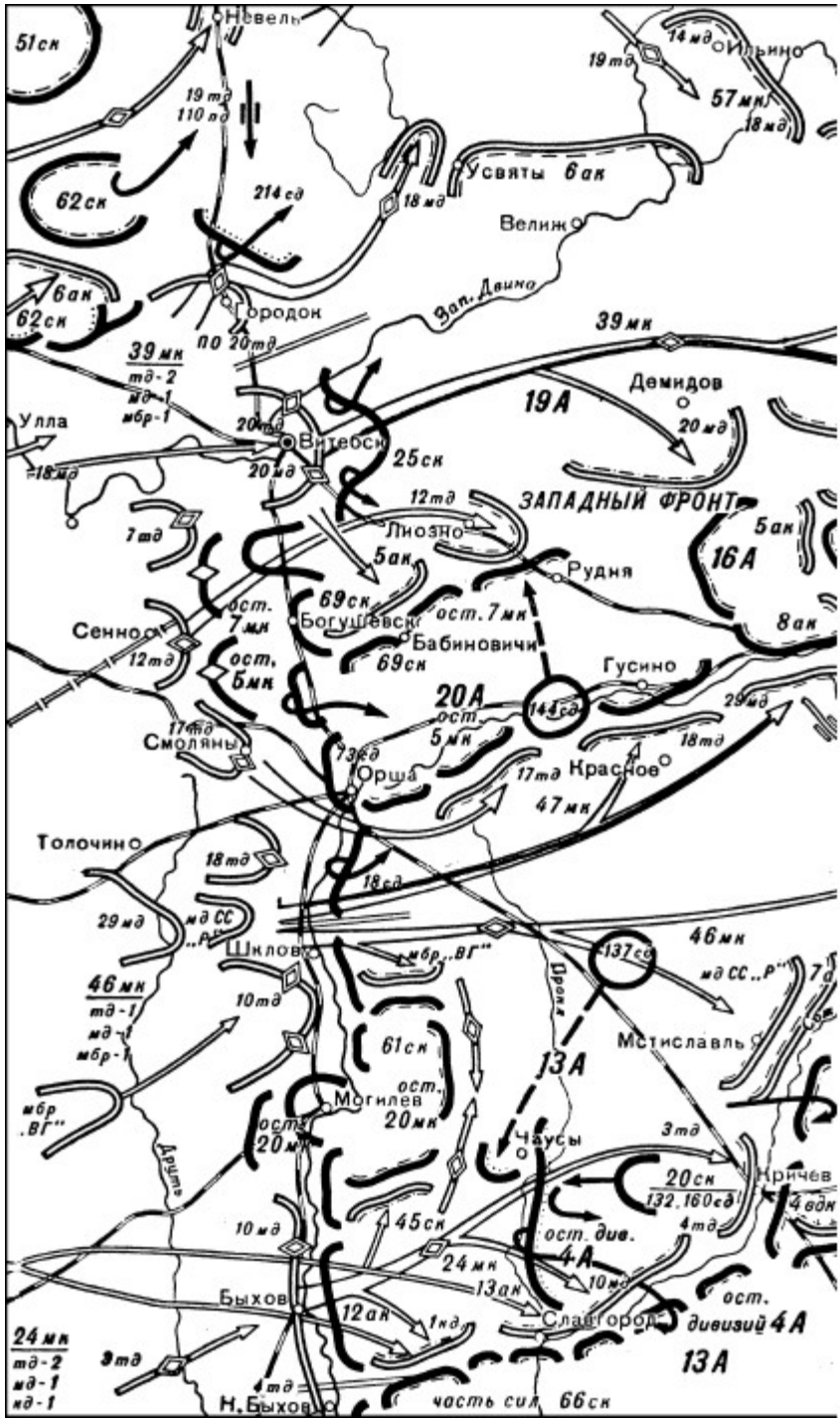
Выступ имел сравнительно небольшие размеры – приблизительно 20 километров в ширину и 30 километров в глубину.

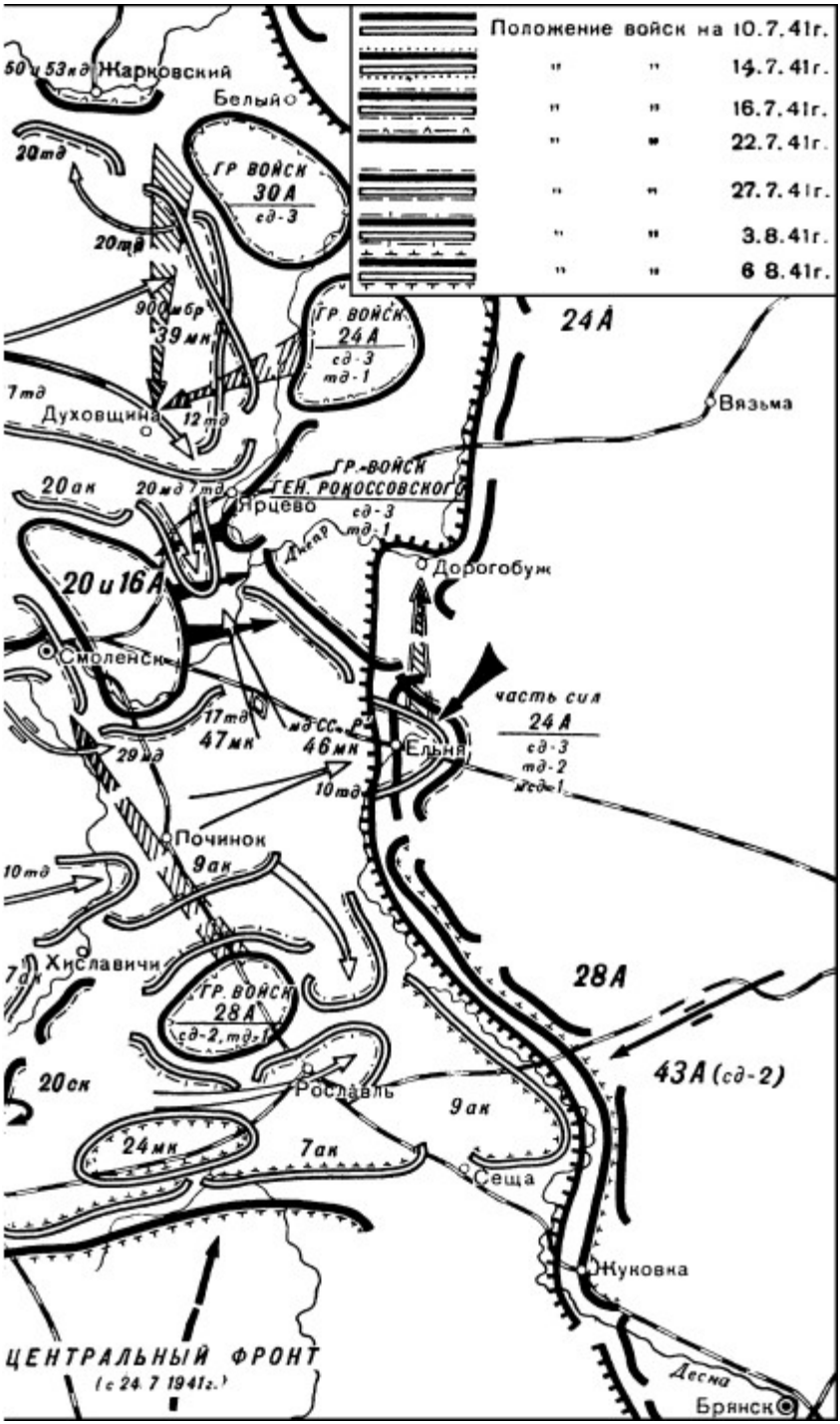
Обороняли его на первых порах только 10-я танковая дивизия генерал-лейтенанта Шааля и моторизованная дивизия СС «Рейх», которой командовал генерал-лейтенант Хауссер. Немецкая пехота в это время далеко отстала от подвижных частей 2-й танковой группы «быстроходного Гейнца» Гудериана.

Советские контратаки начались уже на следующий же день после потери Ельни, 20 июля. Вначале они проводились силами 19-й и 120-й стрелковых дивизий при поддержке 104-й танковой дивизии, а через 3 дня боев 104-ю сменила 105-я танковая дивизия. Но командование Резервного фронта, которым тогда руководил генерал-лейтенант И. А. Богданов, существенно недооценило силы немцев, овладевшие ельнинским выступом. Еще 22 июля оно полагало, что имеет дело только с двумя батальонами, усиленными артиллерией и танками [94] – тогда как на самом деле там находились две отборные германские дивизии.

Поэтому благоприятный момент, когда немцы еще не успели толком закрепиться и подтянуть резервы, был упущен: первые атаки проводились сравнительно небольшими силами и не смогли смять немецкую оборону. Между тем изначально она была не сплошной, а состояла из отдельных опорных пунктов. При этом немцы постоянно испытывали острый недостаток снарядов и не могли надежно прикрыть огнем промежутки между своими позициями. Ельня стала самым восточным пунктом, достигнутым к тому времени вермахтом. Боеприпасы сюда приходилось подвозить со складов, оставшихся в глубоком тылу, в 450 км

западнее. Наладить их бесперебойную доставку, да еще по немногочисленным дорогам, разбитым непрерывным движением транспорта и боевой техники, а вдобавок размытым дождями, было практически невозможно. Обе стороны активно поддерживали свои наземные войска авиацией.


Невель
Городок
Витебск
Улла
Сенно
Смоляны
Толочино
Шклов
Могилев
Быхов
Н. Быхов
Усвяты
Велиж
Зап. Двина
Демидов
Лиозно
Рудня
Богушевск
Бабиновичи
Гусино
Орша
Красное
Ильино
Мстиславль
Чаусы
Кричев
Славгород
Друть
Проня
51 ск
62 ск
6 ак
214 сд
39 мк
19 А
25 ск
ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ
16 А
5 ак
8 ак
69 ск
20 А
144 сд
73 сд
47 мк
46 мк
61 ск
13 А
20 мк
45 ск
24 мк
4 А
20 ск
132, 160 сд
4 вдк
12 ак
13 ак
66 ск
часть сил
24 мк
тд-2
мд-1
мд-1



Боевые действия в районе Смоленска **с** *10 июля по 9 сентября 1941 года*

22 июля 46-й танковый корпус, имея 10-ю танковую дивизию справа и моторизованную дивизию СС «Рейх» слева, преодолевая

яростное сопротивление русских, сумел еще немного продвинуться в южном и восточном направлениях. Немцы овладели важными высотами, господствующими над местностью (в том числе высотой 125,6), а также захватили деревни Липня и Пронино. Бой продолжался до самой полуночи. Моторизованный полк «Великая Германия» из состава того же 46-го танкового корпуса в это время прикрывал его южный фланг, на котором в тот день было спокойно. С раннего утра следующего дня начались сильные советские контратаки, но немцам при поддержке штурмовых орудий дивизии «Рейх» удалось не только устоять, но и улучшить свои позиции. Только разведывательный батальон «Рейха» в районе села Глинка оказался оттеснен назад. Все наличные эсэсовские подразделения были брошены в это сражение, даже саперные роты приходилось использовать в качестве последнего резерва для контратак. На участке полка «Великая Германия» в тот же день начались тяжелые бои южнее села Шаталовка.

24 июля моторизованная дивизия СС «Рейх», защищавшая северный фас выступа и растянутая на 38 км, была атакована многочисленной советской пехотой при поддержке танков. Бои начались с самого утра. Именно с севера немцы испытывали тогда наиболее сильное давление – ведь там до 5 августа пытались вырваться из немецких клещей советские войска, окруженные в районе Смоленска. Атаки следовали одна за другой, но проводились они ограниченными силами, численностью только до батальона, слабо поддерживались артиллерией и поэтому были отбиты с большими потерями для атакующих.

Одним из многочисленных боевых эпизодов того горячего дня стал поединок советского танка Т-34 с германской 105-мм гаубицей. Орудие открыло огонь по своему противнику прямой наводкой с дистанции 1800 м и добилось попадания с 1,5 км. Вслед за первым снарядом в танк угодили и другие – но бронебойные снаряды гаубицы со сравнительно низкой начальной скоростью в 395 м/с оказались бессильны перед прочной наклонной лобовой броней «тридцатьчетверки» и только рикошетировали от нее. В бой вступила 37-мм немецкая противотанковая пушка, но и она ничего не смогла добиться и была раздавлена танком. Очередной гаубичный снаряд попал в танк с расстояния всего 15 м, его осколками был ранен командир немецкой батареи, но танк продолжал упрямо двигаться вперед, явно намереваясь раздавить и это орудие вместе с его расчетом. Наконец, последний снаряд, выпущенный в упор, с дистанции в 6 м, поразил танк точно в уязвимое место – люк механика-водителя. Люк был вдавлен внутрь корпуса, танк остановился

всего в 5 метрах от гаубицы и загорелся. От пожара взорвался боекомплект… [95]

Но не всюду немцам сопутствовал успех. Во второй половине дня в районе деревни Ушаково германская оборона была прорвана, и там тотчас же создалась критическая ситуация. Для удержания фронта в бой пришлось бросить последний резерв эсэсовцев – дивизионный саперный батальон при поддержке 3 штурмовых и 4 противотанковых орудий под личным командованием начальника штаба моторизованной дивизии СС «Рейх» Остендорфа. Саперы пошли в контратаку в 6 часов вечера и в тяжелейшем бою, местами переходившем в рукопашные схватки, сумели восстановить положение.

На следующий день несколько советских танков прорвались через стык между дивизией «Рейх» и 10-й танковой дивизией, а три из них сумели добраться почти до самой Ельни. Оборонявшимся понадобилось около часа, чтобы отбить эту атаку. Последний танк был уничтожен ротой охраны штаба корпуса. На поле боя осталось 16 подбитых машин [96] , а всего, согласно немецким докладам, 25 июля «Рейх» и 10-я танковая дивизия уничтожили 78 советских танков [97] . Усложняла положение немцев советская авиация, полностью господствовавшая тогда в воздухе. Самые упорные бои опять разгорелись за деревню Ушаково – в течение нескольких последующих дней она неоднократно переходила из рук в руки.

Львиная доля снарядов, доставленных в распоряжение 46-го танкового корпуса, немедленно направлялась на участок дивизии «Рейх» – ведь именно на нее пришлась основная тяжесть боев. Ее заявки на авиационную поддержку тоже выполнялись в первую очередь, а мотоциклетный батальон 10-й танковой дивизии был срочно отправлен в ее распоряжение в качестве резерва для контратак. Однако наиболее эффективные резервы немцев у Ельни – танки 10-й танковой дивизии – в тот день опять стояли без горючего. Это было отмечено в донесении начальника штаба Фронта резервных армий генерал-майора Ляпина в Генштаб от 25 июля, в котором, в частности, сообщалось:

«…Силы противника точно не установлены. Имеется мотопехота с большим количеством минометов и автоматического оружия, 50–60 танков – последние активности не проявляют…» [98]

Немцам пришлось бы намного труднее, если бы атакующие их советские танки были поддержаны пехотой, но в то время командиры РККА часто еще не умели налаживать эффективное взаимодействие между разными родами войск. Больше того, приведенное донесение свидетельствует о том, что даже после

недели боев советской разведке так и не удалось выявить германские силы у Ельни.

Убедившись, что стандартные 37-мм немецкие противотанковые пушки не в состоянии успешно бороться с танками Т-34 и КВ, командир 46-го танкового корпуса фон Фитингоф сумел выпросить у зенитчиков 88-мм орудия, которые могли подбить любой советский танк с дистанции свыше 1000 м. Такие пушки использовались немцами в качестве противотанковых на протяжении всей обороны ельнинского выступа и зарекомендовали себя буквально незаменимыми. Большую помощь своим наземным войскам оказывало и Люфтваффе; особенно эффективно действовали пикировщики Ю-87. Успеху немецкой обороны во многом способствовала подвижность войск: немцы могли быстро перебрасывать подкрепления со спокойных участков фронта на угрожаемые. Например, когда утром 26 июля новые атаки, каждая силами до батальона, подержанные танками и авиацией, обрушились на моторизованную дивизию СС «Рейх» вдоль всего ее фронта и дивизия запросила помощь, на выручку ей немедленно пришел подвижный резерв 10-й танковой дивизии.

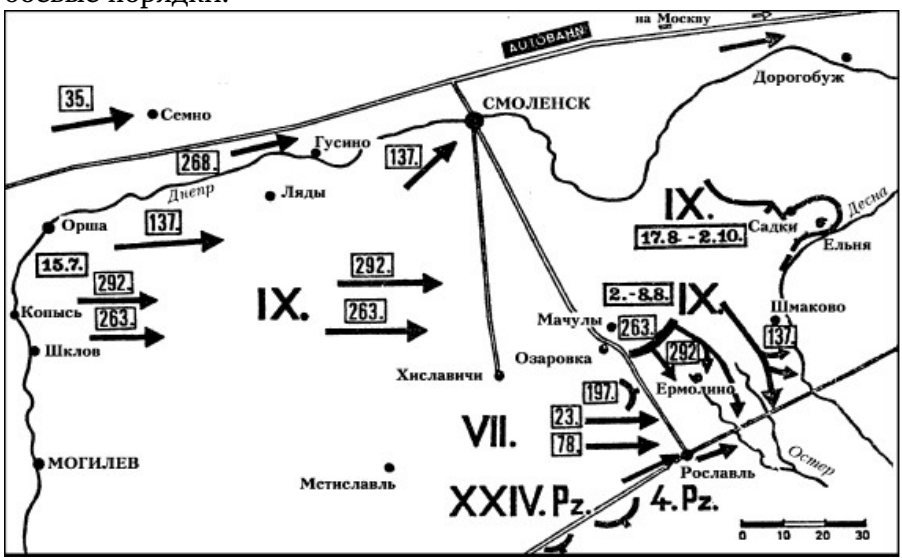
Зато все больше и больше досаждал немцам огонь советской артиллерии. Его интенсивность росла с каждым днем, и немецкие донесения постоянно это отмечали. Командование «Рейха» жаловалось в штаб корпуса, что эвакуация раненых с передовой стала невозможной из-за постоянного невыносимого артобстрела. В то же время германские орудия часто были вынуждены молчать по причине хронического недостатка боеприпасов. На каждую батарею выделялось ежедневно всего 80 снарядов. Самолеты Люфтваффе несколько облегчали ситуацию, штурмуя пехоту и артиллерийские позиции русских, но полностью заменить артиллерию они, конечно же, не могли. Природные условия тоже не благоприятствовали немцам: местность на юге выступа была болотистой и поросла густыми кустарниками, которые позволяли атакующим незаметно подбираться вплотную к немецким позициям в условиях отсутствия сплошного фронта.

Но главные проблемы немцев, защищавших ельнинский выступ, заключались в острой нехватке сил. Четырнадцать имеющихся в наличии батальонов 46-го танкового корпуса были растянуты на 50-километровом фронте. Батальонам нередко приходилось удерживать фронт шириной 4–5 км, в то время как по уставу он не должен был превышать и 2 км. Так, 3-й батальон 11-го полка СС дивизии «Рейх» вечером 2 августа насчитывал 285 человек, при этом ему приходилось обороняться на участке шириной в 5 км [99] .

Кроме того, подвижные войска были необходимы Гудериану для дальнейшего наступления. Поэтому днем 24 июля 9-й армейский корпус под командованием генерала фон Гейера получил приказ командующего 4-й армии генерала фон Клюге форсированными маршами выдвинуться к Ельне и сменить войска 46-го танкового корпуса. Но на марше чуть восточнее поселка Ворошилово 485-й пехотный полк 263-й пехотной дивизии внезапно подвергся нападению 149-й стрелковой дивизии Красной Армии. Два батальона полка были отрезаны и атакованы со всех сторон советскими танками. У дивизии не было возможности прийти им на выручку, и батальонам пришлось своими силами пробиваться из окружения. Им это удалось только 27 июля ценой тяжелых потерь в людях и технике.

Наконец 28 июля на помощь войскам 46-го танкового корпуса прибыли 263-я и 292-я пехотные дивизии 9-го армейского корпуса, занявшие позиции на южном фасе выступа. 292-я пехотная дивизия расположилась восточнее, в локтевой связи с 10-й танковой дивизией, а 263-я – западнее. Еще одну, 137-ю пехотную дивизию из состава этого корпуса забрал в свое подчинение Гудериан. Для ускорения переброски пехоты 10-я танковая дивизия предоставила ей свои грузовики.

В ночь на 30 июля 268-я пехотная дивизия, переданная в подчинение 46-му танковому корпусу, начала сменять на передовой 10-ю танковую дивизию. Участки двух батальонов моторизованной дивизию СС «Рейх» тоже были заняты этой дивизией, что дало эсэсовцам возможность уплотнить свои боевые порядки.



Действия 9-го армейского корпуса в июле-сентябре 1941 года

Пехоту одного из полков этой дивизии перебросили из-под

села Балтутино грузовики 10-й танковой дивизии, другой полк погрузился в городе Починок на автомашины «Рейха». Третий пехотный полк, артиллерия и обозы 268-й пехотной дивизии совершили марш к фронту пешим порядком. Смена завершилась в течение следующих двух ночей, и 10-я танковая дивизия была выведена в резерв 46-го танкового корпуса, расположившись в тылу за его правым флангом. 30 июля моторизованный полк «Великая Германия» выдвинулся на ключевой участок северного фаса ельнинского выступа у деревни Ушаково [100] .

Солдаты и офицеры 46-го танкового корпуса наконец-то получили долгожданное подкрепление. У них появилась возможность немного перевести дух и подсчитать свои потери. А они были немалыми: за период с начала войны до 25 июля 1941 года корпус потерял 4788 человек: убитыми – 1182 человека, из них 64 офицера, ранеными – 3445 человек, из них 163 офицера, пропавшими без вести—161 человек, из них 3 офицера [101] .

Между тем советские атаки продолжались. Самая сильная из них началась около половины шестого вечера 28 июля. Примерно 2000 бойцов при поддержке танков 105-й танковой дивизии и противотанковых пушек перешли в наступление на позиции эсэсовского мотоциклетного батальона, которому с трудом удалось удержаться. На поле боя остались лежать около 200 убитых и 500 раненых советских солдат. Но и немцы несли немалые потери: только одна из двух медицинских рот дивизии «Рейх» за 28 июля оказала помощь около 800 раненым и больным.

Пехотинцы 9-го армейского корпуса тоже скоро убедились, что штатные противотанковые средства немецких дивизий мало эффективны против новых советских средних и тяжелых танков. Но в их распоряжении имелись несколько штурмовых орудий, которые были использованы в качестве подвижного резерва. В противотанковой роли опять успешно применялись зенитные пушки.

Больше всего немцев под Ельней донимала советская артиллерия. Она была в изобилии обеспечена боеприпасами, умело использовалась, метко стреляла и постоянно росла в количестве. Особенно красноречиво она заявила о себе 30 июля, когда на 10-ю танковую дивизию, которую как раз в этот момент выводили с передовой, обрушились сильные атаки, сопровождаемые небывало мощной артиллерийской поддержкой. Лишь на участке одного полка всего за день были зафиксированы 5 тысяч разрывов. Об интенсивности артогня можно судить хотя бы по тому, что немецкие очевидцы постоянно сравнивали грохот снарядов на их позициях с барабанной дробью.

В то же время немцы из-за сложностей со снабжением

постоянно испытывали нешуточный «снарядный голод». Например, 263-й пехотной дивизии, занимавшей один из ключевых участков обороны, в день выделялось лишь 1000 выстрелов для

105-мм гаубиц, ее основного средства артиллерийской поддержки. Германская воздушная разведка докладывала, что обнаружила многочисленные советские пушки. Эти орудия устанавливались открыто там, где они находились за пределами зоны эффективного действия немецких орудий – и хорошо маскировались, если располагались ближе к передовой. До того времени вермахту не приходилось сталкиваться с таким количеством советской артиллерии, к тому же не испытывавшей недостаток в боеприпасах. С 1 по 6 августа находившиеся на выступе моторизованная дивизия СС «Рейх», моторизованный полк «Великая Германия» и 268-я пехотная дивизия подвергались почти непрерывным артобстрелам и несли большие потери в живой силе и технике. Кроме орудийного и минометного огня, немцам довелось испытать на своей шкуре действие новейших и неизвестных им ранее советских реактивных минометов – знаменитых «Катюш». В результате численность их пехотных рот уменьшилась в среднем до 50–80 человек [102] . Дошло до того, что немецкие пехотинцы на передовой радовались советским атакам, потому что с их началом смертоносный артиллерийский огонь переносился на другой участок фронта.

30 июля в 17:30 штаб 46-го танкового корпуса, который как раз в тот момент подвергся воздушному налету, посетил Гудериан. Обстановка на ельнинском выступе оставалась тяжелой, в тот день корпусу пришлось отбить 14 сильных атак, поддержанных танками, артиллерией и авиацией. Некоторые из них закончились местными вклинениями, но немцам удалось восстановить положение контратаками.

С 28 июля Гудериан начал планировать дальнейшее наступление на юг. Он забрал себе 9-й армейский корпус, которому наконец вернули 137-ю пехотную дивизию. Под Ельней оставался только 508-й пехотный полк из состава 292-й пехотной дивизии, принявший на себя участок, обороняемый ранее полком СС «Дер Фюрер» дивизии «Рейх». Этот армейский полк был перевезен туда 8 августа из поселка Ворошилово на автомобилях «Рейха». В тот же день на ельнинском выступе началась замена корпуса фон Гейера частями 20-го армейского корпуса под началом генерала Матерна, которому подчинили оставшуюся здесь 268-ю пехотную дивизию.

Общее командование обороной района Ельни до 26 августа продолжал осуществлять Гудериан. 15-я пехотная дивизия заняла

оборону на северном фасе выступа. 88-й пехотный полк этой дивизии был первым переброшен из района поселка Хиславичи на автотранспорте дивизии СС «Рейх» и 6 августа сменил 11-й моторизованный полк этой дивизии. Остальные два полка 15-й пехотной дивизии грузовики «Рейха» перевезли на следующий день, при этом 106-й пехотный полк в ночь с 7 на 8 августа высвободил с передовой моторизованный полк «Великая Германия», а 81-й пехотный полк остался в корпусном резерве. Последними своим ходом прибыли дивизионная артиллерия и обозы, которые имели конную тягу.

После этого начиная с 13:00 8 августа 15-я пехотная дивизия вместе с 508-м пехотным полком взяла на себя оборону всего участка, который раньше защищали эсэсовцы «Рейха». Дивизию «Рейх» планировали отвести на отдых в район восточнее железной дороги Смоленск – Рославль. Но обстановка изменилась, и 9-10 августа «Рейху» вместе с моторизованным полком «Великая Германия» на его левом фланге пришлось принять 30-километровый участок фронта севернее ельнинского выступа, сменив там 17-ю танковую дивизию и 29-ю моторизованную дивизию. При этом правый фланг моторизованной дивизии СС «Рейх» примыкал к левому флангу 15-й пехотной дивизии, занимавшей его прежние позиции.

Смена войск проходила в нелегкой обстановке, активность советских частей не ослабевала. Сначала пехота при поддержке танков и авиации атаковали высоты недалеко от села Клемятино, к северо-востоку от Ельни, рядом с рекой Устром. 4 августа им удалось прорвать германскую оборону севернее деревни Петрянино и у деревни Гридино. Восстановить положение немцам удалось лишь к вечеру следующего дня, используя огневую поддержку танкового батальона 10-й танковой дивизии. Вновь прибывшие войска тоже немедленно попали в переплет. 10 августа основная тяжесть боев сместилась к речке Ужа, которая течет севернее Ельни к Днепру. Там русские сумели прорваться на стыке между 15-й пехотной дивизией и эсэсовцами из «Рейха», отбив у немцев небольшую деревушку. Чтобы ликвидировать этот прорыв, командованию 20-го армейского корпуса пришлось срочно перебросить в 15-ю пехотную дивизию 3 тысячи 105-мм гаубичных снарядов.

Но на следующий день корпус получил приказ передать два своих артиллерийских полка 46-му танковому корпусу, который готовился к броску на юг, к Киеву, и в состав которого входили моторизованная дивизия СС «Рейх» и моторизованный полк «Великая Германия». 10-я танковая дивизия ушла еще раньше. Вместе с войсками Гудериана из ельнинского выступа уходили

все подвижные части, танки и штурмовые орудия, саперы, авиационная поддержка и часть артиллерии. Быстро заткнуть прорыв фронта в случае необходимости становилось нечем. Генерал Матерна яростно протестовал против такого значительного ослабления сил защитников выступа, но так ничего и не добился.

А тем временем красноармейцы начали густыми волнами атаковать 15-ю пехотную дивизию, неся при этом большие потери. Но и 15-я дивизия всего за 2 дня только офицеров потеряла 15 убитыми и 20 ранеными [103] .11 августа подошли к концу запасы снарядов, и 508-й пехотный полк был выбит с высот у села Клемятино. Неоднократные немецкие контратаки не принесли успеха, и между правым флангом «Рейха» и левым флангом 15-й пехотной дивизии образовалась брешь. Чтобы ее заткнуть, туда пришлось срочно перебросить 4 штурмовых орудия и резервный батальон «Рейха». Назавтра, 12 августа, его оборона тоже не выдержала натиска советской пехоты и танков. Положение спасла контратака еще одного эсэсовского батальона при поддержке взвода штурмовых орудий вечером того же дня. Тем не менее моторизованной дивизии СС «Рейх» под сильным давлением пришлось отвести свой правый фланг от реки Ужа за реку Устром. Но эсэсовцы не желали оставаться пассивными. Используя отсутствие сплошного фронта, они отправили 2 разведывательные группы в тыл противника. Одной из них численностью в 13 человек удалось проникнуть на глубину 7 км, разгромить советский штаб в поселке Сафонове и взять при этом 15 пленных [104] . Другая группа в составе двух отделений сумела захватить небольшую деревеньку и отбить у красноармейцев брошенные там ранее немецкие мотоциклы [105] .

Линию фронта у Клемятино удалось восстановить, а 13 августа, успешно закончив операцию северо-восточнее Рославля, на выручку своему 508-му пехотному полку начали подходить остальные части 292-й пехотной дивизии. Они укрепили оборону 15-й пехотной дивизии, которой без этой помощи пришлось отступить на 3 километра. В этой нелегкой ситуации у командующего группой армий «Центр» фон Бока не оставалось никаких резервов, чтобы помочь обороняющимся на ельнинском выступе – кроме испанской «Голубой дивизии», которой он не сильно доверял, и 183-й пехотной дивизии, которая должна была прибыть в Гродно в середине августа. Но оттуда до фронта было еще целых 600 километров!

13 августа командир 20-го армейского корпуса генерал Матерна в очередном докладе командованию описал тяжелое

положение своих сил. Его дивизии были сильно растянуты:

15-я защищала фронт шириной в 22 км, 292-я – в 14 км, а 268-я – в целых 25 км, при этом местность была очень неудобна для обороны. К тому же восстановить локтевую связь с дивизией «Рейх» на левом фланге так и не удалось, разрыв там достигал 600 м. Недостаток боеприпасов не давал немцам возможности отвечать на постоянные советские артобстрелы. В резерве 20-го армейского корпуса оставался только один батальон. В конце доклада Матерна мрачно предсказал, что если советские атаки станут более скоординированными и будут проводиться более значительными силами, а не группами до батальона, как это происходило до сих пор, то его корпус может не выдержать такого натиска. Продолжать оборону ельнинского выступа в таких условиях было, по его мнению, «чистым безумием». На следующий день Матерна вылетел в штаб Гудериана, чтобы лично попросить о помощи. Он предложил сократить размер обороняемого выступа или прислать сюда дополнительные силы. Гудериан обещал дать свой ответ в течение следующих двух дней.

Первый раз Гудериану пришлось отвечать на вопрос о судьбе ельнинского выступа еще 20 июля. Тогда он решительно отказался обсуждать с командующим 4-й армией фон Клюге саму возможность его оставления. Следующий раз был 4 августа, когда штаб группы армий «Центр» навестил Гитлер. Гудериан высказал ему свое мнение, что Ельня незаменима для будущего наступления на Москву, а если даже оно не начнется в ближайшее время, удерживать этот плацдарм необходимо из соображений престижа. В то время Гитлер не считал эту причину важной и возразил: «Мы не можем позволить соображениям престижа влиять на наши решения». Но очень скоро он забыл об этом своем высказывании…

14 августа после разговора с генералом МатернаГудериан наконец-то понял, что надо что-то делать. Он позвонил фон Боку и заявил, что удержать выступ возможно при соблюдении трех условий:

1. Необходимо отбросить русских к краю огромного леса восточнее реки Десна.

2. На выступ должно быть доставлено большое количество боеприпасов.

3. Люфтваффе нужно сосредоточить большие силы для использования в районе Ельни [106] .

Фон Боку тоже не хотелось брать на себя нелегкое решение, и он попробовал переложить ответственность за него на командование сухопутных войск. В разговоре с их главкомом фон Браухичем фон Бок пересказал ему все, услышанное от

Гудериана, и выразил сомнение в том, что удар на Десну сможет реально облегчить положение защитников Ельни. Кроме того, он признал, что не в состоянии решить проблему с боеприпасами, а авиация вообще не относится к его компетенции, поскольку ею командует Геринг.

Фон Браухич обещал не затягивать с ответом – и действительно, в тот же день начальник Генерального штаба сухопутных войск Гальдер позвонил начальнику штаба группы армий «Центр» Грейфенбергу… поручив принять окончательное решение о судьбе ельнинского выступа все тому же фон Боку. При этом, по мнению Гальдера, выступ следовало удерживать, потому что «противнику здесь приходится несравненно хуже, чем нашим войскам» [107] . На следующий день фон Бок опять посоветовался с Гудерианом – и снова услышал от него, что Ельню необходимо продолжать защищать. При этом две пехотные дивизии 9-го армейского корпуса должны были сменить здесь две его подвижные дивизии, а еще одну пехотную дивизию необходимо было держать у выступа в резерве.

В своих послевоенных мемуарах Гудериан пишет:

«После того, как мое предложение о наступлении на Москву было отклонено, я внес вполне логичное предложение вывести войска из уже не нужной нам ельнинской дуги, где мы все время несли большие потери. Однако командование группы армий и ОКХ отклонили и это мое предложение, которое исходило из необходимости сбережения человеческих жизней» [108] .

Тем самым Гудериан пытался снять с себя ответственность за тяжелые немецкие потери под Ельней. Однако ни дневник фон Бока, ни журнал боевых действий 2-й танковой группы не содержат никаких свидетельств того, что знаменитый танковый генерал предлагал оставить выступ. Как раз наоборот: решение фон Бока его удерживать было принято во многом благодаря именно совету Гудериана.

15 августа в 10:30 утра 9-й армейский корпус получил приказ командования 2-й танковой группы вернуть свои дивизии, на этот раз 137-ю и 263-ю, обратно на ельнинский выступ, сменив там подразделения мотодивизии СС «Рейх» и мотополка «Великая Германия», входившие в состав 46-го танкового корпуса. Танковый корпус своим автотранспортом снова помог ускорить переброску пехоты 9-го армейского корпуса, который на этот раз разместился на северном фасе выступа. Смена была завершена в ночь с 18 на 19 августа. На этот раз дивизия «Рейх» окончательно покинула район Ельни, где за 4-недельный период непрерывных сражений отбила 83 советские атаки и в свою очередь провела 27 контратак [109] .

К этому времени всего за неделю боев под Ельней три дивизии 20-го армейского корпуса потеряли 2254 человек, из них 97 офицеров [110] . 16 августа его наиболее пострадавшую 15-ю пехотную дивизию отвели в тыл для отдыха и приведения себя в порядок. Ее сменила 78-я пехотная дивизия, которой пришлось защищать фронт шириной 18 километров. Как раз в это время, 17 августа, советская 24-я армия перешла в очередное решительное наступление на Ельню. Немецким войскам, попавшим под ее удар, приходилось туго. 9-й армейский корпус оборонял фронт шириной в 40 км, таким образом, на каждую из его дивизий приходилось 20 км передовой. Создать достаточные для устойчивой обороны плотности войск на таком широком участке было невозможно, к тому же немецкие пехотные части не обладали мобильностью тех подвижных войск, которые они заменили. Командир корпуса генерал фон Гейер тщетно просил усилить его войска штурмовыми орудиями и тяжелой артиллерией, чтобы иметь возможность быстро оказывать помощь атакуемым участкам фронта. Но почти всю тяжелую артиллерию и саперов из 20-го армейского корпуса забрал с собой Гудериан.

20 августа командир 20-го армейского корпуса генерал Матерна поехал в Рославль, чтобы лично доложить своему командующему о «чрезвычайно трудной и угрожающей ситуации», в которую попал его корпус. Единственное, чего он добился – это согласие Гудериана на то, чтобы 268-я пехотная дивизия его корпуса отсрочила смену 10-й танковой дивизии, которая располагалась южнее выступа. Ни дополнительной артиллерии, ни штурмовых орудий Матерна опять не получил.

22 августа 9-й и 20-й армейские корпуса были переданы в подчинение 4-й армии, но поскольку ее командующий фон Клюге был в то время болен, немецкие войска на ельнинском выступе до 26 августа находились под началом Гудериана. 23 августа 263-я пехотная дивизия 9-го армейского корпуса от артогня и при ликвидации очередного вклинения русских потеряла 150 человек. В этой дивизии сложилось крайне тяжелое положение – ведь она находилась на самом северо-западном углу горловины выступа, как раз там, где советские войска особенно упорно старались его перерезать. За 5 дней боев на выступе дивизия в среднем ежедневно теряла 100 человек убитыми и ранеными. К 24 августа в ее пехотных ротах осталось по 30–40 солдат. Фон Гейер умолял вернуть ему 15-ю пехотную дивизию, но решение этого вопроса отложили до возвращения фон Клюге.

25 августа в результате непрерывных артобстрелов и прорыва фронта к югу от Чувашей 263-я пехотная дивизия потеряла 200 человек, а на следующий день – еще 150, когда пыталась

ликвидировать этот прорыв [111] . Фон Гейер настоятельно просил придать ему штурмовые орудия моторизованной дивизии СС «Рейх», но получил очередной отказ – Гудериан ни с кем не собирался делить свои подвижные части. В утешение 263-й пехотной дивизии подчинили артиллерию 15-й пехотной дивизии.

Но этого было явно недостаточно, поэтому оба немецких командира корпусов – генералы фон Гейер и Матерна – вылетели в Минск, где находился штаб фон Клюге, и уговорили его посетить выступ и лично оценить обстановку. Только что выздоровевший фон Клюге 27 августа лично прибыл на фронт. В результате его визита уже на следующий день 15-я пехотная дивизия, подчиненная 9-му армейскому корпусу, начала заменять 263-ю на передовых позициях. Смена завершилась 29 августа, и 263-ю пехотную дивизию отвели в деревню Бердники, которая находилась на расстоянии около 20 километров к западу от Ельни, в резерв 9-го армейского корпуса. Напоследок ей все же удалось восстановить фронт южнее Чувашей.

За 10 дней своего нахождения на передовой 263-й пехотной дивизии пришлось отразить 37 сильных атак, не считая мелких нападений. На следующий день после своей поездки на фронт фон Клюге подал рапорт командующему группой армий «Центр» фон Боку. В нем он предсказал, что если русские начнут атаковать на узких участках при поддержке артиллерии целыми дивизиями вместо батальонов, то немецкая оборона неизбежно рухнет. Фон Клюге резонно указал, что ельнинский выступ первоначально был захвачен в качестве плацдарма для наступления, а вот оборонять его очень трудно, ведь выступ имел ширину всего 18 километров и насквозь простреливался артиллерией. Каждая защищавшая его дивизия ежедневно теряла в среднем от 50 до 150 человек. Для снабжения размещенных там войск имелась всего одна дорога. В конце рапорта фон Клюге рекомендовал или немедленно возобновить наступление на Москву, или сдать выступ.

Немецкая оборона, увиденная фон Клюге на ельнинском выступе, представляла собой удручающее зрелище. Вместо траншей полного профиля немцы вырыли небольшие окопчики на одного-двух человек на расстоянии 10–20 метров друг от друга. На большинстве участков даже такие окопы не эшелонировались в глубину. Во всех подразделениях, частях и соединениях от рот до дивизий полностью отсутствовали резервы. Русские на ряде участков сумели подобраться на расстояние до 25 м к немецкой передовой. В результате днем никакое движение было невозможно, а ночью, когда приходилось доставлять на фронт все

необходимое, русские чаще всего атаковали. Солдаты, сидя в своих окопчиках, слабо представляли себе, что происходит с их товарищами, и это разлагающе действовало на их моральный дух.

Только за четыре дня боев до 26 августа 78-я пехотная дивизия потеряла 400 человек, а всего с начала войны дивизии утратила 30 % своего состава. Большинство потерь дивизии причинили 25–30 советских орудий, которые непрерывно вели по ней огонь, выпуская ежедневно в среднем по 2 тысячи снарядов. В ночь с 24 на 25 августа на позиции дивизии обрушились уже 5 тысяч снарядов, в большинстве своем калибром в 122 и 152 мм. Кроме них, огонь вели два 203-мм орудия и большое количество тяжелых минометов. При этом советская артиллерия стреляла очень метко и часто меняла свои позиции, сильно затрудняя немцам контрбатарейную борьбу. 26 августа командир 78-й пехотной дивизии генерал Галленкамп доложил, что очень скоро его дивизия полностью выдохнется. Подобные доклады каждый день поступали в штаб 4-й армии. Немецкие офицеры старшего поколения считали, что ситуация неустойчивой позиционной обороны у Ельни была еще хуже, чем условия во времена Первой мировой войны. По их мнению, необходимо было или возобновить наступление, или отвести войска назад. Удерживать территорию только из соображений престижа было явно неразумно.

К счастью для германских войск, под Ельней наступила небольшая передышка. После многодневных и кровопролитных атак 21 августа Жуков приказал генерал-майору К. И. Ракутину, командовавшему штурмовавшей немецкий плацдарм 24-й армией, прекратить безуспешное наступление и подготовить новый удар, более сильный и лучше организованный. В тот же день он отдал своим войскам следующий приказ:

ПРИКАЗ ВОЙСКАМ РЕЗЕРВНОГО ФРОНТА № 005 О НЕДОСТАТКАХ В ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТАНКОВ И МЕРАХ ПО ИХ УСТРАНЕНИЮ

21 августа 1941 г. Секретно

На опыте боев в районе Ельня мною установлена недопустимая безграмотность использования в бою танков и танковых частей, которые в результате неправильного применения несли большие потери в живой силе и материальной части.

Командиры соединений не давали времени на проведение танковой разведки и на организацию взаимодействия танков, пехоты, артиллерии и авиации. Взаимодействие организовывалось не на местности, а вдали от поля боя, на картах.

Танки бросались в атаку, не имея никаких данных о расположении системы огня противника и характере местности. Командиры частей и общевойсковых соединений ставили танкам неясные и сомнительные задачи, не организовывалась авиационная, пехотная и артиллерийская поддержка танков.

Не организовывалось взаимное опознавание, вызов огня и целеуказание. Были случаи поражения танков своей же артиллерией из-за неувязки артиллерийского огня. При движении танков вперед пехота, как правило, не продвигалась за танками и не закрепляла захваченные танками рубежи. Танки, действуя в одиночестве, несли напрасные потери и возвращались обратно в исходное положение.

Танковые командиры не проявляли нужной твердости перед общевойсковыми командирами в деле правильного применения танков; беспечно выпускали из своих рук руководство танковыми группами поддержки пехоты; не организовывали эвакуацию подбитых, застрявших танков с поля боя; не принимали мер к немедленной отправке танков на сборные пункты аварийных машин для их ремонта и быстрого ввода в строй.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Запретить вводить танки в бой без тщательной разведки системы огня противника, местности и без увязки на поле боя взаимодействия командира танкового взвода или роты с командирами стрелкового батальона и артиллерийского дивизиона или батареи.

2. Запретить вводить танки в бой без тщательной отработки взаимного опознавания, без установления сигналов вызова и прекращения огня.

3. Строжайше предупреждать перед каждой атакой всех бойцов, младших и средних командиров о недопустимости отставания от танков во время атаки, следствием чего обычно является срыв наступления и большие потери.

4. Не допускать подчинения танков командирам стрелковых рот, и, как правило, танки подчинять командирам стрелковых батальонов и полков, действующих на главных направлениях.

5. Командующим армиями заранее ставить задачи начальникам автобронетанковых войск армии по материальному обеспечению танков эвакуационными и ремонтными средствами.

6. Командирам танковых соединений и частей резко повысить ответственность командиров танковых частей и подразделений за каждый потерянный танк, тем более не допускать оставления их в руках противника; не вводить в бой танки «КВ» и «Т-34» с плохо подготовленными экипажами, организуя допод-готовку последних при каждой возможности.

7. Моему помощнику по танковым войскам генерал-майору Шурову следить за выполнением настоящего приказа; о всех фактах неправильного применения танков докладывать мне немедленно.

8. Настоящий приказ проработать со всем командным составом.

Командующий Резервным фронтом генерал армии ЖУКОВ

Член Военного совета фронта КРУГЛОВ

Начальник штаба фронта генерал-майор АНИСОВ [112]

В состав 24-й армии, перед которой стояла задача покончить с ельнинской группировкой немцев и освободить Ельню, на этот момент входили две танковые дивизии – 102-я и 105-я, и две мотострелковые – 103-я и 106-я. В приказе Жукова шла речь о безграмотном применении танков именно этих соединений. Все перечисленные дивизии относились к формированиям военного времени и по штату должны были иметь в своем составе 215 танков [113] .

102-я танковая дивизия была переформирована по новым штатам из 56-й танковой дивизии 26-го мехкорпуса в июле 1941 года и первое время находилась в резерве командующего 24-й армией. 205-й танковый полк из ее состава был передан в 16-ю армию. Дивизия участвовала в боях за Ельню с 22 июля до самого конца операции.

В тот же 26-й мехкорпус ранее входила и 103-я моторизованная дивизия, которую переформировывали сначала в танковую, а потом в мотострелковую. Перед началом боев на ельнинском выступе, 16 июля, в дивизии имелось в наличии 46 танков. Она вступила в сражение за Ельню начиная с 23 июля.

105-я танковая дивизия была переформирована из 53-й танковой дивизии 27-го мехкорпуса. Танков в ней было мало, поэтому 18 августа дивизию расформировали, а ее остатки включили в состав 102-й танковой дивизии. Дивизия воевала под Ельней с первых дней сражения.

106-я моторизованная дивизия первоначально формировалась как танковая с тем же номером, но из-за отсутствия танков ее переименовали в мотострелковую. Начала сражаться за Ельню с 23 июля.

Кроме них, с 20 по 22 июля в боях за Ельню участвовала 104-я танковая дивизия. Ее переформировали из 9-й танковой дивизии 27-го механизированного корпуса. На 14 июля дивизия имела 208 танков старых типов, но к началу этих боев в нее прислали новые машины – 30 Т-34 и 12 КВ. После ухода дивизии в район Рославля несколько предназначенных для нее танков получила 105-я танковая дивизия, сменившая ее на передовой.

Следует отметить, что командиры 105-й танковой, а также

103-й и 106-й мотострелковых дивизий в ходе боев за Ельню были сняты Жуковым со своих должностей и назначены на новые с понижением [114] .

К началу решающего наступления на Ельню из всех участвовавших в нем советских соединений танки оставались только в 102-й танковой дивизии. Их имелось там всего 20 штук исправных. Затем на юг выступа прибыл 103-й отдельный танковый батальон, в состав которого входили еще 15 танков [115] . Это было все, чем располагали войска 24-й армии для решающего сражения.

Недостаток танков, бездарно растраченных в предшествующих боях, стал одной из основных причин, не позволивших развить успех наступления под Ельней. Поэтому приказ № 005 сильно запоздал – к тому времени танков в войсках Резервного фронта почти не осталось.

Причины тяжелых танковых потерь вполне грамотно изложены в этом приказе, и направлен он был на их предотвращение в будущих боях. Но первоначально на посту командующего Резервным фронтом Г. К. Жуков отдавал приказы совсем иного характера. Вот один из них:

ЧАСТНЫЙ БОЕВОЙ ПРИКАЗ КОМАНДУЮЩЕГО

ВОЙСКАМИ РЕЗЕРВНОГО ФРОНТА ОТ 3 АВГУСТА 1941 г.

КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ 24-й АРМИИ НА ОКРУЖЕНИЕ ПРОТИВНИКА В РАЙОНЕ ЕЛЬНЯ

Секретно Вручить немедленно

Командующему 24 А генерал-майору тов. Ракутину Командирам 19, 103, 105, 106, 120 дивизий

Итоги полуторадневного наступления на противника, занимающего район Ельня, не отвечают требованиям моего приказа.

Я требовал в первые сутки продвинуться к Ельня не менее 8-10 км. Большинство частей прошли 2–3 км, а некоторые вообще не продвинулись ни на один метр.

19 сд, заняв в дневном бою Клематина, ночью бросила занятый пункт и отошла в исходное положение. Такие ничтожные результаты наступления являются следствием невыполнения командирами дивизий и полков моего приказа о личном примере и расправе со всеми, кто вместо наступления и стремительного движения вперед отсиживается в кустах и щелях, со всеми теми, кто ведет себя трусливо и не служит личным примером храбрости и отваги.

103 дивизия, имея особо усиленную артиллерийскую поддержку – батарею РС-ов, авиационную поддержку, до сих пор позорно топчется почти на одном месте. Нами арестованы и будут

немедленно осуждены за трусость и невыполнение приказов командир и комиссар 19 стр. дивизии, немедленно будет арестован командир части, бросившей без приказа район Клематина, будут беспощадно предаваться суду все, кто не будет в точности выполнять боевых приказов и будет прятаться за трудности боевой обстановки.

Наши действующие части во много раз сильнее противника в артиллерии. Противник не имеет даже полностью огнеприпасов и ведет очень ограниченный огонь. Противник по существу полуокружен. Достаточно крепкого удара, и противник будет немедленно разбит.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. В течение 4.8 полностью окружить и забрать в плен всю ельнинскую группировку противника. Начало атаки – 7:00 4.8. Перед атакой провести 2-часовую артподготовку, уничтожая огневые точки противника.

2. Ввиду выявившейся слабости комрот и комбатов, ударные роты и батальоны вести в атаку лично командирам и комиссарам дивизий, полков и особо отобранных лиц старшего и высшего комсостава и комиссаров. На ударные взводы отобрать особых храбрецов из командиров и политработников, которые себя проявили в боях, и всех желающих отличиться перед Родиной.

3. Еще раз предупреждаю командование 103 сд о преступном отношении к выполнению боевых приказов и особо предупреждаю, если в течение 4.8 противник не будет разбит и дивизия не выйдет в назначенный район, командование будет арестовано и предано суду Военного трибунала. 103 сд усилить еще одной батареей РС-ов.

4. Исполнение донести в 24:00 4.8.41 г.

Командующий фронтом, Герой Советского Союза
генерал армии Жуков

18:50 3.8 [116]

Подобные действия приводили только к резкому росту потерь среди старшего и высшего командного состава, которого и так остро не хватало, да и среди простых солдат тоже. Жукову не довелось получить хорошего образования, в том числе и военного – но он, несомненно, знал о правильном месте командира в бою: оно должно быть там, откуда ему удобнее руководить боем. От командиров и комиссаров дивизий и полков в стрелковой цепи толку мало, зато их гибель или ранение обезглавливает вверенные им части и соединения. Отдавая такой жесткий, но тактически неграмотный приказ, Жуков, видимо, думал прежде всего о том, как быстрее восстановить доверие Сталина, только что сместившего его с высокого поста начальника Генштаба и

отправившего на фронт. Поэтому он и гнал беспощадно свои войска вперед, угрожая самыми суровыми карами всем, кто его ослушается.

Ликвидировать ельнинский выступ массированными, но плохо подготовленными атаками так и не удалось, а тяжелые потери атакующих вынудили временно приостановить советское наступление. 24-я армия была усилена тремя дополнительными дивизиями и артиллерией, и к 23 августа она насчитывала 10 дивизий [117] . В результате удалось добиться полуторного перевеса в силах: 103 200 человек против около 70 тысяч, имевшихся там у немцев. В артиллерии превосходство было еще большим – около 800 советских орудий и минометов калибра 76 мм и выше против примерно 500 немецких. Только 35 танков Красной Армии участвовали в решающем наступлении на Ельню, но в германской группировке в то время совсем не было ни танков, ни штурмовых орудий. Войска получали пополнения маршевыми батальонами, приводили себя в порядок, перегруппировывались и готовились к решающему удару, который был назначен на 30 августа. До него проводились только разведки боем для выявления системы немецкой обороны и поиска в ней слабых мест – но даже эти отдельные атаки доставляли немцам немало неприятностей.

План операции диктовался конфигурацией линии фронта и был прост: срезать выступ одновременными ударами с севера и юга по его основанию и окружить обороняющиеся там германские войска. Главный удар наносился с севера силами 102-й танковой и 107-й стрелковой дивизий, прорывавшими фронт в междуречье Ужи и Устрома на участках шириной соответственно 1,5 и 2 километра. Рядом с ними, вдоль восточного берега реки Ужа, на участке шириной 3 км наступала 100-я стрелковая дивизия. Северную группу поддерживали огнем около 400 орудий и минометов – половина всей артиллерии 24-й армии. Таким образом, была создана плотность артиллерии свыше 60 стволов на километр участка прорыва.

Южная группа в составе 303-й стрелковой и 106-й мотострелковой дивизий при поддержке около 240 орудий и минометов прорывала немецкую оборону на фронте шириной соответственно 3 и 2 километра в районе деревни Леоново. Одновременно 19-я и 309-я стрелковые дивизии наступали на Ельню с востока, ширина их участков прорыва тоже составляла 3 и 2 километра. Их основной задачей было сковать немецкую 292-ю пехотную дивизию и не дать ей возможности помочь ликвидировать бреши в обороне, пробитые у оснований выступа. Поэтому и артиллерии они получили немного – всего около 100

орудий и минометов.

Ударные группировки насчитывали в общей сложности 60 тысяч человек, таким образом, плотность наступающих превышала 3600 человек на каждый километр фронта атаки. В случае успеха операции 102-я танковая дивизия и 303-я стрелковая дивизия должны были образовать внешний фронт окружения, а 107-я стрелковая дивизия, 100-я стрелковая дивизия и 106-я моторизованная дивизия, развернуться на восток и сформировать внутреннее кольцо. 19-й и 309-й стрелковым дивизиям ставилась задача рассечь окруженную немецкую группировку и во взаимодействии с другими частями и соединениями уничтожить ее по частям [118] .

К обороне ельнинского плацдарма готовились около 70 тысяч солдат и офицеров из 9-го и 20-го германских армейских корпусов. Они были растянуты на фронте более 70 километров и измотаны длительными предшествующими боями. На 30 августа немецкие соединения располагались на выступе в следующем порядке:

• 137-я пехотная дивизия из 9-го армейского корпуса занимала позиции на северо-западе выступа, между реками Устром и Ужа. Она защищала северную часть горловины ельнинского плацдарма, и именно на нее пришелся главный удар советского наступления. Слева от нее за пределами выступа располагалась 15-я пехотная дивизия из состава того же 9-го армейского корпуса, позиции которой уходили на север, к Днепру. В резерве 9-го армейского корпуса находилась обескровленная в недавних боях 263-я пехотная дивизия.

• Правее 137-й пехотной дивизии начиналась зона ответственности 20-го армейского корпуса. Его 78-я, 292-я и 268-я пехотные дивизии оборонялись по периметру выступа, от реки Ужа на севере до Десны на юге.

• Последний участок на юго-западе выступа между реками Десна и Стряна защищал полк из состава 7-й пехотной дивизии. Его соседом справа, уже за пределами ельнинского плацдарма, была 23-я пехотная дивизия, входившая в 7-й армейский корпус. Ее позиции уходили на юг вдоль реки Стряна.

Единственными имеющимися у немцев в этом районе резервами были два оставшихся полка из состава 7-й пехотной дивизии, 10-я танковая дивизия и моторизованный полк «Великая Германия». Они располагались в городе Починок на расстоянии свыше 50 километров юго-западнее от Ельни и составляли резерв всей немецкой 4-й армии, а не только ельнинской группировки.

Утро 30 августа выдалось туманным. Но несмотря на плохую видимость, в 7:30 утра загрохотали почти 800 советских орудий и

минометов, дали залп 3 батареи реактивных установок «Катюша». Многие тысячи красноармейцев одновременно поднялись в атаку. Но самый первый удар был нанесен чуть раньше. После того, как всего пару дней назад немцам удалось восстановить фронт у Чувашей, они совсем не ожидали, что Красная Армия так скоро возобновит наступление на том же самом участке. Поэтому когда ранним утром, еще до начала главной артподготовки, правый фланг 137-й пехотной дивизии подвергся внезапной атаке вдоль реки Ужа, немецкая оборона там оказалась взломана. Затем на дивизию обрушился мощный артиллерийский огонь, за которым последовала атака 6 стрелковых батальонов, проделавших в ее обороне брешь от деревни Садки до реки Устром шириной в 2 и глубиной в 1,5 км. Во время этой атаки несколько советских танков сумели прорваться на километр вглубь немецкой обороны и раздавить несколько пулеметных гнезд, но пехота от них отстала, и без ее поддержки им пришлось вернуться обратно. Немцы были выбиты из Садков, хотя на рассвете следующего дня сумели опять их захватить. На юге в первый день красноармейцам удалось продвинуться на 1,5 километра, а на севере немцев оттеснили только на 500 м.

Как раз в это время появился очередной приказ Жукова, который призывал покончить с примиренческим отношением к, как он выразился:

«…трусливым жалобам на огонь противника и действия его авиации. С такими преступными явлениями немедленно кончать и заставить дивизии, полки и батальоны выполнить мой приказ и точно выйти к исходу дня на рубеж, указанный в приказе командующего армией.

…Требую от командиров и комиссаров всех степеней быть в первых рядах наступающих частей и своим личным примером продвигать части вперед.

…От представителей фронта и армии требую к исходу дня донести мне о всех командирах и комиссарах, проявивших трусость и чрезмерную осторожность». [119]

Утром 31 августа 24-я армия немедленно возобновила наступление. На этот раз танки уже не отрывались от своей пехоты и беспощадно утюжили оборонительные позиции. Немцы еще раз горько пожалели об отсутствии у них штурмовых орудий. Прорыв немецкого фронта у Садков достиг 3 километра в ширину и 2 километра в глубину. Чтобы заткнуть образовавшуюся брешь, из деревни Бердники туда был срочно переброшен полк из состава 263-й пехотной дивизии, только недавно отведенной с передовой на отдых и приведение себя в порядок. В это же время советские атаки на юге выступа сковывали 268-ю пехотную

дивизию, а на севере по другую сторону от реки Ужа ситуация тоже обострилась. 31 августа в результате атак севернее деревни Гурьево красноармейцы вынудили 78-ю пехотную дивизию отступить на 2 километра. На юге темп наступления несколько снизился, но и там советские войска тоже углубились в немецкую оборону на 2 километра. Одной из главных причин замедления продвижения вперед был выход из строя многих командиров подразделений, которые, согласно настойчивым требованиям Жукова, личным примером вели своих бойцов в атаку [120] .

На следующий день северная ударная группировка подошла к деревне Волосково и южнее ее перерезала единственную железную дорогу, ведущую к Ельне. Продолжая наступление, советские части при поддержке танков уничтожили несколько немецких складов и стали выходить в тыл 292-й пехотной дивизии, обороняющей восточную часть выступа. Эта дивизия изо всех сил пыталась остановить расширение прорыва своего фронта к югу от деревни Выдрино в северо-восточной части выступа, на стыке с 78-й пехотной дивизией.

2 сентября командир 292-й пехотной дивизии генерал Демель доложил в штаб 20-го армейского корпуса, что его дивизия находится на грани истощения сил. Она была не только не в состоянии восстановить свой фронт у Выдрино, но и ничего не могла поделать с советской группировкой в своем тылу у Волосково. Таким образом возникла реальная угроза, что весь северо-западный фланг 20-го армейского корпуса может рухнуть, так же, как и восточный фланг 9-го армейского корпуса.

Особенно отличился в боях у Волосково советский 586-й стрелковый полк из состава 107-й стрелковой дивизии под командованием И. М. Некрасова. В результате немецких контратак полк был отрезан от своих и в течение 3 дней сражался в полном окружении. Сам Некрасов был контужен, но продолжал руководить боем. Полк выстоял, несмотря на все вражеские атаки. За проявленные инициативу, смелость и отвагу И. М. Некрасову 12 сентября 1941 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Впоследствии он командовал 52-й гвардейской стрелковой дивизией 6-й гвардейской армии, сражавшейся на Курской дуге в июле 1943 года. Его дивизия оказалась как раз на направлении главного удара группы армий «Юг», который наносил 2-й танковый корпус СС в составе небезызвестных дивизий «Адольф Гитлер», «Мертвая голова» и «Рейх». Тот самый «Рейх», который в конце июля и первой половине августа 1941 года воевал под Ельней. А командиром 2-го танкового корпуса СС в 1943 году был уже знакомый нам Хауссер, командовавший под Ельней «Рейхом» и заработавший за эти бои «Рыцарский Крест». Колоссальной

силы удар отборных эсэсовских частей опрокинул дивизию Некрасова, но она не разбежалась и не рассеялась, а организованно отступила и нашла в себе силы собраться и занять новые оборонительные позиции за рекой Псел. На этих рубежах гвардейцам Некрасова удалось задержать наступление врага и не пропустить его к Курску. После этого сражения ему было присвоено генеральское звание. Несомненно, суровая школа, пройденная Некрасовым в 1941 году под Ельней, помогла ему выстоять в 1943 году под Курском.

Для ликвидации кризиса у деревни Выдрино командир 20-го армейского корпуса генерал Матерна вечером 2 сентября организовал контратаку на высоту 240,3, с которой немцы были выбиты ранее. В 20-минутной артподготовке приняли участие все без исключения немецкие батареи, в пределах досягаемости которых находилась эта высота. Снарядов у немцев к тому времени уже хватало. В бой были брошены последние резервы 292-й пехотной дивизии, и им с трудом удалось снова овладеть высотой. Но становилось очевидным, что 20-й армейский корпус достиг предела своих возможностей.

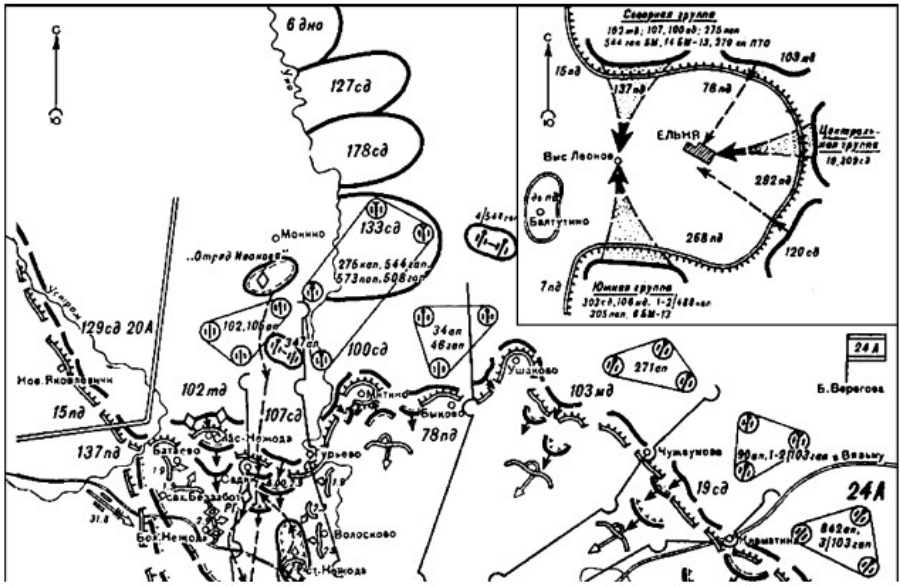
Это же самое можно было сказать и о 9-м армейском корпусе. Его 137-я пехотная дивизия в боях 30–31 августа потеряла 500 человек, а 1 сентября – еще 700. Ее сосед справа, командир 78-й пехотной дивизии генерал Галленкамп доложил, что, по его мнению, 137-я дивизия исчерпала все свои ресурсы и больше не может выдерживать советские атаки. Ему вторил и командир 9-го армейского корпуса фон Гейер, который тогда же указал, что за последние 10 недель каждый пехотный полк его корпуса потерял в среднем 1000 человек, из которых 40 были офицерами [121] . Он настоятельно рекомендовал, чтобы пехота больше не использовалась на решающих участках без поддержки танков. Чтобы помочь своей истекающей кровью дивизии, фон Гейер был вынужден опять раздергивать единственный резерв своего корпуса – и без того сильно поредевшую и измотанную 263-ю пехотную дивизию. 1 сентября еще один из ее полков был направлен на правый фланг 137-й пехотной дивизии. В тот же день полк 7-й пехотной дивизии из армейского резерва был переброшен на укрепление правого фланга 268-й пехотной дивизии к югу от Ельни.

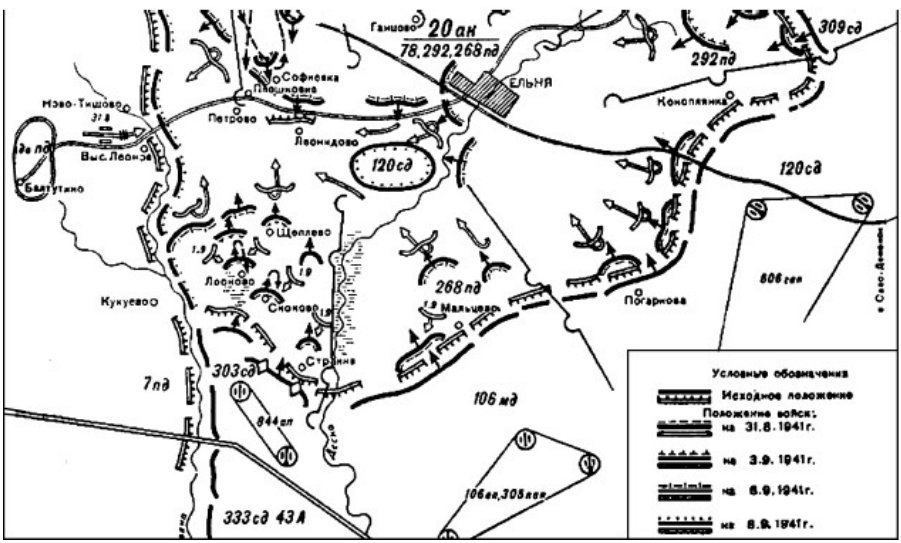
Утром 3 сентября возобновилось наступление на горловину выступа южной советской группировки. Ей удалось отбить у немцев деревни Леоново и ГЦеплево, но южнее Леоново все 15 танков 103-го отдельного танкового батальона, поддерживавшие атаку пехоты 303-й стрелковой дивизии, застряли в болоте. В который раз сказались многократно отмеченные, но так и не

исправленные недостатки в организации боя – пренебрежение разведкой местности. К утру следующего дня удалось вытащить из болота только 9 машин [122] .

На исходе 3 сентября горловина выступа сузилась до 6–8 километров. Казалось, что полное окружение немецкой группировки на ельнинском выступе становится реальностью. И без того тяжелое положение немцев усугублялось тем, что Красная Армия в то время перешла в наступление на широком фронте. Одновременно с Ельнинской операцией южнее ее 30 августа началась Рославль-Новозыбковская наступательная операция Брянского фронта. На следующий день, 1 сентября, 16-я, 19-я и 20-я армии Западного фронта перешли в наступление севернее Ельни в ходе Духовщинской наступательной операции. Немногочисленные немецкие резервы были втянуты в тяжелые бои. Например, 10-я танковая дивизия 31 августа вступила в сражение против наступающих соединений советской 43-й армии в секторе 23-й пехотной дивизии, в 15–30 километрах к югу от Ельни. Дивизия вышла из боя 2 сентября и на следующий день вернулась в район Починка на место своей прежней дислокации. 4 сентября боевая группа этой дивизии была направлена на выручку 137-й пехотной дивизии и двум полкам 263-й пехотной дивизии, защищавшим северо-западную часть выступа – хотя, судя по всему, так и не успела вступить там в бой.

Еще 2 сентября Гальдер и фон Браухич вылетели в штаб группы армий «Центр», чтобы обсудить с ее командующим фон Боком обострившуюся до предела ситуацию под Ельней. Никто из собравшихся на совещание в тот момент не знал, когда можно будет возобновить наступление на Москву. Эта перспектива обуславливалось многими факторами, не все из которых зависели от них. Но всем было очевидно, что возможность наступления на Москву может появиться не ранее конца сентября. Удерживать ельнинский выступ так долго было нереально, поэтому было принято решение его оставить.





Ельнинская операция, сентябрь 1941 года

Непосредственно руководить эвакуацией был назначен фон Клюге, и он немедленно начал ее планирование. Отвод войск решили осуществлять в 3 этапа:

1. В ночь на 4 сентября вывести с выступа тылы и обозы.

2. В ночь на 5 сентября отвести войска из восточной части выступа к западу от Ельни.

3. В ночь на 6 сентября всем войскам оставить выступ и занять линию обороны вдоль рек Стряна и Устром [123] .

Ранним утром 5 сентября последние части 78-й пехотной дивизии, расположенные к востоку от реки Ужа, включая

подразделения 137-й пехотной дивизии, отбившиеся от своего соединения, начали отходить на запад, обходя советское вклинение у деревни Садки. Русские из района Садков осторожно прощупывали в разных местах немецкую оборону, но 137-я пехотная дивизия отбила огнем все их попытки наступать. Около 6 часов вечера советская артиллерия начала сильный обстрел 137-й пехотной дивизии и закончила его с наступлением темноты. Немцам очень повезло с погодой: начавшиеся еще в предыдущий день дожди превратились в сильный ливень, который вместе с густым туманом скрыл отход войск, хотя и затруднил их движение. Если бы не два дня плохой погоды, немецкие войска, несомненно, понесли бы намного большие потери во время эвакуации ельнинского выступа.

Первыми вечером 5 сентября ворвались в Ельню части 19-й стрелковой дивизии – той самой, которая ее в свое время оставила. На следующий день город был полностью освобожден. Преследуя противника, войска 24-й армии 8 сентября вышли на заранее подготовленную линию германской обороны на рубеже Ново-Яковлевичи – Ново-Тишово – Кукуево. Позиции там успели занять с севера на юг 15-я, 263-я (все три полка), 78-я, 7-я (два полка) и 292-я пехотные дивизии. 137-я и 268-я дивизии, защищавшие горловину выступа на направлениях главных ударов Красной Армии и наиболее тяжело пострадавшие в боях, были отведены с передовой в резерв. В результате существенного сокращения линии фронта немецкие боевые порядки значительно уплотнились. Несмотря на неоднократные попытки советских войск прорвать фронт врага, им это так и не удалось. На этот раз вермахту удалось избежать окружения. Красная Армия тогда еще не умела устраивать врагу настоящие «котлы». Время Сталинграда пока не пришло.

* * *

Если результаты сражения под Ельней хорошо известны, то с ценой, заплаченной за их достижение, разобраться нелегко. Ниже приводится выдержка из донесения Жукова Сталину об итогах операции от 8 сентября 1941 года:

Товарищу Сталину. Копия: Товарищу Сапожникову.

Докладываю кратко итоги Ельнинской операции:

В районе ЕЛЬНЯ в период с 30 августа по 6 сентября действовали следующие части противника: 137 австрийская пд, 178, 292,268 пд, один полк 7 пд и один полк 293 пд, два мотоциклетных батальона; орудий 200–240. В австрийской

дивизии весь командный состав – немцы. Эти части противника прибыли с разных направлений в период 20.8-30.8 и заменили дивизию СС, 15 пд, 17 мд, 10 тд, 5, 31,41 инженерные батальоны. По показаниям всех пленных, дивизия СС, 15 пд, 17 мд выведены в тыл в связи с очень большими потерями, которые эти дивизии понесли в боях за ЕЛЬНЮ. Всего за период боев в районе ЕЛЬНИ противник потерял убитыми и ранеными 45–47 тысяч человек и очень большое количество разбитыми нашей артиллерией и авиацией станковых пулеметов, минометов и артиллерии. По показаниям пленных, в некоторых частях 137, 15, 178 пд минометов и артиллерии не осталось совершенно. По докладу большинства командиров частей и по оставленным трупам на поле боя, за последние 3–5 дней противник потерял убитыми не менее 5 тысяч. Чтобы скрыть от наших войск свои большие потери, перед отходом противник все братские могилы разровнял и замаскировал под окружающую местность… [124]

В этом донесении много натяжек, неточностей и полуправды. Например, перепутаны номера пехотных дивизий: 293-я пехотная дивизия не воевала под Ельней, там была 263-я пехотная дивизия, а 178-й пехотной дивизии в вермахте вообще никогда не существовало – очевидно, Жуков спутал ее с 78-й. Не было в вермахте и 17-й моторизованной дивизии. Может быть, Жуков имел в виду 17-ю танковую дивизию, но и она никогда не была на ельнинском выступе, хотя и занимала с 26 июля по 7 августа участок фронта, примыкавший к нему с севера. А утверждение о том, что немцы перед отходом разравнивали свои братские могилы, остается на совести автора донесения… На основании этих сведений сводка Советского информбюро от 8 сентября сообщала:

…На Смоленском направлении двадцатишестидневные бои за г. Ельню под Смоленском закончились разгромом дивизии СС, 15-й пехотной дивизии, 17-й мотодивизии, 10-й танковой дивизии, 137, 178, 292, 268-й пехотных дивизий противника. Остатки дивизий противника поспешно отходят в западном направлении. Наши войска заняли г. Ельню.

На самом деле немецкие дивизии на ельнинском выступе не были разгромлены, хотя и понесли тяжелые потери. Ни одна из них не была выведена с Восточного фронта на переформирование, а после пополнения все они вскоре приняли участие в наступлении на Москву.

Имеющиеся данные об истинных потерях обеих сторон далеко не точны и, к сожалению, отрывочны. Хорошо известны они только по 46-му танковому корпусу. Согласно отчету корпуса, его войска на ельнинском выступе (10-я танковая дивизия,

моторизованная дивизия СС «Рейх», моторизованный полк «Великая Германия» и временно подчиненная ему 268-я пехотная дивизия) за период с 22 июля по 8 августа потеряли 4252 человек: 924 убитыми (из них 37 офицеров), 3228 ранеными (из них 126 офицеров) и 100 пропавшими без вести (из них 3 офицера). Надо отметить, что за эти 18 дней потери корпуса составили 47,5 % от всех его убитых, раненых и пропавших без вести за 57 дней с 22 июня до 17 августа 1941 года. Таким образом, за время боев на ельнинском выступе 46-й танковый корпус терял в среднем более чем вдвое больше людей, чем на других участках фронта, где ему довелось тогда повоевать. За тот же период корпус доложил о захвате 212 танков и бронемашин, 82 орудий, 22 самолета и 8495 пленных [125] . Судя по всему, большинство упомянутой здесь боевой техники попало в германские руки, будучи уже выведенной из строя в боях, а самолеты достались немцам, когда они в самом начале сражения в районе Ельни овладели несколькими аэродромами. В том же докладе упоминалось, что в этих боях противостоящие ему советские войска потеряли 35 тыс. человек убитыми и ранеными. Цифра 35 тысяч, конечно, вызывает большие сомнения – но на войне обычное явление, когда потери противника сильно преувеличиваются.

137-я и 263-я пехотные дивизии немецкого 9-го армейского корпуса в боях на ельнинском выступе вместе потеряли 3700 человек. Еще одна его дивизия, 292-я, за период с 9 августа по 1 октября понесла потери в 2600 человек [126] . Точно выделить из них лишь те, которые имели место именно под Ельней, не представляется возможным, но они, несомненно, составляли в них львиную долю.

С другой стороны, по советским данным немцы потеряли под Ельней 45–47 тысяч человек убитыми и ранеными. Эта цифра впервые появилась в приведенном выше донесении Жукова Сталину. Вероятно, она тоже сильно преувеличена. Можно попробовать примерно подсчитать немецкие потери, используя те сведения о них, которыми мы располагаем. В сражении за Ельню участвовали немецкие войска из состава 4-й армии и 2-й танковой группы. Потери 46-го танкового корпуса из 2-й танковой группы известны за большую часть срока его пребывания на выступе – они составили 4252 человека, как уже упоминалось выше. Если экстраполировать на соединения 20-го армейского корпуса (15-я, 78-я и временно подчиненная ему 268-я пехотные дивизии) известные нам потери 9-го армейского корпуса, учитывая время их участия в боях на выступе и средние дневные потери немцев на разных этапах сражения, получится цифра

примерно в 6 тыс. человек. Добавив к ней известные нам потери 46-го танкового корпуса и 9-го армейского корпуса, можно с высокой степенью достоверности оценить, что за весь период боев под Ельней немцы потеряли убитыми, ранеными и пропавшими без вести около 17 тысяч солдат и офицеров. Таким образом, безуспешная попытка немцев удержать ельнинский выступ обошлась им в полнокровную дивизию. Эти потери еще скажутся на них в скором будущем, замедлив темпы наступления на Москву потрепанных у Ельни германских частей и соединений.

С потерями Красной Армии под Ельней тоже много неясного. В вышеупомянутом донесении Жукова Сталину он привел следующие цифры своих потерь с 30 августа по 6 сентября: около 3 тысяч убитых, 13 030 раненых и 1116 пропавших без вести с 30 августа по 6 сентября, а всего – около 17 тысяч [127] . Г. Ф. Кривошеев в работе «Гриф секретности снят» опубликовал совсем другие цифры потерь Красной Армии в Ельнинской наступательной операции: безвозвратные—10 701 человек убитыми, пленными и пропавшими без вести, санитарные – 21 152 человека ранеными и больными, а всего 31853 человека [128] . Но эти потери относятся только к периоду последнего советского наступления на Ельню с 30 августа по 8 сентября, они не учитывают тяжелые утраты в многочисленных бесплодных атаках в период с 20 июля до 29 августа. Узнать о советских потерях за весь период ельнинской операции можно из донесения политотдела 24-й армии в политуправление Резервного фронта, написанного по горячим следам. Согласно ему, по предварительным сведениям эта армия потеряла 77 728 человек, при этом наибольшие потери понесла ее 19-я стрелковая дивизия – 11 359 человек [129] . Такие данные хорошо согласуются с известной нам статистикой потерь Резервного фронта с 30 июля по 10 сентября 1941 г. За это время войска фронта потеряли 103 147 человек, из них 45 774 безвозвратно [130] . Принимая во внимание, что основной задачей фронта в то время была ликвидация ельнинского выступа, а рассмотренный период не охватывает первые 10 дней боев под Ельней, и учитывая предварительность, а следовательно, неполноту сведений из донесения политотдела 24-й армии, можно вполне обоснованно оценить, что всего в Ельнинском сражении Красная Армия потеряла свыше 80 тысяч человек. Велики были и потери в технике. После окончания боев из-под Ельни были эвакуированы 164 выведенных из строя советских танка. Из них в ремонт отправили только 34, а 130 восстановлению уже не подлежали и пошли на переплавку [131] .

Всего в решающем штурме участвовали 103 200 человек,

следовательно, среднесуточные безвозвратные потери Красной Армии за 10 дней наступлении превысили 1 %! Это очень красноречивая и страшная цифра. Достаточно сравнить ее с потерями Красной Армии во время оборонительной части Курской битвы. Даже в тех редких по ожесточенности боях наши среднесуточные безвозвратные потери составили 0,29 % [132] – менее трети потерь, понесенных во время наступления на Ельню. Во время советского наступления на Белгород среднесуточные безвозвратные потери составляли 0,30 % [133] , а на Орел – еще меньше, 0,23 % [134] .

Но и после 8 сентября 1941 года советские войска не прекратили безрезультатные попытки прорвать хорошо подготовленную немецкую оборону. Они закончились только после Директивы Ставки ВГК № 001941 командующему войсками Резервного фронта Жукову «О недостатках в организации наступления» от 13 сентября 1941 года:

Наступление 24-й и 43-й армий за последние дни положительных результатов совершенно не дает и ведет лишь к излишним потерям как в личном составе, так и в материальной части.

Основные причины неуспеха – отсутствие в армиях необходимых для удара группировок и стремление наступать на всем фронте, недостаточная по силе и времени и безобразная по организации авиационно-артиллерийская подготовка атак пехоты и танков.

Необходимо впредь прекратить и не допускать неорганизованных и слабо подготовленных артиллерией и авиацией атак пехоты и танков, атак, не обеспеченных необходимыми резервами.

Б. ШАПОШНИКОВ [135]

Несомненно, у Шапошникова были веские причины указывать Жукову на недостатки в организации операции и понесенные в ней тяжелые потери. Войска Резервного фронта под его командованием в боях в августе и начале сентября 1941 года были существенно обескровлены. Это облегчило немцам задачу окружения и разгрома их в ходе наступления на Москву в октябре 1941 года.

Советские потери были велики, но не напрасны. Такой кровавой ценой Красной Армии приходилось платить за трудную науку побеждать. Среди усвоенных уроков был и тот, что позиционную немецкую оборону, не подкрепленную мобильными резервами, можно успешно преодолеть. Ключами к ее преодолению являлись массированное использование артиллерии и тесное взаимодействие между всеми родами войск. Этот опыт

были неоднократно использован в 1944–1945 годах, когда вермахт пытался сдержать советские наступления жесткой обороной.

Велико было и моральное значение этой победы – ведь Красная Армия впервые сумела не только надолго задержать немецкое наступление на одном из важнейших участков фронта, ей удалось самой перейти в контрнаступление и освободить значительный район советской территории. За боевые подвиги, за организованность, дисциплину и примерный порядок 18 сентября 1941 года 100-я и 127-я стрелковые дивизии 24-й армии первыми в РККА получили звания гвардейских, став соответственно 1-й и 2-й гвардейскими стрелковыми дивизиями. А всего через несколько дней, 26 сентября, 107-я и 120-я стрелковые дивизии этой же армии были переименованы в 5-ю и 6-ю гвардейские.

* * *

Однако праздновать победу было еще рано. 10 сентября началось немецкое наступление против Юго-Западного фронта в районе Киева. 26 сентября оно закончилась окружением и разгромом оборонявшихся там советских войск, немцы объявили о взятии 665 тысяч пленных. В этих боевых действиях в составе 2-й танковой группы Гудериана приняли активное участие моторизованная дивизия СС «Рейх» и моторизованный полк «Великая Германия», еще недавно сражавшиеся под Ельней.

Всего через неделю после этой победы, 2 октября, германская армия перешла в решающее, как она надеялась, наступление на Москву. Для него не понадобился утраченный в результате кровавой борьбы плацдарм у Ельни. Началось оно тоже очень удачно для немцев: согласно их заявлениям, в брянском и вяземском котлах к 19 октября были захвачены в плен 657 тысяч красноармейцев и командиров. В их числе были и многие бойцы 24-й армии, отличившиеся в боях под Ельней. Там погиб и командующий этой армии, генерал-майор К. И. Ракутин. Казалось, что теперь, после разгрома крупнейших советских группировок, путь на Москву для вермахта был открыт.

Однако положение германской армии было вовсе не таким благополучным, как это могло показаться на первый взгляд. Еще в июле 1941 года немцы начали испытывать серьезные трудности со снабжением своих войск на Восточном фронте, особенно это касалось горючего. Их коммуникации быстро растягивались, а танки и машины расходовали топлива вдвое больше нормы [136] . Причиной этого был сильный износ их двигателей в результате

интенсивной эксплуатации в условиях сильной запыленности.

Всего за месяц боев, с 4 августа до 4 сентября, доля безвозвратно потерянных немецких танков возросла с 20 до 30 % из 3500, с которыми они начали войну. В то же время доля танков, находящихся в ремонте, упала с 30 до 23 %. Таким образом, на 4 сентября в строю оставались только 47 % немецких танков. Количество исправных грузовиков упало до 77,7 % их штатной численности, а количество тягачей, включая ремонтные летучки – до 67,9 % [137] .

В результате непрерывных сражений росли и немецкие потери в живой силе. К концу августа они достигли 410 тысяч человек, из которых свыше 107 тысяч были потеряны безвозвратно. Это было больше, чем германская армия потеряла во всех своих предыдущих кампаниях с начала Второй мировой войны. Пополнений за это время было получено только 217 тысяч, таким образом, некомплект немецкой армии на 31 августа составил 193 тысяч человек [138] . К концу ноября из строя вышло уже 740 тысяч человек, из которых 244 тысяч – безвозвратно. Немцы сумели возместить убыль только 400 тысяч, следовательно, некомплект их действующей армии достиг 340 тысяч человек, или свыше 10 % ее первоначальной численности. Наиболее сильно пострадала немецкая пехота: она утратила около четверти своего состава [139] .

В боях с Красной Армией немцы теряли не только людей и технику, но и время. Они планировали покончить с Советским Союзом за 3–4 месяца, еще до наступления осенней распутицы. Но эти сроки были сорваны, и 7 октября в разгар немецкого наступления на Москву начались проливные дожди, превратившие дороги в потоки грязи, в которых безнадежно забуксовала и без того изрядно потрепанная в боях немецкая военная машина. Расход горючего повысился уже в 3 раза, а подвозить его надо была еще дальше, чем прежде. Распутица ударила по вермахту гораздо сильнее, чем по Красной Армии, ведь немецкие линии снабжения были гораздо длиннее, а степень моторизации – выше. В результате германская армия утратила один из главных своих козырей – преимущество в подвижности. А советское сопротивление между тем нарастало.

Немцы все еще из последних сил еще рвались к Москве, но их люди изматывались, а их техника выходила из строя. В записке «Оценка боеспособности действующей сухопутной армии на Востоке» организационного отдела Генерального штаба сухопутных сил от 6 ноября 1941 года констатировалось, что в тот период немецкие пехотные дивизии имели 65 % своей первоначальной боеспособности, а танковые – примерно 35 %

[140] . Это было не удивительно, ведь к тому времени немцы уже безвозвратно потеряли более 2250 своих танков, или около двух третей их первоначальной численности [141] .

Начавшиеся заморозки вначале помогли немцам – непролазная грязь на дорогах замерзла, и их проходимость временно восстановилась. Но вскоре ударили сильные морозы и выпало много снега. К такой погоде не был подготовлен ни личный состав, ни техника вермахта. Зато Красная Армия обладала большим опытом боевых действий в тяжелых зимних условиях. Этот опыт она приобрела дорогой ценой во время войны с Финляндией, и он сильно помог ей в битве под Москвой.

Между тем еще 2 октября 1941 года, в день начала операции «Тайфун», генерал Томас, начальник управления военной экономики и военной промышленности ОКВ, подготовил обзор военной и экономической ситуации в СССР. В нем он рассмотрел четыре основных возможных варианта развития событий:

1. В случае, если бы германской армии удалось захватить всю территорию к западу от линии Крым – Днепр – Харьков– Тула – Москва – Ленинград – Кандалакша, включая эти города, СССР утратил бы примерно 2/3 своих промышленных мощностей для производства стали и алюминия. Такая потеря исключила бы перспективы наращивания объемов производства сохранившимися предприятиями, которые уже не могли бы использовать весь свой потенциал. В результате стало бы невозможным полностью переоснастить Красную Армию во время предполагаемого зимнего затишья. Но тем не менее СССР все равно сумел бы производить наиболее необходимую боевую технику и вооружение, и это обеспечило бы ему возможность дальнейшего ведения войны весной 1942 года.

2. Если же, кроме вышеперечисленного, Советский Союз потерял бы нефтяные месторождения Майкопа и уголь Донбасса, то его экономика оказалась бы настолько подорванной, что к лету 1942 года Красная Армия не располагала бы достаточным количеством техники и вооружения, чтобы продолжать борьбу к западу от Урала.

3. Если ко всем этим потерям добавится утрата промышленного района Горького, произошла бы почти полная остановка производства грузовых и легковых автомобилей. Авиационная промышленность потеряла бы один из основных своих заводов по производству фюзеляжей, а это, в свою очередь, привело бы к дальнейшему падению выпуска самолетов. При этом, однако, экономическая ситуация СССР была бы ненамного хуже, чем в сценарии № 2.

4. При условии, что вся территория СССР западнее Волги

была бы оккупирована немцами, советский промышленный потенциал был бы очень серьезно ослаблен, но все еще сохранялся. Полный развал экономики Советского Союза можно было ожидать только в случае захвата индустриальных районов на Урале [142] .

Как мы видим, генерал Томас прогнозировал, что при наиболее благоприятном для немцев сценарии развития событий в конце 1941 года, даже при условии взятия ими Москвы и Ленинграда, окончательно сломить советское сопротивление им все равно бы не удалось. Следовательно, терялся всякий смысл рваться к Москве очертя голову. Но этот доклад не отрезвил военное и политическое руководство Германии. Гитлер уже не вспоминал свою же фразу: «Мы не можем позволить соображениям престижа влиять на наши решения». Хотя, с другой стороны, у него тоже не оставалось выбора. После того, как тяжелейший военный разгром, огромные людские и материальные потери и утрата обширных территорий так и не заставили Советский Союз капитулировать, Гитлеру оставалась только надеяться, что крупное политическое поражение – утеря столицы – все же сломит волю советского народа к сопротивлению.

Контрнаступление Красной Армии, начатое 5 декабря 1941 года, окончательно перечеркнуло и эту его последнюю надежду. Главным результатом поражения вермахта под Москвой стало осознание всеми того, что многие поняли еще раньше: немецкий «блицкриг» в СССР окончательно провалился. Отныне война перешла в форму длительной борьбы на истощение. А в такой борьбе у Германии не было шансов на успех – особенно учитывая, что ей приходилось сражаться не только с Советским Союзом, но и с Британской империей, и с США. Экономический потенциал антигитлеровской коалиции, ее объединенные людские и материальные ресурсы намного превосходили все, что могла противопоставить этому Германия, даже с учетом всех ее союзников. А это означало, что поражение Германии в войне становится только вопросом времени. Приговор был окончательным и обжалованию не подлежал.

Но агония Третьего рейха продолжалась еще долгих три с половиной года, и за победу над ним пришлось заплатить еще многими миллионами жизней…

Валерий Вохмянин, Александр Подопригора. Гамбит Тимошенко

«Гамбит (тал. dare il gambetto – дать подножку), начало шахматной партии, в котором жертвуют фигурой или пешкой ради получения скорейшей возможности перейти в атаку…»

(Толковый словарь русского языка, 1935)

В 2008 году, к 65-летию освобождения Харьковской области от немецко-фашистских захватчиков, Харьков получил неюбилейный подарок – «черную метку» военных историков России. «Приравняв к штыку перо» в борьбе с ревизионистами и фальсификаторами истории Второй Мировой и Великой Отечественной войн, специалисты старой формации и исследователи новой волны обрушили на головы читателей шквал печатных открытий, обобщений и откровений.

Ошеломляет даже название – убийственное, как приговор военного трибунала: *«Харьков – проклятое место Красной Армии» [143]* . В «вину» восточным воротам и крупнейшему мегаполису Украины, не мелочась, поставили все: от Барвенково-Лозовской операции января 1942-го до Белгородско-Харьковской августа 1943-го. Как будто не было в истории Великой Отечественной и в памяти поколений ни победных сводок, ни громких приказов «Верховного», ни слез радости на глазах жителей освобожденных городов и сел, ни блеска салютов над ликующей Москвой. Не было ни не менее «проклятой», дважды освобожденной и дважды сданной Керчи, ни позиционных тупиков Ржева и Вязьмы, злополучной Сычевки, кровавых болот Мясного Бора…

Год 1941-й авторы «исторического трибунала» удостоили всего лишь пары абзацев во вступительной статье – возможно, решив не усугублять и без того неприглядную картину военных неудач «проклятого места». Еще бы! Поспешный отвод остатков Юго-Западного фронта после грандиозного разгрома в Киевском «котле», оставление врагу четвертого по величине города СССР, крупнейшего транспортного и промышленного центра на юге страны, родины легендарных БТ и прославленных

«тридцатьчетверок»!

Заблуждений и мифов об осени 1941-го и о боях 1942–1943 годов меньше от этого не станет, а «страсти по Харькову» будут лишь разгораться. Именно они, к сожалению, и будут оставаться по-прежнему стереотипным фундаментом понимания роли и содержания событий, происходивших на востоке Украины в годы Великой Отечественной войны. Для всех, кто считает себя наследниками Великой Победы, соотношение советских поражений и побед станет еще более искаженным и неутешительным.

Во избежание этого следует придерживаться не эмоциональных оценок событий, а четких и объективных критериев военной науки. Результат окажется неожиданным даже по своему определению, ибо *победа* понимается в военном деле как *«боевой успех, нанесение поражения войскам противника, достижение целей, поставленных на бой, сражение, операцию, войну в целом» [144]* .

Исходя из этого, нетрудно заметить, что события, происходившие осенью 1941 года под Харьковом, приобретают совершенно иные акценты – напрочь опровергая утверждения

о том, что *«это место с 1941 года по 1943 год несло войскам Красной Армии одни только неудачи и неисчислимые потери»* и *«в районе Харькова войска Красной Армии потерпели поражение не только в злополучном для нас 1941 году, но и весной 1942 года, и в начале 1943-го» [145]* . К происходившему в сентябре-октябре 1941-го под Харьковом эти стереотипные и внешне убедительные оценки не применимы: не было здесь у Красной Армии тогда ни глобальной «неудачи», ни «поражения»! Был боевой успех и достижение целей в крупной оборонительной операции. Была одна из забытых, неброских, но бесконечно важных в условиях 1941 года побед. Был «гамбит маршала Тимошенко».

Днепровские подступы

В массовом сознании длинная вереница боев, полыхавших летом-осенью 1941 года на Западной, Право– и Левобережной Украине, выглядит бесконечной цепью отступлений, поражений и неудач Красной Армии, следствием которых стала утрата большей части территории Украины.

В военно-исторической литературе эта вереница обоснованно делится на три этапа, центральным из которых стало катастрофическое по масштабам и следствиям поражение советских войск под Киевом. Оно же оказалось началом трагедии всей Восточной Украины – трагедии, растянувшейся на два последующих года войны.

Ласкающие слух и чувства нынешних патриотов открытия:

«Несмотря на высокие потери советских войск, *исследователи единодушны в том, что победа немцев в Киевском сражении носила лишь тактический характер» [146]* – на поверку не стоят выеденного яйца. Какие *«исследователи»!* Битый гитлеровский генерал Гудериан? И какой *«лишь тактический характер* », если в сентябре-октябре 1941 года тьма оккупации полностью поглотила наиболее лакомую треть территории Украины: Житомирскую, Киевскую, Черниговскую, Одесскую, Херсонскую, Днепропетровскую, Запорожскую, Сумскую, Полтавскую области, а частично – Харьковскую, Сталинскую и Крым? Отбивать захваченное врагом (или оставленное по приказу советского командования) пришлось потом, за редким исключением, по полгода: Харьковскую область – с февраля по сентябрь 1943-го, Сумскую – с марта по октябрь, Днепропетровскую и Киевскую – с сентября 1943-го по март 1944-го.

В действительности имели место не оторванные друг от друга локальные неудачи и поражения РККА, а ситуация **общего сентябрьского кризиса на Украине,** когда рухнула оборона не только Юго-Западного фронта, но и всего Юго-Западного направления. Речь шла не о частных («тактических») неудачах под Киевом, а затем под Харьковом и в Донбассе, но о стратегическом прорыве обороны Красной Армии на юге советско-германского фронта – втором из трех, осуществленных гитлеровцами на глубину 300–500 км в ходе кампании 1941 года (первый произошел в июне на северо-западном и западном, третий – в октябре на западном направлении) [147] .0 прорыве стратегическом, и никаком ином!

Отрицать это не имеет смысла. Победы надо искать там, где они были, и в том, в чем они действительно заключались. В противном случае можно скатиться до полного абсурда: не было-де у немцев в 41-м никаких стратегических прорывов! Никогда и нигде: ни летом в Белоруссии и Прибалтике, ни осенью под Москвой. Ибо Ленинград и Москву они не взяли, а мы в мае 45-го в Берлин вошли!..

То, что СССР и Россия на Москве никогда не заканчивались, в Германии понимали:

«Для принятия решений о продолжении операций определяющей является задача лишения противника жизненно важных районов. Первая достижимая цель – Ленинград и русское побережье Балтийского моря… На втором месте по важности для противника стоит юг России, в частности, ***Донецкий бассейн, начиная от района Харькова*** *. Там расположена вся база русской экономики. Овладение этим районом неизбежно привело бы к крушению всей экономики русских». (А. Гитлер, из выступления на*

совещании высшего военного командования 4 августа 1941 года).

Задачи группы армий «Юг» осенью 1941-го не ограничивались разгромом советских войск в Киевском выступе, а были намного масштабнее. Ликвидация Днепровской дуги была хоть и важнейшим, но лишь одним из звеньев комплекса осенних наступательных операций вермахта, объединенных единым стратегическим замыслом (разгром южного фланга советско-германского фронта), местом (Левобережная Украина), временем (сентябрь-ноябрь 1941 года) и последовательностью проведения. Цель немецких планов осени 1941-го заключалась не только во взятии Москвы, но и в овладении всей Восточной Украиной. Прочесть об этом можно у того же Гудериана, в том же абзаце, где стратегический прорыв скромно именуется «крупным тактическим успехом»:

«Теперь все зависело от того, удастся ли немцам добиться решающих результатов еще до наступления зимы, пожалуй, даже до наступления периода осенней распутицы. Главное командование сухопутных войск ожидало, что на юге противник уже не в состоянии будет организовать сильную и стойкую оборону против войск группы армий „Юг"; оно хотело, чтобы группа армий „Юг" еще до наступления зимы овладела Донбассом и вышла на рубеж р. Дон» [148] .

Противостоять комплексу немецких наступательных операций пришлось вновь создаваемому (фактически на пустом месте, взамен сгинувшего в Киевском окружении) новому Юго-Западному фронту. Формировать, а затем и возглавить его, равно как и все Юго-Западное направление в целом, выпало прославленному сталинскому наркому обороны С. К. Тимошенко.

Нелегкий выбор

За две недели пребывания Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко на посту главкома войск Юго-Западного направления на Украине (12–26 сентября 1941 года) положение, а вместе с ним и задачи армий Юго-Западного и Южного фронтов существенно изменились. Об уничтожении прорвавшихся к востоку от Киева ударных группировок гитлеровцев речи уже не было: необходимых для этого сил фронты не имели. Утратила актуальность и задача деблокирования запертых в Киевском котле советских войск: к 26 сентября они были разгромлены противником.

Первоочередной оставалась задача восстановления и стабилизации фронта, только уже не на Полтавско-Харьковском, а на Сумском и Харьковском направлениях, ибо Полтава 18 сентября была взята немцами. Новой напастью стал *Красноградский клин* , вбитый противником к 20 сентября в глубь

советской обороны на стыке Южного и Юго-Западного фронтов. С захваченного плацдарма удар мог быть нанесен как на север – в сторону Харькова, так и на юг – в Донбасс. В том, что враг готовит на Левобережной Украине новые удары, сомнений не было: противник прочно владел стратегической инициативой и прилагал отчаянные усилия для достижения основных целей войны еще до наступления зимы.

Для советского командования, не успевшего опомниться от катастрофы под Киевом и неожиданной потери Полтавы, Красноградский прорыв был источником невероятной опасности: восточнее этого рубежа, вплоть до Харькова и Северского Донца, советских войск уже не было! Пути для немцев были открыты: хочешь – двигайся форсированным маршем на Харьков и через пару суток, вновь выйдя в тыл Юго-Западного фронта, с ходу бери незащищенный, неэвакуированный город-гигант; хочешь – устремляйся к изюмским переправам на Донце, перехватывай железнодорожные и автомобильные коммуникации, нависая над Донбассом и создавая опасность окружения и разгрома еще и Южного фронта Красной Армии…

Ни того, ни другого – к счастью для Харькова и Донбасса, Сталина, Тимошенко и всего Советского Союза – гитлеровцы в первые дни после взятия Красноград не предприняли. Не рискнули! На календаре был не июнь, а сентябрь 1941-го, за плечами – три месяца боев с Красной Армией. Совершить заманчивый, но авантюрный бросок, имея у Красноград лишь вырвавшиеся вперед и не обеспеченные снабжением авангарды 17-й армии генерала пехоты Карла Генриха фон Штюльпнагеля (295-ю и 297-ю пехотные дивизии), враг не решился. После упорных боев на Кременчугском плацдарме, прорыва обороны советской 38-й армии, броска на Полтаву и Красноград дивизии вермахта были изрядно потрепаны и нуждались в пополнении людьми, вооружением и боеприпасами. Особой головной болью Штюльпнагеля были его левофланговые легкопехотные дивизии (100-я и 101-я) облегченного двухполкового состава, не имевшие в своем штате достаточного количества не только пехоты, но и тяжелой артиллерии.

Воспользовавшись паузой в действиях 17-й армии врага под Красноградом и тем, что основные силы немцев (1-й и 2-й танковой группы, 2-й и 6-й армий) ликвидацией Киевского котла, Тимошенко в течение недели совершил почти невозможное – восстановил (точнее, заново создал на новых рубежах) всю линию обороны Юго-Западного фронта. Она была тонкой, зато почти сплошной. И выстроил ее Тимошенко в условиях отсутствия мобильных резервов в высшей степени верно – позиции

стрелковых дивизий перемежались с участками соединений 2-го и 5-го кавалерийских корпусов: сводный отряд генерал-майора Чеснова, остатки 3-го воздушно-десантного корпуса, 293-я и 227-я стрелковые дивизии, 9-я кавалерийская дивизия, 1-я гвардейская стрелковая дивизия, 5-я кавалерийская дивизия, 295-я и 81-я стрелковые дивизии, 3-я кавалерийская дивизия, 297-я и 212-я стрелковые дивизии, 14-я кавалерийская дивизия, 300-я и 226-я стрелковые дивизии, 34-я кавалерийская дивизия, 169-я, 199-я и 304-я стрелковые дивизии. [149]

Заключалась в этом чередовании не какая-то своеобразная личная логика Тимошенко, а одна из граней его полководческого чутья: за номерами испытанных в боях стрелковых дивизий, избежавших попадания в мясорубку Киевского окружения (81-я, 199-я, 212-я, 227-я, 293-я, 295-я, 297-я, 300-я и 304-я стрелковые дивизии), стояли обескровленные и утратившие большую часть штатных огневых средств остатки войск. Спешно переброшенные из полосы обороны Южного фронта и с ходу введенные в бой под Полтавой 169-я и 226-я стрелковые дивизии также понесли существенные потери, равно как и прибывшая из резерва Ставки и с ходу наносившая контрудар под Ромнами 1-я гвардейская стрелковая дивизия. А вот кавалерийские дивизии 2-го и 5-го кавалерийских корпусов (5-я и 9-я, 3-я, 14-я и 34-я) пострадали в ходе сентябрьских контрударов значительно меньше, они были мобильнее и в результате создавали своеобразный баланс в качестве тогдашних «сил быстрого реагирования». Дополнительным средством усиления войск и восстановления положения на атакуемых противником участках служили придававшиеся армиям и кавалерийским корпусам танковые бригады, формирование которых велось с августа 1941 года вне территории будущего Киевского котла (1-я, 3-я, 5-я, 7-я, 10-я, 11-я, 12-я, 13-я, 14-я, 129-я, 130-я, 131-я, 132-я, 133-я и 142-я танковые бригады).

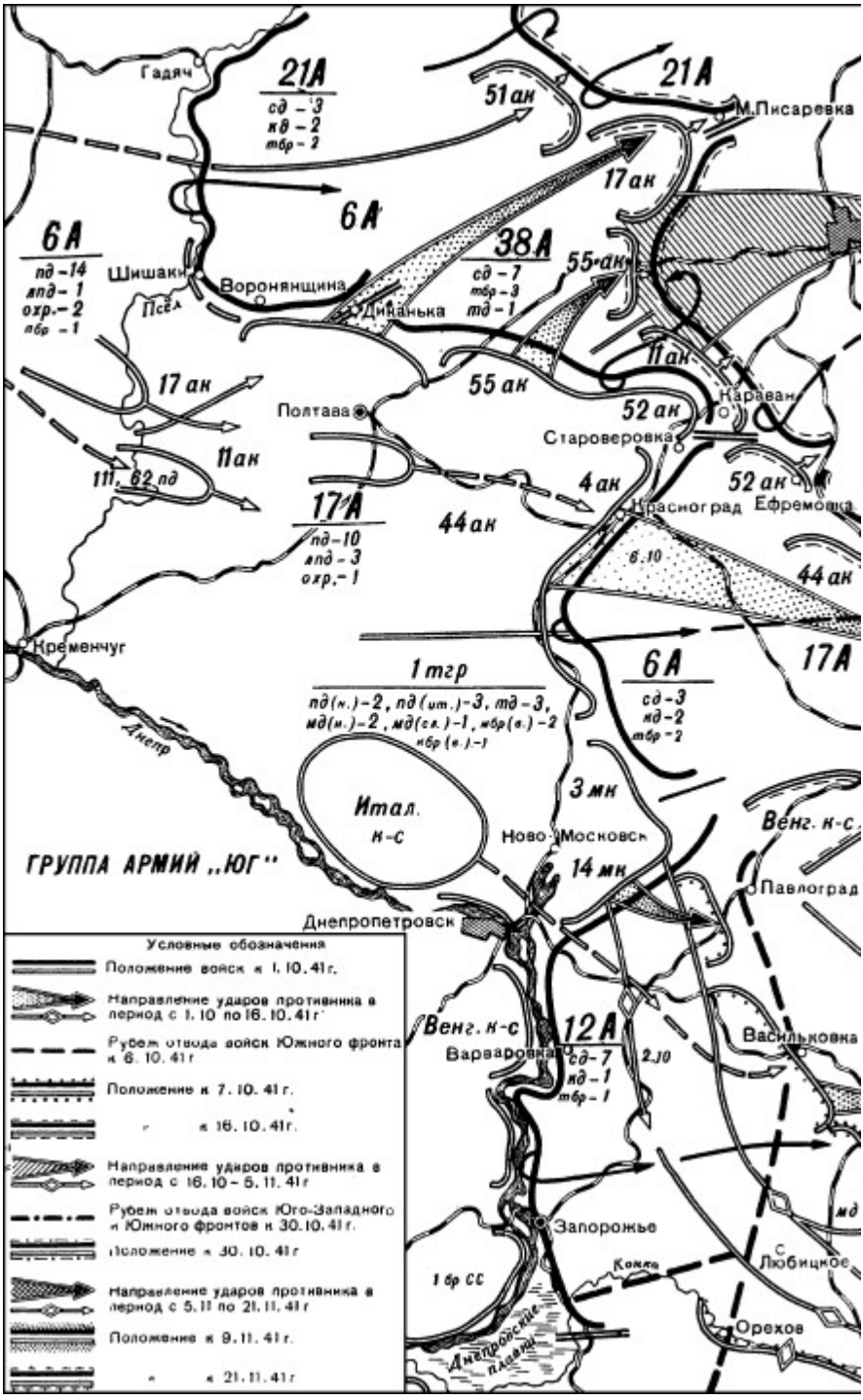
Казалось бы, Тимошенко сумел все предусмотреть. Если бы не одно «но»: грамотность принимаемых им решений и авторитет все громче заявлявших о себе боевых комдивов и комкоров (комбриг А. В. Горбатов, генерал-майор П. А. Белов, генерал-майор И. Н. Руссиянов и другие) не могли восполнить катастрофической нехватки личного состава и вооружения боевых частей, удерживавших более чем 250-километровую линию обороны Юго-Западного фронта. К 30 сентября 1941 года численность его 40-й, 21-й, 38-й армий составляла всего 147 110 бойцов и командиров [150] .

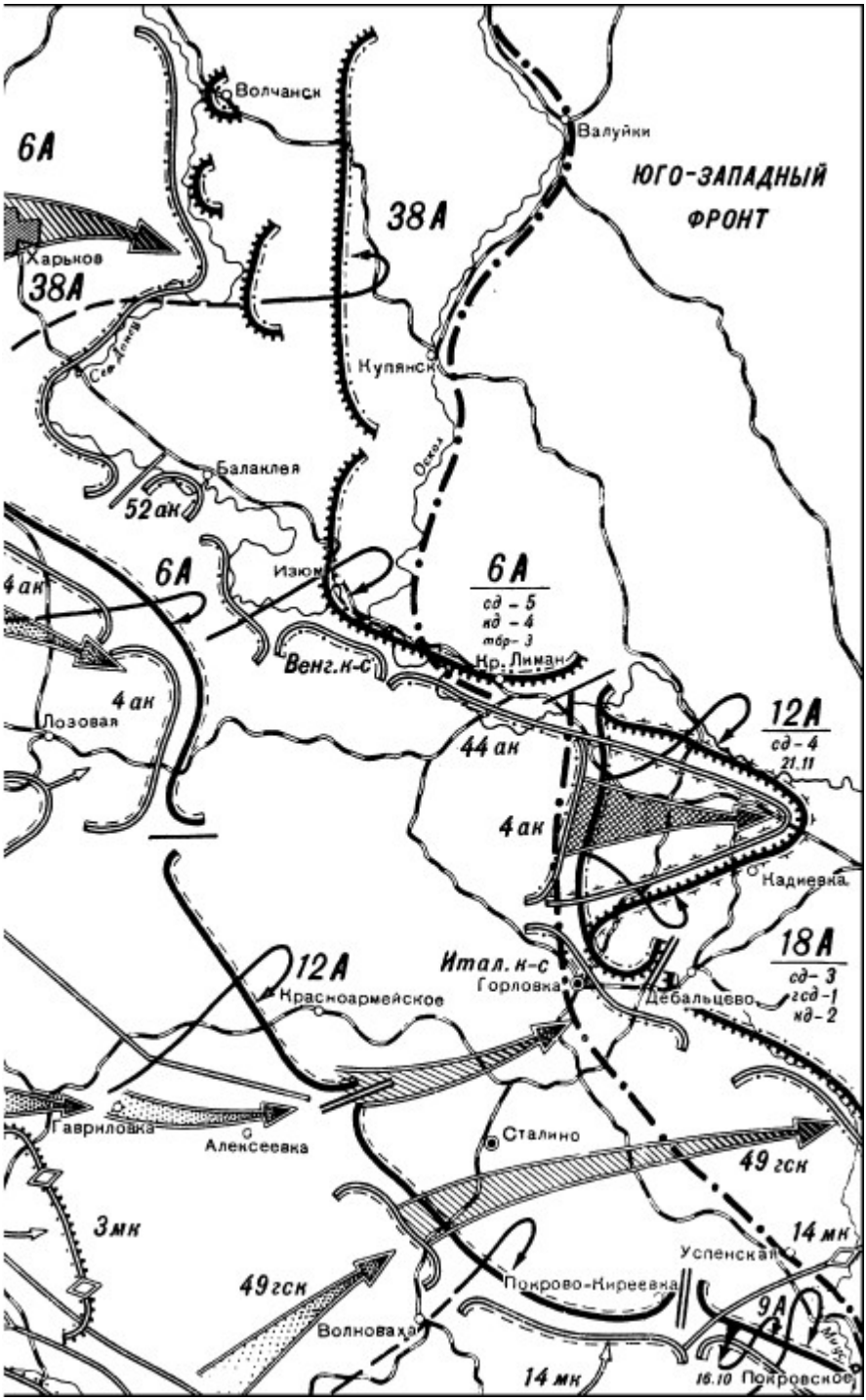
Дальнейшая задача фронта состояла в скорейшем укреплении и удержании занимаемых рубежей, а также усилении

войск маршевым пополнением, техникой и вооружением. Людей и лошадей, продовольствие и фураж, часть техники (танки и бронетракторы ХТЗ-16) и простейшего вооружения (ручные и противотанковые гранаты, бутылки с зажигательной смесью) Харьковщина и Донбасс предоставить могли. Численность войск восстанавливалась быстро, хотя до штатной так и не дошла. Например, в 300-й стрелковой дивизии, имевшей на 23 сентября в составе всего 300 штыков и 6 орудий [151] , она увеличилась к 1 октября до 5013 человек и 11 орудий [152] , в 199-й стрелковой дивизии – с 2349 человек до 9501 (вот только из 8 орудий к тому времени осталось всего 4) [153] .

Со стрелковым, артиллерийско-минометным вооружением и боеприпасами, без которых дивизии теряли огневую мощь и не могли отражать натиск врага, дело обстояло гораздо хуже. Возможности обеспечения советских войск оружием и боеприпасами опустились в сентябре 1941 года ниже критической отметки: центральные и окружные склады РККА были фактически пусты. Для восполнения потерь и вооружения новых формирований в них оставалось всего 39 тысяч винтовок, 520 пулеметов, 251 орудие и 211 минометов – при том, что потребность составляла более 2 миллионов винтовок, 110 тысяч пулеметов, 26,5 тысячи орудий и 29 тысяч минометов) [154] . Вооружать войска было практически нечем! Такого в истории Великой Отечественной войны не было больше никогда…

В сложившихся условиях **об оставлении Восточной Украины, Харьковского промышленного района и Донбасса не могло быть и речи** – на их промышленном, транспортном и людском потенциале держалась едва ли не половина всего советско-германского фронта [155] .


Гадяч
21А
сд – 3
кв – 2
тбр – 2
51 ак
21А
М.Писаревка
17 ак
6А
6А
пд – 14
впд – 1
охр. – 2
тбр – 1
Шишаки
Воронянщина
Псёл
38А
сд – 7
тбр – 3
тд – 1
Диканька
55 ак
11 ак
17 ак
55 ак
Полтава
Караван
52 ак
Староверовка
11 ак
111, 62 пд
4 ак
52 ак
Ефремовка
17А
пд – 10
впд – 3
охр. – 1
44 ак
Красноград
6.10
44 ак
Кременчуг
1 тгр
пд(м.) – 2, пд(ит.) – 3, тд – 3,
мд(м.) – 2, мд(сд.) – 1, мбр(в.) – 2
кбр (в.) – 1
6А
сд – 3
кд – 2
тбр – 2
17А
Днепр
3 мк
Итал.
к-с
Ново-Московск
Венг. к-с
14 мк
ГРУППА АРМИЙ „ЮГ"
Павлоград
Днепропетровск
Венг. к-с
12А
сд – 7
мд – 1
тбр – 1
2.10
Варваровка
Васильковка
Запорожье
Кокка
1 бр СС
с. Любицкое
Орехов
Днепровские плавни
Условные обозначения
Положение войск к 1.10.41г.
Направление ударов противника в период с 1.10 по 16.10.41г
Рубеж отвода войск Южного фронта к 6.10.41г
Положение к 7.10.41г.
" к 16.10.41г.
Направление ударов противника в период с 16.10 – 5.11.41г
Рубеж отвода войск Юго-Западного и Южного фронтов к 30.10.41г.
Положение к 30.10.41г
Направление ударов противника в период с 5.11 по 21.11.41г
Положение к 9.11.41г.
" к 21.11.41г



Боевые действия на Харьковском направлении осенью 1941 года

Главной опасностью для Левобережной Украины представлялся в те дни злосчастный Красноградский выступ. Таившуюся в нем угрозу Ставка, Генштаб и находившийся в

Харькове Тимошенко видели прекрасно. Понимали они и то, что в руках прочно владеющего стратегической инициативой противника угроза эта была многовекторной: выбор перспективных для развертывания дальнейших наступательных действий направлений, формирование ударных группировок, определение выгодных для их сосредоточения районов, планирование времени и порядка перехода войск в наступление – все это оставались за немцами. Задача советского командования состояла в том, чтобы верно или максимально близко к действительности определить (точнее, предугадать) планы врага, своевременно разработать и вовремя осуществить адекватные меры противодействия им. Перспективные направления действий врага на Украине Ставка назвала полутора месяцами ранее, когда не случилось еще ни Киевского разгрома, ни Кременчугского прорыва, ни образования Красноградского выступа, – в директиве главкому Юго-западного направления (копии – командующим ЮФ и ЮЗФ) № 001084 от 19 августа 1941 года. Первейшим пунктом в ней значился Киев, а затем и все остальное:

«Создавая из Правобережной Украины плацдарм для дальнейшего наступления, противник, по-видимому, поведет его:

…) в направлении Кременчуг, Полтава, Харьков;

в) с фронта Кременчуг, Николаев на восток для захвата Донбасса и Северного Кавказа;

г) на Крым и Одессу….

Подписи: Сталин, Шапошников». [156]

О том же говорилось и в докладе оперативного отдела штаба Южного фронта 31 августа 1941 года:

«Противник, создав плацдарм для наступления, поведет последнее, вероятнее всего: а) в стыке между ЮЗФ и ЮФ в направлениях, предположительно, Пирятин, Ромны и дополнительно Полтава, Харьков с целью:

…3) Овладения районом Харьков (промышленный и политический центр).

4) Одновременно обеспечения свободного выхода с северо-запада в район Донбасса…».

В августе 1941-го направления и цели действий противника определили верно. Но в конце сентября конкретизировать их, определить силы и сроки введения в бой вражеских ударных группировок не смогли. Общее так и не перешло в частное и конкретное. В таких ситуациях обычно и говорят о том, что противник «переиграл» соперника, навязав изначально неожиданный для него план игры. Но «переиграл» вовсе не означает «победил» – все зависит от дальнейшего развития шахматной партии. Беда только, что в боевых условиях платой за

это становятся десятки и сотни тысяч утраченных человеческих жизней.

Анализируя ближайшие возможности немцев, Ставка, Генштаб и Тимошенко отдавали предпочтение так называемому «северному варианту» – возможности маневренного 80-километрового броска немцев с Красноградского выступа на северо-восток, прямо на Харьков, полагая, что удобной возможности для захвата города враг не упустит. Не исключалась, впрочем, и вероятность фронтального наступления немцев по кратчайшему пути к городу – вдоль магистрали Полтава – Харьков. Для ее прикрытия Ставка перебрасывала сюда две свежие горнострелковые дивизии, снятые с Закавказского фронта: 47-я горнострелковая дивизия прибывала с 20 сентября из 46-й армии (с турецкой границы), 76-я горнострелковая дивизия – с 26 сентября из 47-й армии (из Ирана, занятого к тому времени советскими и английскими войсками).

Еще две дивизии (и не облегченные горные, а полнокровные стрелковые: 4-я – из Ворошиловграда, 136-я – из Ростова-на-Дону) и две танковые бригады перебрасывались в состав Южного фронта (директива № 001965 от 14 сентября 1941 года). Но использовать их предполагалось не для усиления стыка фронтов у Красноград и защиты Донбасса, а гораздо южнее – у Большого Токмака и Мелитополя [157] . Из переговоров начальника Генштаба Б.М. Шапошникова с комфронта Д.И. Рябышевым 17 сентября 1941 года:

«Обе дивизии боевые, полностью укомплектованы по штатам в 14 500 человек с двумя артиллерийскими полками в каждой, каждая имеет по дивизиону РС. Обе танковые бригады заново сформированные. Одним словом, в Ваше распоряжение передаются хорошие ударные части». [158]

К моменту их прибытия враг успел отбросить 18-ю и 9-ю советские армии от Каховки к Мелитополю, захватил крымские перешейки и «закупорил» Крым. В обоих случаях Ставка занималась «латанием дыр», укрепляя наиболее слабые участки обороны. Обеспечение стыков соединений, армий и фронтов оставалось при этом уделом комдивов и командармов, хотя стремление немцев пробивать бреши именно там заметили уже давно. Соответствующую директиву Ставка направила командующим фронтами и направлениями еще 5 августа 1941 года:

«Опыт многочисленных боев показал, что прорыв оборонительного фронта наших частей почти всегда начинался на слабо защищенных, а часто и совершенно не обеспеченных стыках частей, соединений, армий и фронтов. Командующие и командиры

соединений (частей) забыли, что стыки всегда были и есть наиболее уязвимым местом в боевых порядках войск. Противник без особых усилий и часто незначительными силами прорывал стык наших частей, создавал фланги в боевых порядках обороны, вводил в прорыв танки и мотопехоту и подвергал угрозе окружения части боевого порядка наших войск, ставя их в тяжелое положение.

Ставка приказала:

1) возложить полную ответственность за стыки частей на командиров соединений, которым они непосредственно подчинены;

2) вести непрерывную и особенно тщательную разведку на стыках частей (соединений);

3) создавать на стыках частей и соединений устойчивую, глубокую оборону с широким применением противотанковых и противопехотных заграждений;

4) создавать на стыках полосу сплошного огневого заграждения путем организации перекрестного пулеметного, минометного и артиллерийского огня частей, действующих на фронте и расположенных в глубине;

5) располагать за стыками резервы и их контратаками уничтожать прорвавшегося противника;

6) держать стыки боевых порядков войск под постоянным и личным контролем старших начальников. Ставка требует от командиров всех степеней исключительного внимания к стыкам, их прочного обеспечения и величайшего упорства в борьбе за них.

По поручению Ставки Верховного Командования
Б. Шапошников». [159]

Выполнить эти требования было сложно, да и почти нечем. Одна-две танковые бригады (подвижной резерв командармов), даже сражаясь до последнего танка, не могли остановить массированных прорывов врага. О «глубокой обороне» и «полосах сплошного огневого заграждения» оставалось лишь мечтать. Отход войск Юго-Западного фронта и правого крыла Южного фронта проходил в преддверии скорого наступления врага и имел ряд особенностей, не способствовавших цементированию советской обороны (в особенности на стыках фронтов, куда нацеливалось острие вражеских ударов). Наиболее существенными из этих особенностей были:

• несовпадение направлений отхода Юго-Западного фронта и всех входивших в него армий (40-й, 21-й, 38-й и 6-й): линия фронта отодвигалась на восток, а направления отхода армий смещались при этом на северо-восток, что осложняло управление, взаимодействие и организацию тыла отступавших войск;

• снятие ряда дивизий Южного фронта с фронта обороны на

Днепре с передачей участков другим соединениям и переброской войск сначала в 38-ю армию под Полтаву (169-я и 226-я стрелковые дивизии), а с 21 сентября – в 6-ю армию под Красноград (255-я, 270-я, 275-я стрелковые дивизии, 26-я кавдивизия). Целью переброс ок было «удлинение (наращивание) линии фронта» [160] , а проще говоря – закрытие разрывов в обороне. Сменявшие их части вновь полученной полосы обороны и стоявшего перед ней противника досконально не знали, а времени на подготовку и проведение войсковой разведки практически не имели;

• нестабильный состав армий, вызванный непрерывной переброской и переподчинением войск. Ситуация доходила подчас до абсурда: 19 сентября в 12-й армии числились всего одна дивизия (274-я стрелковая), 95-й погранотряд и два сводных полка; в 6-й армии к 1 октября – три дивизии (255-я, 270-я и 275-я стрелковые) и малочисленная кавалерийская группа генерал-майора А. Ф. Бычковского [161] . В результате боевой состав армий не дотягивал до численности довоенного неукомплектованного корпуса;

• изменение задач и границ 6-й и 12-й армий. Усилия 6-й армии направлялись уже не на удержании позиций по Днепру, а на борьбу за Красноград, прикрытие образовавшегося разрыва и нейтрализацию возможного удара на Харьков с юга. Сосредоточение войск 6-й армии против острия и южного фаса Красноградского клина имело положительный момент – полоса ее действий *сокращалась* почти вдвое, а плотность боевых порядков увеличивалась. Но для соседей ничего положительного в этом не было: с уходом 6-й армии к Красноград у ровно вдвое *удлинялась* полоса находившейся южнее 12-й армии. Дополнительных войск ей при этом не выделялось, а опасность прорыва тонкой линии обороны существенно возрастала;

• целенаправленное усиление обороны Юго-Западного фронта у Красноград а неизбежно вело к ослаблению обороны Южного фронта под Днепропетровском, а *«группировка 12-й армии к 26 сентября не отвечала обстановке, сложившейся на ее правом фланге, ввиду явной угрозы со стороны главных сил 1-й танковой группы противника, изготовившейся для наступления» [162]* . Острие вражеского удара было направлено на ослабленный стык Юго-Западного и Южного фронтов, точнее, их 6-й и 12-й армий, вновь сформированных согласно директиве Ставки № 001259 от 25 августа 1941 года взамен погибших в окружении под Уманью.

Злосчастный Красноградский выступ торчал в советской обороне, как кость в горле. Его существование создавало массу проблем, усугублявших одна другую, отвлекало массу сил и

таило немало угроз. Сегодня об этом никто, к сожалению, уже не помнит, вспоминая почему-то о действиях кого угодно: 6-й немецкой армии Рейхенау, 1-й танковой группы Клейста, 2-й танковой группы Гудериана – но только не о 17-й армии Штюльпнагеля.

Зато в документах Ставки ВГК, штабов Юго-Западного направления и Юго-Западного фронта красноградская «заноза» видна невооруженным глазом. Согласно директиве командующего Юго-Западным фронтом Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко № 28/оп от 27 сентября 1941 года основная часть войск фронта (40-я, 21-я и 38-я армии) должна была *«организовать прочную оборону и не допустить прорыва противника на восток» [163]* . И хотя решено это было не им, а Ставкой (причем не только для Юго-Западного, но и для других фронтов), войска чуть ли не впервые с начала войны избавлялись от необходимости нанесения непрерывных тактических контрударов. Проведение таких контрударов считалось непременной составляющей стратегии и тактики «активной обороны», соответствовало патриотическим установкам советской военной доктрины («Ни пяди земли не отдавать врагу!») и вменялось в обязанность командирам всех рангов и уровней. Этого требовала Ставка, на этом же упорно настаивал с первого дня прибытия на Юго-Западный фронт и Тимошенко.

В ряде случаев контрудары советских войск давали тактический выигрыш, но в условиях 1941 года изматывали не столько силы противника, сколько свои собственные, и без того измотанные и немногочисленные. Примеров, когда части и соединения в считанные дни и недели просто сгорали в «боях местного значения», хватает. Приведем лишь один – незаезженный и мало кому известный.

16 сентября с целью нанесения контрудара по приближавшимся к Полтаве частям 55-го армейского корпуса немцев прибыла сформированная под Харьковом 10-я танковая бригада (командир бригады – подполковник В. А. Бунтман-Дорошкевич, военком – полковой комиссар А. К. Погосов, начштаба – майор Б. Д. Супян). По словам авторов описания боевого пути 38-й армии, эшелон с танками Т-34 к началу боев в бригаду не прибыл, поэтому в ней насчитывалось всего 43 танка, из них 4 КВ и 39 легких [164] – только не Т-70, как об этом писали, поскольку их выпуск начнется лишь в 1942 году. А вот бывший командир танкового полка этой бригады, непосредственно участвовавший в описываемых событиях дважды Герой Советского Союза В. С. Архипов вспоминал иное: «тридцатьчетверки» в бригаде были, и не одна или две. *«2-й*

батальон капитана П. П. Понивага состоял полностью из танков Т-34, а 1-й батальон капитана В. Г. Богачева – из средних танков Т-34 и тяжелых КВ. Всего в полку было немногим более 100 танков» [165] . Под Полтавой в распоряжение полка поступил танковый батальон Полтавского автотракторного училища – *«около 40 машин разных типов» [166]* . Итого к 16 сентября – до 140 танков (количество, сравнимое с численностью танковой дивизии вермахта). Треть из них будет потеряна в ближайшие три дня. К утру 19 сентября выйдут из боя и переправятся на восточный берег Ворсклы, заняв оборону в районе Чутово, всего 92 танка [167] . К 1 октября их останется 9 [168] , к 5 октября – 3 (один Т-34 и два Т-60) [169] . За две недели боев и контрударов местного значения от бригады осталась рота, затем – взвод.

Атаки деревень и высот, проводившиеся без закрепления успеха и удержания пунктов, отвоеванных ценой пролитой – и подчас немалой! – крови, с последующим их оставлением и отходом на прежние позиции, не лучшим образом сказывались на моральном духе и настроениях войск. Но отныне нанесение контрударов предполагалось проводить не «повсюду и везде», а лишь против вклиниваний противника в оборону (с целью восстановления прежнего рубежа) и для срыва подготовки врага к наступлению (правда, для этого переброску и концентрацию его войск следовало вовремя обнаружить). Армии получали хоть и запоздалую, но реальную – так, по крайней мере, тогда казалось – возможность сосредоточиться на укреплении занимаемых оборонительных рубежей.

Возможность эту получили не все. 6-й армии генерал-майора Р. *Я.* Малиновского, переданной распоряжением Ставки 27 сентября из состава Южного фронта в Юго-Западный фронт, задача ставилась иная: отбить у немцев утраченный 20 сентября Красноград и восстановить к югу от него оборону по рекам Берестовая и Орель. Еще южнее, севернее Новомосковска, она должна была сомкнуться с 12-й армией Южного фронта. Результатом стала бы ликвидация 30-40-километрового разрыва, образовавшегося между фронтами и армиями в результате красноградского прорыва немцев, и предотвращение выхода противника к Харькову по не занятой советскими войсками территории.

Командарм Малиновский с 23 сентября лично находился под Красноград ом, расположившись в Новопавловке (14 км к юго-востоку от Красноград а). Поскольку от с трудом восстанавливаемого и обескровленного Юго-Западного фронта взять было нечего, из армий Южного фронта к нему перебрасывалось все, что можно. Из-под Днепропетровска в район

Красноградa к 23 сентября прибыл отряд курсантов Днепропетровского артучилища (преодолел за сутки 180 км), из 12-й армии – 270-я стрелковая дивизия (переброшена автотранспортом, преодолев за пару суток 200 км). Под Зачепиловку, пройдя 150 км, выдвигалась 275-я стрелковая дивизия, в район Губинихи – 255-я (походом и автотранспортом прошла за 1–1,5 суток около 100 км). Туда же с тяжелыми боями и большими потерями отходили 26-я и 28-я кавалерийские дивизии. От выполнения других задач Малиновского освободили, а четыре дивизии его армии, продолжавшие вести бой у Днепропетровска, передали в состав 12-й армии Южного фронта. Быстрота и организованность проведенного маневра были по тем временам уникальными и свидетельствовали о возросшем мастерстве советских войск.

С ликвидацией самого Красноградского клина дела обстояли хуже – все попытки выдавить немцев из Красноградa, предпринимавшиеся с 27 сентября по 5 октября 1941 года, не удались. О том, чтобы срезать клин ударами под его основание и тем самым отсечь всю вырвавшуюся вперед немецкую группировку, не было и речи – сил для этого у Тимошенко и Малиновского катастрофически не хватало. К счастью, немцы также не проявляли в те дни особой активности на этом направлении: не подавив очаги сопротивления под Киевом и не завершив перегруппировку войск, двигаться далее на восток вермахт не мог.

За это время Тимошенко восстановил фронт и перебросил (на всякий случай!) для непосредственной обороны Харькова одну дивизию. Ее появление не только обрадовало, но и озадачило руководство города. Прибывший в горком партии представитель штаба дивизии с порога поинтересовался состоянием Харьковского ополчения и наличием в городе запасов оружия. Узнав о существовании в городе лишь девяти вооруженных взводов истребительных батальонов НКВД (450 винтовок) и о полном отсутствии каких бы то ни было запасов оружия и боеприпасов, он опешил: «Чем же мы будем защищать Харьков, если и у нас оружия нет?» Дивизия оказалась невооруженной – от немцев она могла отстреливаться разве что из командирских наганов и пистолетов «ТТ».

Надолго в городе дивизия не задержалась и через пару дней, не успев освоить возводимых на окраинах оборонительных рубежей и батальонных оборонительных районов, покинула Харьков. Со следующей, прибывшей ей на смену, повторилась та же ситуация: дивизия вновь прибыла безоружной и в городе пробыла недолго [170] . Вооружались же вновь сформированные

соединения не в тыловом Харькове, рисковавшем вот-вот превратиться во фронтовой, атакуемый противником город, а в прифронтовой полосе.

Городскому руководству наличие в пределах видимости хоть каких-то (пусть даже таких) регулярных войск казалось едва ли не счастьем. «Отцы города» надолго запомнили 15–16 сентября 1941 года, когда под лязг немецких танков с грохотом захлопнулась крышка Киевского «котла», и перед врагом открылись пути к неэвакуированному и незащищенному Харькову Не утешало даже то, что большинство работников обкома, горкома и райкомов партии в течение 10–15 сентября успело (в отличие от остальных харьковчан) организованно, вместе с семьями покинуть город. Остались только секретари, несколько инструкторов и заведующих отделами, семьи которых были эвакуированы тремя днями позже [171] .

А вот полковник М. Г. Соколов, командир расположенной в Харькове 57-й бригады войск НКВД по охране особо важных предприятий промышленности, получил 16 сентября совершенно неожиданный боевой приказ: немедленно занять круговую оборону в районе Харьковского тракторного завода и держаться там любой ценой, даже в условиях полного окружения.

Степень угрозы и безвыходность ситуации Соколов понял сразу. В Харькове его бригада охраняла военные заводы и была снабжена только стрелковым оружием. Об артиллерии и медсанбате даже не мечтали. Никому и в голову не приходило, что подразделения охраны заводов окажутся единственной силой на пути танков Клейста и Гудериана, – других войск в городе не было. Сняв охрану со всех объектов, Соколов мог прикрыть 30-километровый рубеж цепью из четырех тысяч бойцов – восемь метров фронта на каждого. В резерве оставались милиция и все те же девять взводов истребительных батальонов НКВД (остальные «истребители» и все народное ополчение оружия не имели). За исключением автономного района ХТЗ, находившегося в восьми километрах за восточной окраиной, прикрыть город с севера, запада и юга было некому и нечем. В те дни судьба Харькова висела на волоске… [172]

Вопрос о войсках для усиления гарнизона и обеспечения обороны города стабилизирует лишь прибытие 216-й стрелковой дивизии, формировавшейся в Харьковском военном округе по постановлению Госкомитета обороны СССР № 728с и приказу Наркомата обороны № 0093 от 3 октября 1941 года. Завершить формирование планировалось в сверх-жесткий срок – менее чем за месяц, к 1 ноября 1941 года, поэтому пополнение поступало в нее быстрыми темпами, в основном из необстрелянных

призывников соседней Сумской области. При штате в 11 488 бойцов и командиров в дивизии числилось:

8 октября – 10 833 человек;

14 октября – 11 479 человек;

16 октября – 11 483 человек;

20 октября – 11 475 человек.

Коммунисты и комсомольцы составляли всего 13 % личного состава. В период формирования имели место случаи дезертирства (к 14 октября – 59 человек), антисоветских высказываний и недовольства питанием [173] .

Винтовками и минометами дивизия к началу боев за город будет обеспечена почти полностью. Некомплект автоматического оружия (пистолетов-пулеметов, станковых и ручных пулеметов) составит до 50 %, некомплект артиллерии – 30 % и выше: 76-мм дивизионных и полковых орудий в наличии будет только 21 (вместо 32 по штату), 45-мм противотанковых пушек – всего 3 (вместо 24) [174] . В связи с резким обострением обстановки и выходом немцев на ближние подступы к Харькову дивизия будет введена в бой недоформированной, с недостаточно сколоченными подразделениями и слабо обученным личным составом. Но в сентябре 1941-го в городе не было и этого…

Харьковская дуга

1 октября 1941 года Тимошенко доложил Сталину, что рухнувший после катастрофы под Киевом фронт Юго-Западного фронта восстановлен [175] . Формально так оно и было: все «дыры» в обороны к тому времени смогли закрыть. И хотя немцы продолжали теснить армии Тимошенко к Харькову, происходило это медленно и лишь на отдельных участках.

Но радости в том было немного, ибо на флангах фронта все выглядело к тому времени гораздо хуже. Важная для войск Юго-Западного фронта директива № 28/оп от 27 сентября 1941 года, ориентировавшая армии на создание прочной обороны, вселявшая оптимизм и расставлявшая, казалось бы, все точки над «i», уже в день своего появления оказалась устаревшей и мало соответствовавшей обстановке. Обстановка эта 27 сентября резко изменилась. Всего через несколько дней она потребует принятия новых, более адекватных решений.

Сосредоточив внимание на прикрытии Харьковского направления и ликвидации Красноградского клина, Генштаб и Ставка в Москве и штаб Юго-Западного фронта в Харькове невольно упустили из виду 1-ю танковую группу Клейста и 2-ю танковую группу Гудериана, находившиеся в ближних тыловых районах группы армий «Юг». Предполагалось, что в ходе боев с окруженной группировкой Кирпоноса и при отражении

сентябрьских контрударов 2-го и 5-го кавкорпусов, усиленных танковыми бригадами, и без того потрепанные танковые дивизии вермахта понесли серьезные потери и нуждаются в длительном восстановлении ударного потенциала.

Действительность была иной. Потери врага оказались не столь велики и невосполнимыми не были. По послевоенным советским оценкам, *«противник потерял под Киевом свыше 100 тыс. чел.» [176]* Того же мнения придерживался после войны и Маршал Советского Союза А. М. Василевский: *«Красная Армия в ожесточенных боях за Киев разгромила свыше 10 кадровых дивизий противника. Он потерял более 100 тыс. солдат и офицеров.» [177]* Десять разгромленных дивизий были явным преувеличением (все они вскоре появятся под Харьковом и в Донбассе), а вот утверждения о стотысячных потерях близки к правде, хотя советские оказались при этом в 7 раз выше – 700,5 тыс. чел: 616,3 тыс. убитыми, пленными и без вести пропавшими и 84,2 тыс. ранеными [178] . Впрочем, в справедливости этих цифр многие сегодня сомневаются, не без основания считая их неточными и заниженными.

Выше ожиданий советского командования и специалистов ГАБТУ оказались и возможности ремонтных служб панцерваффе. В течение 5–7 дней после завершения боев под Киевом количество боеспособных танков увеличилось в танковых группах на четверть: в 1-й танковой группе Клейста – с 53 до 70–80 %, во 2-й танковой группе Гудериана – с 25 до 50 % от их прежней численности [179] .

Не дожидаясь завершения боев в Киевском «котле» (их исход был уже ясен немцам), танковые группы врага начали форсированную перегруппировку для дальнейших действий. Группа Клейста с 21 сентября концентрировалась в Полтавской области западнее Красноград, Кобеляк и Царичанки, готовясь к удару на юг – с выходом в тыл Южного фронта, прорывом в Донбасс и к побережью Азовского моря. Группа Гудериана с 27 сентября сосредотачивалась в Сумской области в районе Шостки и Глухова для броска на север в рамках общего наступления на Москву о том, что советская авиаразведка выявила эту перегруппировку своевременно, что летчики в течение шести дней докладывали о концентрации вражеских войск и движении мотомеханизированных колонн, а выводов по их докладам сделано не было, поведал в свое время под большим секретом и грифом «ДСП» генерал-майор М. Д. Грецов [180] . Сегодня об этом не вспоминает разве что ленивый. А тогда сжатые сроки перегруппировки, пополнения и подготовки врага к нанесению новых ударов стали для многих полной неожиданностью.

«Советское командование не рассчитывало, что новое германское наступление начнется еще осенью 1941 года. Господствовало мнение, что в преддверии осенней распутицы и после боев под Киевом немцы не будут проводить больших операций» [181] . Цена ошибок оказалась велика.

27 сентября танки Клейста прорвали юго-западнее Красноград оборону ЮФ (командующий фронтом – генерал-лейтенант Д. И. Рябышев, с 5 октября – генерал-полковник Я. Т. Черевиченко) и устремились на юг. Темп продвижения авангардных групп составлял 25–30 км в сутки. 5 октября моторизованная дивизия СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» обергруппенфюрера СС Зеппа Дитриха вышла к Азовскому морю в районе Осипенко (Бердянск), отрезав пути отхода 9-й и 18-й армий ЮФ. 8 октября немцы взяли Мариуполь, 12-го – Таганрог и двинулись к Ростову. Одновременно они расширили в северном направлении образовавшийся вдоль берега моря «Азовский коридор», заняв 11 октября Волноваху, а 13-го – Тельманово.

30 сентября в наступление против левого крыла Брянского фронта (командующий – генерал-лейтенант А.И. Еременко) перешли танки Гудериана. Прорвав советскую оборону, они двинулись на Орел и Тулу, создавая угрозу прорыва к Москве. 3 октября, пройдя с боями 250 км, 4-я танковая дивизия генерал-майора фон Лангермана ворвалась в Орел, по улицам которого еще ходили городские трамваи. *«К 6 октября оборона Брянского фронта была прорвана в трех местах. Начался отход его войск в крайне трудных условиях» [182]* – пути их отхода и линии снабжения были перерезаны, управление войсками потеряно, три армии (3-я, 13-я и 50-я) окружены севернее и южнее Брянска, а находившаяся на стыке с Юго-Западным фронтом оперативная группа генерала А. Н. Ермакова оттеснена на юг.

Немецкая операция «Тайфун» развивалась успешно – 6 октября танки Гудериана вышли на автостраду Вязьма-Москва, откуда могли взять прямой курс на столицу. 7 октября войскам Брянского фронта был отдан приказ пробиваться на восток. Еще более отчаянную телеграмму получил командующий группой войск Западного фронта генерал Болдин: *«Вывести войска за Вязьму. Иначе – катастрофа. Идти день и ночь. Темп – 70 км в сутки. Вы нужны для защиты Москвы» [183]* .

После войны это отчаянное движение на восток окруженных и в массе своей обреченных войск Брянского, а затем и Западного фронта назовут изобретательно и даже красиво – «боями с перевернутым фронтом». Хотя для находящихся во вражеском кольце фронт, по большому счету, проходил везде – не только на земле, но и в мгновенно ставшем враждебным небе. Покой в

«котлах» существует только для мертвых… Это потом, задним числом, поднаторев и непрерывно совершенствуясь в словесной и исторической эквилибристике, полководцы, историки и мемуаристы будут говорить не только об аверсе, но и о реверсе любой разгромной «медали», о выигрыше времени, сковывании сил врага и многом ином, превращая любое поражение в победу – даже там, где ее не было и в помине.

А тогда, осенью 1941-го, на Брянском фронте к северу от Орла из окружения выйдет всего 10 % личного состава 50-й армии (командарм М. П. Петров и член Военного совета Н. А. Шляпин погибнут), а в район Курска – до 20 % бойцов 3-й и 13-й армий [184] …

Слова о катастрофе не были преувеличением. Дабы удержать рвущихся к Москве немцев, в пламя войны будет брошено все, что находилось под рукой и оказывалось в поле зрения полководцев и командиров: дивизии слабо вооруженных московских ополченцев, сводные отряды тыловиков, дорожников, милиции и не успевших перевести дух после выхода к своим окруженцев. В жертву молоху будет вынужденно принесено будущее армии – батальоны и полки курсантов, а на бомбежку танковых колонн и уничтожение стратегического моста под Юхновом 6 октября 1941 года отправлена 82-я дальнебомбардировочная дивизия, незадолго до этого бомбившая Берлин и Кенигсберг. Для стабилизации и полного восстановления положения лучшему, как принято ныне говорить, «кризис-менеджеру» Великой Отечественной Г. К. Жукову и подчиненным ему войскам понадобятся едва ли не два месяца нечеловеческих усилий и отчаянной борьбы на грани и за гранью всего мыслимого и возможного.

Ставке, Генштабу и лично товарищу Сталину с первой декады октября будет уже не до Украины. Стратегическая целесообразность и смысл принимаемых решений все настойчивее будут подчиняться интересам эпицентра боевых действий осени 1941 года, резко переместившегося к Москве. На украинских событиях это сказалось с первых дней операции «Тайфун» и стало заметно здесь едва ли не раньше, чем в столице.

Перед глазами Тимошенко со всей очевидностью вновь замаячил призрак киевской катастрофы: немцы в очередной раз обходили Юго-Западный фронт с обоих флангов. О том, что такое Барвенковский выступ, маршал узнает в 1942 году, о Курской дуге – весной, а еще более – летом 1943-го. Но о недавней Днепровской (Киевской) дуге и едва завершившейся внутри нее трагедии Тимошенко в октябре 1941-го был осведомлен прекрасно. Теперь она могла повториться: если ударные

группировки немцев повернут навстречу друг другу и сомкнутся, Юго-Западный фронт ожидает повторный разгром, а самого Тимошенко – судьба павшего под Киевом М. П. Кирпоноса или бесславный конец расстрелянного после поражения в Белоруссии Д. Г. Павлова…

Вырисовывавшаяся на штабных картах ***Харьковская дуга*** была, в отличие от Киевской, еще более широкой и не столь четко очерченной. Оказавшись на второстепенном стратегическом направлении, войска 6-й и 17-й немецких армий не собирались отсиживаться в окопах. Понимая, что русским на Украине теперь не видать резервов, как собственных ушей, немцы настойчиво, веером точечных «уколов» и «нажимов» прощупывали прочность советской обороны по всему периметру Харьковской дуги. Линия фронта от этого вибрировала, но в целом держалась. Зато на флангах ситуация становилась с каждым днем все более настораживающей, а затем и угрожающей. Не видеть и не замечать этого мог только слепой, а незрячими Тимошенко, Сталин и начальник Генштаба Шапошников не были.

Будь в тылу обтекаемого немцами Юго-Западного фронта и на подходах к нему достаточное количество резервов, широкое основание Харьковской дуги могло статьспасением для фронта: свежие войска встали бы заслоном на пути танковых клиньев гитлеровцев и истощили бы их наступательный порыв. Но войск этих не было и в ближайшие недели не предвиделось. Единственным выходом в сложившейся ситуации был своевременный и организованный отход войск Юго-Западно-го фронта на восток – то, что не удалось осуществить в сентябре 1941 года под Киевом. Отход был начат планово, но затем превратился в вынужденный.

6 октября 1941 года Тимошенко издал директиву № 0120 об отводе в течение 8-10 октября с наиболее угрожаемого участка правофланговых армий фронта (40-й и 21-й) на рубеж Суджа, Сумы, Ахтырка, Котельва. В процессе отхода противник сумел на стыке отходящей 21-й и остававшейся на своих позициях 38-й армии вклиниться в глубь обороны на Богодуховском направлении, вынудив к отходу правофланговую 76-ю горнострелковую дивизию 38-й армии.

На следующий день главные силы немецкой 17-й армии атаковали позиции 6-й армии Малиновского под Красноградом, вынудив ее 8 октября начать отход по всему фронту. К 16 октября войска армии отошли на 40–60 км – к рокадной железной дороге Харьков – Лозовая на рубеж Мелеховка, Ефремовка, Краснопавловка, Михайловка, Надеждино. В руки немцев перешла вся юго-западная часть Харьковской области, а

«занимаемый войсками фронта к 16 октября рубеж не представлял тактических удобств по своим топографическим свойствам. Неукомплектованность наших дивизий людьми и вооружением, а также усталость личного состава не обеспечивали устойчивого поведения войск» [185] . И это было только начало…

В директивах не значился…

15 октября 1941 года Ставка ВГК, учитывая положение на большей части рассыпающегося советско-германского фронта (в полосе Западного, Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов), приняла вынужденное, но важное и своевременное решение. Применительно к Украине оно было изложено в директиве № 00301, направленной одновременно главкому Юго-Западного направления (он же командующий Юго-Запад-ным фронтом) Тимошенко и командующему Южным фронтом Черевиченко:

«В целях планомерного отхода на восток для сохранения армии Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Юго-Западному фронту с 17 октября начать отход частью сил на линию КАСТОР НОЕ, СТАР. ОСКОЛ, НОВ. ОСКОЛ, ВАЛУЙКИ, КУПЯНСК, ЛИМАН, закончив его к 30 октября с. г.

2. Юго-Западному фронту с выходом на линию КАСТОРНОЕ, КУПЯНСК, ЛИМАН вывести в резерв не менее шести стрелковых дивизий и двух кавалерийских корпусов.

3. Южному фронту, в соответствии с отходом Юго-Западного фронта, отводить свою правофланговую армию на фронт ЛИМАН, ГОРЛОВКА, оставляя свои левофланговые армии (18-ю и 9-ю армии) на занимаемом ныне фронте. К 30 октября Южному фронту закрепиться на фронте ЛИМАН, АРТЕМОВСК, ГОРЛОВКА, МАТВЕЕВ КУРГАН, р. МИУС до устья и далее по ЛИМАНУ– по его восточному берегу.

4. Южному фронту с выходом на линию ЛИМАН, ГОРЛОВКА, МАТВЕЕВ КУРГАН, ЛАКЕДЕМОНОВКА вывести во фронтовой резерв не менее трех стрелковых дивизий». [186]

С подачи Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна практически все писавшие и пишущие о событиях осени 1941 года считают своим долгом воспроизвести внесенный им в анналы современной мемуаристики, а затем и истории пассаж:

«Начальник штаба вызвал меня и приказал: немедленно садитесь за подготовку проекта директивы на общий отход армий.

Он протянул документ. Бегло пробежав его глазами, я остолбенел… Это означало, что войска нашего фронта не только должны отступить от 80 до 200 километров, но и оставить Харьков, Белгород, Донецкий промышленный район.

Яне мог прийти в себя. Что же вынудило Ставку принять столь трудное решение? Я не мог забыть, как месяц назад, в более

безвыходной обстановке Ставка проявила максимум настойчивости, чтобы не допустить отвода войск на такое же примерно расстояние. А теперь, когда командование фронтом и не просит об этом, когда положение фронта куда более прочное, чем было в середине сентября, отдается приказ отходить» [187] .

На военной стезе Иван Христофорович был человеком опытным и по праву заслуженным, но вот в писательском деле – крайне оригинальным. Перечитывать его можно до бесконечности, открывая для себя при этом все новые и новые грани его изобретательности и таланта.

«Я остолбенел… Я не мог прийти в себя… Что же вынудило Ставку принять столь трудное решение?» – недоумевал (или делал вид после войны, что и в самом деле недоумевал) опытный боевой генерал, участник трех войн, начальник оперативного отдела штаба фронта. А ведь причина была четко, с убийственной простотой изложена в первой же фразе директивы, которую мемуарист в свое время удачно «подрезал» и читателям не сообщил: **«для сохранения армии».** Что же здесь непонятно? И что в этом неожиданного?

Положение на флангах Юго-Западного и примыкавших к нему Брянского и Южного фронтов Баграмян знал и постоянно отмечал на картах своего оперативного отдела. Отмечал он и положение дел на всем советско-германском фронте – так, как делало это в те месяцы не только большинство штабистов, но и многие рядовые граждане. Не знать, под какой откос в последние две недели катится фронт на большинстве участков, начальник оперативного отдела просто не мог, разве что судил о положении на фронтах не по картам, документам и информационным сводкам Генштаба, а исключительно по сообщениям Совинформбюро. В них в начале войны можно было услышать (вернее, не услышать) и не такое. Об оставлении городов радио сообщало с опозданием в 3–5 дней, о сдаче Полтавы было извещено только через 12 (к тому времени немцы уже давно вышли на территорию Харьковской области и десятый день сидели в занятом с ходу Красноградe). О сдаче самого Харькова Совинформбюро поведает народу лишь на шестой день – 29 октября 1941 года.

Рассуждения о том, что проводимое в ходе отхода выпрямление линии фронта (у немцев такие «выпрямления» станут позднее дежурным аргументом, оправдывавшим любое отступление) позволило бы вывести в резерв ряд стрелковых и кавалерийских соединений, являются верными. Но рассчитывать на то, что резервы эти останутся в распоряжении Юго-Западного фронта или хотя бы всего направления, было наивно. 15 октября

Ставка думала не о резервах для Тимошенко и Черевиченко, а об использовании выводимых с передовой дивизий на Московском направлении. Именно они должны были стать тем «последним батальоном», которому, по меткому выражению Наполеона, и суждено было решить исход кампании 1941 года.

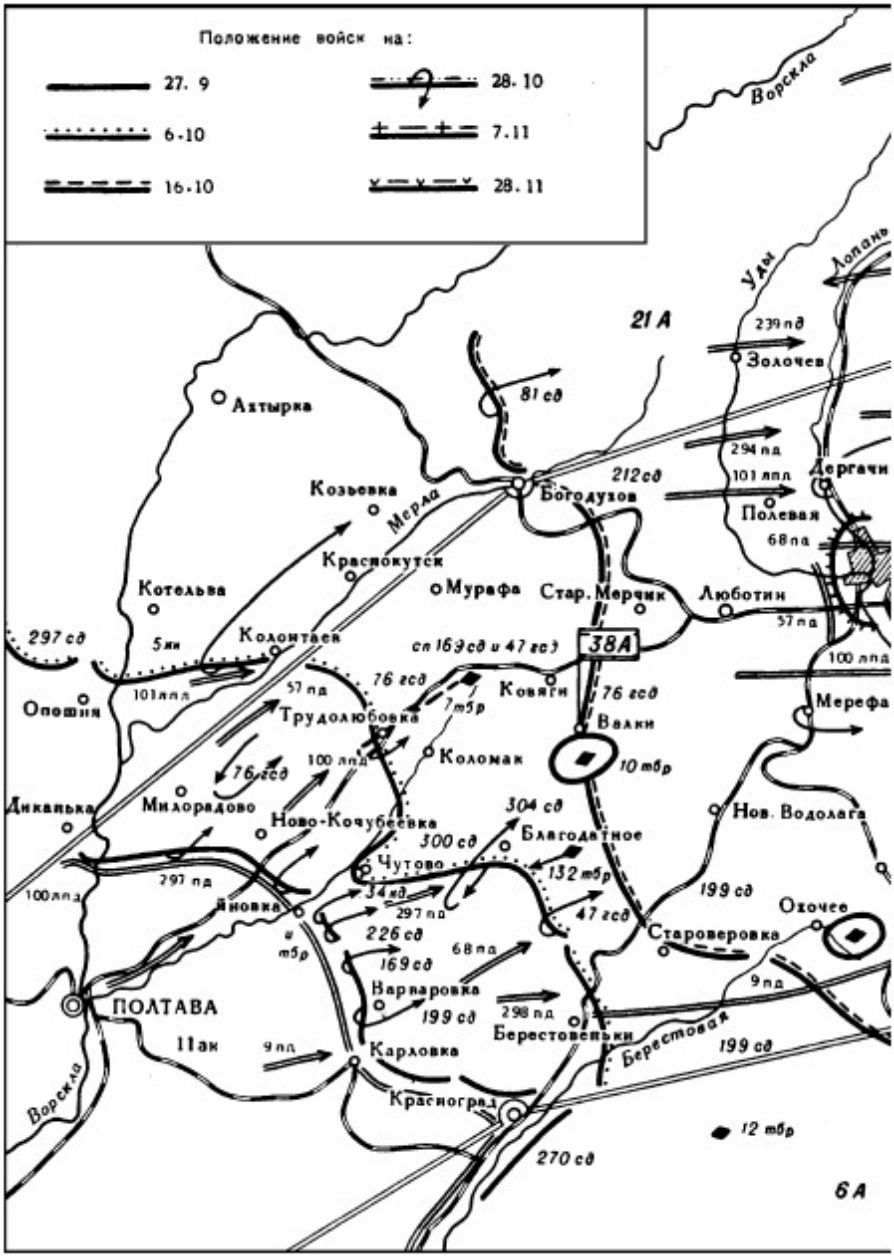
Практически так и случилось: в конце октября погрузится в эшелоны для отправки под Наро-Фоминск 1-я гвардейская мотострелковая дивизия А. И. Лизюкова, следом за ней уедет на Западный фронт 2-й кавкорпус П. А. Белова (его дерзкий рейд по тылам группы армий «Центр» будет до июня 1942 года сковывать все инициативы немецкого командования на Московском направлении). В ноябре – декабре Юго-Западный фронт станет поставщиком войск не только для Ставки ВГК (1-я гвардейская стрелковая дивизия), но и для Южного фронта (216-я, 275-я, 295-я стрелковые дивизии, 3-я танковая бригада, три дивизии кавалерийской группы А. Ф. Бычковского и др.).

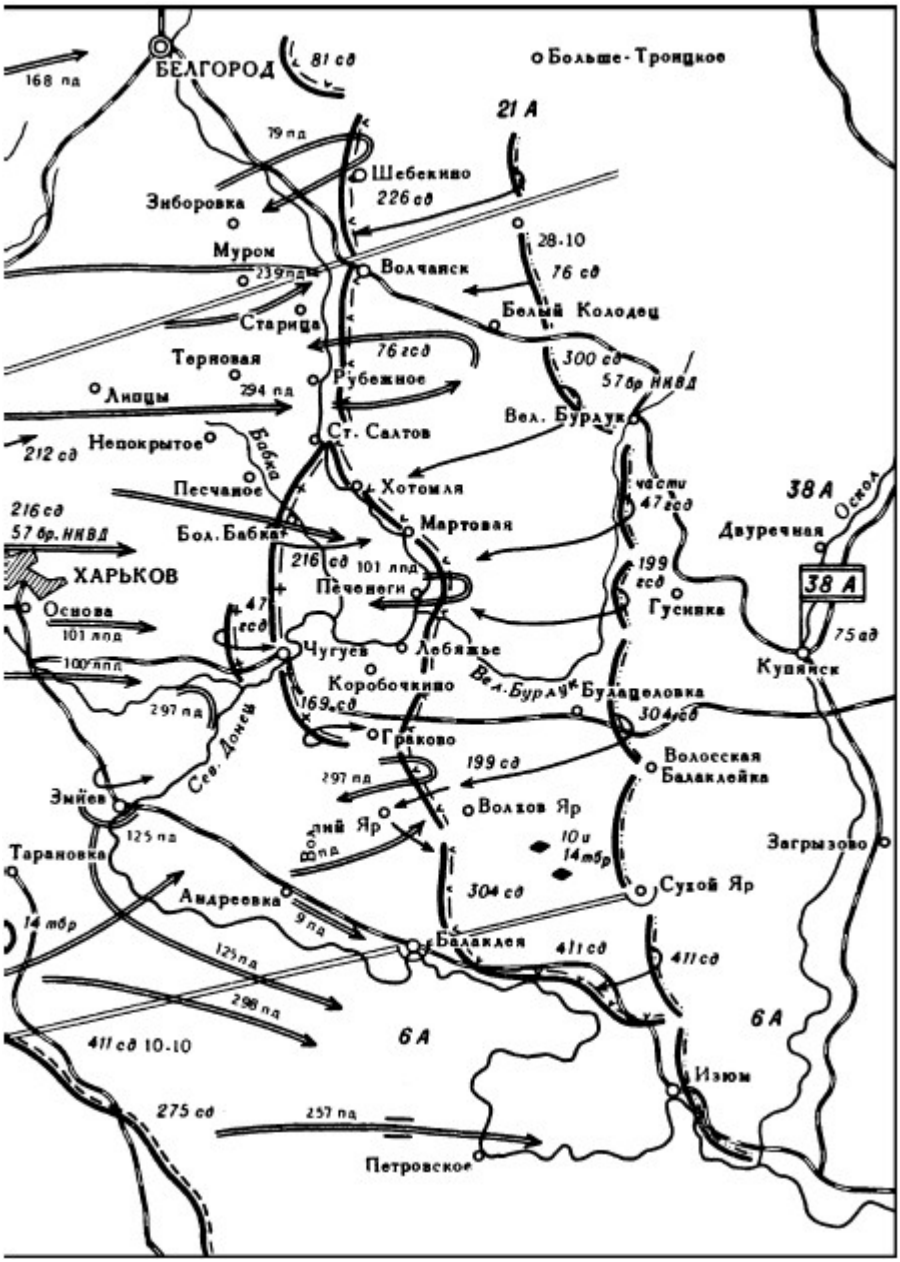
Если что и могло по-настоящему удивить генерал-майора Баграмяна в директиве Ставки, так это окончательный рубеж отвода войск – река Оскол. С первого взгляда на карту наиболее выгодным для ведения прочной обороны рубежом, вне всякого сомнения, представлялся Северский Донец – гораздо более серьезная водная преграда, нежели мелкий и неширокий Оскол. Да и расположен Донец по отношению к Харькову ближе, то есть намного выгоднее с точки зрения организации будущего наступления на город. Причина, однако, была проста: рубеж на Осколе соответствовал глубине, на которую к тому времени уже прорвались немецкие ударные группировки на участках Брянского и Южного фронтов.

То, что при этом в руки врага переходил весь Харьковский промышленный район, значительная часть Донбасса и две стратегические рокадные железнодорожные и автомобильные магистрали, для Ставки было прискорбно, но решающего значения уже не имело. Речь шла о спасении армии, а вместе с ней и всей страны – решение, знакомое каждому отечественному школьнику со времен фельдмаршала М. И. Кутузова, Бородинской битвы и Отечественной войны 1812 года.

Но, в отличие от Кутузова, заявившего о том, что «с потерей Москвы не потеряна Россия», Ставка ВГК в директиве № 00301 от 15 октября 1941 года не упомянула об оставляемом Харькове ни единым словом. Факт этот не только поразил до глубины души генерала Баграмяна осенью 1941-го, но и породил многочисленные мифы и легенды среди послевоенных исследователей, историков и краеведов. Одним из первых, если не самым первым мифотворцем оказался, к сожалению, сам

Баграмян: именно он при составлении оперативной директивы штаба Юго-Западного фронта № 0161/оп от 16 октября 1941 года, регламентировавшей отвод войск фронта на период с 17 по 23 октября, точно так же ни разу не упомянул про Харьков.





Действия 38-й армии на харьковском направлении **с** *27 сентября по 28 ноября 1941 года*

Задача на длительную оборону и максимально долгое удержание Харькова в директивах от 15 и 16 октября не ставилась. Тем более не шла речь об обороне города «до последнего патрона» и «до последнего человека». Название «Харьков» многократно звучало в правительстве СССР, Ставке ВГК и Государственном Комитете обороны СССР не в середине

октября, а месяцем ранее. Понимая, что город, возможно, придется сдать, заранее был разработан комплекс мер по максимально более полной (тотальной) эвакуации одного из крупнейших промышленных центров страны. Захватчикам должны были достаться не работающие заводы и фабрики, а пустые здания, заминированные корпуса, взорванные стратегические объекты.

12 сентября 1941 года ГКО принял постановления № 666 (об эвакуации дизельного завода № 75) и № 667 (об эвакуации танкового завода № 183), а 16 сентября постановлением № 681 утвердил план эвакуации предприятий Харькова и Харьковской области. Директора важнейших заводов (танкового – Ю. Е. Максарев и дизельного – Д. Е. Кочетков) о предстоящем перемещении узнали 15 сентября, из телеграмм Наркомата танковой промышленности. Через два дня в Нижний Тагил с завода № 183 ушел первый эшелон с группой конструкторов и технологов, техдокументацией танка Т-34, моделями, штампами и уникальными станками [188] , а в Сталинград началась переброска всех цехов ХТЗ [189] . 4 октября 1941 года последовало постановление № 731 «Об эвакуации 2-й очереди Харьковских заводов № 183, 75 и ХТЗ».

Думали при этом не только о станках и металле, но и о будущем страны: 16 сентября 1941 года, одновременно с планом эвакуации харьковских предприятий, Председатель ГКО И. В. Сталин подписал постановление № 685 «Об эвакуации женщин и детей из г. Харькова». О документе этом историки не вспоминали. Хотя могли бы им, безусловно, гордиться: подобные решения принимались, помимо Харькова, лишь дважды – по женщинам и детям Курской области и детям Москвы.

Осенью 1941 года Харьковская область выполнила требования директивы СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года («При вынужденном отходе частей Красной Армии угонять подвижной железнодорожный состав, не оставлять врагу ни одного паровоза, ни одного вагона, ни килограмма хлеба, ни литра горючего, угонять скот»), а по уничтожению и выведению из строя объектов промышленности и жизнеобеспечения даже перевыполнила.

Идея создания Харьковского узла инженерных заграждений начала прорабатываться в Москве одновременно с принятием первых директив об эвакуации городских предприятий. К практической ее реализации в последних числах сентября 1941 года приступил человек, ставший легендой во многом благодаря именно этой операции, – полковник И. Г. Старинов.

Тема эта заслуживает отдельного развернутого

повествования. Здесь же мы ограничимся лишь парой деталей. В подготовке и оборудовании беспрецедентного доселе узла инженерных заграждений была задействована не только прибывшая в Харьков вместе со Стариновым оперативная группа специалистов по спецминированию, но и шесть инженерно-саперных батальонов и три железнодорожные бригады Юго-Западного фронта. Впечатляющими оказались и результаты проделанной работы: многие магистрали (например, стратегическое шоссе Харьков – Чугуев) немцы не могли эксплуатировать до декабря 1941 года, а Харьковский аэродромный узел был парализован до весны 1942-го. О восстановлении и введении в строй ряда крупнейших предприятий (ХЭМЗ, ХТЗ, авиазавод № 135, моторостроительный завод № 75 и др.) немецкая администрация вообще не поднимала вопрос в течение всей оккупации.

Всех составляющих разыгрываемого на полях Харьковской области гамбита не видели ни в штабе ОКВ в Берлине, ни в штабе группы армий «Юг». Как не догадывались немцы и о том, что вместо ферзя (а на меньшее, по их расчетам, четвертый город СССР и крупнейший транспортный узел Юго-Восточной Европы не тянул) советское командование жертвует им фигуру гораздо меньшего калибра. И то лишь для того, чтобы по всем правилам гамбита выиграть инициативу и возможность для скорейшего перехода в наступление.

Тонкостей «гамбита Тимошенко» в немецких штабах не уловили и с ходу вцепились в вожделенную наживку. 25 октября дивизии 55-го армейского корпуса генерала пехоты Эрвина Фирова полностью овладели Харьковом и автономным районом ХТЗ. По мнению командования вермахта, это означало достижение главной цели ГА «Юг» в осенней кампании 1941 года. Изданный в этот день приказ Фирова был проникнут восторженным пафосом в стиле воззваний Бонапарта к своим гренадерам:

«Солдаты! Харьков, третий по величине индустриальный город России, взят. Горжусь успехом, достигнутым благодаря вашей отваге. В яростной борьбе вы шаг за шагом оттеснили из Полтавы в высшей степени упорного противника. Вы вынесли все тяготы погоды, дожди, снег и мороз. Вы вели ваши машины сквозь грязь и распутицу. Вы стойко и твердо преодолели невыразимые трудности. Вы не отступили, пока враг не был окончательно разбит. Солдаты! Мы гордимся вами! Только история будущего сможет полностью отдать должное вашей славе. У вас есть гордое право сознавать свою причастность к истории». [190]

Мы вернемся…

На последнем дыхании и остатках наступательного порыва,

утопая в грязи, передовые отряды 6-й и 17-й армий вышли к Северскому Донцу Это было их последним успехом. До января 1942 года на Харьковском направлении вермахт будет проводить только частные операции местного значения.

Ни одна из основных задач, поставленных группе армий «Юг» на осеннюю кампанию 1941 года, в полном объеме выполнена не была:

• целиком захватить Донбасс и парализовать его угольно-металлургическую промышленность не удалось;

• к рубежу (но не НА рубеж!) реки Дон удалось выйти на узком участке у Ростова, однако закрепиться и удержать его группа Клейста уже не смогла;

• разгромить войска Юго-Западного фронта также не удалось – оставив Харьковский промышленный район, они организованно отошли за Северский Донец и, согласно директиве штаба фронта № 0252/оп от 28 октября 1941 года, перешли к жесткой обороне;

• владея стратегической инициативой войскам вермахта, тем не менее, не удалось помешать активной переброске войск Юго-Западного фронта на другие направления, особенно на Московское;

• не удалось предотвратить массовую эвакуацию в глубь страны стратегических промышленных предприятий Восточной Украины.

Единственным серьезным успехом захватчиков оставалось взятие Харькова. Однако индустриальное сердце города продолжало биться в Нижнем Тагиле, Челябинске, Бухаре, Молотове, Саратове, Сталинграде, Сарепте, Ташкенте, Омске, Рубцовске, Новокузнецке, Кемерово, Свердловске, Ирбите. Красная

Армия не переставала получать во все возраставших объемах продукцию с маркировкой харьковских заводов – танки, самолеты, тракторы, артиллерийские орудия, оптические приборы, боеприпасы и многое другое. Лозунг «Харьковчане – фронту» продолжал звучать на всем пространстве Советского Союза: от Купянска, где находился Харьковский обком КП(б)У, до самых дальних уголков страны.

А вот С. К. Тимошенко поставленные перед ним задачи не только выполнил, но и перевыполнил. Юго-Западный фронт он восстановил буквально из ничего. Отвод войск провел планомерно и организованно. Линию фронта в ноябре-декабре 1941 года стабилизировал, укрепил и продолжал улучшать. Не только отправил в распоряжение Ставки В ГК требуемые резервы, но и изыскал возможность выделения дополнительных соединений для участия в ноябрьской наступательной операции под Ростовом и декабрьском контрнаступлении под Москвой

(Елецкая наступательная операция).
Венцом задуманного в октябре 1941-го гамбита станет день 18 января 1942 года, когда войска Юго-Западного направления, опрокинув вражескую оборону, начали первую успешную наступательную операцию на Харьковском направлении. В историю она войдет под названием Барвенково-Лозовской…

Владислав Гончаров. Елецкая операция

Самые громкие и широко известные победы далеко не всегда бывают самыми блестящими. Многие из действительно выдающихся успехов по той или иной причине оказываются в тени. Так произошло и с наступательной операцией Юго-Западного фронта под городом Елец в декабре 1941 года, которая так и осталась в тени битвы под Москвой – хотя по уровню успеха (особенно относительно численности задействованных войск) является, наверное, наиболее выдающейся из побед Красной Армии в 1941 году.

1. Наступление немецких войск на Ефремов и Елец

В начале ноября 1941 года, после остановки лобового наступления на Москву, немецкое командование перенесло все свои усилия на фланги группы армий «Центр». Центр фронта (4-я армия) перешел к обороне, 3-я и 4-я танковые армии (переименованные из танковых групп) прорывались к Москве с северо-запада, прикрываемые слева 9-й общевойсковой армией. В то же время 2-я танковая армия Гудериана должна была через Тулу и Каширу обойти Москву с юго-востока. Правый ее фланг в полосе Елец, Богородицк прикрывала 2-я немецкая армия, действовавшая южнее – против правого крыла Юго-Западного фронта (3-я и 13-я армии). В ноябре эта армия для продолжения наступления дополнительно получила 34-й и 35-й армейские корпуса.

18 ноября группа Гудериана нанесла удар на Богородицк и прорвала уже без того ослабленный фронт левофланговой 50-й армии Западного фронта на участке Кундуки, Никитское [191] . В прорыв были введены основные немецкие силы, которые устремились на Сталиногорск, далее разворачиваясь на Каширу. Одновременно с целью расширения образовавшегося прорыва на восток и юго-восток 112-я, 167-я пехотные и 18-я танковая дивизии начали наступление на участке Волово, Маслово и далее в направлении на Ефремов, который был занят противником 22 ноября.

25 ноября наступающая правее, на южном фланге группы армий «Центр», 2-я немецкая армия атаковала правое крыло Юго-Западного фронта. Армия продвигалась тремя ударными группами: северной – на Лебедянь, центральной – на Елец, Задонск, южной – на Касторное. Гитлер требовал от командующего группой армий «Центр» Федора фон Бока

одновременно с обходом Москвы подготовиться к дальнейшим операциям – левым крылом группы армий на Ярославль, а правым – на Воронеж. Фон Бок был очень недоволен этим распоряжением, поскольку считал, что силы группы армий уже на исходе, и их в лучшем случае едва хватит для захвата Москвы. Еще 21 ноября он в сердцах записал в своем дневнике:

«Наступление не обладает необходимой глубиной. По числу дивизий, если мыслить чисто штабными категориями, соотношение сил вряд ли менее благоприятно, чем обычно. Но снижение боеспособности войск – отдельные роты насчитывают от 20 до 30 человек, громадные потери командного состава и усталость личного состава, да еще жуткие морозы в придачу – все это кардинально меняет картину. И все же вопреки всему, вполне вероятно, что нам удастся взять в кольцо окружения несколько дивизий противника западнее Истринского водохранилища. Вот только сможем ли мы после всего этого продвинуться вперед; сомнительно. Противник готов стянуть к Москве все, чем располагает. И к отражению контрнаступления сосредоточенных крупных сил неприятеля моя группа армий не готова». [192]

Однако исполняющий обязанности командующего правофланговой 2-й армией генерал-лейтенант Рудольф Шмидт считал иначе. Заняв этот пост в конце октября, на время болезни фон Вейхса, он стремился продемонстрировать успех командованию и фюреру. Медленное продвижение армии и неудачи на ее правом фланге, где так и не удалось преодолеть реку Тим, Шмидт объяснял недостаточной активностью соседней 6-й армии и ее командующего Вальтера фон Рейхенау. В донесении штаба 2-й армии говорилось: *«Продвижение через Тим невозможно до тех пор, пока 6-я армия не выдвинет вперед достаточного количества сил для прикрытия правого фланга 2-й армии»?* 23 декабря дневник фон Бока также отмечал: *«2-я армия атакована в районе Тима с юга и юго-востока, 6-я армия никак на это не реагирует »* [193] .

Убиты в 1941 году. Ранней осенью у немцев еще хватало времени и сил, чтобы любовно отделывать могилы, вырезать фигурные кресты и ставить почетный караул

26 ноября фон Бок отмечал постепенное продвижение 2-й армии, однако 28 ноября он записал:

«Поскольку пока не идет речи о продвижении 2-й танковой армии к Оке, 2-й армии приказано не наступать своим северным крылом через Ефремов и выслать разведывательные подразделения к Дону». [194]

Мы видим, что ситуация в полосе 2-й армии пока еще не вызывала опасения у командования группы армий – оно лишь сомневалось в возможности и целесообразности дальнейшего продвижения на Липецк и Воронеж. Однако 30 ноября тональность записей фон Бока резко меняется:

«2-я армия, несмотря на неоднократные указания, продолжающая продвигаться на восток, получает приказ, где командованию разъясняется, что на данном этапе куда важнее не отхватить побольше территории, а сосредоточить силы и подтянуть отставшие части ради обеспечения боеспособности на случай удара противника из-под Воронежа, где, по сообщениям разведки, замечены крупные скопления неприятельских сил». [195]

Таким образом, немецкая разведка вскрыла сосредоточение советских войск в полосе 2-й армии, но командование группы армий «Центр» пока еще рассматривало его как оборонительное. Например, 30 ноября воздушная разведка, сообщая об отмеченном усилении железнодорожного движения между Тамбовом и Раненбургом, тут же оговаривалась, что *«нельзя уточнить, идет ли речь о переброске новых сил, или же об*

эвакуации»? Вопрос ставился не об опасности русского контрнаступления, а о возможностях дальнейшего продвижения немцев. Командование 2-й армией 1 декабря отмечало:

«Обстановка в полосе действий армии такова, что урон, который мы еще можем нанести русским, не стоит тех сил, которые нам для этого могут понадобиться. Теперь нужны только те боевые действия, которые будут способствовать созданию выгодного рубежа для зимних условий». [196]

Чем дальше от фронта, тем оптимистичнее была оценка положения немецкими штабами. *«Меня не покидает ощущение, что вчера Браухич меня так и не понял, и… высшее командование до сих пор склонно к явной переоценке моих сил и возможностей»,* – записал фон Бок в дневнике 1 декабря. [197] Однако ни он, ни ОКХ еще не усматривали в сложившейся обстановке никакой серьезной опасности. По мнению немецкого командования противник был обескровлен и не имел пока возможности перейти в серьезное контрнаступление. 3 декабря ОКХ констатировало: *«Можно предполагать, что в настоящий момент противник не располагает сколько-нибудь значительными соединениями полного состава для использования в качестве резерва».* В «Сводке о положении противника» за 4 декабря отмечалось:

«Сведения о противнике за последние дни боев подтвердились. На наиболее угрожаемых участках фронта под Москвой русские стягивают силы, перебрасывая их с более спокойных участков и готовя их к контрнаступательным операциям… В остальном боевая мощь противника не так велика, чтобы он мог в настоящее время предпринять наличными силами крупное контрнаступление на участке фронта группы армий». [198]

А тем временем шло масштабное сосредоточение советских резервов и пополнение действующих сил. 13-я армия, 10 ноября переданная из расформированного Брянского фронта в состав Юго-Западного фронта, была сильно ослаблена тяжелыми боями в окружении и при выходе из него. 17–18 октября из окружения вышло около 10 тысяч человек, после этого в состав армии дополнительно были переданы 2-я гвардейская дивизия, сильно потрепанные 121-я и 160-я стрелковые дивизии, а также 133-я танковая бригада, 38-й мотоциклетный полк, 386-й зенитно-артиллерийский полк и один бронепоезд. Позднее 2-я гвардейская и 160-я дивизии были переданы в состав 40-й армии.

Поздней осенью кресты уже будут из неоструганной березы, о могилы станут братскими

К концу ноября в 13-й армии насчитывалось порядка 20 тысяч человек [199] и всего 21 орудие [200] . В первых числах декабря армия получила серьезное подкрепление в виде 1-й гвардейской (бывшей 100-й), 34-й мотострелковой и 32-й кавалерийской дивизии, а также 129-й танковой бригады. Кроме того, ей были переданы около 200 противотанковых ружей и четыре артиллерийских полка из резерва главкома направления. Прибывающие войска разгружались и сосредотачивались в районе железнодорожного узла Касторное.

Очевидно, замысел наступления правого крыла Юго-Западного фронта возник около 20 ноября – по воспоминаниям С. П. Иванова, занимавшего должность начальника оперативного отдела штаба 13-й армии, именно в этот день командование армии впервые узнало о нем на совещании в штабе ЮЗФ в Воронеже от начальника штаба фронта П. И. Бодина. Тогда же был получен приказ командующего фронтом С. К. Тимошенко о срочной подготовке плана операции. [201]

В предстоящей операции должны были принять участие три армии – 3-я, 13-я и 40-я. Основная тяжесть ложилась на 13-ю армию генерал-майора А. М. Городнянского, с севера ее поддерживал левый фланг 3-й армии генерал-майора Я. Г. Крейзера, с юга – правый фланг 40-й армии.

К началу ноября штабом 13-й армии был разработан план операции. Согласно ему, центр армии должен был сдерживать наступление противника на елецком направлении, в то время как правый фланг (северная группа армии) из района севернее Ельца

атаковал образовавшийся выступ в юго-западном направлении, выходя в тыл продолжающей наступление группировке противника. Левый фланг образовывал южную группу армии, она была наиболее сильной – сюда вошли только что полученные резервы. Эта группа должна была ударом на северо-запад выйти западнее Ельца и соединиться с силами 13-й армии, замкнув кольцо вокруг двух вражеских корпусов. По плану-максимум группы должны были соединиться у города Ливны, по плану-минимум северная группа отклонялась к югу, а южная двигалась не на северо-запад, а строго на север, чтобы встретиться в районе сел Никитское и Пятницкое, примерно на полпути между Ливнами и Ельцом.

Командующим северной группы был назначен полковник Я. К. Кулиев, южную группу предполагал возглавить сам Городнянский, назначив своим заместителем командира 5-го кавалерийского корпуса генерал-майора В. Д. Крюченкина. Действия центра должен был координировать начальник оперативного отдела штаба армии С. П. Иванов.

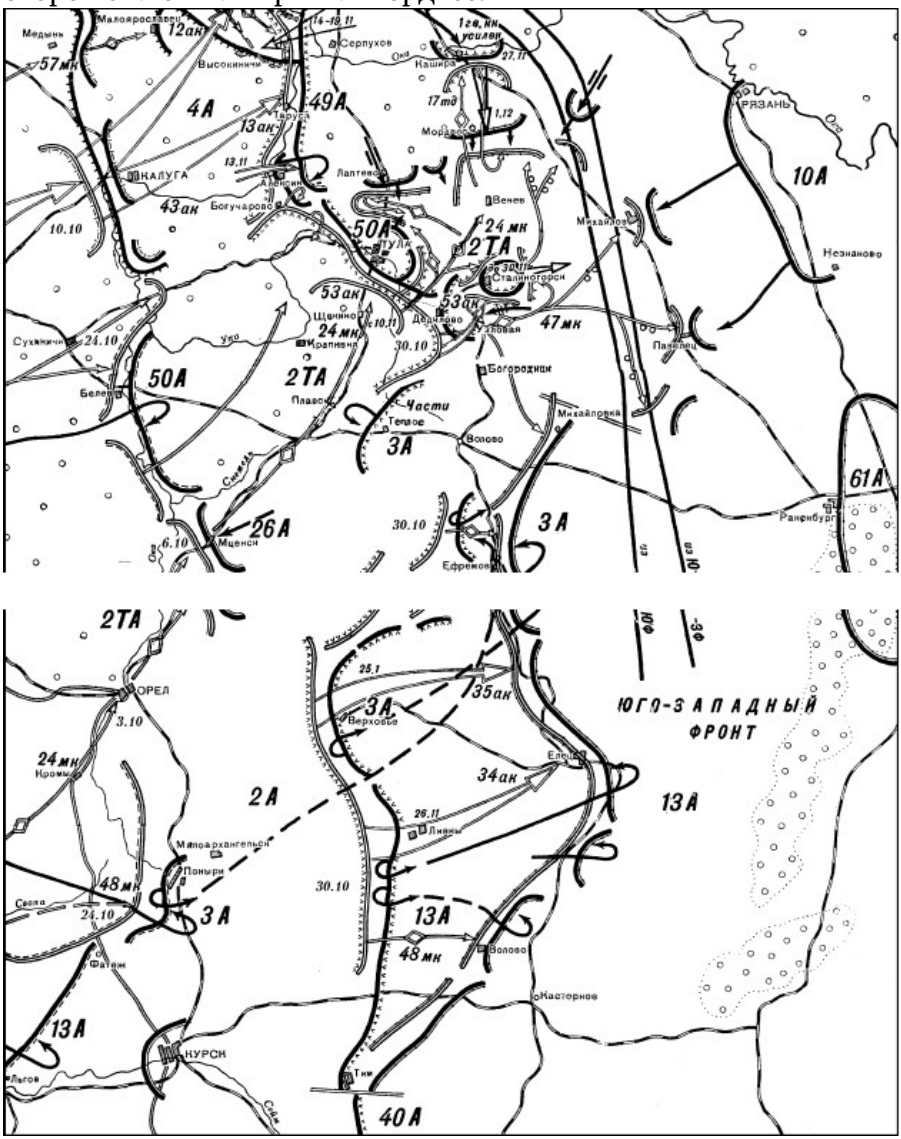
Тем временем противник продолжал наступление в направлении на Елец и Лебедянь. Еще 26 ноября на центральном участке фронта 13-й армии немцы заняли Ливны. Южнее, в полосе 40-й армии на касторненском направлении, противник успеха не имел, но в результате образовался постепенно увеличившийся разрыв между 40-й и 13-й армиями.

Тем временем правый фланг 3-й армии генерала Крейзера обходил 47-й моторизованный корпус 2-й немецкой танковой армии. В результате отхода армии к 27 ноября на левом фланге Крейзера образовался 50-километровый разрыв с 13-й армией, через который враг, почти не встречая сопротивления, быстро продвигался на Павелец и далее на Скопин, угрожая железнодорожному узлу Ряжск – то есть всему железнодорожному сообщению от Рязани на юг, через Мичуринск и Воронеж на Ростов. Для прикрытия этого разрыва командованием Юго-Западного фронта была организована самостоятельная группа под командованием генерала Жмаченко.

В первых числах декабря немецкие донесения все еще не фиксировали явных приготовлений Советов к контрнаступлению. Войска группы армий «Центр» продолжали медленно продвигаться вперед. 2 декабря 134-я немецкая пехотная дивизия вышла на шоссе Тула – Ростов, заняв поселок Становая в 23 км севернее Ельца и село Казаки в 15 км западнее города, на ливненской дороге. На следующий день она подошла к Ельцу, одновременно на южную окраину города вышла 45-я пехотная дивизия. Войскам центрального участка 13-й армии угрожал

обход с севера, вследствии чего командованию пришлось спешно выводить 148-ю и 132-ю стрелковые дивизии, а также 38-й мотоциклетный полк из-под удара, сосредотачивая их в районе Олыпанец и Архангельское в 15–20 км восточнее Ельца. Кроме того, 3 декабря на левом фланге 3-й армии немцами был занят железнодорожный узел Павелец.

4 декабря контрударом 1-го гвардейского кавалерийского корпуса ударная группа 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой армии (группа «Эбербах» и 17-я танковая дивизия) была отброшена от Каширы на Мордвес.



Наступление немецких войск в полосе Западного и Юго-Западного фронтов с 30 октября по 5 декабря

Однако в целом положение Гудериана оценивалось как удовлетворительное – уже были перерезаны железная и шоссейная дороги на Тулу; казалось, вот-вот город будет полностью окружен. В этот день дневник Бока не отмечает серьезных опасений за создавшуюся ситуацию и лишь критикует командование 2-й армии за излишнюю поспешность:

«2-я армия сталкивается в районе Ельца с ожесточенным сопротивлением противника. Поскольку командование армии вновь заговорило о выходе на линию Дона, звоню Шмидту и вновь разжевываю ему один за другим все контраргументы. Если ему уж так загорелось взять и удержать Елец, то он обязан отдавать себе отчет в том, что его линия обороны растянется далеко на восток. Командующий 2-й армией придерживается мнения, что „никак нельзя ” оставить этот важный узел у своей линии обороны в целости и сохранности. Он намерен овладеть им, разрушить железнодорожное полотно, а потом снова отступить. Наступление 2-й танковой армии на Тулу осуществляется успешно. Атаки русских отбиты силами, выдвинутыми для обороны северного крыла». [202]

В 21 час 4 декабря генерал Городнянский приказал оставить город Елец, но ни в коем случае не допускать продвижения противника на север, в исходный район для контрудара группы Кулиева. Самому Кулиеву было приказано организовать контратаку севернее Ельца, в направлении на Тросну и Становую. Частям северной группы удалось вклиниться в оборону противника, но к вечеру они были вынуждены отойти на прежние позиции. Одновременно с юга был нанесен удар 148-й стрелковой дивизии. Дивизия сумела выбить немцев из села

Казаки; по нашим донесениям, здесь было убито до сотни солдат противника, захвачено 3 орудия и 10 автомашин. [203] Однако вскоре Казаки опять пришлось оставить под натиском с севера.

Тем временем противник попытался продвинуться от Ельца по ростовскому шоссе на юго-восток, в сторону Задонска – тем самым еще более растянув боевые порядки, одновременно поставив под удар наших войск свой правый фланг. К 5 декабря войска правого крыла Юго-Западного фронта вели бои на фронте Самохваловка, (иск.) Ефремов, Борисовка, Новопогорелово, Жерновное, Екатериновка и далее на юг.

2. Характер местности, план операции и соотношение сил

Боевые действия 13-й армии развернулись в районе городов Ефремов, Елец, Касторная и Ливны, на фронте шириной около 110 км и глубиной в 90-100 км. Местность в районе операции представляла собой безлесную среднепересеченную степь и в

условиях зимы не создавала препятствий для действий войск всех родов. Пересекавшие ее в разных направлениях небольшие реки (Кшень, Тим, Любовша, Олым, Красивая Меча) являлись хорошими естественными рубежами, которые могли использоваться для обороны как нашими войсками, так и противником. Наиболее крупной рекой являлась Сосна, текущая с запада на восток; она рассекала район боевых действий на две части и представляла собой немаловажное препятствие в ходе операции. В тылу советских войск находилась река Дон, текущая в меридиональном направлении, она представляла собой весьма серьезный естественный рубеж. В изобилии имеющиеся здесь глубокие балки и овраги способствовали маскировке войск, а длинная зимняя ночь препятствовала ведению противником эффективной воздушной разведки.

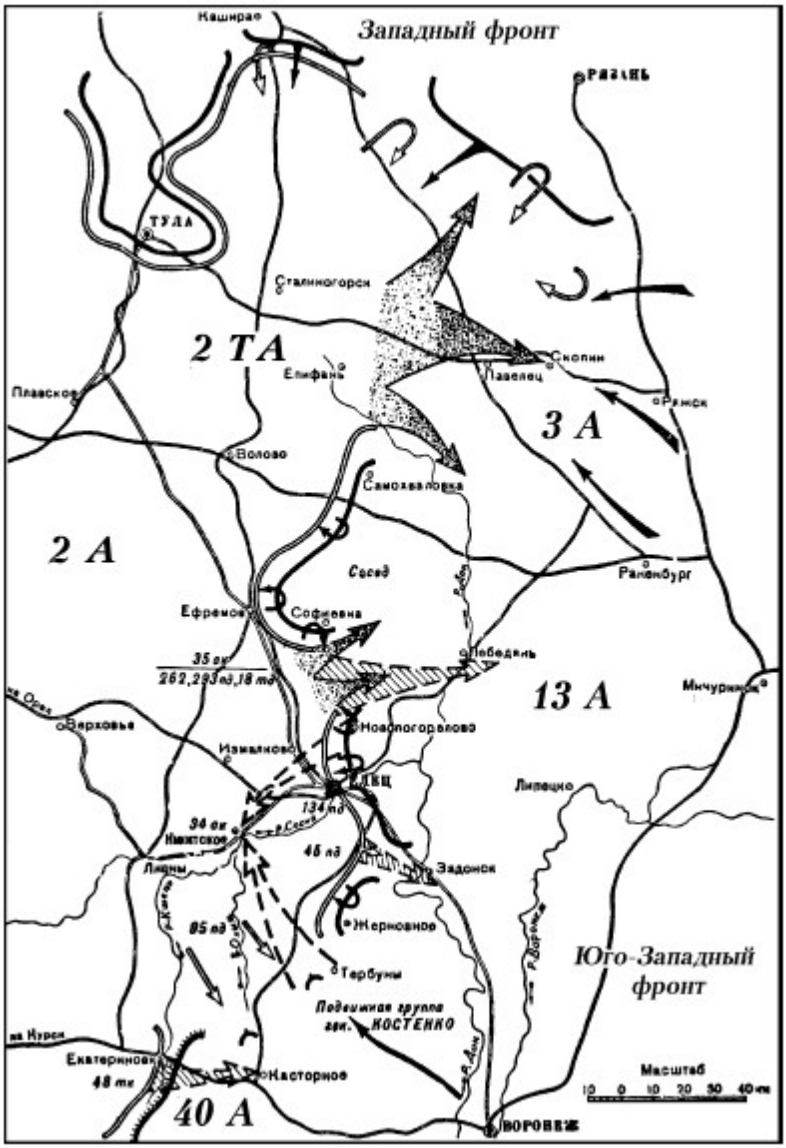
В целом район операции имел большое оперативное значение, так как здесь проходили две важные железные дороги из Москвы на юг: через Узловую, Ефремов, Елец, Касторную, Старый и Новый Оскол на Валуйки и далее на Донбасс, а также через Рязань, Мичуринск, Воронеж, Лиски и далее на Ростов и Кавказ. Первая из них уже была перехвачена противником, после перехвата второй у нашего командования возникли бы серьезные проблемы с рокадным маневром и снабжением всего южного фланга советско-германского фронта. Вдобавок эти железные дороги питали не только фронт, но и центр страны – нефтью, углем и хлебом. Железные дороги, идущие с востока на запад (Елец – Орел и Воронеж – Касторная– Курск), облегчали переброску войск к фронту.

Основной автомобильной магистралью района являлось шоссе Тула – Ефремов – Елец – Воронеж, кроме него, здесь имелась развитая сеть грунтовых дорог.

В районе операции не было крупных городов, но имелось много мелких и средних населенных пунктов, в том числе старых – со множеством небольших каменных домов, дававших противнику возможность быстро организовать оборону и создавать опорные пункты. Это, вкупе со стремлением немцев действовать вдоль дорог и ночевать под крышей, обусловило и характер боевых действий, которые велись в основном за населенные пункты. Наиболее крупными городами района были Елец и станция Касторная – узлы железных и грунтовых дорог, важные административные и экономические центры.

В районе имелись крайне ограниченные запасы продовольствия – все, что можно, было эвакуировано перед приходом немцев. Особенно большую роль играло почти полное отсутствие местного фуража, сильно сказавшееся на действиях

кавалерийских частей и конной артиллерии. Базой снабжения 13-й армии являлся Задонск, подвоз к которому, в свою очередь, осуществлялся автотранспортом от Воронежского железнодорожного узла. Южная группа снабжалась со станции Касторная, куда поезда также двигались через Воронеж.



Обстановка на стыке Западного и Юго-Западного фронтов на 5 декабря 1941 года и план наступления правого крыла Юго-Западного фронта

В итоге к началу операции все части, и в первую очередь кавалерия, были полностью снабжены зимним обмундированием, продовольствием, фуражом и боеприпасами.

Командование Юго-Западного фронта несколько изменило представленный штабом 13-й армии план операции и внесло свои коррективы в управление войсками. Основной удар должна была наносить южная группа 13-й армии. Она выводилась из подчинения армии в непосредственное подчинение фронтового командования, хотя снабжение подвижной группы по-прежнему возлагалось на тыловые структуры 13-й армии. Командиром группы назначался заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Ф. Я. Костенко, а начальником штаба – генерал-майор И. Х. Баграмян. [204] Эта группа была относительно подвижной, она состояла из кавалерийских, пехотных и моторизованных частей, усиленных танками, артиллерией и подразделениями гвардейских минометов. Группа наносила удар из района Тербуны, Борки, Натальевка в общем направлении на Никитское, то есть во фланг и тыл елецкой группировке противника.

Северная группа 13-й армии наносила вспомогательный удар в обход Ельца. Наступление должно было вестись из района Маслово, Рогатово в направлении на Тросна и далее на Никитское. Командующим группой фронтовое командование назначило генерал-майора К. С. Москаленко, Я. К. Кулиев стал его заместителем. Поскольку ударные группы действовали на разных направлениях и на значительном удалении одна от другой, для управления действиями войск фронтовой подвижной группы был создан вспомогательный пункт управления, состоявший из оперативных работников штаба Юго-Западного фронта. ВПУ имел четыре самолета У-2, однако всего одну радиостанцию; основной связью в ходе операции предполагалась проводная.

В условиях глубокого продвижения елецкой группировки противника соединение обеих ударных групп в район Никитского и Пятницкого, лежащих примерно на середине пути между Ливнами и Ельцом, приводило к полному окружению и уничтожению всей немецкой ударной группировки. Таким образом, план операции преследовал решительные цели и при том отличался простотой замысла, не требовавшего сложных маневров и постоянного контроля с стороны вышестоящих штабов. Фактически командование 2-й немецкой армии само загнало свои войска в ловушку. Оставалось только добиться внезапности удара и не дать противнику вовремя отступить на запад.

СОВЕТСКИЕ ВОЙСКА

13-я армия Юго-Западного фронта • 132-я стрелковая дивизия (полковник М. М. Мищенко)

Северная группа (группа Москаленко):

• 55-я кавалерийская дивизия (полковник К. В. Фиксель)
• 150-я танковая бригада (полковник Б. С. Бахаров)
• 307-я стрелковая дивизия (полковник Г. С. Лазько)

Центральная группа:

• 148-я стрелковая дивизия (полковник Ф. М. Черокманов)
• 129-я танковая бригада
• 38-й мотоциклетный полк
• 143-я стрелковая дивизия (полковник Г. А. Курносов)
• 6-я стрелковая дивизия (полковник М. Д. Гришин)

Фронтовая группа Юго-Западного фронта (группа Костенко)

• 1-я гвардейская стрелковая дивизия (генерал-майор И. Н. Руссиянов)
• 5-й кавалерийский корпус (3-я, 14-я и 32-я кавдивизии, генерал-майор В. Крюченкин)
• 34-я мотострелковая бригада (полковник А. А. Шамшин)
• 121-я стрелковая дивизия (генерал-майор П. М. Зыков)

НЕМЕЦКИЕ ВОЙСКА

2-я полевая армия (и.о. командующего генерал Рудольф Шмидт)

35-й армейский корпус:

• 293-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Юстин фон Оберниц)
• 262-я пехотная дивизия (генерал артиллерии Эдгар Тейссен)

34-й армейский корпус:

• 134-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Конрад фон Кохенгаузен)
• 45-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Фриц Шлипер)
• 95-я пехотная дивизия (генерал-лейтенант Ханс-Хейн-рих Сикст фон Арним)

Как мы видим, советские войска имели значительное превосходство в количестве соединений, но при этом большинство дивизий были крайне малочисленны, насчитывая по 5–7 тысяч человек. Исключение составляла 1-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Руссиянова – в нее входили четыре полнокровных стрелковых полка (4-й, 85-й, 331-й и 355-й) и 34-й артиллерийский полк. Всего в дивизии было около 9000 человек, 26 орудий и 37 минометов. [205] Кроме того, с ней взаимодействовали приданные группе Костенко 642-й артиллерийский полк, 4-й полк гвардейских минометов резерва Ставки и танковая рота. Напротив, в 129-й танковой бригаде насчитывалось всего 16 легких танков. 150-я танковая бригада имела 12 исправных танков – девять Т-26 и три Т-34. [206] 6 танков имелось в 5-м кавалерийском корпусе группы Костенко. [207] Уже в ходе наступления (9 декабря) в состав 13-й армии

прибыла 57-я бригада НКВД полковника М. Г. Соколова, значительно усилившая северную ударную группировку.

По штату оба немецких армейских корпуса (пять дивизий) имели 80–90 тысяч человек, из них в боевом составе – около 50 тысяч. Реальная численность 34-го и 35-го корпусов на начало декабря нам неизвестна, а боевой их состав мог сократиться и вдвое. Во всяком случае, противостоящие им 7 стрелковых и 4 кавалерийских дивизии 13-й армии и фронтовой группы вряд ли насчитывали много больше, если вообще имели какое-то превосходство. Во фронтовой подвижной группе имелось 20 тысяч человек, 126 орудий всех калибров (включая противотанковые), 80 минометов, 82 станковых и 360 ручных пулеметов. В 13-й армии – 19 тысяч человек, 21 орудие, 5 минометов, 60 станковых и 95 ручных пулеметов. [208] Официальные советские источники оценивают соотношение сил в ходе операции следующим образом: *«Советские войска превосходили противостоящую им группировку противника в людях в 1,3 раза, но уступали ему в артиллерии почти в 2 и в танках – в 2,4 раза»?* И. Х. Баграмян считает, что участвовавшие в операции советские войска превосходили противника на 8 тысяч человек, уступая им по всем видам техники. [209]

Но советской стороне благоприятствовало еще одно обстоятельство. Как выяснилось позже, стык 35-го и 34-го армейских корпусов находился в районе Хрипуновки и Тросны – удар северной группы пришелся как раз по нему Елец также находился на стыке двух дивизий 34-го армейского корпуса – 134-й и 45-й. Всего, таким образом перед фронтом 13-й армии оборонялись три немецкие дивизии.

Боевым приказом от 5 декабря командование фронта поставило войскам следующие задачи: фронтовой группе генерала Костенко утром 7 декабря надлежало перейти в наступление, выйти в район села Никитское и отрезать немцам пути отхода на запад. На правом фланге группы 1-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Руссиянова наступала на Круглое, на левом фланге 5-й кавалерийский корпус продвигался на Хухлово (7 км западнее Никитского). Для обеспечения левого фланга и тыла подвижной группы выделялась 121-я стрелковая дивизия генерал-майора П. М. Зыкова – выдвинувшись на фронт Ломигоры, Александровка, она должна была занять и оборонять рубеж реки Кшень. В резерв командующего группой выделялась 34-я мотострелковая бригада, расположенная в районе Козинки.

Ударная группа 13-й армии наступала в обход Ельца с севера через Тросну и далее на Никитское и Пятницкое, обеспечивая окружение елецко-ливенской группировки противника. 61-я

авиационная дивизия полковника В. П. Ухова прикрывала сосредоточение подвижной ударной группы на исходных рубежах, а с началом наступления должна была поддерживать свои войска, атаковать тылы противника и не допускать подхода немецких резервов со стороны Орла и Курска.

Успех операции зависел от быстроты сосредоточения ударных групп, в том числе и войск, только что переброшенных в район Ельца и Касторной. Требовалось в короткий срок незаметно для врага подтянуть войска, которые зачастую были удалены от района сосредоточения на 150–200 км. Из-за большой загруженности железных дорог передвижение танковых, кавалерийских и мотопехотных частей приходилось осуществлять своим ходом. От пунктов разгрузки стрелковые части также двигались пешим порядком. В итоге кавалерия проходили в среднем 40 км в сутки, мотопехота же преодолела 140 км пути от станции Касторная за двое суток.

Войска передвигались исключительно в темное время суток, чему способствовали длинные зимние ночи. Днем марши были категорически запрещены, в это время войска отдыхали в населенных пунктах, принимая самые строгие меры маскировки. Все это позволило скрыть сосредоточение от немецкой воздушной разведки. Вдобавок начавшиеся с 5 декабря атаки северной ударной группы отвлекли внимание и силы противника, тем самым обеспечив внезапность на направлении главного удара и облегчив действия подвижной группы. Однако по той же причине некоторым частям пришлось занимать исходные позиции уже в ходе боя.

К исходу 5 декабря подвижная группа генерала Костенко закончила сосредоточение в указанном ей районе и в ночь на 6 декабря начала выдвижение на рубеж наступления.

3. Первый этап наступления

По характеру боевых действий и во времени Елецкую операцию можно разделить на два этапа:

• первый этап (6-10 декабря) – прорыв фронта противника нашими ударными группами и выход в тыл елецкой группировки немцев. В этом периоде основная тяжесть наступления легла на 13-ю армию.

• второй этап (11–16 декабря) – совместные действия 13-й армии и фронтовой подвижной группы, окружение 34-го армейского корпуса и бои за его окончательное уничтожение.

Бой 13-й армии за Елец и действия северной ударной группы с 6 по 10 декабря

В 7 часов утра 5 декабря группа Москаленко силами 307-й стрелковой и частью спешенных кавалеристов 55-й

кавалерийской дивизий нанесла удар на Хмелевое и на Тросну. Одновременно кавалерийская группа при поддержке 150-й танковой бригады атаковала левее по маршруту Хрипуновка, Подхорошее, Хмеленец, Александровка. Правый фланг наступающей группировки прикрывал один кавалерийский полк. Это «предварительное» наступление, вызванное неожиданной потерей Ельца, существенного эффекта не имело и лишь вывело советские части на линию соприкосновения с противником. Тем временем разведка 45-й пехотной дивизии продолжила продвижение от Ельца по воронежскому шоссе в сторону Задонска.

6 декабря в 10 часов утра северная группа 13-й армии перешла в генеральное наступление, нанося главный удар с участка Маслово, Рогатово на запад – в общем направлении на Тросну и далее на Никитское. Группа Москаленко должна была прорвать фронт противника севернее Ельца, быстро продвинуться вперед, перерезать шоссейную дорогу Елец – Ефремов и, выйдя в тыл елецкой группировки противника, соединиться в районе Никитское с войсками фронтовой подвижной группы генерала Костенко.

Перед фронтом наступавших частей действовала наиболее сильная группировка немцев в составе трех пехотных дивизий: 262-й на участке Бродки, Хрипунковка; 134-й на участке Тросна, Елец и 45-й на участке от Ельца до Климентьевки. Елец должен был стать базой для дальнейшего наступления на Задонск, Воронеж и Липецк, в обороне города находилось два пехотных полка – 446-й из состава 134-й пехотной дивизии и 134-й из 45-й пехотной дивизии). Командование 2-й немецкой армии, почувствовав усиление сопротивления противника, не исключало возможность оставления Ельца – при этом предполагалось полностью уничтожить город (!) и в дальнейшем создать перед фронтом армии «зону пустыни» шириной в 15–20 км. [210]

В наступление! Юго-Западный фронт, зима 1941 года

Впрочем, еще 6 декабря фон Бок отмечал в своем дневнике: *«2-й армии явно неймется – вновь вынужден напомнить ее командованию не лезть на восток дальше, чем того требуют обстоятельства»?*

Командование 13-й армии собиралось брать Елец охватом с двух сторон. Группа Москаленко, обходя город с севера, должна была перерезать дороги, ведущие из него на запад и северо-запад. 143-я дивизия, продвигаясь южнее Ельца, атаковала город с юго-запада. 148-я дивизия наносила фронтальный удар с востока.

Весь день севернее города шли тяжелые бои. На левом фланге группы Москаленко танкам 150-й бригады удалось ворваться в Елец и выйти к селу Пищулино, но удержаться здесь они не смогли. Вечером противник атаковал наши войска практически по всему фронту, в результате чего ему удалось отбить часть занятой нами территории. Ожесточенные бои развернулись за селения Тросна, Пищулино, Телегино, Рогатино; многие из них по несколько раз переходили из рук в руки.

К исходу дня 6 декабря части 55-й кавалерийской все-таки заняли Тросну, по донесениям, разгромив там до батальона немцев, захватив трофеи и штабные документы. Противник силами до двух батальонов несколько раз контратаковал, пытаясь вернуть Тросну, но наши кавалеристы успели закрепиться в населенном пункте и прочно его удерживали.

К этому же времени 148-я стрелковая дивизия центральной группы, продолжая бои в районе Пищулино, подошла к северо-восточной окраине Ельца; ее левофланговый полк овладела Олыпанцем в 15 км восточнее города. Южнее части 143-й дивизии вели отвлекающие действия, не позволяя противнику

оттянуть силы назад для укрепления обороны Ельца.
7 декабря бои за Елец продолжились с той же силой. Лишь в этот день командование 34-го армейского корпуса было вынуждено прекратить продвижение в сторону Задонска и отвести все силы обратно в город. Фон Бок отметил в своем дневнике:

«2-я армия, продолжающая вопреки всем предостережениям продвигаться на восток, вовлечена в кровопролитные бои с численно превосходящими силами противника. Поступают сообщения об обмороженных; в одном из полков их оказалось 318 человек». [211]

Тем временем советские войска достигли северной окраины Ельца, подразделения 148-й стрелковой дивизии завязали бои в районе железнодорожной станции. Немецкое командование наконец-то было вынуждено прекратить наступление, бросив все силы на удержание Ельца. Решив, что именно Елец является основной целью наступления наших войск, противник не придал значения продвижению группы Москаленко и не вскрыл сосредоточения группы Костенко юго-западнее города, в районе станции Касторная. Между тем именно в этот день фронтовая подвижная группа наконец-то начала наступление.

Утром 8 декабря группа Москаленко добилась серьезного успеха – заняв Хмеленец, Тросну и Клементьево, она вышла на шоссе Елец – Ефремов. Дальше всего продвинулась 55-я кавалерийская дивизия, поддержанная 150-й танковой бригадой: они достигли села Казаки, обороняемого подразделениями 446-го пехотного полка, и находились уже в 15 км западнее Ельца. Таким образом вражеская группировка оказалась в полуокружении. Севернее правофланговая 132-я стрелковая дивизия на фланге армии также вышла на шоссе примерно на половине пути от Ельца до Ефремова, заняла Огневку и подошла к селению Плоты. Еще севернее перешли в наступление на Ефремов левофланговые 283-я стрелковая и 52-я кавалерийская дивизии 3-й армии.

Тем временем 148-я стрелковая дивизия ворвалась на восточную окраину города, где закипел ожесточенный уличный бой. Два полка, уничтожая засевших в домах немцев, овладели Красными казармами и кожевенным заводом, а 496-й полк подполковника П. В. Дергунова прорвался в центр города и вел бой в районе собора. Немцы умело сопротивлялись, цепляясь за каждый дом. Наиболее эффективной тактикой против них стали действия малыми группами: часть сил наступает на опорный пункт в лоб, в то время как другая обходит его по соседним улицам и дворам, внезапно атакуя с тыла. Войска в городе поддерживал своим огнем вошедший на станцию бронепоезд

лейтенанта В. М. Морозова.

143-я стрелковая дивизия в этот день ускорила свое продвижение, так как сопротивление противника перед ней заметно ослабело – немцы спешно отводили свои войска к городу и западнее него. Дивизия заняла район Лавы, левым флангом повела наступление на Пажень, а основными силами начала обходить Елец с юго-запада.

В этот день в состав 13-й армии была передана 57-я бригада войск НКВД полковника М. Н. Соколова, два дня назад выведенная из боя на реке Северский Донец и переброшенная в район Ельца по железной дороге из Великого Бурлука на станцию Измалково. Бригада состояла из двух полков – 169-го и 170-го, а также 120-го отдельного батальона, она была испытанным в бою, хорошо сколоченным соединением, однако не имела никакого транспорта и тяжелого вооружения. Армейское командование направило бригаду Соколова на правый фланг, на стык группы Москаленко со 132-й стрелковой дивизией.

К исходу дня 8 декабря елецкому гарнизону угрожало полное окружение. Командующий 2-й армией доложил в штаб группы армий, что ночью, завершив уничтожение важных военных объектов в городе, начнет отвод сил всей армии на «зимние позиции». [212] В ночь на 9 декабря, прикрываясь арьергардами, немцы начали выводить свои части из города. Из-за снежных заносов и отсутствия горючего часть автотранспорта пришлось уничтожить, перегрузив имущество на санные повозки. Днем 9 декабря Елец был полностью очищен от немцев. Наши части, не останавливаясь, продолжали наступление на Казаки. Здесь немцам удалось взорвать железнодорожный мост, что затруднило действия наших бронепоездов в ходе дальнейшего наступления. Было принято решение направить из резерва группы армий «Центр» во 2-ю армию бригаду СС Фегеляйна, но она могла прибыть на фронт не раньше 14 декабря.

В боях за Елец 134-й и 446-й полки противника понесли большие потери, но все же им удалось избежать окружения из-за недостаточной решительности и медленного продвижения наших войск (особенно 143-й стрелковой дивизии). Тем не менее устойчивость немецкого фронта была поколеблена, а часть сил противника, перемешавшись, временно лишилась возможности вести активные действия. Группа Москаленко получила возможность перейти в решительное наступление, и уже к исходу дня 9 декабря ее части заняли Самохваловку и Бутырки.

132-я стрелковая дивизия в этот день неудачно атаковала село Васильевка: здесь немцами была отрезана и почти полностью уничтожена рота старшего лейтенанта Н. Г.

Севостьянова.

10 декабря наступление продолжалось на всем фронте 13-й армии. Противник, прикрываясь сильными арьергардами, пытаясь задержать наши войска ударами авиации и цепляясь за каждый населенный пункт, начал отходить к рубежу реки Варгол, где рассчитывал задержать наступление советских войск.

Развивая наступление с рубежа Самохваловка, Бутырки, войска группы Москаленко начали преследование отходящей 262-й немецкой пехотной дивизии, к исходу дня достигнув рубежа Кабачок, Климентьево. Одна бригада ударной группы в 18 часов заняла Плоское, выбив оттуда роту немцев, а затем продолжала наступление на Злобино. 55-я кавалерийская дивизия заняла Телегино и, тесня отходившие подразделения 262-й пехотной немецкой дивизии на северо-запад, к исходу дня овладела Семеновкой, выйдя во фланг 134-й пехотной дивизии. Введенная на правом фланге группы 57-я бригада НКВД захватила село Красавка и совместно со 132-й стрелковой дивизией заняла район Васильевки.

Центральная группа 13-й армии, ликвидировав накануне мелкие очаги сопротивления в Ельце, 10 декабря продолжала наступление. Действовавшие перед ней 446-й и 134-й немецкие пехотные полки, прикрываясь арьергардами, занимали оборону по западном берегу реки Варгол на рубеже Мягкая, Казаки. Однако части 148-й стрелковой дивизии быстро преодолели этот рубеж, выйдя на западный берег реки Варгол. Одновременно полки 143-й стрелковой дивизии, воспользовавшись резким снижением сопротивления противника, быстро продвигались вперед, заняв Паниковец и Стегаловку. После этого поредевшие части дивизии были выведены в резерв армии и отведены для пополнения и переформирования в только что занятый Елец.

Таким образом, к исходу дня 10 декабря оборона противника на елецком направлении была прорвана по всему фронту. За пять дней наступления наши части продвинулись на расстояние от 6 до 26 км, выйдя на линию Сергеевка, Стегаловка. В центре продвижение в среднем составляло 15–16 км, на флангах – 6–8 км. При этом немецкая 45-я пехотная дивизия оказалась разрезана надвое: одна ее часть вместе с 134-й пехотной дивизией отступала на запад, а другая отходила на юго-запад. Немецкие части и подразделения перемешались, управление войсками нарушилось. Согласно донесению 13-й армии, в боях непосредственно вкруг Ельца немцы потеряли только убитыми около 4000 солдат и офицеров, а также более 50 орудий, 60 автомашин, 450 повозок, 825 лошадей и много другого военного снаряжения. [213]

Начало наступления фронтовой подвижной группы генерала Костенко 7-10 декабря

6 декабря фронтовая подвижная группа генерала Костенко все еще заканчивала сосредоточение, одновременно нащупывая передний край противника. К утру полки 1-й гвардейской стрелковой дивизии заняли деревни Тербуны, Борки, Малые Борки, Александровка, но далее столкнулись с сопротивлением немцев. Штаб дивизии к этому моменту еще находился в пути. Одновременно части 5-го кавалерийского корпуса заняли Александровку, Казаково, Богдановo, Нижнее Большое и Васильевку, однако дальше также продвинуться не смогли из-за сопротивления противника. Поэтому наступление было перенесено на утро 7 декабря.

Перед началом Елецкой операции. Генерал-майор И. Н. Руссиянов ставит задачу командиру 4-го Воронежского полка М. Е. Вайцеховскому и комиссару полка П. Н. Латышеву

Следующей ночью разведкой 5-го кавалерийского корпуса был захвачен в плен немецкий офицер, оказавшийся квартирьером штаба 95-й пехотной дивизии. Он подтвердил уже имеющуюся информацию о выдвижении этой дивизии на юг от Ельца для обеспечения правого фланга наступающей группировки. По показаниям пленного, штаб дивизии находился в Малых Олыпанах и собирался передислоцироваться в Борки. Одновременно в полосе дивизии Руссиянова были взяты пленные из 134-й пехотной дивизии.

Таким образом, противник перед фронтом группы торопливо усиливал свою оборону. Дальнейшее промедление с атакой

ставило под угрозу срыва весь план операции. В то же время более раннее начало наступления войск 13-й армии отвлекло внимание немецкого командования от этого района и тем самым серьезно облегчило действия группы.

Наступление началось в 7 часов утра 7 декабря, главный удар наносился на север, в общем направлении на Никитское, навстречу правофланговой группе 13-й армии. Занимавшая правый фланг 1-я гвардейская стрелковая дивизия генерала Руссиянова атаковала на фронте в 10–12 км с исходного рубежа Николаевка, Борки в общем направлении на Дубовец, имея задачу к исходу дня овладеть рубежом Долгоруково, Вязовое. Правее 5-й кавалерийский корпус наступал с рубежа Александрова, Алексеевка на фронте шириной в 8-10 км, двигаясь вдоль западного берега реки Олым в общем направлении на Навесное. К исходу дня 7 декабря корпус должен был занять Никитское.

Наступление 1-й гвардейской стрелковой дивизии развивалось достаточно успешно. Сломив сопротивление подразделений 278-го пехотного полка противника, ее правофланговый 4-й гвардейский стрелковый полк, не встретив особого сопротивления, к исходу дня занял несколько сел, в том числе Богатые Плоты и Олыпаны, отбросив противника к востоку, на Долгоруково. 331-й стрелковый полк занял село Дубовец, потеряв 7 человек ранеными и захватив противотанковую пушку без замка. [214] 355-й стрелковый полк за день потерял 4 человек убитыми и 34 ранеными. [215]

В то же время на левом фланге дивизии немцы оказали более упорное сопротивление. Еще затемно передовой батальон 85-го стрелкового полка неожиданным ударом занял деревню Аптухино, разгромив здесь немецкий гарнизон. Однако затем наступление замедлилось. Особенно жаркий бой разгорелся в районе села Давыдово, которое оборонялось 3-м батальоном 278-го немецкого пехотного полка. В итоге ударом по флангам опорного пункта сопротивление противника было сломлено. Потеряв (по нашим донесениям) более 250 человек убитыми, немцы вынуждены были отступить. Было захвачено 30 пленных, четыре исправные 37-мм пушки (сразу же использованные в бою), 10 ротных 50-мм минометов, до 30 ручных и станковых пулеметов, 20 автоматов, большое количество винтовок, 8 повозок на резиновом ходу с имуществом и запасными частями. Однако потери 85 стрелкового полка тоже оказались велики – было убито и ранено около 100 человек, в том числе все 3 командира батальонов, 5 командиров рот, 8 командиров взводов, 20 младших командиров. [216]

Пленные немцы. Декабрь 1941 года

К вечеру левофланговые части дивизии подошли с юга к сильно укрепленной Казинка, оборонявшимся другим батальоном 278-го пехотного полка. В итоге за первый день боя дивизия продвинулись правым флангом на 14 км, а левым – всего на 4–5 км.

Наступление 5-го кавалерийского корпуса генерала Крюченкина развивалось медленнее. Кавалеристы встретили упорное сопротивление основных сил 95-й немецкой пехотной дивизии – 279-го и 280-го полков. Командир корпуса, оправдывая медленное продвижение, сообщал, что немецкая пехота усилена танками. В донесениях корпуса сообщалось о 15–20 немецких танках, но факт их наличия здесь вызывает серьезные сомнения. Весь день 7 декабря кавалеристы Крюченкина в лоб атаковали населенные пункты Захаровка, Алексеевка, Нижне-Олыпаное. К исходу дня правый фланг корпуса овладел деревней Захаровка, а левый охватил Алексеевку и с юга подошел к Ломигорам. За день боя части корпуса продвинулись всего на 2–4 км.

Тем не менее итогом первого дня боя стал серьезный успех. 95-я пехотная дивизия оказалась разорвана на две части: 278-й и 280-й полки отошли на север, а 279-й пехотный полк перед корпусом Крюченкина вынужден был отступить на запад, за реку Кшень. В боевых порядках противника образовался разрыв в несколько километров.

8 декабря в штаб подвижной группы на станции Касторная прибыл главнокомандующий направлением маршал Тимошенко,

чтобы лично участвовать в руководстве операцией. В этот день 1-я гвардейская стрелковая дивизия, сломив сопротивление 278-го немецкого пехотного полка, продолжала успешное наступление на север. Однако необходимость сохранить локтевую связь с расположенными справа и слишком медленно продвигавшимися частями 6-й стрелковой дивизии 13-й армии заставили генерала Руссиянова уклониться к востоку. В результате слева, на стыке с кавалерийским корпусом Крюченкина, образовался разрыв, а ударная сила левого заходящего фланга подвижной группы оказалась существенно уменьшена.

К исходу 8 декабря части 1 – й гвардейской стрелковой дивизии овладели населенными пунктами Вязовое и Покровское, где было нанесено тяжелое поражение 278-му полку 95-й пехотной дивизии. Тем временем 4-й гвардейский полк завязал бой за село Стрелецкое. Здесь были захвачены пленные из 13-го пехотного полка 45-й пехотной дивизии. Как отмечает в своих мемуарах И. Н. Руссиянов:

«От них мы впервые услышали ставшее потом распространенным восклицание „Гитлер капут ". До сих пор пленные обычно вели себя нагло, на допросах отказывались отвечать. Теперь они были так перепуганы и словоохотливы, так пресмыкались, что даже вызывали чувство омерзения». [217]

В этот день Стрелецкое взять не удалось, 4-й стрелковый полк вынужден был отбивать атаки противника из сел Грибоедове и Надеждино, захватив при этом 2 противотанковых пушки и 2 пулемета. [218] 331-й стрелковый полк занял Вязовое и Краснотыновку, захватив одного пленного и разбитую 37-м пушку. 355-й стрелковый полк во взаимодействии с 85-м стрелковым полком захватил Грязновку, был отмечен отход колонны противника (около 70 машин) на север. Полк захватил две грузовые и одну легковую машины и 5 мотоциклов. 85-й стрелковый полк, наступая из-за левого фланга 355-го стрелкового полка выдвинулся для перехвата дорог Покровское – Николаевка и Покровское – Белая Гора. [219] В целом общее продвижение дивизии за два дня составило 20 км.

Тем временем кавалеристы Крюченкина, получив опыт наступления, начали применять более гибкую тактику. В этот день они уже не пытались наступать на немецкие опорные пункты в лоб, а обходили их, атакуя частью сил с тыла. Благодаря улучшившейся тактике, в течение 8 декабря 5-му кавалерийскому корпусу удалось сломить сопротивление 280-го пехотного полка и перейти к преследованию отступающего противника. Однако наступление все равно проходило достаточно медленно, так как кавалеристам приходилось самим заниматься ликвидацией

очагов сопротивления, блокированных в населенных пунктах.

Всего за день 8 декабря 5-й кавалерийский корпус с боями продвинулся на расстояние до 10 км и к исходу дня занял Пикалово, Гатище и Юрское. В районе села Юрское подразделения 14-й кавалерийской дивизии в конном строю разгромили до батальона пехоты противника, а затем, спешившись, отразили контратаку двух немецких батальонов и отбросили их за реку Кшень.

9 декабря главные силы 1 – й гвардейской стрелковой дивизии с боями продвинулись на 10–12 км, увеличив разрыв между полками 95-й пехотной дивизии и вступив в соприкосновение с частями 45-й пехотной дивизией противника, отходящей из района юго-восточнее Ельца. В этот день были заняты населенные пункты Стрелецкое, Сухой Алыпанец, Ново-Троицкое. В Стрелецком удалось окружить батальон 133-го пехотного полка 45-й немецкой пехотной дивизии. Взять село удалось лишь 10 декабря, однако здесь были захвачены богатые трофеи – 15 орудий (в основном противотанковых), 55 автомашин и много другого оружия. По нашим оценкам, немцы потеряли в бою за Стрелецкое до 300 человек убитыми.

В связи с окончательным прорывом обороны противника 9 декабря темп продвижения 5-го кавалерийского корпуса также возрос до 12 км. К исходу дня кавалерийские части вышли на рубеж Парный Колодезь, Суры, а утром 10 декабря уже донесли, что находятся в 20 км от города Ливны.

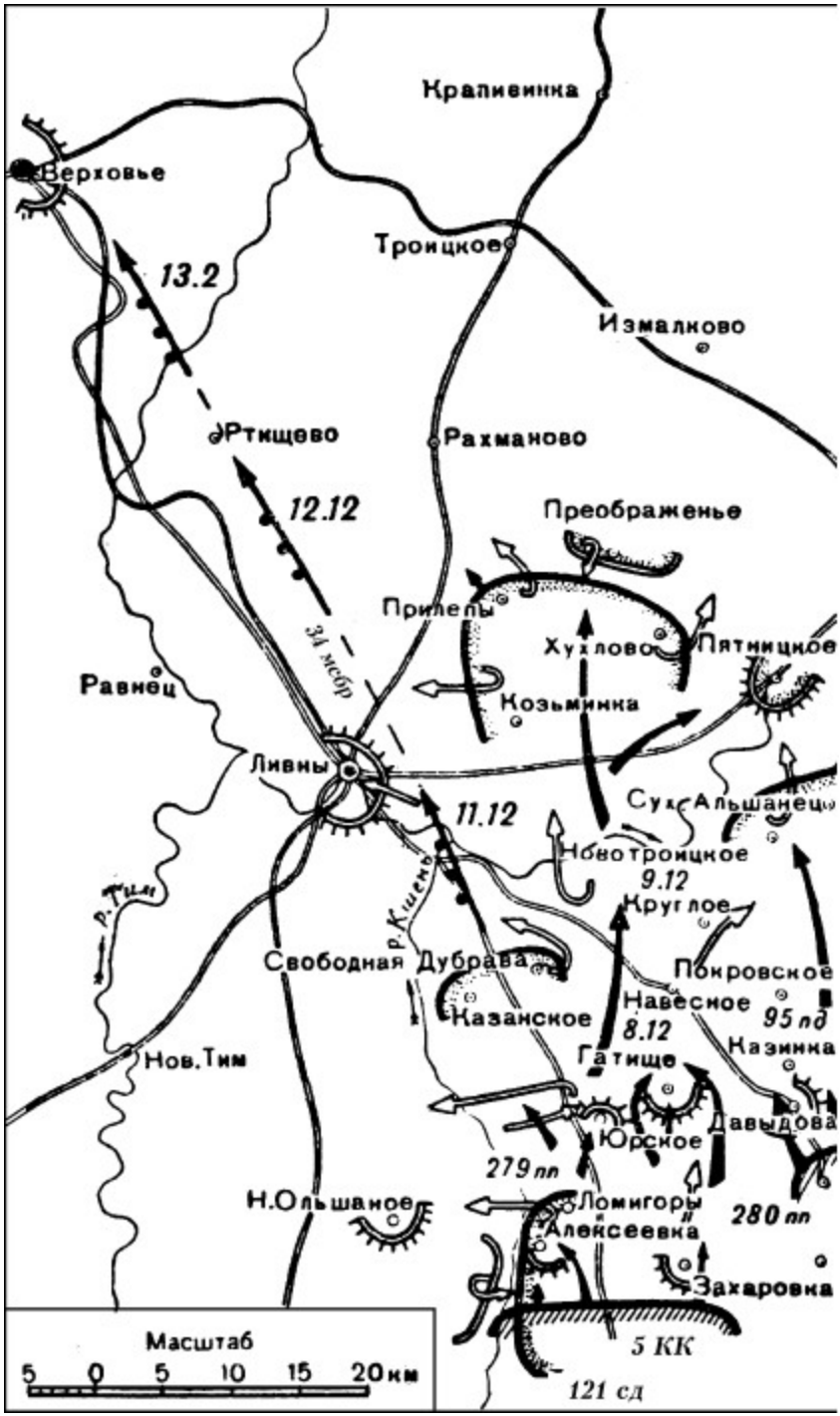
10 декабря окончательно выявился отход противника по всему фронту. Стало очевидно, что удар подвижной группы на Никитское и Пятницкое будет слишком мелким и недостаточным для окружения немецкой группировки. Поэтому кавалерийский корпус Крюченкина получил приказ сдвинуть ось продвижения западнее, в общем направлении на Прилепы (15 северо-восточнее Ливны и 50 км западнее Ельца). 34-я мотобригада должна была двигаться к станции Верховье в 30 км западнее Россошного. Одновременно командование 13-й армии распорядилось изменить направление удара группы Москаленко с юго-западного на западное: теперь она должна была наступать не на юго-запад, на Пятницкое, а прямо на запад, в сторону Измалково.

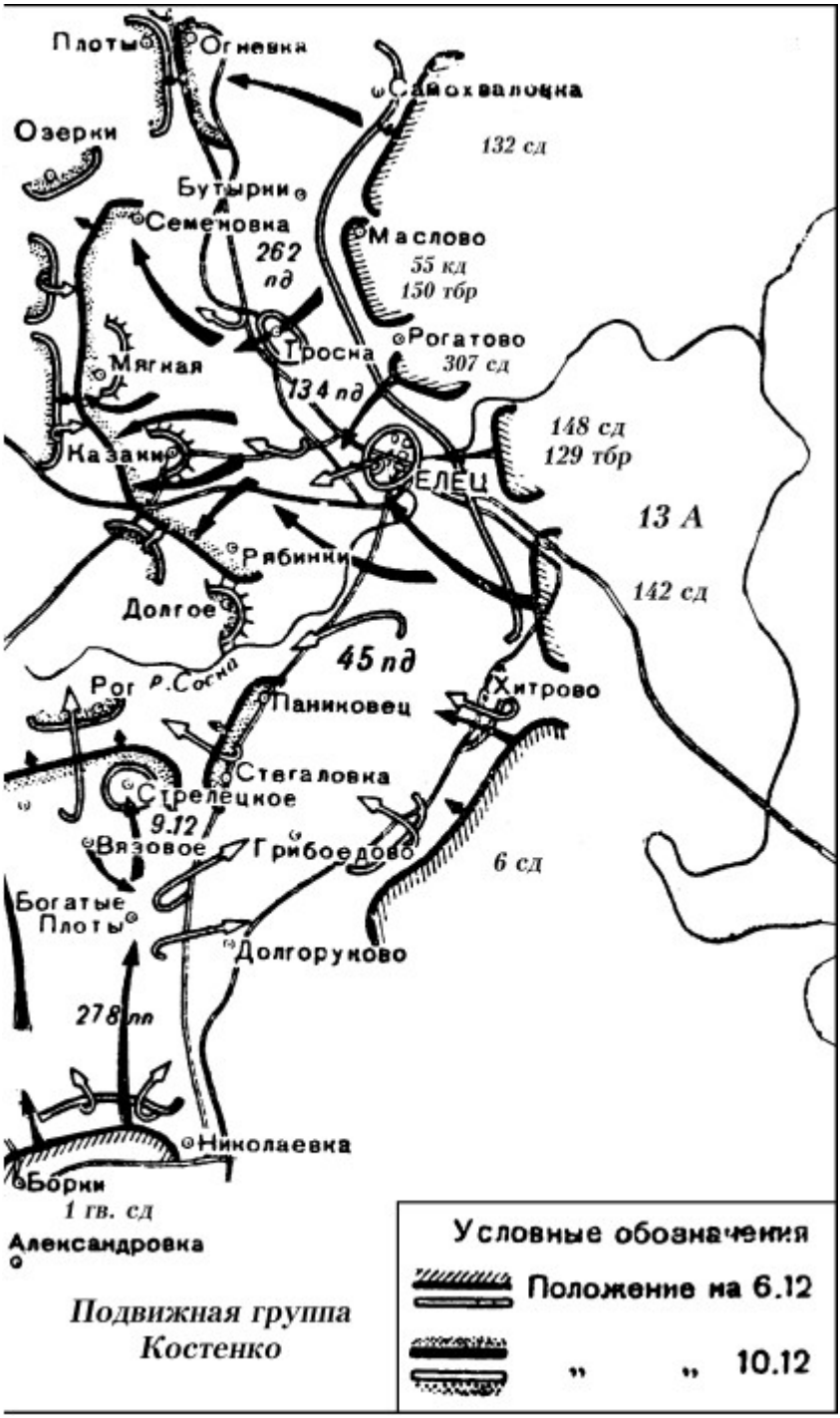
В этот день продвижение 1-й гвардейской стрелковой дивизии серьезно замедлилось, ее частям удалось продвинуться к северу только на несколько километров и выйти на подступы к селам Пятницкое, Никитское и Никольское у слияния рек Сосна и Большая Чернова, на дороге Елец – Ливны. Ночью неожиданной атакой после залпа гвардейских минометов 85-й стрелковый полк выбил немцев из Пятницкого.

5-й кавалерийский корпус прошел за день 10 декабря 20 км, к вечеру его 3-я и 32-я кавалерийские дивизии заняли Хухлово, Прилепы и Козьминку, перерезав дорогу на Ливны. Здесь были захвачены пленные из 45-й пехотной дивизии. Теперь отход на запад был для противника серьезно затруднен. Между наступающими группами Костенко и Москаленко к исходу 10 декабря оставалось 20 км, елецкая группировка немцев оказалась фактически в полуокружении.

Всего группа Костенко к этому времени продвинулась на 40–50 км. Чтобы не утерять управления войсками, во второй половине дня 10 декабря штаб группы перебазировался на станцию Тербуны в 50 км севернее Касторной – собственно, для этого потребовалось лишь перегнать туда штабной поезд.

Немцам также стали ясны намерения советского командования, поэтому они попытались выправить положение. Воспользовавшись медленным продвижением 6-й стрелковой дивизии и растягиванием фланга 1-й гвардейской стрелковой дивизии, части 45-й пехотной дивизии вместе с 278-м полком 95-й дивизии подготовили удар из района Долгоруково, Грибоедово через Богатые Плоты на запад, во фланг и тыл фронтовой подвижной группы.


Кралевинка
Верховье
Троицкое
13.2
Измалково
Ртищево
Рахманово
12.12
Преображенье
Прилепы
Хухлово
Пятницкое
34 мсбр
Равнец
Козьминка
Ливны
11.12
Сух. Альшанец
Новотроицкое
9.12
Круглое
р. Тим
р. Кшень
Свободная Дубрава
Покровское
Навесное
95 пд
Казанское
8.12
Нов. Тим
Гатище
Казинка
Юрское
Давыдова
279 пп
Н. Ольшанное
Ломигоры
280 пп
Алексеевка
Захаровка
5 КК
121 сд
Масштаб
5 0 5 10 15 20 км



Действия 13-й армии и группы Костенко с 6 по 10 декабря 1941 года

Перейдя в наступление, немцы еще 9 декабря заняли оставшиеся без прикрытия Богатые Плоты и создали угрозу

коммуникациям всей группы Костенко. Обстановка требовала быстрого продвижения на север, но в то же время нельзя было не считаться с угрозой тылам.

Учтя сложившуюся обстановку, штаб фронтовой группы принял решение – главными силами продолжать наступление на север, а для ликвидации противника в районе Богатые Плоты сформировать «боевую группу» в составе стрелкового батальона и трех истребительных отрядов. Эта группа не только преградила немцам пути отхода на запад, но одновременным ударом с севера и юго-запада смогла вновь занять Богатые Плоты. Противник, бросая материальную часть, спешно отошел к северо-востоку, на Грибоедово. Для уничтожения немцев, оставшихся в районе Долгорукова, был выделен отряд с двумя бронепоездами; действуя вдоль железной дороги Касторная – Елец, он овладел сначала Братовщиной, а затем Долгоруковым. Так была ликвидирована угроза коммуникациям подвижной группы (как оказалось – временно) и укреплен стык с 13-й армией. Кроме того, было принято решение направить 6-ю стрелковую дивизию 13-й армии, утратившую контакт с противником, к Ливнам через тылы подвижной группы, чтобы она заняли там оборону фронтом на запад, образовав внешнее кольцо окружения.

В то же время на левом фланге фронтовой группы произошел показательный казус. 121-я стрелковая дивизия, переданная из армии в состав группы Костенко, должна была прикрывать ее фланг и стык с 40-й армией, не принимая участия в самом наступлении. В результате временный штаб группы о ней просто забыл. Дивизия продолжала обороняться северо-восточнее Волово фронтом на запад. После прорыва подвижной группы на север противник из района Волово начал атаки против левого фланга Костенко. Тут выяснилось, что командование фронтовой группы даже не имеет связи с 121-й дивизией! Генерал Костенко попытался пожаловаться в штаб фронта на то, что 13-я армия плохо обеспечила прикрытие его фланга – и тут выяснилось, что дивизия принадлежит ему и вообще занимает позиции по другую сторону от подвижной группы, поэтому просто не может находиться в армейском подчинении.

В конце концов пришлось связываться с дивизией через штаб фронта и штаб 13-й армии, с которым группа Костенко тоже не имела прямой связи. При этом между командиром дивизии П. М. Зыковым и начальником оперативного отдела штаба армии С. П. Ивановым произошел весьма характерный разговор, который мы приводим в изложении Иванова:

«По распоряжению командарма я связался с П. М. Зыковым, который несказанно обрадовался.

– Понимаете, Семен Павлович , – возбужденно говорил он, – я сижу здесь как в забытой деревне, никто мною не интересуется, а враг под носом. Я все подготовил к атаке на Волово, был момент, когда этот опорный пункт сам шел в наши руки, так как гарнизон его сильно сократился, а сейчас занять Волово будет труднее.
И действительно, пришлось затратить три дня на овладение этим опасным для нас опорным пунктом врага». [220]

Итак, командир дивизии почти неделю не получает никаких приказаний или запросов от своего непосредственного командования – и считает такое в порядке вещей. Он видит удобную возможность для атаки, готовится к этой атаки – но не начинает ее, ожидая распоряжений сверху и при этом даже не подав наверх ни своих предложений, ни сводок об обстановке. Кстати, такие сводки положено подавать в вышестоящий штаб регулярно – то есть, судя по всему, этого тоже не делалось.

Безусловно, эта история поставила штаб подвижной группы в глупейшее положение. Однако гораздо более прискорбна была не штабная неразбериха (в целом объяснимая спешкой в подготовке операции, «импровизированностью» самого штаба группы и отсутствием опыта работы в подобных условиях), а именно безынициативность дивизионного командования, действовавшего по принципу: «начальство не трогает – спи спокойно». Увы, именно подобная пассивность советских командиров среднего звена стала причиной многих наших поражений или упущенных побед…

В итоге лишь к исходу дня 11 декабря 121-я стрелковая дивизия совместно с 32-й кавалерийской дивизией захватила В олово и заняла оборонительный рубеж по восточному берегу реки Кшень на участке Ломигоры, Александровка. Тем самым были прикрыты фланги и тыл нашего наступления у основания прорыва. Правее, на левом заходящем фланге фронтовой группы был введен маневренный резерв Костенко – 34-я моторизованная бригада полковника А. А. Шамшина. 10 декабря после упорного боя она заняла Свободную Дубраву и Казанское. Затем, продолжая движение на север, бригада 12 декабря вышла в район Ртищево и 13 декабря, выдвинувшись на 20–30 км вперед по отношению к ударной группе, уже вела бой за Верховье в 50 км северо-западнее Ливны. Таким образом была не только обеспечена безопасность фланга ударной группы, но и поочередно перехвачены все коммуникации 34-го армейского корпуса противника, ведущие на запад и северо-запад.

За четыре дня наступления (7-10 декабря) войска фронтовой подвижной группы генерала Костенко разгромили 278-й и 280-й полки 95-й немецкой пехотной дивизии. В результате успешного

наступления наших войск создалась предпосылка для полного окружения основных сил 45-й и 134-й пехотных дивизий противника.

Всего же за 5 дней наступления (с 6 по 10 декабря) войсками фронтовой подвижной группы и 13-й армии было захвачено до 140 орудий, более 200 пулеметов, более 200 автомашин, свыше 1000 лошадей, много другого оружия и снаряжения.
За это же время было освобождено более 100 населенных пунктов, в том числе город Елец. [221]

4. Второй этап наступления. Окружение основных сил 34-го немецкого армейского корпуса

Параллельно с наступлением 13-й армии и фронтовой подвижной группы генерала Костенко продолжалось начатое еще 8 декабря наступление левого фланга 3-й армии на Ефремов. Поэтому штаб 13-й армии получил указания командующего Юго-Западным направлением С. К. Тимошенко правым флангом ударной группы Москаленко усилить взаимодействие с левофланговым частям генерала Крейзера. В боевом приказе от 10 декабря 1941 года указывалось:

«Группе генерала Москаленко решительно и энергично преследовать противника, обходя его опорные пункты и выходя на пункты его отхода: 132-й стрелковой дивизией и 57-й стрелковой бригадой наносить удар в направлении Грунин Варгол, Ключики по флангу и тылу 262-й пехотной дивизии немцев, отбрасывая ее под удары частей 3-й армии. 55-й кавалерийской, 307-й стрелковой дивизиями и 150-й танковой бригадой наступать в направлении Сергеевка, Измалково и к исходу дня 11 декабря овладеть рубежом Мокрые Семенки, Измалково, встав на пути отхода противника». [222]

В этот день командование группы армий «Центр» так оценивало сложившуюся ситуацию:

«Плохи дела у 2-й армии, где противник смял части 95-й дивизии и силами одной кавалерийской и одной пехотной дивизий осуществил прорыв. Упомянутая армия никакими резервами не располагает, личный состав буквально валится с ног, части 95-й дивизии, скорее всего, разгромлены в сегодняшних боях… Из тыловых районов подтягивается дивизия прикрытия и один пехотный полк; Гудериан должен помочь, чем может; бригаде СС приказано ускорить темп продвижения…». [223]

11 декабря фон Бок попытался сформулировать причины кризиса на правом фланге группы армий, отмечая, что боеспособность немецких войск определяется не столько их формальной численностью, сколько состоянием и снабжением:

«Прорыв на участке 2-й армии произошел, скорее, не благодаря

крупным силам русских, а из-за бездействия наших вконец измотанных войск. 45-й дивизии необходимо было контратаковать, однако для этого у нее не оказалось ни боеприпасов, ни достаточных сил; и в 134-й дивизии просто чудовищно упала боеспособность». [224]

К исходу дня 10 декабря обстановка была следующей. Фронтовая подвижная группа генерала Костенко, нанеся в районе Богатые Плоты, Навесное, Свободная Дубрава серьезное поражение основным силам 95-й немецкой пехотной дивизии, овладела районом Пятницкое, Хухлово, Прилепы, Козьминка. Таким образом, группа Костенко вышла в тыл елецкой группировке противника, перехватив ей пути отхода на запад.

Ударная группа войск 13-й армии (группа Москаленко), скованная боями за Елец, продвигалась значительно медленнее; вдобавок ей пришлось преодолевать сопротивление не одной, а двух немецких дивизий. В результате запланированный выход к 8 декабря в район села Никитское (в полукилометре севернее Пятницкого) так и не состоялся. Это, вкупе с медленным продвижением 6-й стрелковой дивизии, позволило частям 45-й немецкой пехотной дивизии без особых помех отойти с рубежа Елец, Долгоруково на северный берег реки Сосны, плотно сомкнув фланги со 134-й пехотной дивизией и в дальнейшем организованно отступать на северо-запад.

Чтобы окружить отходившие основные силы 34-го армейского корпуса противника, необходимо было ускорить темп наступления, а также сдвинуть направление наступления обеих ударных групп к западу, в сторону станции Верховье, примерно на середине пути между Ельцом и Орлом. Таким образом охват становился более глубоким.

Поэтому командование Юго-Западного фронта приказало войскам 13-й армии максимально ускорить темп наступления и к исходу дня 13 февраля выйти на фронт Верховье, Ливны. Одновременно 34-я моторизованная бригада с приданной ей 32-й кавалерийской дивизией (группа Шамшина) получила приказ как можно скорее занять узел дорог в Верховье и занять рубеж Хомутово, Верховье вдоль железной дороги Орел – Елец фронтом на северо-запад. Фронтовая подвижная группа генерала Костенко должна была выйти в район Россошное, Муромцево (10 км западнее Хомутово), таким образом отрезав немецкой группировке пути отступления на северо-запад вдоль железной дороги, замкнуть кольцо окружения и завершить разгром противника.

Командирам соединений и частей, действовавших на направлении главного удара, предоставлялась широкая

инициатива действий. Они должны были вклиниться в боевые порядки немцев и сами выбирать пути движения с целью быстрейшего выхода в указанные им районы.

Выполняя поставленную задачу, 5-й кавалерийский корпус генерала Крюченкина с утра 11 декабря продолжил наступление. Сопротивление противника перед фронтом корпуса практически не ощущалось, поэтому за день кавалеристы корпуса прошли 30–40 км, утром 12 декабря выйдя на линию железной дороги Елец – Орел. В семь вечера 12 декабря части правофланговой 32-й кавалерийской дивизии после ожесточенного боя заняли Шатилово (7 км восточнее Россошного), где уничтожили часть штаба 134-й немецкой пехотной дивизии и захватили более 200 автомашин. 14-я кавалерийская дивизия овладела Россошным и к исходу дня вышла в район Орева. 3-я кавалерийская дивизия заняла Никитино и, оставив там прикрытие для обеспечения левого фланга, также направилась к Шатилово для создания прочного рубежа на пути отступления немцев. В результате успешных действий 5-го кавалерийского корпуса оказались разгромлены тылы 45-й и 134-й немецких пехотных дивизий и перекрыты пути отхода этих дивизий на запад.

Тем временем двигавшаяся уступом справа от корпуса 1-я гвардейская стрелковая дивизия, продолжая преследовать отходившую 45-ю немецкую пехотную дивизию, отходившую на север и северо-восток на Измалково. Немцы оказывали упорное сопротивление, ведя сильный минометный и пулеметный огонь, отступая перебежками, группами по 10–20 человек. К полуночи полки дивизии вышли на следующие рубежи: 85-й стрелковый полк – Новоселки, Лопатино; 355-й стрелковый полк – к Ачкасово; 331-й стрелковый полк – Черник. С 4-м стрелковым полком связи не было. В районе Чернова-Пятницкое дивизией было захвачено 10 легковых и 20 грузовых машин. [225] Штаб дивизии отмечал, что дороги в районе Чернова-Пятницкое из-за разрушения немцами мостов непроходимы для автотранспорта – в ближайшие дни этому было суждено сыграть против самих немцев.

11 декабря 1-я гвардейская стрелковая дивизия своими главными силами подошла к южной окраине немецкого опорного пункта в Измалково на железной дороге Орел – Елец в 30 км западнее Ельца. Измалково прикрывало горловину «мешка», оставшись последним укрепленным пунктом на пути отхода восточной части елецкой группировки немцев. Поэтому немцы обороняли его с особым ожесточением, стремясь любой ценой успеть отвести свои войска вдоль железной дороги. В Измалково, по нашим оценкам, держались силы численностью до пехотного полка. Здесь завязался бой, длившийся до следующего дня.

12 декабря противник перед дивизией отходил в северо-западном и западном направлениях, силою до пехотного полка оказывая упорное сопротивление отдельными опорными пунктами в районе Пономарево, Кошкино и Пожарово. В 11:00 4-й стрелковый полк дивизии достиг Дубровки и продвинулся дальше, захватив за день богатые трофеи: 19 пушек, 85 автомашин, 5 мотоциклов, 5 пулеметов «Максим», много патронов и гранат. 85-й стрелковый полк к 18 часам занял Кошкино. Правофланговый 355-й полк овладел Федоровкой, захватив за день 53 автомашины и 3 кухни. Вечером полк вошел в соприкосновение со 161-м стрелковым полком 143-й стрелковой дивизии. Артиллерия дивизии в этот день огня не вела, догоняя стрелковые части. [226]

Выполняя приказ командования, части 13-й армии утром 11 декабря перешли в наступление по всему фронту. Группа Москаленко должна была атаковать строго на запад: левый фланг двигался в направлении на Измалково, Малинова, правый фланг (55-я кавалерийская дивизия и 57-я бригада НКВД) наступал на Хомутово и Верховье. В ходе ожесточенного боя за села Ключики и Озерки бригада разгромила немецкую тыловую часть, захватила 20 автомашин, 5 мотоциклов, 5 ручных пулеметов и 95 винтовок, 22 тысячи патронов. [227] 12 декабря бригада достигла реки Семенец, при этом в районе Лебяжка, Квитковка [228] (10 км восточнее Ульяновки) бригадой было захвачено еще 12 автомашин, 4 мотоцикла, 60 винтовок и 15 тысяч патронов [229] .

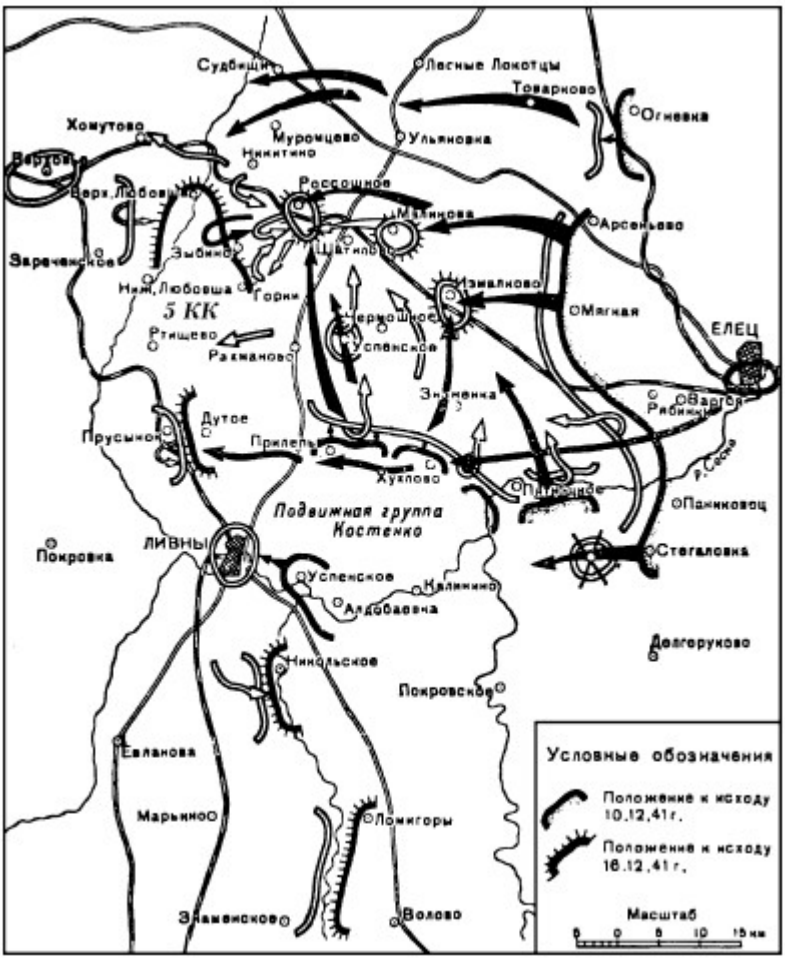
Для быстрейшего соединения с частями группы Костенко в бой был введен резерв 13-й армии – 38-й мотоциклетный полк. Он выступил из Ельца 11 декабря, получив приказ выйти на рубеж Прусынок, Ртищево на железной дороге Ливны – Верховье, то есть к югу от района выхода 5-го кавалерийского корпуса. К исходу 13 декабря полк находился на рубеже Пешково, Прилепы, в тылу 1-й гвардейской стрелковой дивизии.

Группа Москаленко, преодолевая сопротивление арьергардов 262-й немецкой пехотной дивизии, к исходу дня 13 декабря вышла своим правым флангом на рубеж Лесные Локотцы, Ульяновка. Тем временем левый фланг группы занял село Малинова и подошел к Измалково, заняв его во взаимодействии с частями 1-й гвардейской стрелковой дивизии. В этот же день правофланговые дивизии 3-й армии заняли Ефремов, выбив отсюда части 18-й танковой дивизии немцев. Поэтому снабжение фронтовой подвижной группы, уже сильно оторвавшейся от своей базы в Касторном, было передано из ведения 13-й армии в ведение 3-й армии генерала Крейзера.

К исходу 13 декабря левый фланг 13-й армии (части 6-й

стрелковой дивизии), пройдя по тылам подвижной группы генерала Костенко, вышел на рубеж Липовец (5 км северо-восточнее Ливны), Успенское, Алдобаевка, левее 38-го мотоциклетного полка. Здесь он вступил в бой с противником, оборонявшим Ливны.

С выходом наших частей на фронт Лесные Локотцы, Ульяновка, Малинова было установлено тактическое взаимодействие войск 13-й армии с фронтовой подвижной группой генерала Костенко и отрезаны пути отхода елецкой группировке противника. Теперь пришло время выяснять, кто же оказался в котле, образовавшемся в почти равностороннем треугольнике Измалково, Шатилово, Успенское, вдоль железной дороги на Орел и южнее нее.



Действия с 11 по 16 декабря 1941 года. Окружение главных сил 34-го армейского корпуса

По оценкам нашего командования, в районе было окружено в общей сложности до четырех полков. Это действительно так: в

котел попала целиком 134-я пехотная дивизия вместе со своим командиром генерал-лейтенантом Кохенгаузеном, а также один полк из 45-й пехотной дивизии. Уже 11 декабря штаб 2-й армии оценивал боеспособность 45-й и 134-й пехотных дивизий как ничтожную, а 95-ю дивизию считал полностью разгромленной. [230]

Иногда в отечественной литературе встречаются ссылки на показания пленных, согласно которым здесь же находился и командир 34-го армейского корпуса генерал Метц, еще 12 декабря покинувший свой КП в районе Россошного на связном самолете. В этот же день 2-я немецкая армия, вопреки слабым протестам Шмидта, была передана в подчинение Гудериана.

Теснимые с востока частями 143-й стрелковой дивизии, немцы концентрировались в районе Шатилово. Уже 13 декабря окруженные атаковали части 5-го кавалерийского корпуса в районе Россошное. Наша конница, сильно уставшая после многодневных непрерывных боев, не смогла противостоять гораздо более многочисленной и технически более оснащенной пехоте противника. Вынужденные оставить Шатилово и Россошное, части 3-й и 32-й кавалерийских дивизий отошли на юго-запад и заняли оборону на рубеже Верхняя Любовша, Зыбино, Горки фронтом на северо-восток. Корпус оказался вынужден вести бой перевернутым фронтом. На помощь кавалеристам была направлена 34-я моторизованная бригада – но она остановилась из-за отсутствия горючего. Кавалеристы смогли отбить атаки немцев и не допустить их прорыва на запад, однако вернуть Шатилово и Россошное в этот день не удалось.

На следующий день, 14 декабря, немцы продолжали упорными атаками пробивать себе дорогу на запад. Основные усилия противника были направлены на фланги кавалерийского корпуса, противник пытался обойти его с севера и с юга. Отдельным немецким подразделениям удалось выйти на коммуникации корпуса и прервать снабжение передовых кавалерийских частей. В самый критический момент операции корпус Крюченкина оказался в тяжелом положении. Непрерывные бои в течение восьми дней измотали и бойцов, и лошадей. Боеприпасы, продовольствие и фураж были на исходе. Командование Юго-Западного фронта направило для снабжения частей 5-го кавалерийского корпуса «не менее шести» транспортных самолетов Ли-2, однако из-за плохой погоды рейсы были единичными и снабжение приходилось сбрасывать на парашютах. По личному приказу Тимошенко в Елец были направлены 50 машин с боеприпасами, которые должны были использоваться для снабжения кавалеристов.

Вечером от командира 5-го кавалерийского корпуса в штаб группы Костенко пришла тревожная радиограмма:

«32-я и 14-я кавалерийские дивизии отрезаны от штаба корпуса, а штаб 32-й кавалерийской дивизии отрезан от полков и находится в расположении 3-й кавалерийской дивизии… Штаб корпуса связь с 32-й дивизией Ковалева поддерживает по радио, а с 14-й дивизией Шмуйло связи совсем нет… Хотя управление нарушено, кавалерийские части стойко отбивают все попытки противника вырваться из окружения». [231]

В тот же день 14 декабря 55-я кавалерийская дивизия и 57-я бригада НКВД из группы Москаленко ускорили наступление, продвинувшись на 13 километров и достигнув рубежа Судбищи, Понизовка. Левофланговые 148-я и 6-я стрелковые дивизии во взаимодействии с 1-й гвардейской стрелковой дивизией Руссиянова, преследуя силы противника численностью до полка, продвинулись вдоль железной дороги на северо-запад и вновь овладели Шатиловым, Россошным и Рахмановым. Теперь район окружения части 45-й и 134-й немецких пехотных дивизий еще более уменьшился. Правда, на северо-западе, между Россошным и Ульяновкой, кольцо все еще не было замкнуто, но здесь не имелось хороших дорог, поэтому немцы пытались прорываться не на северо-запад, а на запад. Фон Бок в своем дневнике констатировал: *«похоже, у 134-й дивизии есть кое-какие шансы выбраться, а вот для остатков 45-й дивизии это проблематично». [232]* 15 декабря в полосе 5-го кавалерийского корпуса продолжались тяжелые бои с прорывающейся здесь группой противника. В 8 часов утра командир корпуса генерал Крюченкин сообщал в штаб подвижной группы:

«Личный состав корпуса сильно измотан. 20 процентов коней вышло из строя, овса им не даем уже шестые сутки». [233]

И тем не менее организованно пробиться из окружения на этом направлении немцам не удалось. Днем части врага общей численностью до двух полков сделали еще одну попытку пробиться через расположение частей 5-го кавалерийского корпуса из района совхоз Россошенский на Кривец. Здесь развернулся тяжелый бой. Командование немецкой 2-й армии в листовках и по радио призывало свои окруженные части держаться, обещая прислать им помощь – но никакой реальной помощи оказать не могло, так как не имело резервов. Связь с окруженными частями поддерживалась по воздуху.

«Германия будет жить, даже если мы должны умереть!»

Судя по всему, только в этот день фронтовая группа Костенко наконец-то установила непосредственную связь с правым флангом 13-й армии. Но в любом случае управление окруженными немецкими частями было утрачено несколько ранее. В районе Россошное застрелился командир 134-й немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Кохенгаузен, и в командование дивизией вступил командир ее 445-го полка генерал-майор Вильгельм Кунтц. Он объединил под своим руководством остатки 445-го и 446-го полков и пошел на прорыв,

одновременно отправив командованию корпуса следующее радиодонесение:

«14 декабря 134-я пехотная дивизия двинулась тремя полковыми колоннами на запад в район Россошное, где генерал Метц отдал приказ на выход из окружения в районе Верх. Любовша…

446-й и 445-й пехотные полки должны были прорываться в районе Верх. Любовша, а 439-й пехотный полк – в 6 км севернее. В 18 часов в полной темноте при двадцатиградусном морозе и снежном покрове в 40 см начался прорыв.

Несмотря на двукратную атаку, прорваться через р. Любовша не смогли, и командир 134-й пехотной дивизии приказал прекратить бой, а на следующее утро повторить атаку… В ночь на 15 декабря в своей машине на дороге застрелился командир дивизии генерал-лейтенант фон Кохенгаузен. Командир 445-го пехотного полка принял временное командование дивизией и приказал тремя батальонами 446-го пехотного полка начать на узком фронте атаку, чтобы прорвать кольцо хотя бы в одном месте.

При первых проблесках зари советские пулеметы открыли огонь по немецким батальонам, предназначенным для прорыва. Моральное впечатление от разрывов мин нового оружия («катюши» – реактивные минометы, которые также открыли огонь по голодным, замерзшим и переутомленным немецким частям) было очень велико в результате шума, воя и сплошных попаданий…

Обрывистая, глубоко прорезанная долина р. Любовша стала роковой для многочисленных автомашин и повозок дивизии. Голодные и истощенные лошади просто не могли больше вытянуть орудия и остальную технику, которые были оставлены. Материальные потери были очень тяжелые: дивизия потеряла почти все машины, противотанковые орудия и аппаратуру связи… Положение с подвозом ежедневно ухудшалось… Сбрасываемое с отдельных самолетов количество продуктов питания и бензина было незначительно. Вследствие этого 445-й пехотный полк при отступлении из Измалково вынужден был бросить 10 моторизованных противотанковых орудий и большое количество грузовых машин. С каждым днем ухудшалась связь и затруднялось руководство войсками… 13 декабря моторизованная часть Советов напала на штаб 134-й пехотной дивизии в Шатилово и разгромила его». [234]

Теперь район окружения насквозь простреливался ружейно-пулеметным огнем. Окруженные части получили по радио приказ прорываться на запад; для тех подразделений, которые не имели

связи, этот приказ сбрасывался листовками с самолетов. Участились случаи невыполнения распоряжений командования – в захваченном приказе командира одного из полков говорилось:

«Мне доложено, что подразделения 2-й роты без всякого основания оставили указанные позиции. Таким образом не выполнили приказа об обороне. Это трусость». [235]

Случилось небывалое – наверное, в первый раз за всю войну паника овладела не отдельными группами, а достаточно крупными подразделениями вермахта. Немцы бросали машины, орудия и начинали сдаваться в плен. В селе Волчановка организованно сложила оружие целая группа немецких солдат. Генерал Шмидт был вынужден отдать приказ о выявлении и расстреле лиц, ведущих пораженческие разговоры.

В ходе боев 15 декабря окруженные войска противника были раздроблены на несколько частей. 16 декабря они были окончательно уничтожены. За четыре дня (13–16 декабря) в районе Измалково, Россошное, Верхняя Любовша, Зыбино были разгромлена часть силы 45-й и 134-й пехотных дивизий противника, хотя немалой их части удалось разрозненными группами прорваться на северо-запад от села Верхняя Любовша и к югу от Кривец, где плотность советских войск была наименьшей. По показаниям пленных, в боевых частях 134-й пехотной дивизии осталось не более 700–800 человек.

Тем не менее вечером этого же дня западнее станции Верховье немецким войскам удалось установить контакт с прорывающими на запад частями 134-й пехотной дивизии. Фон Бок не скрывал радости:

«На участке 2-й армии частям резерва удается оттеснить русских юго-западнее Новосиля и восстановить контакт со 134-й дивизией; при этом выясняется, что „огромные ” протери дивизии на самом деле не так уж и огромны! Командование армии рассчитывает, что завтра подобное удастся предпринять и в отношении остатков 45-й дивизии». [236]

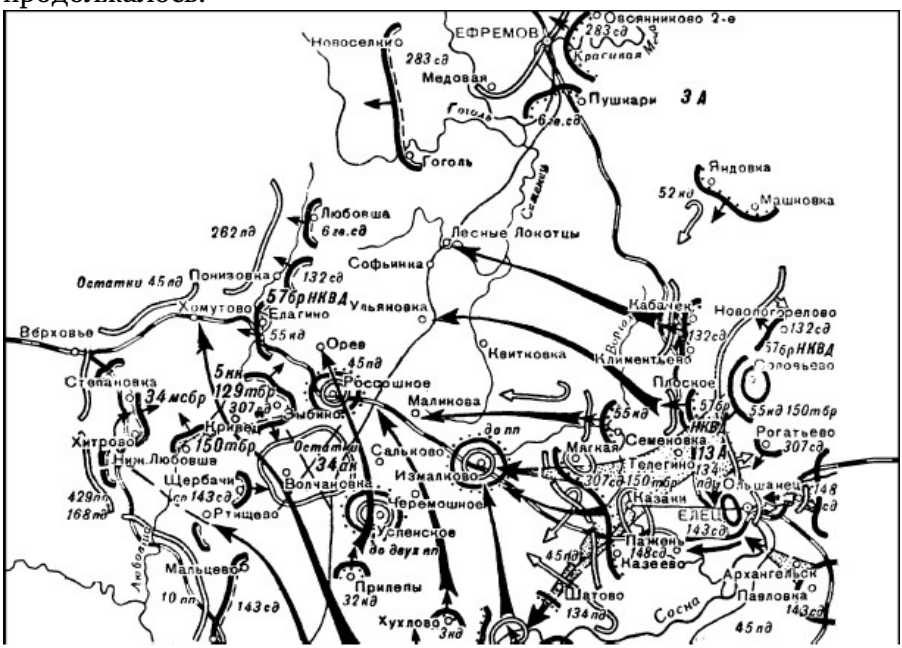
Впрочем, на следующий день он отмечал, что части 45-й дивизии все еще «пытаются пробиться назад». Лишь 18 декабря на участке 2-й армии, по его словам, установилось «относительное спокойствие». Тем не менее через несколько дней, 21 декабря 1941 года, приказом ОКХ 34-й армейский корпус был расформирован.

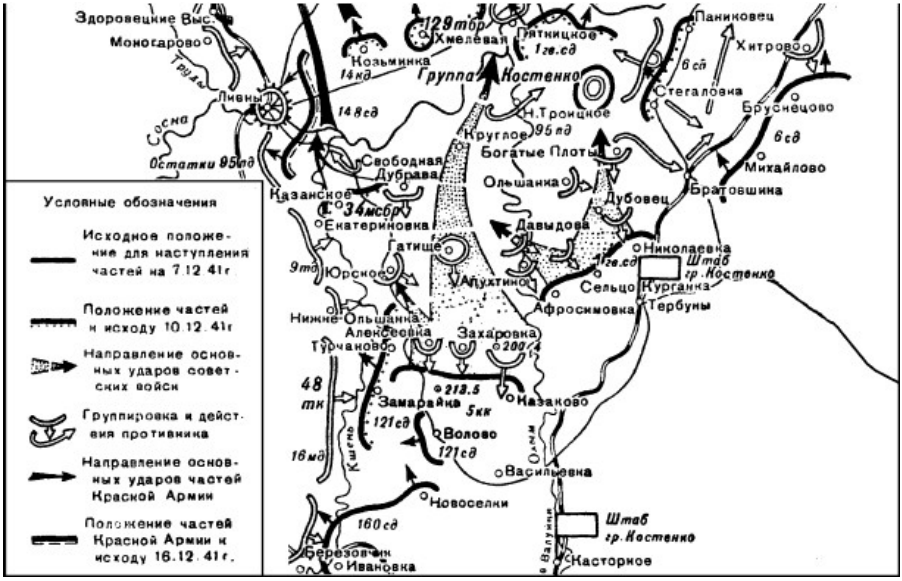
Потери немцев по меркам 1941 года были огромны. Только 57-й бригадой НКВД в боях за Россошное было захвачено 20 пленных, 45 автомобилей и около 300 повозок, 30 тысяч патронов, а также большой архив документов штаба 134-й пехотной дивизии. [237] В свою очередь, 1-я гвардейская

стрелковая дивизия, согласно отчету штаба группы Костенко, с 6 по 17 декабря захватила один самолет, 63 орудия разных калибров, 80 минометов, 79 пулеметов, 229 винтовок, 348 автомашин, 68 мотоциклов и 91 лошадь. Всего за 11 дней операции дивизия прошла 116 км – то есть в среднем продвигалась со скоростью 110 км в сутки. [238]

Потери врага на втором этапе Елецкой операции оценивались советским командованием в 8700 солдат и офицеров только убитыми. Согласно сводке штаба армии, направленной 16 декабря главнокомандующему войсками Юго-Западного направления, с 11 по 15 декабря 1941 года силами 13-й армии было взято 557 пленных, захвачено в качестве трофеев свыше 100 орудий, около 200 пулеметов, 700 автомашин, 500 лошадей, 325 повозок, а также много другого вооружения, боеприпасов и различного имущества. [239]

16 декабря части фронтовой подвижной группы генерала Костенко и войска 13-й армии вышли на рубеж Любовша, Понизовка, Верхняя Любовша, Дутое, Ливны и далее на юг по восточному берегу реки Кшень до Александровки. На этом Елецкая операция была закончена, однако наступление продолжалось.





Общий ход Елецкой операции с 6 по 16 декабря 1941 года

На этот момент войска 13-й армии насчитывали всего шесть дивизий (307-я, 132-я, 148-я, 143-я, 121-я и 6-я), в которых имелось лишь 10 340 штыков при 29 минометах и 34 пулеметах. [240] В этот же день командование Юго-Западным фронтом поставило своим войскам новую задачу:

«В целях полного разгрома противника и выхода на рокаду Тула, Орел войсками 61, 3, 13-й армий и группы Костенко сутра 18 декабря перейти в общее наступление с задачей завершить разгром 34-го и 35-го армейских корпусов и к исходу 26 декабря главными силами выйти на рубеж Плавск, Чернь, Новость, Колпна, а группе Костенко – в район Мценска. Дальнейшая задача – выйти на рубеж Белев, Волхов, Орел, Поныри». [241]

19 декабря 148-я стрелковая дивизия подошла к Ливнам и завязала бои с частями 299-й пехотной дивизии противника. 25 декабря город был освобожден. Севернее 57-я бригада НКВД с боем захватила станцию Верховье, здесь было захвачено 6 танков, 18 пушек, 6 гаубиц, 3 миномета, одна зенитная пушка и 13 зенитных пулеметов, а также 30 автомашин, 2 трактора, 17 мотоциклов и радиостанция [242] . К 30 декабря соединения 13-й армии вышли на рубеж Скородное, Колпаны. На 1 января 1942 года советские войска окончательно установили оборону по линиям рек Труды и Фошна.

5. Итоги операции

В результате Елецкой операции были сорваны планы противника выйти на реку Дон и восстановлено положение на правом фланге Юго-Западного фронта.

Саперы 27-го отдельного батальона разминируют город Ливны

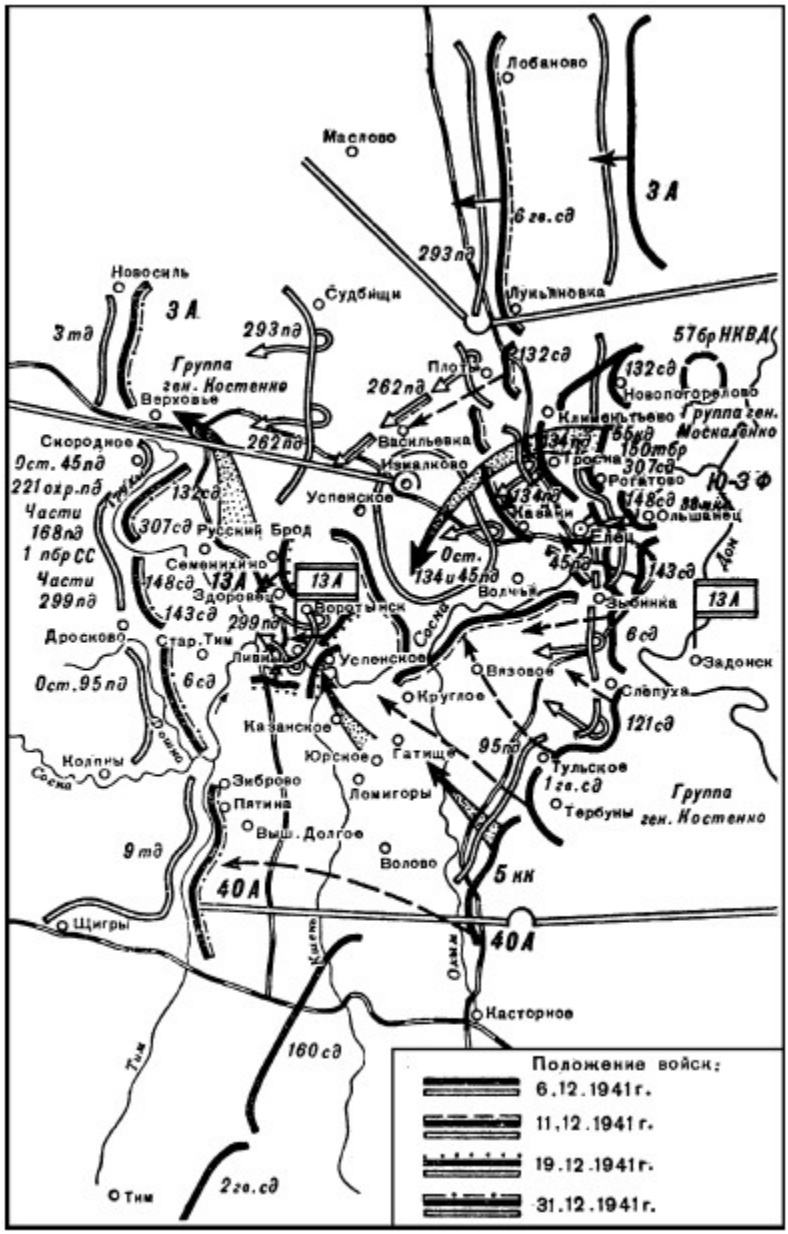
Наши войска вернулись на фронт, существовавший к концу октября 1941 года. За время операции от противника была очищена территория площадью около 8000 кв. км, освобождено более 400 населенных пунктов, в том числе города Елец и Ефремов, вновь занят выгодный оперативно-тактический рубеж.

Кресты для будущих немецких могил. Их будет еще много…

Наконец, была ликвидирована опасность, угрожающая железной дороге через Воронеж на Ростов, и освобождена от противника железная дорога, идущая через Ефремов, Елец и Касторную на Донбасс с веткой через Верховье и Ливны. Таким образом, было обеспечено железнодорожное сообщение между центром страны и южными областями.

В дальнейшем ареной активных боевых действий стала лишь южная часть этого района. Летом 1942 года, в ходе наступления на Воронеж, немцы захватили Волово и Касторную, с юга подошли к Ливнам и Тербунам и вышли на Дон на границе Липецкой и Воронежской областей. Зимой следующего года отсюда был нанесен удар наших войск на Касторную и Курск.

Немецкие войска в ходе Елецкой операции понесли значительные потери в живой силе и материальной части. По оценкам советского командования (скорее всего, существенно завышенным), только убитыми они потеряли около 16 000 солдат и офицеров, было захвачено 557 пленных [243] и много военного имущества. Были сильно потрепаны 262-я, 95-я, 45-я и 134-я немецкие пехотные дивизии, убит командир последней из них. 278-й и 280-й пехотные полки считались почти полностью уничтоженными.



Общий ход боевых действий на левом фланге Юго-Западного фронта в декабре 1941 года

…Очень много

Для восстановления своего фронта на участке Верховье, Ливны командованию 2-й немецкой армии пришлось бросить в бой свои оперативные резервы – 55-ю пехотную дивизию, один полк 168-й пехотной дивизии, 1-ю бригаду СС и несколько армейских саперных батальонов. Таким образом, оттянув на себя резервы противника, левый фланг Юго-Западного фронта содействовал наступлению Западного фронта против 2-й танковой армии Гудериана под Тулой.

Особенностью Елецкой операции был переход в наступление до прекращения наступления противника, против флангов его ударной группировки. Командование Юго-Западного направления сумело нащупать открытый фланг противника и быстро сосредоточить против него подвижную ударную группу, основой которой стала кавалерия. На заходящем фланге этой группы наступала конница 5-го кавалерийского корпуса, поддержанная мотопехотой. Конница должна была создать заслон в тылу противника, на позволив ему пробиться из котла до подхода нашей пехоты, на которую возлагалась задача уничтожить окруженной группировки. Правый фланг группы образовывала немоторизованная пехота, получившая менее глубокие задачи. Она должна была создавать внутреннее кольцо окружения.

Из-за низкой плотности войск, крайней нехватки автотранспорта вкупе с отсутствием опыта подобных операций, а также в немалой степени по причине медлительности и

безынициативности ряда командиров кольцо окружения было замкнуто с опозданием, а создать прочный внутренний фронт окружения не удалось. В то же время противник, не имея резервов, не смог оказать серьезное противодействие наступлению группы Костенко и вынужден был вместо организации контрудара спешно выводить войска из котла. Если бы у немцев имелись более существенные резервы, 5-й кавалерийский корпус мог оказаться в очень тяжелом положении, как это неоднократно случалось впоследствии.

В целом опыт Елецкой операции показал сохранившееся значение конницы в маневренной войне – особенно в зимних условиях, когда передвижение пехоты и транспорта по целине серьезно затруднено. С другой стороны, причиной успеха советских войск стало отсутствие у немцев достаточных резервов, а также нераспорядительность командования 2-й армии – видимо, вызванная болезнью фон Вейхса, которого как раз в это время заменял срочно отозванный с Тихвинского направления Рудольф Шмидт. Особо следует отметить ошибку руководства 34-го и 35-го армейских корпусов, которое бросило все войска в наступление, не создав достаточных корпусных резервов. В результате инициатива действий с самого начала находилась на стороне советского командования, а противник действовал исключительно пассивно.

К сожалению, в дальнейшем при аналогичных ситуациях обстановка далеко не всегда складывалась столь благоприятно для нас, как это случилось под Ельцом и Ливнами в декабре 1941-го…

В небесах

Мирослав Морозов. На Берлин!

Первые налеты советской авиации на Берлин в августе-сентябре 1941 года стали одним из хрестоматийных фактов в истории отечественных ВВС. В различное время им было посвящено значительное количество статей и книжных глав, и все-таки целый ряд деталей оказался искажен или намеренно опущен. Не был проведен и объективный анализ результатов бомбардировок. Приводимая статья является попыткой автора ответить на эти вопросы.

В первую очередь необходимо выяснить, кто же был истинным инициатором операции. В связи с особой секретностью, да и сложностью обстановки, летом 41-го многие штабные документы не отрабатывались, поэтому поиск в архивах не дает удовлетворительного ответа на этот вопрос. Приходится обращаться к мемуарам, какие бы сомнения ни вызывало их содержание.

Все сходятся на том, что отправным моментом явилась бомбардировка немецкой авиацией Москвы в ночь на 22 июля 1941 года. В воспоминаниях Н. Г. Кузнецова по этому поводу написано:

«Нам хотелось ответить налетом на Берлин. Но как? По плану мы готовились в те дни нанести с ленинградского аэродромного узла удары по Пиллау где базировались корабли немецкого флота. Правда, с аэродромов, расположенных под Ленинградом, до Берлина было ближе, чем с других наших аэродромов. Но расстояние все-таки было слишком велико, чтобы его могли преодолеть в оба конца самолеты ДБ-3 даже с форсажем (ДБ-3ф).

Пришлось нам с В. А. Алафузовым призадуматься…
Развернули карту. После прикидки стало ясно, что с ленинградских аэродромов наши самолеты дотянут лишь чуть дальше Либавы. А вот если стартовать с острова Эзель [244] , тогда можно лететь до Кенигсберга. Ну а если взять предельный радиус действий самолетов? Да, тогда можно достать и до Берлина! Правда, идти придется над морем и, сбросив бомбы, немедленно возвращаться. Потеряешь 20–30 минут – не дотянешь до своих аэродромов. Придется садиться на территории противника. Чтобы исключить этот вариант, оставалось одно – лететь на Берлин на самой выгодной во всех отношениях высоте и бомбить немедленно, несмотря ни на что. Потом строго прямым курсом возвращаться домой. Иначе говоря, лететь было можно, если найдутся отважные летчики, если будет исправна материальная часть и

если при возвращении туман не закроет аэродром».

Но между «хотелось» и оформленным замыслом лежит пропасть, которую невозможно преодолеть без знания авиационной специфики, летных ТТХ самолетов и так далее. Думается, что ни Н. Г. Кузнецов, ни начальник ГМШ Алафузов такими знаниями не обладали. К тому же представляется, что у наркома ВМФ летом 41-го было много куда более насущных задач, чем разработка различных прожектов. Флаг-штурман 1-го минноторпедного полка (мтап) ВВС Краснознаменного Балтийского флота (КБФ) майор П. И. Хохлов вспоминает, что предложения ударить по Берлину созрели у него вместе с командиром полка полковником Е. И. Преображенским в двадцатых числах июля, но еще раньше, чем они смогли доложить их наверх, к ним уже прибыл командующий ВВС ВМФ генерал-лейтенант С. С. Жаворонков, поставивший аналогичную задачу. Согласно Н. Г. Кузнецову, Жаворонков улетел под Ленинград где-то между 28 июля и 2 августа – уже после утверждения плана Ставкой. Таким образом, предложение все-таки исходило из Москвы. Но от кого конкретно? Наиболее вызывающая доверие версия изложена в мемуарах Хохлова со ссылкой на устную беседу с Н. Г. Кузнецовым после войны. Легко заметить, насколько эта версия отличается от той, что изложена в мемуарах самого бывшего наркома:

«В двадцатых числах июля 1941 года к адмиралу Н. Г. Кузнецову обратился генерал-лейтенант авиации С. Ф. Жаворонков, командующий ВВС Военно-Морского Флота:

– Вношу на ваше рассмотрение вопрос об ответном бомбовом ударе по Берлину силами минно-торпедной и бомбардировочной авиации Краснознаменного Балтийского и Черноморского флотов.

В состав авиационной группы специального назначения предлагалось включить до 70 хорошо подготовленных экипажей самолетов Ил-4 [245] , причем без значительного ущерба для фронтов.

– Вопрос сложный и весьма существенный, – ответил после некоторых размышлений нарком. – Пусть специалисты штаба ВВС все тщательно взвесят, проанализируют, и тогда будем решать».

После того, как в штабе ВВС ВМФ были подготовлены соответствующие расчеты и карты, 26 июля Кузнецов доложил план И. В. Сталину

«Сталин посмотрел на карту. Устремил взгляд на жирно прочерченную линию, соединяющую эстонский остров Сааремаа со столицей Германии.

– Операция выполнима, хотя и риск велик, – комментировал нарком. – Вот и наши расчеты.

Рядом с картой легла на стол табличка со всеми исходными данными специалистов, которым поручалось произвести тщательные расчеты.

Сталин внимательно просмотрел табличку, подумал и коротко сказал:

– Оставьте все это у меня.

На другой день Н. Г. Кузнецова вызвали к Верховному Главнокомандующему.

– Вернемся к вашему предложению, – сказал Сталин, как только адмирал подошел к его столу. – Ставка разрешает вам, товарищ Кузнецов, нанести удар по Берлину в ответ на бомбардировку Москвы немецкой авиацией.

– Морские летчики приложат все усилия, чтобы с честью выполнить ваше задание, товарищ Сталин.

– Будем надеяться, товарищ Кузнецов. Но учтите – авиацию Черноморского флота трогать нецелесообразно. Обстановка на юге весьма сложная. Пошлите пока на Берлин две эскадрильи с Балтики. Потом пошлем еще.

Он задумчиво прошелся по кабинету и, что-то вспомнив, спросил:

– Скажите, товарищ Кузнецов, кто конкретно высказал мысль о нанесении ответного удара по Берлину?

– Это предложение, товарищ Сталин, внес генерал-лейтенант авиации Жаворонков – командующий ВВС Военно-Морского Флота.

– Пусть Жаворонков и руководит этой операцией, – закончил разговор Сталин». [246]

Согласно записанным Хохловым словам Кузнецова, Жаворонков, узнав, что его назначают ответственным за операцию, просиял от радости. Если это действительно было так, то генерал, должно быть, предвкушал возможность хотя бы отчасти реабилитироваться за многочисленные провалы. Не попав под первый удар по аэродромам, на протяжении первого месяца войны морская авиация успела понести большие потери (до конца июля – около 350 самолетов, из них 225 – на Балтике) и потерпеть ряд громких провалов. Не имели результатов бомбовые удары по кораблям и аэродромам Финляндии и Румынии, по немецким танковым колоннам на реке Западная Двина. Наконец, из-за плохой организации воздушной разведки немецкие эсминцы внезапными ударами топили наши суда у побережья Кольского полуострова, а конвои безнаказанно проходили через Ирбенский пролив. Последнее стоило места командующему ВВС КБФ генерал-майору В. В. Ермаченкову.

Словом, такой шанс не следовало упускать.

Утром 1 августа группа из 15 ДБ-3Б 1-го мтап перелетела из Беззаботного на аэродром Кагул (остров Сааремаа). Под каждым самолетом было подвешено по десять стокилограммовых бомб, чтобы иметь на первый случай хотя бы по одной бомбовой зарядке. Для выполнения важного правительственного задания в Особую авиагруппу были отобраны лучшие экипажи, причем не только из состава 1-го авиаполка, но и из 57-го бап. Пока группа готовилась к выполнению ответственного задания, местное командование решило использовать ее в своих целях. Уже днем 2 августа тройка, ведомая Преображенским, вылетела на бомбардировку кораблей противника в порту Пярну. Каждый «ильюшин» нес под фюзеляжем по три ФАБ-500. Неясно, задумывались ли те, кто планировал вылет – сможет ли вообще самолет с такой нагрузкой взлететь со сравнительно короткой взлетной полосы островного аэродрома? В любом случае практический эксперимент чуть было не закончился катастрофой. Машина Преображенского с трудом оторвалась от полосы, но из-за перегрева и хлопков в одном из моторов ей сразу же пришлось садиться «под себя». Шасси выпустили, так как удар ФАБ-500 о землю не сулил ничего хорошего. Самолет чудом не скапотировал, снес забор, крышу с дома лесника и, пробежав по усеянному пнями и валунами болоту, замер. В результате флагманский самолет вышел из строя, и удар по Пярну нанесли только экипажи Ефремова и Беляева.

В ночь на 5 августа тройка бомбардировщиков (Плоткин, Гречишников, Леонов) совершила пробный разведывательный полет в направлении Берлина. Два самолета дошли до Данцига, каждый сбросил на город по шесть ФАБ-100, после чего они легли на обратный курс. Успех оказался смазанным – экипаж лейтенанта Леонова дошел только до Виндавы, при возвращении потерял ориентировку и решил садиться на куда более знакомом аэродроме Котлы под Ленинградом. Поскольку летчиков там не ждали, аэродром не был освещен и при посадке самолет со всем экипажем разбился. Это была первая, но далеко не последняя потеря Особой авиагруппы.

Из-за плохого прогноза в ночь на 6 августа четырем машинам пришлось бомбить на Берлин, а Виндаву. По этой же причине в ночь на 7 августа вообще не вылетали. Вечером погода улучшилась. Вот как описывался первый налет на город в мемуарах П. И. Хохлова:

«Промелькнула внизу последняя полоска земли. Теперь под нами и вокруг только море. Куда ни глянешь – свинцовая вода. Гребни волн искрятся в лучах заходящего солнца. Полнеба закрыто облаками. А справа, на западе, над горизонтом ярко пламенеющей

чертой горит вечерняя заря.

Через час полета мы пробили облачность. Высота 4500 метров. Пришлось надеть кислородные маски.

Вверху разливает бледный свет луна. Большая, ярко-оранжевая, она стоит неподвижно, озаряя звездный небосвод. Тени облаков на поверхности моря, хорошо видные в просветах облачности, создают иллюзию островов разной конфигурации.

Я прошу Преображенского поточнее выдерживать заданный курс, зная, что выход на контрольный ориентир на южном берегу Балтийского моря будет трудным. Его придется проходить в темноте, на большой высоте и при наличии значительной облачности. Евгений Николаевич умел выдерживать навигационные элементы полета. И теперь я вновь убеждаюсь в этом. С удовлетворением смотрю на свой компас. Его магнитная стрелка колеблется всего на один-два градуса вправо или влево от генерального курса полета.

Летим уже два с половиной часа. Высота 6000 метров. Температура в кабине 38 градусов ниже нуля. Появилась тяжесть в голове, в руках, апатия. Трудно лишний раз повернуться, сделать движение рукой. Это признак нехватки кислорода. Открываем полностью подачу кислорода. Сразу становится легче.

По расчету времени мы должны бы уже подлетать к южной береговой черте Балтийского моря. Облачность по-прежнему значительная, и очень трудно обнаружить береговую черту. Но неожиданно нам приходит на помощь… противовоздушная оборона противника. Через просветы облаков прорезались лучи прожекторов. Следовало ожидать разрывов зенитных снарядов, но их нет. Мы поняли, что пролетаем береговую черту, и фашисты принимают нас за своих.

К нашему удовлетворению, мы точно вышли с моря на намеченный контрольный ориентир, опознали его и теперь взяли курс на Штеттин, от которого рукой подать до Берлина.

Евгений Николаевич, как видно, доволен ходом полета. У него поднялось настроение.

– Горячего чайку бы стаканчик, – слышу его голос. – Малость согреться.

– Потерпите, – шуткой отвечаю ему. – Через сорок минут горячего будет вдоволь.

– Посмотрим, – смеется Преображенский.

Над сушей облачность резко уменьшилась. Видимость – превосходная, Казалось бы, все благоприятствует нам.

Впереди по курсу замечаем действующий ночной аэродром. Так и есть, Штеттин. На летном поле то и дело вспыхивают и гаснут посадочные прожекторные огни. Вероятно, возвращаются из своих

варварских полетов воздушные разбойники гитлеровского Люфтваффе.

Наши самолеты спокойно проходят над аэродромом. С высоты полета хорошо видны силуэты рулящих самолетов, движение автотранспорта. При нашем появлении над аэродромом замигали неоновые огни, засветились посадочные прожекторы. По всему видно, аэродромная служба приняла нас за своих.

Руки тянулись к бомбосбрасывателю. Так хотелось послать вниз десяток-другой авиабомб. Но нас ждала другая, еще более важная цель. И до нее оставалось только полчаса лету.

Приближение к Берлину начинало волновать нас. Как-то он встретит? Сумеем ли подойти к нему?

Погода совсем улучшилась. На небе ни облачка. И Берлин мы увидели издалека. Сначала на горизонте появилось светлое пятно. Оно с каждой минутой увеличивалось, разрасталось. Наконец превратилось в зарево на полнеба.

От неожиданности я оторопел – фашистская столица освещена. А мы у себя на Родине уже сколько времени не видели огней городов.

Передаю командиру полка:

– Перед нами – Берлин.

– Вижу, – взволнованно отвечает он. Аэронавигационными огнями Преображенский подает идущим за флагманом экипажам команду: рассредоточиться, выходить на цели самостоятельно.

Я вывожу флагманский самолет к Штеттинскому железнодорожному вокзалу. Конфигурация освещенных улиц, площадей четко различима с воздуха. Видно даже, как искрят дуги трамваев, скользящие по электрическим проводам. Отсвечивает в огнях гладь реки Шпрее. Тут не заблудишься, не перепутаешь выбранный объект.

Освещенный город молчит. Ни одного выстрела, ни одного прожекторного луча, устремленного в небо. Значит, противовоздушная оборона и здесь принимает наши самолеты за свои.

Цель! Теперь только цель. И вот она перед нами. Вот вокзал, опоясанный паутиной рельсовых путей, забитых железнодорожными составами.

– Так держать! – передаю я в микрофон командиру корабля. Открываю бомболюки. Снимаю бомбы с предохранителей. Берусь рукой за бомбосбрасыватель. И когда самолет подошел к цели на угол бомбосброса, я нажал кнопку. Бомбы, одна за другой, пошли вниз.

– Это вам, господа фашисты, за Москву, за Ленинград, за советский народ! – кричу я во всю мочь и все еще жму на кнопку,

хотя в этом уже нет надобности – все бомбы сброшены и вот-вот достигнут цели.

Тут вспоминаю о листовках. Спрашиваю в микрофон стрелка-радиста сержанта К роте и ко:

– Листовки?

Он отвечает:

– Сброшены вместе с бомбами.

Вот уже сорок секунд как сброшен смертоносный груз. И тут мы видим внизу, на земле, огненные всплески. В одном, в другом месте. Во многих местах. Видим, как от них расползается пламя – где тонкими ручейками, где широкими полосами. В разных секторах города видим круги и квадраты огня.

Освещенный Берлин вдруг погружается во тьму ночи. Но при этом еще ярче видятся зажженные нами костры.

Наконец воздух пронизывают прожекторные лучи. Их множество. Они шарят по небу, пытаясь взять в свои щупальца наши самолеты. И среди лучей на разных высотах рвутся зенитные снаряды. Орудия выбрасывают их сотнями. Большое количество трассирующих снарядов оставляют за гобой разноцветные трассы, и по ним видно, как снаряды, достигнув определенной высоты, уходят вниз, оставляя за собой огненный след. Если бы не война, можно было бы подумать, что над Берлином гигантский фейерверк. Все небо в огнях. А город погружен во тьму.

Стражи берлинского неба оказались застигнутыми врасплох стремительным ударом советской авиации. Слишком поздно они привели в действие свою зенитную артиллерию. Мы уже уходили от Берлина на север, к морю. К тому же наши экипажи умело маневрировали, ускользая из лучей прожекторов, из зон зенитного огня. Впереди и с боков флагманского самолета взрывалось сразу по 30–40 снарядов. Но ни один из них не достиг цели, ибо экипаж все время применял противозенитный маневр, меняя через каждые 30–40 секунд и направление и высоту полета.

Мимо нас на большой скорости проносились истребители-перехватчики с включенными бортовыми фарами-прожекторами, стремясь поймать в свои лучи и расстрелять наши бомбардировщики. Но мы внимательно следили за этими движущимися пучками света. С их приближением начинали маневр, уходя вниз или в сторону, приглушая при этом работу моторов, чтобы сбить у выхлопных отверстий демаскирующий огонь.

С высоты 5000 метров я разглядел внизу на лунной световой дорожке аэростаты заграждения. Их было немало и в других местах. Но и аэростатные заграждения не помогли гитлеровцам.

Мы уходили от Берлина, целиком погруженного во мрак ночи.

Ия невольно подумал: где же твоя надменная самоуверенность, Берлин – цитадель кровавого фашизма? Где твои ярко освещенные штрассе, блеск их витрин? Мы, балтийские летчики, вмиг погрузили тебя во мрак ночи, оставив вместо сияющих огней костры пожарищ. Получай же то, что ты принес нашим, советским городам.

Тридцать минут полета до Штеттина оказались для нас нелегкими. Фашистские истребители неистовствовали в воздухе, пытались во что бы то ни стало перехватить советские бомбардировщики. И, наверно, поэтому стрелок-радист флагмана Кротенко спешно передал на свой аэродром радиограмму с заранее условленным текстом: „Мое место Берлин. Задачу выполнил. Возвращаюсь ". Она должна бы быть передана с нашим выходом в море. Но Кротенко рассудил так: а вдруг собьют самолет, и думай-гадай потом, были мы над Берлином или нет, сбили нас над целью или на подходе к ней?

Поступил он, конечно, правильно…

Мы, миновав опасную зону противовоздушной обороны, достигли моря. Снизились до 4000 метров и с облегчением сняли кислородные маски. Понемногу спадало напряжение.

Теперь надо было поточнее определить свое место над морем и выяснить – нет ли пробоин в бензобаках, ибо если самолет потерял какое-то количество бензина, ему не дотянуть до Сааремаа.

Судя по времени полета и остатку горючего в баках, как будто бы все нормально, и мы держали курс на Кагул.

Заалел горизонт, забрезжил рассвет. Над морем стояла густая дымка. Стала беспокоить мысль, не закроет ли туман остров Сааремаа к нашему прилету?

По радио запрашиваем метеосводку и разрешение на посадку. Через несколько минут нам отвечают: «Над аэродромом густая дымка. Видимость 600–800 метров. Посадку разрешаю». Все с облегчением вздохнули. Хотя и трудно будет, но сядем дома.

Через шесть часов пятьдесят минут после нашего взлета Евгений Николаевич Преображенский с первого захода отлично посадил флагманский самолет. А следом подходили остальные. Мы зарулили на стоянку и опустились из кабин на землю. Ныла спина, руки еще не отогрелись. От перенапряжения дрожали ноги. Болели глаза.

Преображенский лег на траву прямо под плоскостью самолета. Я и оба сержанта опустились рядом. Хотелось вот так лежать, не шевелясь, на родной, приветливой земле.

Минут через пять к самолету подкатила легковая машина С. Ф. Жаворонкова.

Мы поднялись. Преображенский хриповатым голосом доложил:

– Товарищ генерал-лейтенант авиации, боевое задание выполнено.

Жаворонков, не проронив ни слова, всех нас по очереди обнял и расцеловал».

К вышеизложенному Н. Г. Кузнецов добавляет:

«Фашистам и в голову не пришло, что их столицу бомбили советские самолеты. На следующий день в немецких газетах было опубликовано такое сообщение: „Английская авиация бомбардировала Берлин. Имеются убитые и раненые. Сбито шесть английских самолетов”\'. На это англичане ответили: „Германское сообщение о бомбежке Берлина интересно и загадочно, так как 7–8 августа английская авиация над Берлином не летала ”. Не верить этому не было оснований. Пришлось немцам сделать вывод, что этот успешный налет произвели советские самолеты. Вот тебе и скорая победа на советско-германском фронте, вот тебе и уничтоженная советская авиация!»

К сожалению, архивные материалы мало оставляют от этого описания. Согласно журналу полетов авиагруппы в воздух поднялось не 12, как это указывает Хохлов (в мемуарах Кузнецова значится цифра 15), а 10 «ильюшиных», объединенных в звенья Преображенского, командиров эскадрилий капитанов Гречишникова и Ефремова. В полете звенья рассыпались, и фактически каждый пилот бомбил индивидуально. До цели дошло только пять машин (пилоты Преображенский, Трычков, Дашковский, Плоткин, Мильгунов), сбросивших на «логово зверя» всего 30 ФАБ-100. Ефремов и Есин бомбили Кольберг, Фокин – Мемель, Гречишников – Кезлин, а машина Финягина пропала без вести. Воздушный стрелок другого самолета видел при возвращении взрыв в воздухе, который мог произойти как из-за боевого повреждения, так и из-за пожара двигателя. Интересно отметить, что потеря была внесена в журнал боевых действий полка только спустя сутки, поэтому писавший свои мемуары по этому документу П. И. Хохлов отнес ее ко второму налету, написав про первый, что в нем потерь не имелось. Вслед за Хохловым то же повторили практически все авторы статей про бомбардировку Берлина. Вообще же подробных сведений о противодействии противника при первом налете обнаружить не удалось – везде оно называлось «слабым». Что же касается световых сигналов с предложениями о посадки и отсутствием затемнения Берлина, то эти «детали» мы оставим на совести тех, кто помогал Хохлову готовить рукопись к публикации.

Тем не менее успех акции с лихвой покрыл потерю самолета Финягина. Слова, переданные радистом флагманского самолета

Коротенко, быстро облетели радио и прессу, придав огромный эмоциональный заряд всем советским людям. Высшее государственное руководство высоко оценило подвиг летчиков, наградив Преображенского, командиров эскадрилий Гречишникова, Ефремова, Плоткина и флагманского штурмана П. И. Хохлова званиями Героев Советского Союза.

На следующую ночь налет был повторен даже с большим успехом. Берлин бомбили экипажи Преображенского, Трычкова, Дашковского, Плоткина, Ефремова, Есина, Фокина, Мильгунова и Гречишникова, каждый из которых сбросил по шесть ФАБ-100. Удачный дебют сподвиг командование на увеличение состава участников за счет частей ДБА. 10 августа на соседний с Кагулом аэродром Астэ перелетели 12 ДБ-3 и ДБ-3Ф из состава 40-й бад ДБА (из 200-го бап под командованием майора В. И. ГЦелкунова и 22-го бап капитана В. Г. Тихонова). Поскольку деятельностью Особой авиагруппы руководил лично командующий ВВС ВМФ С.Ф. Жаворонков, командование ВВС Красной Армии не проявило энтузиазма и понимания задачи при подборе летчиков и самолетов. Многие из машин были сильно изношены, и даже при перелете в Астэ трем из них пришлось вернуться на аэродром взлета. И все же самолеты дальнебомбардировочной авиации, по крайней мере, на первых порах, казались значительным пополнением.

В ночь на 12 августа ДБ-3 в третий раз вылетели на Берлин. В налете участвовало три самолета от морской авиации (все три отбомбились по Либаве) и девять (еще один сел сразу после взлета) от дальней. Восемь из них дошли до цели и смогли выполнить задачу. Несмотря на тяжелые метеоусловия, все машины вернулись на свой аэродром.

Противник также не дремал. Разрекламировав достигнутый успех, наше руководство невольно поставило авиагруппу под удар. Еще 6 августа аэродром Кагул в первый раз подвергся удару авиации противника – не имевшему, к счастью, серьезных последствий. В дальнейшем постоянные беспокоящие налеты и ухудшение состояния матчасти стали основными факторами, постоянно снижавшими число исправных самолетов.

Четвертый налет, произошедший в ночь на 16 августа, стал самым крупным. В нем принимало участие 13 «ильюшиных» от морской авиации и девять от сухопутной (дошли до цели десять и семь машин соответственно), сбросившие на город 10 550 кг фугасных и зажигательных бомб. К сожалению, при ночной посадке в Кагуле разбились и целиком погибли экипажи лейтенантов Кравченко и Александрова. Еще одна машина, отправленная для ремонта в Беззаботное, погибла 17-го. Ее над

линией фронта тяжело повредил свой же И-153, и при вынужденной посадке у деревни Плешевицы «ильюшин» разбился.

В ночь на 19-е из морских летчиков на задание не вылетел никто, от армейцев же поднялось пять экипажей. До Берлина дошли двое, один повернул из-за неполадок матчасти, один бомбил Свинемюнде; пятый самолет (старшего лейтенанта Строгонова) пропал без вести.

Следующие потери произошли по собственной вине – на этот раз высшего руководства, которое приказало использовать при налетах на Берлин бомбы калибром 500 и 1000 кг. Эта инициатива родилась от того, что для бомбардировки Москвы и других наших городов враг использовал тяжелые авиабомбы, а мы пока не могли адекватно ответить. Кузнецов вспоминал:

«А нельзя ли вместо 500-килограммовой бомбы или двух бомб по 250 килограммов нести на Берлин до тысячи килограммов, то есть брать по две пятисотки?» – такой вопрос возник у Верховного Главнокомандующего.

Мои доводы, основанные на мнении С. Ф. Жаворонкова о том, что такая нагрузка для самолета недопустима, показались неубедительными. В Ставку был приглашен опытный летчик-испытатель В. К. Коккинаки… Коккинаки отлично знал самолеты ДБ-3, его не раз направляли в авиационные части, чтобы он показал, как надо использовать технику и выжать из нее все возможное в смысле дальности полета и грузоподъемности машины.

Точка зрения Коккинаки разошлась с моей. „Можно брать две пятисотки ”,– помнится, заявил он, и я был временно посрамлен.

По личному приказу Верховного Владимир Константинович вылетел на Эзель, где дислоцировался полкЕ. Н. Преображенского. Теоретически бомбовую нагрузку на ДБ-3 можно было увеличить до тонны, но далеко не новые моторы самолетов делали это практически невозможным, тем более при полете на предельную дистанцию».

То, что невозможно было в принципе, подтвердилось и практически: при попытке взлететь с ФАБ-1000 вечером 20 августа разбился ДБ-3 Гречишникова (экипаж не пострадал), а ДБ-3 дальнебомбардировочной авиации, пытавшийся взлететь с двумя ФАБ-500, сразу же упал и взорвался (экипаж старшего лейтенанта Богачева погиб). Остальные десять машин (семь от ВМФ и три от РККА) смогли подняться в воздух, но неудачи преследовали их и в дальнейшем. На машине Преображенского обнаружилась неисправность, и он повернул назад с полдороги в сопровождении Трычкова. Из продолживших полет флотских

«ильюшиных» только Фокин дошел до цели, остальные, встретившись с грозовым фронтом, отбомбились по Виндаве, Свинемюнде и Кольбергу. При посадке ДБ-3Б Фокина врезался в трактор и был полностью разбит. Из армейских ДБ-3 Берлин бомбили два, а третий (старший политрук Павлов) дошел только до Данцига и разбился при возвращении. Многочисленные аварии и катастрофы не оставили сомнения в том, что дальнейшее использование сильно изношенных самолетов ДБА не имеет смысла, и днем 21-го остатки групп Щелкунова и Тихонова перелетели на тыловые аэродромы.

Еще одним провалом ДБА оказалась попытка бомбить Берлин с аэродромов под Ленинградом новейшими дальними бомбардировщиками Пе-8 и Ер-2.

Утром 10 августа на аэродром Пушкин под Ленинградом перебазировалось восемь дальних бомбардировщиков Пе-8 из 432-го бап и три Ер-2 420-го бап. Оба полка входили в состав 81-й бад ДБА, которой командовал известный полярный летчик, Герой Советского Союза комбриг М. В. Водопьянов. Для организации налетов в Ленинград прибыл сам командующий ВВС РККА генерал П.Ф. Жигарев. Вечером того же дня восемь Пе-2 и три Ер-2 взяли курс на Берлин. Один из Пе-8 потерпел катастрофу при взлете, другой бомбил запасную цель из-за отказа моторов. До Берлина дошло семь экипажей, они успешно сбросили бомбы, но главные испытания ждали их на обратном пути. Один Ер-2 пропал без вести. Другой Пе-8 сбился с курса и потерпел катастрофу в Финляндии; два, в том числе и тот, который пилотировал Водопьянов, израсходовали горючее и совершили вынужденные посадки на советской территории. Водопьяновский Пе-8 сгорел. Остальные самолеты при приближении к Ленинграду были перехвачены истребителями ВВС КБФ, а затем обстреляны зенитной артиллерией, которая не имела оповещения об их пролете. Один Пе-8 был сбит над Лужской губой зенитчиками плавбазы подлодок «Полярная Звезда» (пять членов его экипажа погибло), другой – посажен истребителями, имея 11 пробоин. После столь неудачного дебюта дальнейшие попытки задействовать для ударов по Берлину 81-ю бад прекратились, а сама дивизия вернулась на подмосковные аэродромы.

С учетом вышеизложенного, а также произошедшего после доклада Коккинаки отзыва групп Тихонова и Щелку нова, Сталин устроил главкому ВВС П.Ф. Жигареву настоящий разнос, ставший прологом к его снятию с должности весной следующего года.

Состояние машин ВВС КБФ вряд ли сильно отличалось в лучшую сторону по сравнению с армейскими. Поскольку ДБ-3 Б имел большую дальность полета, чем ДБ-3ф, для налетов

пришлось использовать машины выпуска 1940 года с моторами М-87. Около половины из них из-за износа не могло привлекаться к дальним вылетам с большой нагрузкой и теперь использовалось только для ведения разведки и атак морских целей в Рижском заливе. В ночь на 26-е два «ильюшиных» бомбили Виндаву, утром 27-го – вражеские корабли в Ирбенском проливе. В ходе выполнения последнего задания в районе мыса Колкасрагс вражеские истребители сбили ДБ-3 капитана Есина. Что же касается приказа использовать для бомбардировок гитлеровской столицы тяжелые авиабомбы, то он формально выполнялся. С 21 августа стандартной нагрузкой каждого бомбардировщика стала одна ФАБ-500 и от двух до шести ФАБ-50, в то время как раньше вместо ФАБ-500 использовались четыре ФАБ-100.

В ночь на 1 сентября после десятидневного перерыва наши самолеты вновь бомбили Берлин. На этот раз удалось выслать всего шесть машин, из которых только две или три (Фокин, Дашковский и, возможно, Русаков) дошли до цели. «Ильюшин», пилотировавшийся лейтенантом Русаковым, с задания не вернулся – предположительно он дошел до Берлина, но пропал без вести при возвращении. Погиб и бомбардировщик лейтенанта Дашковского. За несколько минут до посадки, в 20 км от Кагула, он внезапно потерял скорость, упал и взорвался. Возможно, сказалась усталость пилота, возможно – боевое ранение.

К началу сентября обстановка на Балтике значительно изменилась. 28 августа пал Таллин, и материковая часть Эстонии оказалась полностью захвачена врагом. Снабжение авиагруппы боезапасом и топливом прекратилось. Противник производил явные приготовления к высадке на Моонзундские острова. В этих условиях были произведены два последних налета – вечером 2 и 4 сентября. 2-го летали экипажи Беляева и Юрина, причем только первому удалось дойти до цели. 4-го в воздух поднялось шесть машин. Плоткин, Беляев и Фокин бомбили столицу рейха, Дроздов – Штольпемюнде. Гречишников вернулся из-за неполадок в матчасти, а машина лейтенанта Мильгунова пропала без вести. Считается, что она была сбита над Берлином ночным истребителем, но списки побед Люфтваффе этого не подтверждают.

На 2 сентября в составе авиагруппы оставалось 11 машин, в том числе 10 исправных (кроме того, 5/2 ДБ-3 в Беззаботном, 17/12 в Богослово и 9/9 в Новинках). Но приказа о прекращении налетов все еще не было. Вечером 6 сентября 28 самолетов противника (Bf-110 из состава III/ZG 26 с истребительным прикрытием) произвели штурмовку аэродрома Кагул, в результате которой на земле было сожжено 6 «ильюшиных» и еще

один тяжело поврежден.

Естественно, что после этого вопрос о продолжении налетов отпал сам собой. На следующий день остатки авиагруппы Преображенского перелетели к месту постоянного базирования. При этом на Сааремаа был оставлен многочисленный технический персонал Особой авиагруппы, который полностью погиб либо попал в плен в ходе боев за остров. Этот некрасивый поступок многие не могли простить Е. Н. Преображенскому до конца жизни.

Таблица 1. Основные показатели деятельности Особой авиагруппы при бомбардировках Берлина

	7/8.8	8/9.8	11/12.8	15/16.8	18/19.8	20/21.8	31.8/1.9	2/3.9	4/5.9	Итого
Вылетало самолетов	10	9	12	22	5	12	6	2	6	84*
Дошло до Берлина	5	9	8	17	2	3	2	1	3	50**
Потери	1	—	—	2	1	4	1	—	1	20***

Таблица составлена автором на основании ОЦВМА, ф. 2, д. 4, *5,* 6; ф. 122, д. 2791 *4,* 28617, включая данные по ДБА.

Примечания:* В том числе 57 из авиации ВМФ.

* * В том числе 31 из авиации ВМФ.

* * * Общие потери флотской составляющей Особой авиагруппы составили 17 ДБ-3 и 8 экипажей. 3 самолета считались сбитыми непосредственно в районе цели, 1 при разведке, 1 при перебазировании в Беззаботное, 6 – потеряны при авариях и катастрофах и столько же при штурмовке аэродрома Кагул. Авиагруппа ДБА потеряла три машины: одна пропала без вести и две – в авариях и катастрофах.

Конечно же, трудно говорить о большом военном эффекте бомбардировок, в ходе которых было сброшено всего 36 тонн бомб. Но с пропагандистской точки зрения это мероприятие имело несомненный эффект, вполне оправдавший совершенные затраты. Здесь мы говорим о пропагандистском успехе в воздействии на население СССР – но не станем соглашаться с теми авторами, которые вслед за этим говорят и о моральном воздействии на население Германии. Автору при чтении исторических исследований, написанных в советский период, неоднократно приходилось сталкиваться с различными высказываниями, смысл которых сводился к тому, что «советские

летчики погасили огни Берлина», и после 8 августа 1941 года умные немцы сообразили, что война против Советского Союза обречена на неудачу. Чтобы понять, насколько абсурдны эти заявления, целесообразно рассмотреть всю историю бомбардировок Берлина во Второй мировой войне.

Первую бомбардировку 7 июня 1940 года произвела, как это ни странно, французская авиация. Далее последовал перерыв до начала Битвы за Англию, когда немецкие бомбардировщики по ошибке ночью сбросили бомбы на Лондон. Ответная бомбардировка Берлина последовала 25 августа 1940 года, и именно она открыла страницу разрушительных ковровых бомбардировок городов во Второй мировой войне. Затем последовало еще несколько налетов в пропагандистских целях, но главной задачей королевских ВВС в то время являлся срыв высадки немцев на Британских островах, и подавляющее большинство ночных рейдов проводилось против портов Франции, Бельгии и Голландии.

С весны 1941 года, когда угроза вторжения отодвинулась, и до конца войны британские ВВС перешли к стратегии террористических бомбардировок с целью морального воздействия на население Германии. Берлин – или «большой Б», как называли его союзные пилоты – являлся с этой точки зрения одной из первостепенных целей. Впервые в 1941 году англичане бомбили его в ночь на 13 марта, затем 24 марта, дважды в апреле, трижды в мае, по одному разу в июне и июле. В остальные летные дни бомбились другие города, в основном порты Северного моря и промышленные центры Рурской области. Все налеты были ночными, но проводились несколькими десятками машин. Штаб британских ВВС тщательно планировал каждый вылет, опираясь на прогноз погоды и ожидаемое противодействие. Главная ставка во всех случаях делалась на внезапность. Чтобы избежать концентрации сил ПВО у одного объекта, удары между ними чередовались, чтобы избежать сильных атак истребителей – одновременно атаковалось несколько объектов, высылались отвлекающие группы, а для тех, что наносили главный удар, предусматривались всевозможные меры маскировки, в частности, внезапные изменения курса и заходы с неожиданных направлений.

Правда, к налетам на Берлин это относилось в наименьшей степени – город лежал фактически на пределе дальности полета бомбардировщиков Хендли-Пейдж «Хэмпден» и Виккерс «Веллингтон», составлявших в 1940–1941 годах основной костяк сил Бомбардировочного командования. Естественно, налеты вызвали у немцев ответную реакцию в виде введения

светомаскировки, усиления зенитной артиллерии, развертывания вокруг города прожекторных полей и т. д. Были сформированы части ночной истребительной авиации, которые охотились на бомбардировщики союзников над Северным морем и на подходах к их аэродромам базирования в Англии. Потери англичан в течение первого полугодия 1941 года в среднем находились в пределах 2–3 % от числа вылетавших на задание машин.

Такова была обстановка к августу, когда начала действовать Особая авиагруппа. Несмотря на отсутствие координации действий между нашими и англичанами, встреч с самолетами союзников над городом удалось избежать. В августе британцы бомбили столицу рейха в ночи на 3-е и 13-е, причем их потери составили три и 13 машин соответственно. На семь из числа сбитых 13 августа претендовали ночные истребители. В следующем месяце выросло и количество налетов, и потери. В ночь на 3 сентября британцы лишились девяти бомбардировщиков (в т. ч. один сбит истребителем), в ночь на 8-е – 21 (!!!; в т. ч. четыре сбиты истребителями), в ночь на 21-е – снова девяти (в т. ч. три). Интересно отметить, что англичане поделились своим опытом и статистикой с нашим военным атташе, но это имело обратный эффект. В докладной записке помощник военно-морского атташе в Англии полковник Стукалов в выводной части отмечал:

«Англичане вместо того, чтобы использовать создавшееся положение с наибольшей для себя выгодой, предпочитают не особенно сильно тревожить немцев. Их операции ни в коей мере нельзя назвать плановыми и целеустремленными, т. к. они организуются от случая к случаю и в большинстве случаев в направлении наименьшего сопротивления. Есть опасение, что англичане преувеличивают свои потери в оправдание собственной бездеятельности».

На самом деле нам сообщались заметно заниженные цифры потерь – вероятно, те же, что сообщались английской прессе.

В октябре британцы дали Берлину передышку, но в ноябре собирались взять реванш. Для операции, подготовленной к осуществлению в ночь на 8 ноября, штаб ВВС собирался задействовать более 400 бомбардировщиков. Главный удар наносился по Берлину, вспомогательные – по Мангейму и Кельну, отвлекающие – по Ла-Паллису, Булони, Остенде и Эссену. В конечном итоге в воздух поднялось 392 самолета, из них 169 шли на Берлин. Уже на пути к цели пилоты столкнулись с плотной облачностью, часть машин не смогла через нее пробиться и повернула назад. Многие сбились с курса даже несмотря на использование системы радионавигации «Джи» (Gee). Только 79

из «берлинских» бомбардировщиков доложили, что побывали над целью, но 21 машина не вернулась. Сама бомбардировка имела весьма сомнительный эффект. По немецким данным, 398 берлинцев остались без крова, число же погибших явно уступало числу потерянных англичанами летчиков. Большие потери имели и другие группы самолетов; в результате этой ночью Бомбардировочное командование Великобритании лишилось 37 машин (9,4 % от участвовавших в операции) – в большинстве случаев с экипажами.

Главной причиной провала признали плохую погоду, но расследование показало, что в штабе явно проигнорировали неблагоприятный метеопрогноз, и большие потери были попросту неизбежны. В дело вмешался премьер-министр У. Черчилль, приказавший временно отказаться от налетов на Берлин – как оказалось, до января 43-го. Вследствие разразившегося в министерстве авиации скандала в январе 42-го командующий Бомбардировочным командованием маршал авиации Р. Перси был переведен на другую должность.

Настоящая воздушная битва за Берлин разразилась гораздо позже – между ноябрем 43-го и мартом 44-го. В 16 крупных налетах было совершено более 8,5 тысяч самолето-вылетов, причем более 500 бомбардировщиков (5,8 % участвовавших сил) оказалось сбито. 450 тысяч берлинцев остались без крова, 4 тысячи погибли и 10 тысяч получили ранения. Потери экипажей Бомбардировочного командования лишь ненамного уступали этим цифрам – 2690 летчиков погибло и около тысячи попали в плен. Операция в целом была признана неудачной – тем более, что она никак не отразилась на моральном состоянии немцев, продолжавших оказывать ожесточенное сопротивление на всех фронтах.

Вообще же к концу марта 45-го, когда союзная авиация уступила роль разрушительницы нацистской столицы ВВС РККА, Берлин подвергся 314 воздушным налетам, уничтожившим треть и повредившим половину всего жилого фонда.

16 квадратных километров городской застройки полностью превратились в руины. Погибло не менее 20 тысяч жителей, что в сравнении с налетами на другие города Германии являлось не такой уж большой цифрой.

Какие же выводы можно сделать из всего вышеизложенного? Во-первых, о каком-либо моральном или экономическом воздействии налетов советской авиации на Берлин в августе-сентябре 1941 года говорить не приходится. По немецким данным, советские самолеты появлялись над городом в течение всего четырех ночей, а в остальные ночи, по-видимому, ударам

подвергались другие населенные пункты. Это и не удивительно, поскольку в ряде случаев город был закрыт облаками, и бомбы сбрасывались «по расчету времени». Да и сама точность выхода на цель при полетах на большие расстояния при отсутствии систем радионавигации не могла быть большой.

Во-вторых, потери Особой авиагруппы при налетах были относительно велики – 10 на 84 вылетавших самолета или 11,9 % – хотя в большинстве своем и относились к небоевым. Нет никаких немецких указаний на то, чтобы в отражении наших налетов принимали участие ночные истребители, аэродромы и районы действий которых были слишком удалены от маршрутов полета наших самолетов. Вряд ли больших успехов добилась и немецкая зенитная артиллерия, поскольку вернувшиеся самолеты не имели повреждений от ее огня. То, что наши потери оказались больше английских, несмотря на меньшее противодействие немцев, объяснялось исключительно сложными условиями деятельности Особой авиагруппы (особенно в отношении базирования), большим расстоянием до цели и отсутствием специальной подготовки экипажей минно-торпедной авиации к дальним «слепым» полетам. Англичане даже при меньшем уровне потерь сочли налеты слишком дорогостоящими и прекратили их.
В-третьих, налеты союзников, имевшие гораздо больший размах и уровень технического обеспечения, также не достигли успеха и сопровождались большими потерями от немецкой ПВО. Время, когда войны стало возможно выигрывать одними ударами с воздуха, наступило лишь в конце XX века. Наши же налеты на Берлин в августе-сентябре 41-го имели чисто пропагандистскую цель для внутреннего использования. И с этой точки зрения они оказались вполне успешными.

Таблица 2. Судьбы пилотов 1 – го мтап из состава Особой авиагруппы, бомбивших Берлин

Летчики	Даты бомбардировок Берлина	Судьба
л-т Александров В.Г.	16.8(?)	+ 16.8.1941 разбился при посадке при возвращении из вылета на Берлин
к-н Беляев Г.К.	3.9, 5.9	+ 26.2.1942 сбит зенитной артиллерией в р-не Владиславовки (Крым)
к-н Гречишников В.А.	9.8, 16.8	ГСС (13.8.1941). + 24.10.1941 сбит зенитной артиллерией в р-не ст. Грузино
л-т Дашковский Н.Ф.	8.8, 9.8, 1.9(?)	+ 1.9.1941 разбился при посадке при возвращении из вылета на Берлин
к-н Есин Е.Е.	9.8, 16.8	+ 27.8.1941 сбит истребителем над Рижским заливом
к-н Ефремов А.Я.	9.8, 16.8	ГСС (13.8.1941), к 5.1945 к-р 36-го мтап ВВС ВМФ. Умер 5.1.1985
л-т Кравченко А.Ф.	16.8	+ 16.8.1941 разбился при посадке при возвращении из вылета на Берлин
л-т Мильгунов К.А.	8.8, 9.8, 16.8, 5.9(?)	+ 5.9.1941 пропал без вести — не вернулся из вылета на Берлин
к-н Плоткин М.Н.	8.8, 9.8, 16.8, 5.9	ГСС (13.8.1941). + 8.3.1942 погиб в авиакатастрофе в р-не Левашово близ Ленинграда
п-к Преображенский Е.Н.	8.8, 9.8, 16.8	ГСС (13.8.1941), к 5.1945 заместитель командующего ВВС ТОФ. В 1950–1962 командующий авиацией ВМФ, с 1962 генерал-полковник авиации. Умер 29.10.1963
л-т Русаков М.П.	16.8, 1.9(?)	+ 1.9.1941 пропал без вести — не вернулся из вылета на Берлин
ст. л-т Трычков П.Н.	8.8, 9.8	+ 16.9.1941 пропал без вести — не вернулся из вылета в район Красного Села
ст. л-т Финягин И.П.	8.8(?)	+ 8.8.1941 пропал без вести — не вернулся из вылета на Берлин
к-н Фокин А.И.	9.8, 16.8, 21.8, 1.9, 5.9	ГСС (16.5.1944), к 5.1945 к-р 9-го гмтап ВВС ВМФ. В 1953 погиб при исполнении служебных обязанностей
л-т Юрин Н.И.	16.8	+ 21.7.42 умер от ран. 1.6.1942 подбит истребителем над аэродромом Херсонесский маяк (р-н Севастополя), самолет сгорел при посадке

Таблица 3. Потери самолетов 1 – го мтап из состава Особой авиагруппы

Дата	Тип сам.	Район	Причина потери	Решаемая задача	Летчик	Судьба
5.8.41	ДБ-3Б	аэр. Котлы	разбит при посадке	БУ по Виндаве	л-т Леонов	+++
8.8.41	ДБ-3Б	?	п/б/в	БУ по Берлину	ст. л-т Финягин	+++
16.8.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	разбит при посадке	БУ по Берлину	л-т Александров	+(+2, =1)
16.8.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	разбит при посадке	БУ по Берлину	л-т Кравченко	+++
17.8.41	ДБ-3Б	р-н д. Плешевицы	поврежден нашей ИА, разбит при посадке	перелет	?	?
20.8.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	разбит при взлете	БУ по Берлину	к-н Гречишников	жив
21.8.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	разбит при посадке	БУ по Берлину	к-н Фокин	жив (+1, =1)
27.8.41	ДБ-3Б	р-н м. Колкасрагс	сбит ИА	ВР Ирбенского пролива	к-н Есин	+++
31.8/ 1.9.41	ДБ-3Б	?	п/б/в	БУ по Берлину	л-т Русаков	+++
1.9.41	ДБ-3Б	р-н Куресаре	разбит при посадке	БУ по Берлину	ст. л-т Дашковский	+++
5.9.41	ДБ-3Б	?	п/б/в	БУ по Берлину	л-т Мильгунов	+++
6.9.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	БУ пр-ка	—	—	—
6.9.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	БУ пр-ка	—	—	—
6.9.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	БУ пр-ка	—	—	—
6.9.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	БУ пр-ка	—	—	—
6.9.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	БУ пр-ка	—	—	—
6.9.41	ДБ-3Б	аэр. Кагул	БУ пр-ка	—	—	—

Александр Заблотский, Роман Ларинцев. «При атаке аэродромов уничтожать материальную часть в несколько заходов…»

Борьба советских ввс с авиацией противника на земле в 1941 году

Наверняка первое, что придет в голову человеку, маломальски знакомому с отечественной военной историей при словах «удары по аэродромам в 1941 году» – это события трагического для нас утра 22 июня. Об этом читали или слышали почти все. Действительно, уничтожив часть советской авиации на земле, Люфтваффе смогли надолго завоевать господство в воздухе. Однако очень быстро Восточный фронт перестал напоминать немцам Польшу или Францию. С первого же дня войны Люфтваффе стали получать вначале хаотичный, а потом все более организованный отпор. Уже 22 июня советские летчики успешно атаковали вражеские авиабазы.

Прежде всего отметим важное обстоятельство. Нужно признать, что абсолютно полных и достоверных источников по потерям Люфтваффе не существует даже для начального периода войны. Кроме того, можно утверждать, что наименее достоверные немецкие данные как раз относятся к потерям самолетного парка именно на земле. К тому же, если потери наземных служб (а также зенитчиков) присутствуют в имеющихся в нашем распоряжении сводках потерь службы генерал-квартирмейстера Люфтваффе до июня 1943 года, то документы, в которых бы приводились сведения о потерях в специальной технике и аэродромном оборудовании, нам пока не известны. При этом не подлежит особому сомнению тот факт, что наличие (или отсутствие) аэродромной спецтехники является важной составляющей боеготовности любой авиационной части.

Таким образом, мы пока не можем оценить полный ущерб, нанесенный Люфтваффе тем или иным ударом советской авиации. Поэтому, чтобы хотя бы частично исправить эту ситуацию, мы постарались выявить случаи крупных потерь немецких ВВС от налетов нашей авиации – в аэродромном техническом и обслуживающем персонале.

Итак, как бы ни был сокрушителен первый удар, нанесенный Люфтваффе по местам базирования советской авиации, все-таки не все аэродромы, особенно расположенные вдалеке от

государственной границы, подверглись разгрому. Уже с первых часов начавшейся войны ВВС КА и ВВС ВМФ приступили к борьбе с авиацией противника на земле. И хотя пока успехи в этом были довольно скромными, но все же они были.

Так, в числе первых целей в основном сохранивших боеспособность 12-й и 13-й бомбардировочных дивизий ВВС Западного фронта были и аэродромы противника на территории оккупированной Польши. Один из таких налетов **22 июня** описан в хронике немецкой 27-й истребительной эскадры.

Согласно данным книги, в результате удара был потерян «Мессершмитт-109». В архивных же документах сохранились только сведения о легком повреждении связного самолета «Клемм-35Б» (заводской № 1795). [247] На аэродроме Бяла-Подляска под удар попали машины 52-го отряда связи. Один Fw.58 (№ 0242) был уничтожен, при этом получил ранение бортстрелок Х. Эрдманн. Второй «Вайхе» (№ 3117) получил повреждения, по немецкой классификации – 30 %.

23 июня, на второй день войны, советской авиацией был поврежден на земле еще один самолет, причем довольно редкого типа – Fw.44 (№ 2773, 30 %), принадлежавший разведывательному отряду 1.(Н)/12. Произошло это на аэродроме Пески.

Этот день примечателен тем, что ударам ВВС КА подверглись объекты в достаточно глубоком тылу противника. Вечером этого дня экипажи 212-го отдельного дальнебомбардировочного полка подполковника А. Е. Голованова в составе трех звеньев нанесли удар по целям в Варшаве, в том числе и по аэродрому Мокотув. В документах зафиксированы потери немцев: четверо убитых и двое раненых из состава аэродромной комендатуры «Варшава».

Четвертый день войны наконец ознаменовался первой достоверной потерей боевого самолета ВВС Германии на земле. **25 июня** на только что захваченном немцами аэродроме Пружаны советские бомбы серьезно повредили (70 %) истребитель-бомбардировщик Bf.llOE-2 (№ 2389), принадлежавший штабу StG77 [248] .

Вместе с пилотами ВВС Красной Армии с первого дня войны в бой вступили авиаторы Военно-морского флота. Уже в ночь с 22 на 23 июня морские летчики Черноморского флота бомбили главную военно-морскую базу противника на Черном море – румынскую Констанцу **24 июня** нашей атаке подвергся близлежащий к Констанце аэродром Мамайя. К сожалению, имеющиеся данные о ее результатах весьма противоречивы. Точно известно, что на аэродроме погибли три техника и пилот, фельдфебель Б. Браун – все из немецкой истребительной группы

III./JG52. Еще один летчик, фельдфебель О. Рейнхард, был ранен. Получил также ранение гауптман В. Маетик из Seenotzentrale L [249] . Менее уверенно можно говорить о потерях немцев и румын в материальной части. По некоторым данным, на аэродроме сгорели три немецких Bf-109F [250] , а также был поврежден «Харрикейн» из 53-й эскадрильи румынских ВВС.

Целью первого налета бомбардировщиков Краснознаменного Балтийского флота, состоявшегося **24 июня,** стал немецкий город и порт Мемель. Днем, с большой высоты, 53 ДБ-3 сбросили на него пять ФАБ-500, 78 ФАБ-250 и 150 ФАБ-100. Огонь зенитной артиллерии, отражавшей налет, был малоэффективен. По немецким данным, от бомбежки погибли 23 человека. [251] Среди них оказались и два авиатехника из отряда ближней разведки 4.(Н)/21, базировавшегося в Мемеле.

Первым в истории Великой Отечественной войны по-настоящему эффективным ударом по вражеской авиабазе стал налет на аэродром Вильнюса **29 июня** 1941 года. Немецкие документы зафиксировали следующие потери в материальной части: уничтожены два Bf.l09E из 27-й истребительной эскадры (№№ 6150 и 5907), еще три «Эмиля» были легко повреждены (№ № 2097, 6452 и 4037 – по 20 %). Понес потери и наземный персонал. Погибло два человека, в том числе командир роты аэродромного обслуживания капитан JL Шпикерманн, еще семеро были ранены. Еще сильнее пострадала II группа 26-й эскадры тяжелых истребителей (II./ZG26). Были полностью уничтожены или подлежали списанию четыре Bf.llOE-1 (№№ 2310, 4068, 4078 и 4082) [252] . Погибли два пилота и два бортрадиста из 4./ZG26, а также два авиатехника. Кроме того, сгорел связной самолет Fw.58 (№ 0186) из 53-го отряда связи. По отечественным данным, так удачно по немецкому аэродрому отбомбилось звено ДБ-3 лейтенанта Лысенко из состава 42-й бомбардировочной дивизии. За два захода советские летчики обработали стоянки самолетов и наблюдали несколько очагов пожара. На обратном пути «Ильюшиных» атаковали «мессера», однако звено смогло удержать строй и вернуться домой без потерь. [253]

Уместно будет упомянуть, что еще **25 июня** на том же аэродроме при налете советской авиации уже были ранены командир 9-го отряда 53-й истребительной эскадры обер-лейтенант Ф. Гетц и бортрадист из транспортного отряда VIII авиакорпуса. К сожалению, неизвестно, были ли при этом потери в материальной части. Бомбили аэродром самолеты ДБ-3 из 207-го дальнебомбардировочного полка.

Людские потери, особенно в летном составе, в этих двух эпизодах свидетельствуют, что советские налеты были

внезапными для немцев. Отметим, что Виленский аэродром подвергался ударам советской авиации практически с момента его занятия немецкими войсками. Так, уже **24 июня** девять экипажей 96-го дальнебомбардировочного полка атаковали находившиеся там самолеты. К сожалению, на отходе истребителям противника удалось перехватить и сбить пять «Ильюшиных». [254] В немецких документах приводятся потери за 26-е (три военных строителя) и 28-е июня (ранены пилот группы 2.(F)/33 лейтенант Р. Леверенц и солдат из штаба зенитного дивизиона I./38).

На рассвете **3 июля** аэродром Бобруйск подвергся бомбоштурмовому удару 19 Ил-2 из состава 4-го штурмового авиаполка. Вылет возглавлял командир полка майор С. Г. Гетьман. Атака осуществлялась двумя группами с одного захода на бреющем полете. Тем не менее огонь немецкой малокалиберной зенитной артиллерии оказался весьма эффективным. Из первой группы были сбиты два, из второй – три «ила». Машина комполка была буквально изрешечена снарядами, но Гетьман смог дотянуть до своего аэродрома. [255] Немцы признают повреждение двух Bf.l09F-2 из состава 3./JG51 (№ 8308, 50 % и № 8328, *25 %).* Сами по себе эти потери невелики – например, в тот же день на аэродроме Митава летчиками ВВС Северо-Западного фронта был уничтожен Bf. 109F-2 из I./JG54. Зато в Бобруйске осколками авиабомб ранило восьмерых наземных авиаспециалистов.

В начале июля первый большой успех в борьбе с авиацией противника пришел к морским летчикам Северного флота. С начала боевых действий командование ВВС СФ настойчиво проводило воздушную разведку Хебуктена – крупной немецкой авиабазы, расположенной недалеко от норвежского города Киркенес. Разведка совмещалась с бомбардировкой аэродрома одиночными машинами или небольшими группами самолетов.

Полученные разведданные были реализованы **7 июля** 1941 года в очень удачном налете девятки североморских СБ на Хебуктен. Прикрываясь облачностью, звенья бомбардировщиков выходили в атаку с интервалами 1–2 минуты на высоте 4000 метров. Маршрут был проложен над безлюдной местностью с таким расчетом, чтобы подойти к аэродрому со стороны солнца. В результате налет стал для немцев полностью внезапным. Зенитки открыли огонь по самолетам только после сброса бомб. Первые два звена совершенно безнаказанно сбросили 36 фугасных ФАБ-100 и ФАБ-50, а последнее – кассеты и ротативно-рассеивающие авиабомбы (РРАБ) с мелкими осколочными боеприпасами.

По данным нашей разведки (аэрофотосъемка, визуальное наблюдение и донесения агентуры), немцы лишились 15 самолетов и понесли большие потери в личном составе. Фактически нанесенный противнику урон в авиационной технике был не столь велик, но удар все равно следует признать эффективным. На земле был полностью уничтожен Bf. 11 OC-4 (№ 3271) из звена тяжелых истребителей эскадры JG77, а также повреждены еще один «сто десятый» (№ 3769, 35 %) из штабного отряда той же эскадры и Ju.88A-5 (№ 0607, 50 %) из второй группы KG30. В людях же потери противника действительно были значительными, что прямо свидетельствует о внезапности налета: погибло 19 и получили ранения 16 человек. В их числе один зенитчик, один солдат службы ВНОС, четверо военнослужащих из состава аэродромной комендатуры, остальные – техники различных летных подразделений. Особенно пострадал технический состав отряда дальних разведчиков l.(F)/124. На сегодняшний день это самые большие известные одномоментные потери в личном составе, понесенные Люфтваффе при налетах советской авиации на аэродромы в 1941 году.

Потерями среди наземных специалистов отличался и удар по аэродрому Полонное **8 июля.** Накануне летчик 88-го иап (44-й иад) младший лейтенант В. Ф. Деменок вылетал на воздушную разведку в районе станций Проскуров, Шепетовка и на дороге Шепетовка – Бердичев. Он неожиданно обнаружил перебазирование на аэродром Полонное немецких самолетов и доложил об этом командованию. Командир полка майор

А. Г. Маркелов провел доразведку цели, послав на задание лейтенанта К. Л. Карданова и младшего лейтенанта В.С. Батяева. От них стало известно, что около 30 немецких самолетов расположились на северной окраине летного поля и еще около 20 – в его восточной части. Командир 88-го иап поднял в воздух двадцать И-16 и сам возглавил группу. Успех налета обеспечила внезапность, хотя не обошлось и без потерь. Прямым попаданием зенитного снаряда был сбит и погиб заместитель командира полка майор В.С. Волков. [256]

В результате штурмовки на земле сгорел один «Хеншель-126» (№ 3208) из ближнеразведывательного отряда 5.(H)/32, а еще один получил повреждения (№ 3455, 40 %). Был также уничтожен Ju.52 (№ 6812) из KGrzbV50. Технический состав потерял 19 человек, в том числе четверых убитыми. При этом авиатехники служили в самых разных частях: развед отряд ах 3.(H)/21, 5. (H)/32 и 5.(H)/11, 50-й транспортной группе, истребительной группе III./JG3. Кроме того, погиб один служащий RAD [257] и были ранены солдат службы ВНОС и зенитчик из 71 – го легкого

зенитного дивизиона.

На следующий день подобная ситуация повторилась на Западном фронте. **9 июля** под удар попали немецкие ближние разведчики на аэродроме Бешенковичи. Было уничтожено два «Физелера-156» (№№ 5083 и 5123) и поврежден Hs.126 [258] из состава 1.(H)/13, сгорел Fw.l89A-l (№ 0051) [259] , принадлежавший отряду 1.(H)/11. К потерям в матчасти добавились потери солдат из подразделений аэродромного обслуживания отрядов ближней разведки 1.(H)/11, 1.(H)/13 и 4. (H)/12. Погибло семь человек и десять было ранено.

14 июля под удар советской авиации попали разведчики из 6.(H)/32, базировавшиеся в Орше. В результате налета сгорели HS.126A-1 (№ 4014) и Fi. 156C-1 (№ 5099). Еще один FU56C-1 «Шторх» (№ 729) подлежал списанию, а Hs. 126B-1 (№ 4156) требовал заводского ремонта.

16 и 17 июля советские летчики атаковали самолеты Люфтваффе на земле на северном фланге огромного фронта. **16 июля** на аэродроме Коровье Село были уничтожены два «мессера» из состава второй группы JG53 (№ 6673 и 3941), а Bf.l09F-2 (№ 6771) из I./JG54 получил повреждения (40 %). На следующий день, **17 июля,** в Пскове были безвозвратно потеряны три тяжелые двухмоторные машины: один Ju.88A-5 (№ 8264) из состава KG1 «Гинденбург» и два тяжелых истребителя Bf.llOD-3, принадлежавшие первой группе ZG26. Там же серьезно пострадали военнослужащие из роты аэродромного обслуживания эскадры «Гинденбург»: десять человек получили ранения различной степени тяжести.

Следующий эпизод служит прямым подтверждением неполноты сохранившихся немецких учетных документов. Речь идет о событиях **21 июля** на аэродроме Балта. Сначала процитируем хронику 77-й истребительной эскадры.

«12:30. Налет восьми ДБ-3. Взлет по тревоге звена Bf. 109. Атака русских бомбардировщиков на отходе. Сбиты два бомбардировщика. Налет русской авиации был совершенно неожиданным. Сброшенные ими бомбы причинили значительный ущерб. В частности, были повреждены 11 Ju.87 из состава StG?7. Сгорел приданный JG77 транспортный самолет Ju. 52. Бомбы легли недалеко от расположения III./JG77. Были ранены пять техников, один из которых, обер-фельдфебель Умбах, умер в госпитале, а также повреждены два Bf. 109». [260]

Однако в сводках потерь службы генерал-квартирмейстера Люфтваффе указан только «Юнкерс-52» (№ 2996) из 104-й транспортной группы. В графе «Причина» указано: «Боевые повреждения». Таким образом, используя только списки потерь

без всяких дополнительных источников, очень трудно было бы определить истинную эффективность данного налета нашей авиации.

Чрезвычайно удачно атаковали **30 августа** аэродром Белая Церковь летчики 227-го ближнебомбардировочного полка 62-й бомбардировочной дивизии ВВС Юго-Западного фронта. Группа Су-2 под командованием капитана Дятлова отработала по находившимся на аэродроме готовым к взлету немецким самолетам. По докладам экипажей, немцы потеряли не менее тридцати машин. На обратном пути, отражая атаку истребителей, стрелки-радисты сбили еще и два «мессера». [261]

Немецкие документы в этом случае подтверждают очень высокие потери, понесенные противником – как в материальной части, так и в личном составе. Были уничтожены восемь Bf.l09F-2 из состава первой (№№ 5411, 5744,6676,6683) и третьей групп 3-й истребительной эскадры (№№ 8966,9166, 12705, 12867), еще два повреждены и подлежали списанию (№ 8128 и 9171, оба – 60 %). Кроме истребителей, под удар попал и был почти полностью разбит (80 %) грузовой планер DFS-230 из 50-й транспортной группы (№ 178). Среди прочих раненых на аэродроме при бомбежке числится летнаб из отряда ближней разведки 5.(H)/11 – однако неясно, пострадал ли только он или был поврежден и его самолет. Впрочем, одним летнабом дело не ограничилось. Были ранены 16 военных строителей Люфтваффе, в том числе капитан Х. Мюллер, а еще один убит. Судя по всему, приведенные Д. Хазановым данные о попадании наших бомб в ремонтные мастерские соответствуют действительности. По данным немецких архивов, погибли пятеро военнослужащих из полевой ремонтной мастерской II./40. Завершают список известных потерь пять раненых из роты снабжения Люфтваффе 3./XVII во главе с капитаном В. Швайтцером.

11 сентября под удар советских бомбардировщиков попали Ju.88 2-й и 3-й бомбардировочных эскадр. На аэродроме Шаталово были сожжены два «Юнкерса» (№ 6305 и 8509), один требовал заводского ремонта (№ 1280, 50 %) и еще один Ju.88 (№ 8506) оказался легко поврежден. Был ранен штурман из 5./KG3 обер-ефрейтор Х. Штребль. Понес потери и технический состав II./KG3: пять механиков убиты и трое ранены. Кроме них, погибли военный строитель и солдат из Lg.-Stab z.b.V.2. Завершает список потерь раненый зенитчик из 751-го легкого зенитного дивизиона.

Большие потери понесли Люфтваффе на аэродроме Николаев. По немецким данным, на нем было выведено из строя 12 машин различных типов. Правда, в документах эти потери «размазаны» в

период **с 8 по 11 октября** – но есть некоторые основания предполагать, что это результат ошибки немецкой бюрократии. Скорее всего, мы все-таки имеем дело с результатами одного удачного налета. Больше всех от советских бомб пострадали самолеты 4-го полка ВНОС: «Клемм-35» (№ 2890) полностью сгорел, а Ju.52 (№ 6593) подлежал списанию. Получили повреждения разной степени тяжести четыре «Юнкерса-88». Из них Ju.88D из 3./ObdL и Ju.88A-4, принадлежавший к 3./KG51, были серьезно повреждены (по 50 %). Меньше пострадали разведчик погоды Ju.88A-5 (№ 2547,30 %) из Westa76 и Ju.88D-2 (№ 810, 15 %) из 3.(F)/121. Подлежал списанию W.34 (№ 854,60 %) из 7-го курьерского отряда. Пять машин из 70-го отряда связи получили незначительные (по 10–15 %)) повреждения: два «Клемм-35» (№ 3033 и 3035), «Арадо-66» (№ 573), Fw.58 (№ 0210) и Bf.llOG (№ 3803). Кто «автор» этого славного дела, нам пока установить не удалось. Скорее всего, это были летчики ВВС ЧФ, летавшие с крымских аэродромов. В ночь на 9 октября черноморцы производили удары по аэродромам Кульбакино и Сливны. Всего в эту ночь вылетали четыре ГСТ, шесть ДБ-3, один МТБ-2 и один ТБ-3. На следующую ночь по Кульбакино отработали три ДБ-3.

Хороший подарок к годовщине Октябрьской революции сделали советские летчики, защищавшие Ленинград. 6 ноября по аэродрому Сиверская был нанесен воздушный удар – как упреждающий, с целью не допустить бомбежки немцами города на Неве в праздничные дни. Тем более что произведенная накануне разведка показала наличие на этой крупной авиабазе большого числа самолетов противника. Итак, **6 ноября** в 11:25 семь Пе-2 из 125-го бап во главе с майором В. А. Сандаловым под прикрытием десяти МиГ-3 отбомбились по Сиверской с высоты 2500 метров. Почти сразу же после них летное поле проштурмовали шесть Ил-2 из 174-го шап (ведущий старший лейтенант Ф. А. Смышляев). Одновременно группа из девяти И-153 подавляла зенитную артиллерию. Через два с половиной часа удар был повторен еще одной семеркой «пешек» (ведущий капитан А. И. Резвых). Всего в налете участвовало 14 бомбардировщиков, шесть штурмовиков и 33 истребителя. К сожалению, у нас были и потери. Так, был сбит и погиб летчик-штурмовик А. Я. Панфилов. [262]

По докладам экипажей, всего было уничтожено около двадцати самолетов противника. В немецких документах имеются сведения о шести выведенных из строя Ju.88A-4, принадлежавших III./KG77 и KGr806. Из них две машины полностью сгорело (№ 2543 и 1256), одна подлежала списанию (№ 3542, 60 %). Еще

три требовали ремонта (№№ 1081,2501 и 4547) – все по 40 %. После этого налета 806-я группа, и так уже достаточно потрепанная зенитчиками дальневосточной 92-й стрелковой дивизии, вскоре вообще была отведена с Восточного фронта. [263] Потери наземного персонала на этот раз были невелики. Погиб один авиатехник из истребительной группы III./ JG54, ранены военный строитель и зенитчик.

23 ноября на южном фланге советско-германского фронта летчики-черноморцы серьезно «проредили» III группу 77-й эскадры пикирующих бомбардировщиков. Во время бомбежки аэродрома Спат в Крыму было повреждено двенадцать Ju.87, в том числе два подлежали списанию (№№ 6321 и 5813, соответственно 85 % и 80 %). Остальные (№№ 0584,6323,6318, 5598, 5656, 6320, 6218, 6282, 6317 и 6326) получили повреждения от 10 %) до 25 %. [264] Этот успех на счету экипажей 2-го мтап ВВС ЧФ. Хотя девять ДБ-3ф, базировавшихся на Таманском полуострове, прошли до цели почти 400 километров, для немцев удар оказался внезапным. Прямым подтверждением этому служит тот факт, что на аэродроме были ранены два пилота «штук» – лейтенант Х. Эндлих и обер-ефрейтор Ю. Мир. Советские летчики сбросили с высоты всего двести метров 90 ФАБ-100, которые накрыли все летное поле. Немецкие зенитчики открыли огонь с опозданием, но все-таки смогли сбить «ильюшин» комэска капитана Ф. Е. Острошапкина. Экипаж в полном составе попал в плен, но в январе 1942 года все члены экипажа сумели бежать из пересыльного лагеря и выйти по льду Азовского моря к своим. [265]

Выдающийся по эффективности налет совершили советские летчики **13 декабря** 1941 года. На аэродроме Клин были полностью уничтожены семь Bf.l09F-2 из состава второй группы JG52 (№№ 5710, 5757, 6714, 9707, 12847, 12905 и 12908) и шесть Bf.l09E испанского отряда 15./JG27 (№ 0843, 1272, 1646, 4143, 5117 и 6341). К ним с большой долей вероятности можно добавить три Hs.l26B-l из состава разведывательного отряда 2. (H)/23 (№№ 3447, 4316 и 4367). Эти машины числятся по сводкам потерь как уничтоженные 14 декабря своими войсками при отходе. Однако с высокой вероятностью, причиной того, что матчасть была «не в строю», стали повреждения, полученные при налете накануне.

Как уже отмечалось выше, в результате некоторых наших налетов потери личного состава противника были весьма велики – несмотря на незначительный урон в материальной части. Об одном из таких эпизодов, имевшем место **5 декабря,** рассказывается в истории 1-й бомбардировочной эскадры

«Гинденбург»:

«Незначительное число пригодных для зимней эксплуатации аэродромов на северном участке фронта вынуждало концентрировать на каждом относительно большое число самолетов. Этим обстоятельством пользовались русские, атакуя базы преимущественно по ночам. В одном из таких налетов 5 декабря сильно пострадала третья группа на аэродроме Дно. Одна бомба попала прямо в убежище роты аэродромно-технического обслуживания, вторая, неразорвавшаяся – в бункер штаба группы. Разрушенные сооружения, несколько убитых, большое число легко и тяжелораненых – вот трагический итог налета». [266]

Документы военного архива Германии подтверждают написанное: 7 человек убито и 29 ранено.

В кампании 1941 года было еще несколько случаев больших потерь личного состава Люфтваффе на земле. На том же аэродроме Дно **23 сентября** под бомбы угодила колонна снабжения ВВС 8/IV. Трое военнослужащих были убиты, 16 ранены.

5 ноября серьезно пострадали авиатехники отряда ближней разведки 9.(H)/LG2: четырнадцать убитых и столько же раненых. **16 июля** на аэродроме Орша не повезло отряду 5.(H)/23.

Потери составили 12 человек, половина из них убитыми. Десятью днями ранее, **6 июля,** на аэродроме Двинска моторизованный строительный батальон ВВС специального назначения 8/VI в результате налета потерял 17 человек, в том числе четверых ранеными.

Надо заметить, что потери собственно летного состава при бомбежках аэродромов были явлением довольно редким. Члены летных экипажей гибли, как правило, лишь в случае внезапного нападения. Поэтому заслуживает отдельного упоминания налет на передовую площадку Овишчи **23 июля.** Там погиб один и ранены трое летнабов из отряда 2.(H)/23. К этим потерям следует добавить еще троих раненых авиатехников. В немецких документах особо отмечен случай исключительного невезения летчика-истребителя обер-лейтенанта Георга Руланда из первой группы «Зеленых сердец». **7 июля** его «фридрих» (№ 5494) был сбит в районе Порхова. Пилот спасся и благополучно вернулся в часть – но лишь для того, чтобы погибнуть под советскими бомбами при налете.

Надо сказать, что в 1941 году Люфтваффе теряли самолеты на земле не только от бомб и «эресов» советских летчиков. Несколько раз на немецких аэродромах рвались снаряды нашей дальнобойной артиллерии.

В этой связи интересный случай описан в истории 18-й

танковой дивизии вермахта. [267] Вообще, следует сказать, что нередко в источниках, напрямую не связанных с Люфтваффе, можно найти весьма любопытную информацию. Это относится как к документам немецких сухопутных войск или Кригсмарине времен войны, так и к современным печатным изданиям. Итак, историограф (и, заметим, ветеран) 18-й танковой дивизии Вольфганг Пауль сообщает, что **25 июля** 1941 года советская артиллерия обстреляла немецкий аэродром и повредила на нем восемь «штук». Судя по тексту, речь идет об аэродроме Шаталово. В сводках же потерь Люфтваффе эта информация не нашла отражения. Однако подтверждение самого факта обстрела имеется. В тех же сводках отмечена гибель на аэродроме Шаталово как раз 25 июля техника разведывательного отряда 3. (F)/31. При этом указана причина – «артиллерийский обстрел»!

31 октября 1941 года в своей утренней сводке Совинформбюро сообщило: *«На одном из участков Калининского направления дальнобойная батарея под командованием лейтенанта Беликова разгромила вражеский аэродром, уничтожив 14 неприятельских самолетов».* Немецкие документы подтверждают этот боевой успех наших артиллеристов. **30 октября** 1941 года на аэродроме Калинин от советских снарядов пострадали десять машин неприятеля. Восемь из них – это «Мессершмитты» II группы 52-й истребительной эскадры. Два Bf.l09F-2 (№№ 8174 и 9681) сгорели, два (№№ 8982 и 12886) подлежали списанию, остальные (№№ 9200, 9241, 9587 и 12948) получили менее серьезные повреждения (40–50 %). Под обстрел попали также «Юнкерсы-52» из состава I группы 1-й десантно-высадочной эскадры. [268] Одна «тетка Ю» сгорела (№ 7285), вторая была легко повреждена (№ 6979, 20 %). [269] Как видим, цифра, указанная в сводке Совинформбюро, в целом не так уж далека от истины!

В отечественной военно-исторической литературе достаточно много рассказывается об удачных действиях наших диверсионных групп против аэродромов противника. Мы пока не можем как-то прокомментировать подобные факты применительно к 1941 году. Единственный же случай, когда результат успешного нападения на аэродром известен, относится не к немецкой, а к финской авиации. **29 сентября** в Карелии группа разведотдела Карельского фронта произвела диверсию на аэродроме Тикшаозеро, в результате которой был уничтожен истребитель Fokker D.XXI (FR-138) из состава Le.Lv. 10.

Попробуем подвести итог. Как видно из вышеприведенных боевых эпизодов – а нами брались в качестве примеров только очень эффективные налеты, – даже в начальный период войны советская авиация достаточно успешно боролась с самолетами

Люфтваффе на земле. К сожалению, следует отметить, что интенсивность действий по неприятельским аэродромам разных объединений нашей авиации была не одинаковой. Так, ВВС Западного фронта уже в первый день войны добились успехов в рейдах на территорию противника. Напротив, экипажи авиации Северо-Западного фронта с 22 июня по 31 июля 1941 года не нанесли ни одного удара по вражеским аэродромам. [270]

Заметим, что теоретически прорыв эскадрильи бомбардировщиков ДБ-3 к самолетным стоянкам на вражеском аэродроме мог иметь куда больший эффект, чем прорыв той же эскадрильи к танковой колонне противника. Ведь самолет, да еще заправленный, представляет собой несравненно более уязвимую цель, чем танк или бронетранспортер.

Все вышесказанное относится только к повседневной боевой деятельности советской авиации. Совершенно другой эффект имели в 1941 году так называемые воздушные операции – то есть совокупность одновременных или последовательных ударов, которые проводились по единому замыслу и плану, по уничтожению вражеской авиации на земле.

Первой такой операцией стал массированный удар ВВС Северного фронта, проведенный совместно с авиацией Краснознаменного Балтийского и Северного флотов. **С 25 июня по 1 июля** наши летчики атаковали 39 аэродромов на территории Финляндии и Северной Норвегии. Результаты этих налетов были настолько незначительны (пока известно, что у финнов получили повреждения три устаревшие машины [271]), что ставят под сомнение саму целесообразность проведения такой операции. [272] Сюда же следует добавить и то, что наши ВВС понесли ощутимые потери как в материальной части, так и в опытных экипажах. Плюс ко всему маршал Маннергейм получил нечаянный подарок в виде «казус белли» [273] . Вполне вероятно, что, бросив те же силы на разрушение инфраструктуры портов Финляндии, можно было бы получить куда лучшие результаты. Хотя, признаем, сейчас легко судить об этом, сидя за письменным столом.

Следующий массированный удар по местам базирования Люфтваффе был нанесен **8 июля.** Операция проводилась по инициативе Ставки как упреждающая – якобы немцы сами в этот день планировали атаковать наши аэродромы. Всего ВВС КА выполнили 429 самолето-вылетов. Фронтовая авиация нанесла удар по 28, а дальняя авиация – по 14 аэродромам противника.

Третья воздушная операция проводилась **с 11 по 18 октября** также почти на всех участках советско-германского фронта. Снова поводом к ее проведению был ожидаемый массированный удар

немецкой авиации. И только воздушная операция, проведенная на Западном направлении **с 5 по 8 ноября,** была направлена на ослабление авиационной группировки противника с целью облегчить завоевание господства в воздухе. В качестве целей было выбрано 19 аэродромов, к налетам на которые привлекалось около трехсот боевых самолетов фронтовой и дальнебомбардировочной авиации.

В результате всех этих операций противник, несомненно, понес некоторые потери. Но, во-первых, они не превосходили урона, нанесенного ему нашей авиацией в ходе систематических действий. Во-вторых, как показал опыт и 1941 года, и особенно 1943-го, сложные в планировании, подготовке и исполнении операции, как правило, приводили к большим собственным потерям.

Справедливости ради отметим, что воздушные операции 1941 года, кроме первой «финской», как будто не дают оснований для подобных выводов. Но там численность привлеченных сил и пространственный размах были таковы, что фактически операцией, проводимой, как единое целое, данные мероприятия назвать затруднительно.

Тысячу раз был прав Карл Клаузевиц: «Военное дело просто и вполне доступно здравому уму человека. Но воевать сложно».

Александр Заблотский Роман Ларинцев. Во славу Севастополя!

Отечественная историография Великой Отечественной войны насчитывает тысячи книг и статей. Сотни из них посвящены истории героической обороны Севастополя. И тем не менее прошедшая война таит в себе еще немало интересных и поучительных эпизодов, которые до сей поры остались вне поля зрения историков. Вот и мы хотим рассказать лишь об одном фрагменте 250-дневной севастопольской эпопеи, который с полным правом можно отнести к категории наших «забытых побед».

География сделала Крым ключевой стратегической позицией на Черном море, обладание которой позволяло контролировать весь черноморский бассейн. Появление на сцене военной авиации превратило полуостров в непревзойденный «непотопляемый авианосец». Этот прекрасно понимали руководители Советского Союза, поэтому равнинные просторы степной части Крыма еще до войны служили отличными аэродромами для самолетов ВВС Красной Армии и Черноморского флота. [274] К сожалению, наши неудачи в начале войны привели к тому, что в октябре-ноябре 1941 года эта превосходная аэродромная сеть поменяла хозяев. Теперь на бывших советских авиабазах хозяйничали оккупанты, и с их взлетных полос поднимались в воздух самолеты Люфтваффе.

С началом нового 1942 года ожесточенная борьба за право господствовать в крымском небе велась не только в воздухе, но и на земле. За годы войны аэродромы Крыма, занятые авиацией противника, неоднократно подвергались налетам ВВС Черноморского флота. Так, по аэродрому Саки был произведен 61 удар, по аэродрому Сарабуз – 131, по аэродрому Евпатория – *21. [275]*

Следует отметить характерную особенность базирования Люфтваффе в Крыму. Немцы располагали значительные силы своей ударной авиации на аэродромах Саки (Ново-Федоров-ка) и Евпатория, недалеко от линии фронта. С одной стороны, это максимально приближало бомбардировщики и торпедоносцы противника к их вероятным целям, но, с другой, это же и позволяло атаковать данные авиабазы любым самолетам Севастопольской авиагруппы.

До 20-х чисел февраля 1942 года целью черноморцев был только расположенный под Симферополем аэродром Сарабуз. Как

раз в это время немецкая авиационная группировка в Крыму оказалась срочно «раздергана» на парирование кризисов, возникших на южном фланге Восточного фронта. Поэтому на другие аэродромы Крыма, кроме нескольких оперативных площадок, авиация противника, скорее всего, не базировалась. Потери же, понесенные противником на аэродроме Сарабуз 15 и 25 января, нельзя однозначно отнести на счет флотских авиаторов.

Ситуация изменилась в феврале. В Саки перебазировались бомбардировщики из состава I./KG100 и торпедоносцы из II./KG26. Когда об этом факте стало известно разведке флота, мы точно сказать не можем. Но уже во второй половине 18 февраля шесть штурмовиков Ил-2 в сопровождении восьми «Яков» и пяти И-16 атаковали бомбардировщики Не-111, обнаруженные на аэродроме воздушной разведкой. Попутно штурмовке подверглась близлежащая станция. По докладам экипажей, было сожжено четыре «Хейнкеля». Учитывая, что в немецких документах потери учитываются с некоторым запозданием относительно фактического события, противник в принципе подтверждает результативность этого налета.

Кроме того, в ночь на 19 февраля на летном поле аэродрома стали рваться советские снаряды. До линии фронта было все-таки далековато, но берег моря был, что называется, под боком. Поэтому причиной столь ранней «побудки» немцев стал эсминец «Шаумян». Не встретив никакого противодействия, комендоры корабля выпустили по аэродрому 27 фугасных и 10 осветительных снарядов, повредив как минимум один Не-111. Почему-то этот удачный опыт дальнейшего развития не получил, и главную роль в ударах по Сакам продолжала играть авиация – хотя складывавшаяся на Черном море обстановка как минимум до конца апреля позволяла использовать боевые корабли для обстрела береговых целей. Единственным исключением стал обстрел этого же аэродрома 28 февраля с подводной лодки М-113, выпустившей четыре десятка 45-мм снарядов. Однако о каком-либо эффекте от стрельбы лодочной «сорокопятки» говорить не приходится.

Впрочем, и без помощи корабельной артиллерии до конца февраля авиация Севастопольского оборонительного района почти ежедневно бомбила Саки. Соответственно, почти ежедневно немецкие документы отмечают потери в личном составе и в самолетах. [276] При этом как минимум одна машина была потеряна безвозвратно, а две или три отправлены в заводской ремонт. В дальнейшем такое напряжение боевой работы выдержать не удалось. Но, поскольку эта цель оставалась

приоритетной для авиации СОР, до начала июня налеты на Саки продолжались с различной интенсивностью.

С 22 февраля по 22 марта наши самолеты вылетали для ударов по аэродромам противника 133 раза, в том числе 76 раз ночью. Было израсходовано 610 ФАБ-100,426 ФАБ-50 и одиннадцать кассетных боеприпасов РРАБ. В следующий месяц «по Сакам» было выполнено 24 самолето-вылета днем и 249 ночью. На летное поле аэродрома было сброшено в общей сложности 165 тонн бомб.

Следует отметить, что эффективность наших ударов в апреле несколько снизилась. Почти все самолеты противника, пострадавшие от налетов, получили повреждения, не требующие заводского ремонта. С 22 апреля по 22 мая советские летчики навещали Саки не так часто, как раньше (162 вылета). В монографии М. Э. Морозова снижение интенсивности вылетов нашей авиации по аэродромам противника объясняется отвлечением части ее сил для действий над морем. [277] Правда, с его же утверждением об одновременном снижении эффективности наших налетов согласиться нельзя. Как раз в мае немцы понесли в Саках самые большие безвозвратные потери (см. таблицу 1).

В июне интенсивность ударов по аэродромам противника по понятным причинам резко упала. Последний поврежденный «Юнкере» был отмечен в утренней сводке VIII авиационного корпуса за 2 июня. Это стало результатом ночного удара двух бомбардировщиков СБ из Севастопольской авиагруппы. [278] На счет авиации, действовавшей с аэродромов на Таманском полуострове, вероятно, следует отнести последние потери наземных служб Люфтваффе 24 июня в Саках, когда был ранен солдат из колонны снабжения 1/XII.

Большая часть налетов на Саки выполнялась ночью, при этом почти постоянно в них участвовали МБР-2. «Амбарчики» работали по аэродрому, как правило, одиночно или парами, но иногда и большими группами – свыше 20 машин. Так, в ночь на 24 марта Саки бомбили 29 МБР-2 и один ГСТ. Еще больший наряд сил был выделен в ночь на 8 апреля. По аэродрому отбомбились 29 «амбарчиков», ГСТ и шесть ДБ-3.

Самолеты выходили на цель небольшими группами (по 6–8 машин), с разных высот и направлений. Группы следовали одна за другой с неравными временными интервалами в течение всей ночи. Следствием такой тактики стали минимальные потери. Единственным успехом немецких зенитчиков стал МБР-2 старшего лейтенанта Чепуренко, сбитый 8 апреля.

Успех в действиях по такой цели, как аэродром противника,

невозможен без хорошей подготовки – в частности, тщательной и своевременной разведки объекта удара. Как правило, при этом основным видом разведки является воздушная. Но черноморцы, воспользовавшись тем, что летное поле аэродрома в Саках отлично просматривается с моря, привлекли к выполнению этой задачи подводные лодки. Кто именно явился инициатором этой операции, сейчас сказать сложно, но, по некоторым воспоминаниям, идея использования подводного корабля принадлежала известному черноморскому подводнику капитану-лейтенанту М. В. Грешилову.

Для ведения разведки был выделен штурман из 80-й отдельной морской разведывательной эскадрильи старший лейтенант В. В. Потехин. В ночь на 30 марта он прибыл на борт подводной лодки М-113, после чего «малютка» вышла из Севастополя, заняв с рассветом позицию в подводном положении на расстоянии одной мили от береговой черты, на траверзе аэродрома Саки. В течение дня Потехин через перископ наблюдал за работой аэродрома. С наступлением темноты лодка всплыла, и наблюдение продолжилось с мостика.

Второй разведывательный поход был выполнен 7–9 апреля. На этот раз в роли «потаенного судна» выступала М-35, на борту которой находился все тот же старший лейтенант Потехин. В этом походе, помимо визуального наблюдения, он произвел фотографирование аэродрома через перископ. Обо всех изменениях обстановки оперативно докладывалось в Севастополь по радио.

В результате этих двух разведывательных походов были получены исчерпывающие сведения о режиме работы, оборудовании и системе ПВО аэродрома Саки. Полученные данные были использованы для подготовки экипажей, участвующих в ночных налетах.

Если ночные удары по аэродромам в течение всей Великой Отечественной войны традиционно отличались невысоким уровнем наших потерь, то дневные налеты на них иногда превращались в форменное избиение, как для ВВС флота, так и для армейских летчиков. [279] Однако Крым первой половины 1942 года был счастливым исключением из этой закономерности – по крайней мере, для морской авиации. Наши дневные налеты на немецкие аэродромы были не только удачными, но и сопровождались минимальными потерями.

9 марта пятерка Пе-2 в сопровождении четырех Як-1 атаковала аэродром Саки и, по донесениям экипажей, повредила четыре немецких самолета. Согласно немецким данным серьезно пострадал Не. 111. Самолет подлежал заводскому ремонту.

6 апреля снова пять «Пешек», прикрываемых шестью Як-1 бомбили Саки. По возвращении наши летчики доложили об уничтожении одного и повреждении трех «Юнкерсов-88». В доступных источниках противной стороны подтверждения таких потерь в материальной части мы не нашли, но 6 апреля потери в личном составе у немцев имелись – один убитый и пятеро раненых артиллеристов из Flakabt.501. На отходе «петляковых» попытались атаковать истребители 77-й эскадры. В завязавшемся бою инспектору ВВС ЧФ подполковнику Н.А. Наумову удалось сбить Bf.l09F-4 (№ 7564) фельдфебеля Р. Шмидта из состава 5./JG77. Наши потери в матчасти ограничились перебитой стойкой шасси у одного Пе-2. Поврежденный самолет позже был отремонтирован и вновь введен в строй. В ходе боя на поврежденной «пешке» от огня истребителей погиб воздушный стрелок-радист. [280]

Днем 28 мая одиночный Пе-2 в ходе воздушной разведки сбросил бомбы на аэродром Саки. Итоговое донесение VIII авиационного корпуса генерала В. фон Рихтгофена позволяет предположить, что именно в этой атаке был уничтожен транспортный самолет Ju.52. [281]

М. Э. Морозов в своей книге отмечает дерзкий дневной налет 30 мая, когда пятерка Ил-2 под прикрытием 15 истребителей разных типов штурмовала Саки. Правда, уважаемый автор почему-то утверждает, что «немцы не признают никаких потерь». [282] В отношении материальной части это действительно так – но что касается личного состава, то, согласно сводкам потерь Люфтваффе, в этот день на аэродроме было ранено семь зенитчиков из состава 501-го зенитного дивизиона.

Отметим, что, к сожалению, распределить потери противника между нашими дневными и ночными налетами довольно трудно. В большинстве случаев дневные и ночные атаки нашей авиации выполнялись в одни и те же сутки, поэтому только привлечение дополнительных источников сможет восстановить исчерпывающую картину

С 23 апреля авиация СОР стала «навещать» и соседний с Саками аэродром Евпатория. Уже первый налет днем 23 апреля, повторенный дважды группой из шести Пе-2 и трех «Яков», принес заметный успех. Был серьезно поврежден и в дальнейшем подлежал списанию торпедоносец из II./KG26, ранено и убито 9 техников. До 27 мая авиация СОР выполнила по этой цели 96 вылетов. При этом днем на Евпаторию «ходили» только трижды – 23, 24 и 27-го апреля.

В последнем налете, выполненном шестеркой «Пешек» под прикрытием четырех Як-1, в воздушном бою был потерян один

наш истребитель. Еще дважды, 4 и 10 мая, бомбы на евпаторийский аэродром днем сбросили разведчик Пе-2 и одиночный ДБ-3. Все остальные налеты на Евпаторию производились ночью. В них приняли участие в общей сложности пять СБ, 14 ДБ-3 и 46 МБР. Эффективность этих ударов надо признать весьма высокой. Немцы потеряли четыре или пять ударных машин полностью сгоревшими или серьезно поврежденными, в том числе три-четыре «Юнкерса-88» были уничтожены, по немецким данным, ночью. Еще один бомбардировщик был уничтожен в Евпатории 10 июня нашими самолетами, вылетавшими с кавказских аэродромов.

Хоть и в меньшей степени, чем Саки, но регулярно «навещался» черноморскими авиаторами и аэродром Сарабуз. С начала года и до 22 февраля авиация ЧФ нанесла по Сарабузу восемь ночных ударов, в которых приняли участие 33 самолета различных типов. С 22 февраля по 22 марта на этот аэродром было сброшено 19 тонн бомб в 24 вылетах. В следующий месяц по Сарабузу было выполнено 6 дневных и 98 ночных вылетов, сброшено 84 тонны авиабомб. С 22 апреля до 22 мая число вылетов опять упало до мартовских величин. В 22 вылетах было сброшено 25 тонн бомб. [283] Самый мощный ночной налет пришелся на 29 марта. В нем участвовали семь ДБ-3, четыре СБ и 22 МБР, действовавшие в течение всей ночи группами по три-четыре машины.

Надо заметить, что в 1942 году экипажи севастопольской авиагруппы не ограничивались только прифронтовой полосой и другими районами Крыма. «Длинная рука» флота могла дотянуться до противника даже на южной Украине. Так, несколько удачных рейдов было проведено против аэродрома Кульбакино, который в немецких документах проходил как Николаев. Причем самый удачный налет был совершен в самое, казалось бы, неподходящее время – в разгар третьего штурма города. Ночью 3 июня два Пе-2 бомбили Кульбакино и уничтожили, по докладам экипажей, два «Юнкерса-88». Немцы подтверждают безвозвратную потерю двух машин – правда, другого класса: транспортного Ju.52 и связного W.34hi.

В целом же можно отметить ряд характерных особенностей в действиях авиации ЧФ по аэродромам противника в период обороны Севастополя. Во-первых, они отличались минимальным уровнем собственных потерь. При налетах на немецкие аэродромы был потерян один МБР-2 ночью и один Як-1 днем. Во-вторых, несмотря на то, что наша авиация атаковала аэродромы в течение длительного времени, немцам так и не удалось найти эффективных способов снижения собственных потерь. Потери

оставались на примерно том же уровне вплоть до начала третьего штурма Севастополя. Если бы речь шла только об аэродромах в Саках и Евпатории, то можно было бы сослаться на объективные обстоятельства – например, на близость Севастополя к этим авиабазам, затруднявшую своевременное обнаружение нашей авиации и оповещение системы ПВО. Но регулярно подвергался бомбежкам и Сарабуз, расположенный достаточно далеко от линии фронта. Причем наши летчики без потерь совершали не только ночные рейды, но и успешно бомбили этот аэродром днем – как, например, четверка ДБ-3 17 марта.

3 июля 1942 года можно считать финалом битвы за Севастополь. В этот же день немецкие сводки зафиксировали серьезное повреждение в результате бомбардировки истребителя из состава III./JG77 (Bf.l09F-4, № 13297) на аэродроме Багерово. Первый раунд борьбы за Крым закончился победой противника. Теперь в советские и германские сводки надолго, более чем на год, войдут названия аэродромов на Керченском полуострове и на Тамани. Но решающее сражение за полуостров и за небо над ним было еще впереди.

Таблица 1. Сводные потери Люфтваффе на аэродромах Крыма в январе-июне 1942 года

Аэродром	Месяц	Потери в самолетах			Потери в личном составе	
		до 20%	20–60%	61–100%	убито	ранено
Сарабуз	Январь	—	3	—	2	—
	Февраль	—	1	—	1	1
	Март	—	—	2	8	8
	Апрель	—	—	2	—	—
	Май	—	—	1	—	5
	Июнь	—	—	1	1	2
Саки	Январь	—	—	—	—	—
	Февраль	5	4	1	4	8
	Март	5	4	—	2	6
	Апрель	—	7	—	3	8
	Май	—	2	3	2	14
	Июнь	1	—	—	—	3
Евпатория	Апрель	—	—	3	2	7
	Май	—	—	2	—	1
	Июнь	—	—	1	1	—
Итого	**Январь**	**—**	**3**	**—**	**2**	**—**
	Февраль	**5**	**5**	**1**	**5**	**9**
	Март	**5**	**4**	**2**	**10**	**14**
	Апрель	**—**	**7**	**5**	**5**	**15**
	Май	**—**	**2**	**6**	**2**	**20**
	Июнь	**1**	**—**	**1**	**2**	**5**

Таблица 2. Потери Люфтваффе на аэродромах Крыма и южной Украины с 1 января по 5 июля 1942 года

Дата	Место	Часть	Тип	Зав. номер	%	Потери л/с		Прим.
						убито	ранено	
15.01.42	Сарабуз	9./JG77	Bf.109F-4	7462	30	—	—	—
15.01.42	Сарабуз	8./JG77	Bf.109F-4	7134	30	—	—	—
15.01.42	Сарабуз	Stab/JG77	Fi.156	0697	25	—	—	—
15.01.42	Сарабуз	Наземный персонал		1	—	—		
25.01.42	Сарабуз	Наземный персонал		1	—	—		
19.02.42	Сарабуз	6./StG77	Ju.87B-1	0200	40	—	—	—
19.02.42	Саки	KG100	He.111H-6	4662	?	—	—	Balke
19.02.42	Саки	KG100	He.111H-6	4656	?	—	—	Balke
20.02.42	Саки	1./KG100	He.111H-6	4677	40	—	—	—
21.02.42	Саки	3./KG100	He.111H-6	4628	80	—	—	—
21.02.42	Саки	3./KG100	He.111H-6	4629	40	—	—	—
22.02.42	Саки	6./KG26	He.111H-6	4117	35	—	—	—
22.02.42	Саки	Наземный персонал				2	5	—
23.02.42	Сарабуз	Наземный персонал				1	—	—
24.02.42	Сарабуз	Наземный персонал				—	1	—
24.02.42	Саки	Flugber.LF4	Fi.156	5202	25	—	—	—
25.02.42	Саки	KG100	He.111H-6	4653	?	—	—	Balke
25.02.42	Саки	Наземный персонал				—	1	—
26.02.42	Саки	KG100	He.111H-6	4685	?	—	—	Balke
26.02.42	Саки	Наземный персонал				1	1	—
28.02.42	Саки	KG100	He.111H-6	4621	?	—	—	Balke
02.03.42	Саки	3./KG100	He.111H-6	4672	?	—	—	Balke
02.03.42	Саки	KG100	He.111H-6	4662	?	—	—	Balke
02.03.42	Саки	KG100	He.111H-6	4297	?	—	—	Balke
04.03.42	Саки	KG100	He.111H-6	4675	?	—	—	Balke
05.03.42	Саки	KG100	He.111H-6	4682	?	—	—	Balke
09.03.42	Саки	3./KG100	He.111H-6	4672	50	—	—	—
12.03.42	Саки	Наземный персонал				1	1	—
15.03.42	Саки	Ueberfuhrungs. Kdo. Juterborg				—	1	—
16.03.42	Саки	Наземный персонал				1	—	—
17.03.42	Саки	Flugber.LF4	He.111H-2	5264	30	—	—	ночь
17.03.42	Саки	Наземный персонал		—	1	—		
23.03.42	Саки	8.Seenot	Fw.58	58324(?)	20	—	—	ночь

23.03.42	Саки	Наземный персонал				1	1	—
23.03.42	Сарабуз	Наземный персонал				8	—	—
25.03.42	Сарабуз	Наземный персонал				—	7	—
26.03.42	Сарабуз	5./JG77	Bf.109F-4	7550	100	—	—	—
26.03.42	Сарабуз	5./JG77	Bf.109F-4	7559	100	—	—	—
26.03.42	Сарабуз	Наземный персонал				—	1	—
28.03.42	Николаев	S.-St.Go242	Go.242	0196	20	—	—	—
29.03.42	Николаев	S.-St.Go242	Go.242	0186	60	—	—	—
30.03.42	Саки	II./KG26	He.111H-6	4537	50	—	—	ночь
31.03.42	Саки	Наземный персонал				—	1	—
01.04.42	Саки	4.(F)/122	Ju.88D-5	1767	20	—	—	—
04.04.42	Саки	I./KG100	He.111H-6	4690	25	—	—	—
04.04.42	Саки	I./KG100	He.111H-6	7020	25	—	—	—
05.04.42	Саки	II./KG26	He.111H-6	4583	?	—	—	—
05.04.42	Саки	I./KG100	He.111H-6	4364	30	—	—	—
05.04.42	Сарабуз	4./JG77	Bf.109F-4	?	100	—	—	Prien
06.04.42	Саки	Наземный персонал				1	5	—
08.04.42	Саки	Seenotzen-trale	Fw.58	0324	30	—	—	—
08.04.42	Саки	Наземный персонал				1	1	—
15.04.42	Саки	I./KG100	He.111H-6	7024	?	—	—	—
21.04.42	Саки	Наземный персонал				—	1	—
21.04.42	Сарабуз	III./StG77	Ju.87R-4	6323	100	—	—	—
23.04.42	Евпатория	II./KG26	He.111H-6	4959	70	—	—	—
23.04.42	Евпатория	Наземный персонал				2	7	—
25.04.42	Саки	Наземный персонал				1	1	—
28.04.42	Евпатория	III./LG1	Ju.88A-4	8624	100	—	—	ночь
28.04.42	Евпатория	III./LG1	Ju.88A-4	3281	100	—	—	PTh, ночь
01.05.42	Евпатория	III./LG1	Ju.88A-4	5645	60	—	—	ночь
01.05.42	Евпатория	III./LG1	Ju.88A-4	0173	55	—	—	ночь
04.05.42	Саки	Наземный персонал				—	1	—
12.05.42	Саки	Наземный персонал				1	1	—
12.05.42	Сарабуз	Наземный персонал				—	4	—

13.05.42	Сарабуз	15./JG52	Bf109E-7	5058	100	—	—	—
15.05.42	Николаев	Наземный персонал				2	1	—
20.05.42	Саки	Наземный персонал				—	1	—
21.05.42	Саки	4./KG26	He.111H-6	4921	100	—	—	—
21.05.42	Саки	4./KG26	He.111H-6	4826	100	—	—	—
22.05.42	Саки	Наземный персонал				1	1	—
22.05.42	Евпатория	Наземный персонал				—	1	—
22.05.42	Саки	Наземный персонал				—	1	—
23.05.42	Сарабуз	Наземный персонал				—	1	—
23.05.42	Саки	3./KG100	He.111H-6	4656	?	—	—	—
23.05.42	Саки	Наземный персонал				—	2	—
28.05.42	Саки	KGrzbV4	Ju.52	5584	100	—	—	—
29.05.42	Саки	?	Ju.88	?	20	—	—	VIII, ночь
30.05.42	Саки	Наземный персонал				—	7	—
02.06.42	Саки	?	Ju.88	?	легко	—	—	VIII, ночь
02.06.42	Саки	Наземный персонал				—	1	—
02.06.42	Евпатория	Наземный персонал				1	—	—
03.06.42	Николаев	Westa76	Ju.52	5630	100	1	—	—
03.06.42	Николаев	Verb.St.67	W.34hi	0285	100	—	—	—
03.06.42	Сарабуз	I./KG51	Ju.88A-4	3752	80	—	—	—
03.06.42	Саки	Наземный персонал				—	1	—
05.06.42	Сарабуз	Наземный персонал				1	—	—
10.06.42	Евпатория	III./LG1	Ju.88A-4	0154	90	—	—	ночь
24.06.42	Саки	Наземный персонал				—	1	—
28.06.42	Сарабуз	Наземный персонал				—	2	—

Примечания: 1. В потери наземного персонала включены потери всех частей Люфтваффе, как боевых, так и вспомогательных: зенитчики, авиатехники, военные строители и т. д.

2. Эпизоды с пометкой «Balke» известны только по документу, приводимому в Balke U. Kampgeschwader 1 00 «Wiking». Stuttgart, 1 981. S. 340–341.

3. Эпизоды с пометкой «VIII» известны лишь по отчету Vlll-ro авиационного корпуса (BA-MA RL 8/249).

4. Эпизод с пометкой «PTh» известен лишь по хронике эскадры (Taghon P. Die Geschichte der Lehrgeschwaders 1. Band 2. Stuttgart, 2006).

5. Эпизод с пометкой «Prien» известен лишь по хронике эскадры (Prien J. Einsatz des Jagdgeschwaders 77 von 1 939 bis 1945. Tie.2. Hamburg, 1 993).

6. В эпизодах с пометкой «ночь» потери понесены противником при ночных налетах советской авиации.

7. Ueberfuhrungs. Kdo. Juterborg – это авиационная часть, занимавшаяся перегонкой самолетов. Раненый принадлежал к летному составу.

…И на море

Андрей Платонов Дунайские победы

22 июня 1941 года, первые дни войны, еще не Великой и не Отечественной… Горящая советская техника и советские села, толпы беженцев, трупы солдат Красной Армии и марширующие солдаты германские… Все это мы неоднократно видели с экранов телевизоров, и подобная картина стала уже хрестоматийной. А ведь было и иначе. Уже 25 июня наши войска успешно воевали «на чужой территории и малой кровью». Речь идет об устье Дуная. В это же время Черноморский флот начал активные действия с целью подготовки условий для решения задачи по содействию войскам Красной Армии в ходе наступления их на приморском направлении и в захвате Констанцы.

При анализе подлинных документов штаба Черноморского флота по ряду косвенных признаков можно сделать вывод, что там ни о какой катастрофе на наших западных границах в первые дни войны просто не ведали. Это вполне естественно, так как о реальном положении на фронтах не знали и в Генеральном штабе – а эта структура в то время никакого отношения к ВМФ не имела. Кое-что, «из дружеских московских источников в Главном штабе», на Черном море могли узнать только о Либаве. Но вполне естественно, что основное впечатление о разворачивающихся событиях у Военного совета флота складывалось на основании анализа обстановки на собственном театре.

А она была такова. Германо-румынский флот, в силу своей ничтожности на фоне советского, бездействовал. Проявляла активность лишь румынская речная дивизия, но полностью отмобилизованная к 22 июня Дунайская военная флотилия сразу перехватила инициативу. Обратим особое внимание: флотилия была не переведена на оперативную готовность № 1, а уже *отмобилизована.* В первые дни войны она нейтрализовала румынские мониторы, к 26 июня захватила полуостров Сатул-Ноу, населенные пункты Старая Килия, Пардина и острова Татару. Таким образом флотилия овладела обоими берегами Дуная от селения Периправа (исключительно) до устья реки Репида. Все эти территориальные приобретения Дунайская флотилия осуществила с помощью всего лишь одного полка 25-й стрелковой дивизии.

Разведсводки первых дней войны также не вызывали особого беспокойства: корабли противника рассредоточены вдоль побережья и несут усиленный дозор; авиация ведет разведку баз и аэродромов Черноморского флота. Правда, в вечерней разведсводке от 23 июня появляется сообщение о сосредоточении

турецких транспортов в нескольких портах – в частности, в Зонгулдаке авиация обнаружила 10–12 судов и большое количество шлюпок. Делается вывод: турки готовят десантную операцию. 25 июня опять указывается концентрация турецких транспортов, но без выводов. Здесь же, ссылаясь на британскую прессу, указывается на сосредоточение большого количества судов в районе Констанцы.

Таким образом, обстановка на Черноморском театре складывалась в целом так, как она и должна была складываться в представлении Военного совета флота. В ближайшие дни ожидалось начало повсеместного наступления Красной Армии, в том числе вдоль румынского побережья, а там главным объектом являлась Констанца. Подобные выводы из оценки обстановки отчасти подтверждались тем, что уже в первый день войны Нарком ВМФ поставил задачу подготовить набеговую операцию надводными кораблями по Констанце и Сулине, а ВВС флота *«ударами с воздуха уничтожить нефтебаки, мастерские, склады, корабли и железнодорожные депо в Констанце и Сулине; бомбовыми ударами с воздуха уничтожать корабли и суда, а также береговые объекты противника на Дунае с целью оказания помощи Дунайской военной флотилии; вести дальнюю воздушную разведку».*

Безусловно, в столь нетипичной для начала Великой Отечественной войны ситуации огромная роль принадлежит Дунайской флотилии. А ей от роду было менее года. 1 сентября 1939 года началась Вторая мировая война, или, как ее тогда называли в Советском Союзе – «вторая империалистическая». Кроме этого, зимой 1939–1940 годов СССР сам провел маленькую победоносную, но очень кровавую войну с Финляндией. В 1940 году в состав Советского Союза возвратились прибалтийские республики, а заодно Бессарабия. В этих условиях Днепр хоть и оставался самым значимым рокадным речным путем на юго-западе страны, но перестал быть пограничной рекой, зато государственная граница прошла по низовьям Дуная. Все это привело к тому, что летом 1940 года Днепровскую флотилию расформировали и на ее базе сформировали сразу две: Пинскую и Дунайскую. Последняя организационно вошла в состав Черноморского флота, и на случай начала военных действий Нарком ВМФ и командующий Одесским военным округом поставили перед ней следующие задачи:

• не допустить прорыва румынской речной дивизии ниже города Рени;

• не допустить форсирования противником реки Дунай ниже участка Галац – устье Дуная;

• отразить совместно с частями армии попытку удара противника с Галаца в направлении Джурджулешты.

Все эти задачи флотилия должна была решать в тесном взаимодействии с войсками 14-го стрелкового корпуса, в оперативное подчинение которого она передавалась.

К началу войны Дунайская флотилия имела в своем составе следующие корабельные силы: дивизион мониторов («Ударный», «Мартынов», «Ростовцев», «Железняков», «Жемчужин»), дивизион бронекатеров (22 единицы проекта 1125), отряд катеров-тральщиков (типа Р – 5 единиц, деревянных – 2 ед.), отряд полуглиссеров (6 единиц), минный заградитель «Колхозник», штабной корабль «Буг», плавучую мастерскую ПМ-10, госпитальное судно «Советская Буковина», два колесных буксира, а также 12 различных катеров и шхун. Кроме корабельных сил, в состав флотилии входили 96-я истребительная авиаэскадрилья, 46-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион, 7-я рота морской пехоты, отдельная местная стрелковая рота, 17-я пулеметная рота, а также Дунайский сектор береговой обороны в составе шести батарей береговой артиллерии (152-мм подвижной № 725, 152-мм подвижной № 724, 130-мм стационарной № 717, 45-мм противокатерной подвижной № 65 и 75-мм стационарной № 7). Флотилии оперативно подчинялся дивизион морской пограничной охраны НКВД (до 30 катеров, в том числе четыре типа МО-2). Командовал флотилией контр-адмирал И. О. Абрамов.

И все же советская речная флотилия существенно уступала румынской. Прежде всего противник располагал семью мониторами. Несмотря на свой почтенный возраст (самые «молодые» из них уже отслужили более четверти века), они явно превосходили по огневой мощи советские мониторы типа «Железняков»: два-три 120-мм орудия против двух 102-мм. Лишь монитор «Ударный» имел на вооружении два 130-мм орудия.

* * *

22 июня 1941 года в 02:00 по приказанию Наркома ВМФ Дунайская военная флотилия перешла на оперативную готовность № 1. Но еще 17 июня, в соответствии с поставленными ей ранее задачами, она осуществила оперативное развертывание своих сил. В этот же день в Рени перебазировалась группа кораблей в составе трех мониторов, отряда бронекатеров и двух катерных тральщиков. Ренинская группа должна была совместно с 724-й батареей флотилии и полевой артиллерией сухопутных

войск не допустить прорыва речных сил противника вниз по реке. Кроме того, на нее возлагалась задача содействия войскам корпуса при отражении наступления румын на Джурджулешты.

Остальные корабли и суда рассредоточились в Кислицкой протоке. В районе кордона Раздельный и устья реки Репиды установили дозоры из бронекатеров. Оборона участка Дуная от Килии до устья возлагалась на 4-й Черноморский отряд пограничных судов НКВД, вошедший в состав Дунайской флотилии 22 июня в 23:30.

Начиная военные действия в нижнем течении Дуная противник, поставив своей ближайшей задачей форсировать реки Дунай и Прут. Только за первую неделю войны румынские войска сделали до десяти попыток форсировать эти реки. Все они были отражены Дунайской военной флотилией и войсками 14-го стрелкового корпуса [284] .

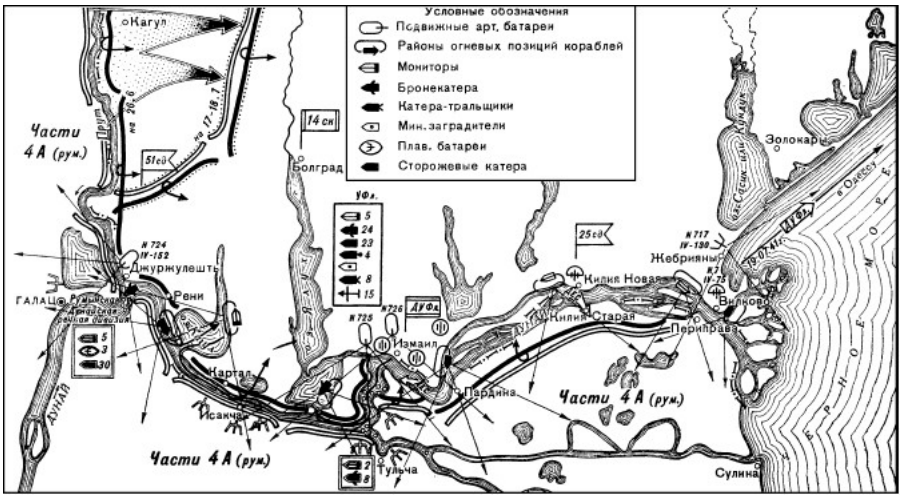
Понимая, что задачу форсирования реки невозможно решить, пока существует советская флотилия, румынское командование стремилось уничтожить ее огнем корабельной и береговой артиллерии, а также ударами с воздуха. Начиная с рассвета 22 июня вражеские артиллерийские батареи, расположенные в Галаце, Исакче, Тульче и других районах, начали обстрел кораблей, судов, береговых батарей и других объектов Дунайской флотилии. В обстреле принимали участие два румынских монитора, занимавшие позицию в Тульчинском гирле. Бомбардировочная авиация румын производила налеты на главную базу флотилии Измаил, а также на Килию и Вилков. Только благодаря своевременному рассредоточению и искусной маскировке кораблей, судов и береговых объектов противнику не удалось нанести существенные потери нашей флотилии своими артиллерийскими обстрелами и бомбовыми ударами с воздуха.

Одновременно противник, располагавший укрепленными пунктами Пардино, Старая Килия и Периправа, стремился прервать коммуникации флотилии, идущие из Одессы по Килийскому гирлу к Измаилу. Поскольку с началом войны железнодорожная сеть Бессарабии целиком переключилась на питание армейских частей, водные пути стали для моряков основными для подвоза боеприпасов, горючего, продовольствия и других видов снабжения. Нарушение речных коммуникаций ставило флотилию в критическое положение.

Ситуация многократно осложнялась отсутствием какой-либо глубины обороны. Наиболее удаленная от противника Кислицкая протока отстояла от границы на 3–4 км. В остальных районах объекты флотилии находились от противника на расстоянии от 300 метров до 1 километра. Такое положение грозило полностью

парализовать деятельность флотилии. Учитывая это, командование еще до войны разработало план захвата ближайших пунктов противника на правом берегу реки.

Но сначала для недопущения соединения Галацкой (основной) и Тульчинской групп кораблей румынской речной дивизии Ренинская группа кораблей Дунайской флотилии в ночь на 24 июня заминировала фарватер Дуная между Галацем и Рени. Четыре бронекатера под прикрытием мониторов «Жемчужин», «Железняков» и «Ростовцев» и береговой батареи № 724 за 20 минут поставили 24 мины типа Р в одну линию поперек фарватера Дуная на траверзе реки Писика.



Действия Дунайской флотилии на Нижнем Дунае с 22 июня по 1 9 июля 1941 года

В следующую ночь корабли противника пытались форсировать минное заграждение, но, попав под огонь наших кораблей и береговой артиллерии, повернули на обратный курс и ушли в Галац. Это была первая и последняя попытка румынских мониторов за все время боевых действий Дунайской флотилии прорваться из Галаца вниз по Дунаю.

Отряд бронекатеров под прикрытием мониторов «Ударный» и «Мартынов» в ночь на 26 июня успешно осуществил минную постановку в Тульчинском рукаве, имевшую цель не допустить в Дунай два румынских монитора, базировавшихся на Тульчу.

Таким образом румынские мониторы, представлявшие, по мнению командования Черноморского флота, наибольшую опасность для Дунайской флотилии, разобщили и блокировали минным оружием. Тем не менее командование продолжало считать их опасными, особенно для Ренийской группы. Для удара по вражеским кораблям широко использовалась авиация. Однако

тщательная маскировка и частая смена мест стоянки кораблей не позволили уничтожить их с воздуха в Тульчинском рукаве. Тогда было принято решение потопить мониторы торпедами. 28 июня по просьбе командующего флотилией из Одесской ВМБ на Дунай прибыли четыре торпедных катера. Но и катера не оправдали возлагаемых на них надежд. Из-за неисправности материальной части и особенностей условий речного театра они ничего не сделали и в начале июля вернулись в Одессу.

25 июня после артиллерийской подготовки сводная рота пограничников заняла полуостров Сатул-Ноу, откуда румыны частыми артиллерийскими и пулеметными обстрелами не давали нормально работать Измаильскому военному порту. На следующий день силы флотилии совместно с 23-м стрелковым полком 25-й стрелковой дивизии преодолели огонь противника и заняли Старую Килию: до 200 румын было уничтожено, 720 человек сдались в плен. К исходу дня наши войска без боя заняли селение Пардина и остров Татару. Теперь Дунайская флотилия владела обоими берегами Дуная от селения Периправа (исключительно) до устья реки Репида, получив свободный от сил противника участок реки на протяжении 76 км и необходимую глубину обороны. Таким образом тылы флотилии и большая часть основной коммуникации стали недосягаемы для сил речной дивизии противника.

Дальнейшая обстановка в районе боевой деятельности Дунайской флотилии целиком определялась положением на южном участке советско-германского фронта. В конце июня противник усилил давление на правый фланг 14-го стрелкового корпуса в районе Фельчиул, Цыганка и у Джурджулешты. У Фельчиула ему удалось форсировать реку Прут и потеснить наши части. Командование корпуса начало снимать войска с левого берега реки Дунай и перебрасывать их на правый фланг. Оборона оголяемых участков в связи с этим все больше переходила к Дунайской флотилии.

Одновременно заметно ухудшились условия базирования сил Ренийской группы. Однако выводить корабли в Измаил командование флотилии не хотело, поскольку верило во временый характер неудач на фронте. Поэтому 30 июня Ренийскую группу увели в озеро Кагул. Здесь корабли оказались в относительной безопасности, но озеро легко могло превратиться в западню.

Тем временем ситуация на южном участке фронта заметно ухудшилась. Противнику удалось прорвать фронт соседнего справа 35-го стрелкового корпуса и занять Бельцы. В то же время две румынские дивизии, форсировавшие реку Прут в районе

Фельчиул, Цыганка, продолжали теснить 150-ю стрелковую дивизию 14-го корпуса, стремясь развить наступление в общем направлении на Болград. Вследствие этого командование корпуса ускорило переброску войск с участка от Рени до устья Дуная на правый фланг. К 9 июля на фронте от Новой Некрасовки до устья реки протяжением в 120 км оставался всего один стрелковый батальон. С этого момента ответственность за оборону всего левого берега Дуная фактически полностью оказалась возложена на Дунайскую военную флотилию.

Одновременно в районе от Измаила до устья Дуная у румын остался один сильно укрепленный пункт – селение Периправа. Там располагался гарнизон до 1000 человек пехоты и до трех батарей артиллерии. Проход буксиров с баржами на расстоянии 150–200 м от румынских батарей всякий раз требовал проведения специальных мероприятий по прорыву их в ночных условиях. Учитывая это, командование флотилии неоднократно ставило перед командиром 14-го стрелкового корпуса вопрос о захвате Периправы. Но в связи с усилившейся активностью противника на правом фланге, командование корпуса отказалось выделять войска для захвата этого пункта.

Не имея сил для захвата Периправы, командование флотилии в ночь на 11 июля пыталось высадить небольшой диверсионный десант с целью разрушения батарей противника. Высадка оказалась неудачной. Периправа продолжала оставаться в руках противника до конца боевых действий в нижнем течении Дуная.

8 июля в связи с угрозой обхода противником правого фланга 35-й стрелковый корпус начал отход на рубеж озера Ялух. Дальнейшее нахождение кораблей Ренинской группы на озере Кагул становилось крайне опасным, и они получили приказ уходить в Измаил. В ночь на 9 июля мониторы «Жемчужин» и «Железняков», «Ростовцев» и два бронекатера совершили прорыв огневых рубежей противника и прибыли в Главную базу флотилии. Успех прорыва обеспечили искусно поставленные дымовые завесы и эффективный согласованный огонь по противнику 218-го артполка из района Картала и береговых батарей № 725 и 726 из Измаила.

Падение Кишинева 14 июля и продолжавшееся наступление противника на восток к Днестру грозило отсечением наших двух корпусов в Южной Бессарабии. 18 июля командиры 35-го и 14-го стрелковых корпусов получили приказ начать отход на рубеж реки Днестр. Еще до этого командование ВМФ своей телеграммой от 17 июля 1941 года, посланной на имя командующего Черноморским флотом, приказало в ночь на 18 июля вывести Дунайскую военную флотилию в Одессу.

Командование Черноморского флота и 9-й армии Южного фронта поставило перед Дунайской флотилией следующие задачи: эвакуировать свои тылы; прорваться кораблями в море для перехода в Одессу; прикрыть отход 14-го стрелкового корпуса.

17 июля в Одессу отправили вспомогательные суда, баржи и органы тыла. Тылы 96-й авиаэскадрильи и часть имущества отправили по железной дороге. 17-я пулеметная рота и батарея № 724 из Рени отошли на Болград совместно с частями 14-го стрелкового корпуса.

По требованию командования корпуса выход основных сил Дунайской флотилии из Измаила перенесли на сутки – на 19 июля. Используя темную ночь, корабли к утру 19 июля прорвались мимо укрепленного района противника у селения Периправа и к утру вошли в Очаковское гирло. Затем, следуя тремя раздельными группами, они совершили переход морем, и к утру 20 июля в Одессу прибыло 100 различных кораблей, судов и катеров. На переходе погиб лишь один портовый катер, севший на мель в районе Днестровского лимана. Всего же на Дунае с начала военных действий было потеряно пять бронекатеров. № 114 погиб от удара авиации 1 июля, от артиллерийского огня погибли четыре катера: № 112 – 8 июля, № 113 и № 134 – 11 июля, № 133 (398 [285]) – 18 июля.

Прикрытие отхода флотилии от возможных ударов румынских мониторов осуществлялось постановкой минного заграждения из 14 мин типа Р-1 и 18 мин типа «Рыбка» в районе кордона Вогульский – устье реки Репида. При отходе из Потаповского канала бронекатера флотилии выставили 15 мин типа «Мираб».

Несмотря на то, что флотилия покинула Дунай, ее боевая деятельность на этом не прекратилась. Исправные мониторы «Жемчужин» и «Ростовцев» перешли на Днепр в состав Пинской флотилии, где в конце концов и погибли. Остальные корабли и катера Дунайской флотилии перешли в Николаев для аварийно-восстановительного ремонта. Так нежданно-негаданно боевой путь флотилии с реки Дунай переплелся с тыловой «судостроительной» Николаевской ВМБ на реке Южный Буг.

Все, что касается обороны и сдачи этой базы – тема другого повествования, но можно сказать, что именно деятельность кораблей флотилии оказалась чуть ли не самым светлым пятном во всей этой в целом печальной истории. Избрав своей передовой базой город Вознесенск, что на добрую сотню километров выше Николаева, флотилия попыталась взять под свой контроль весь этот участок реки Южный Буг. При этом основными задачами

являлись прикрытие переправ соединений Красной Армии, откатывающихся на Восток, и одновременно – недопущении форсирования реки германскими войсками.

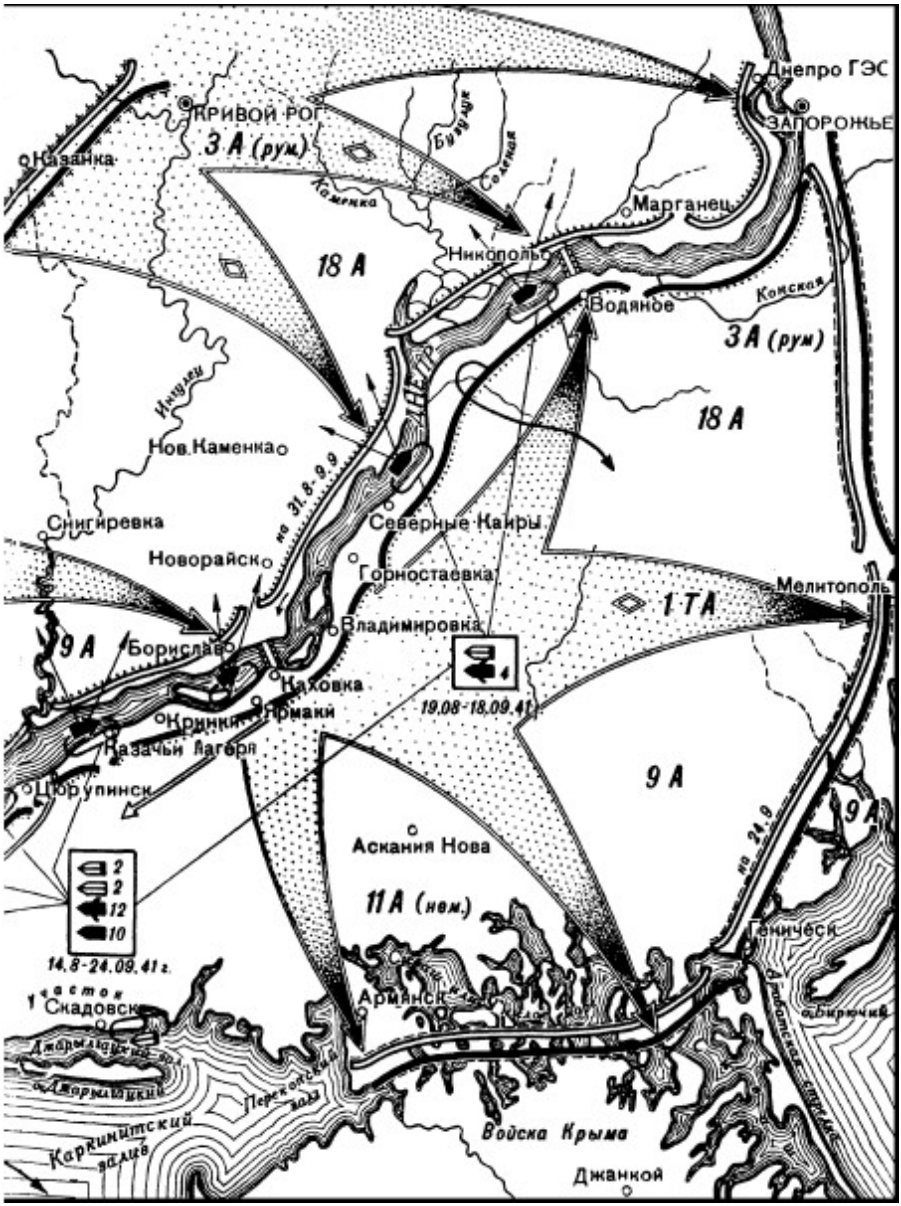
Начав развертывание 1 августа, к 4 августа соединения флотилии заняли назначенные участки реки: в Вознесенске – 4-й отряд бронекатеров; в Новой Одессе – мониторы «Ударный» и «Железняков», 1-й и 2-й отряды бронекатеров. Монитор «Мартынов» и 3-й отряд бронекатеров находились на переходе из Николаева в Новую Одессу. 5 августа поступили сведения о появлении войск противника на берегах реки Ингул, то есть уже восточнее Южного Буга. Туда немедленно перенацелили 1-й отряд бронекатеров.

Как мы теперь уже знаем, Вознесенск оказался на острие удара 1 – й танковой группы вермахта, пытавшейся с севера охватить основные силы Юго-Западного фронта. Естественно, ни оборонявшие город советские войска, ни отряд бронекатеров не могли предотвратить его захват, и 6 августа Вознесенск пал. Однако германские войска задержались в городе, что выявила воздушная разведка флотилии. В этих условиях было принято решение нанести по противнику артиллерийский удар, выделив для этих целей единственный корабль флотилии с подходящей артиллерией – монитор «Ударный». В 18:00 8 августа он в сопровождении двух бронекатеров снялся с якоря в Новой Одессе и начал движение вверх по реке. Отряд скрытно занял огневую позицию в 7 километрах от Вознесенска, выставил береговое охранение и выслал в город двух переодетых разведчиков. Руководил операцией начальник штаба флотилии капитан 2 ранга В. В. Григорьев. К сожалению, как это часто случалось до того и впоследствии, стрелять пришлось по площади без корректировки, руководствуясь данными дневной воздушной разведки. В полночь «Ударный» открыл огонь выпустив за 15 минут 85 130-мм снарядов. После этого отряд скрытно возвратился в Новую Одессу. Утром разведчики доложили о десяти сожженных танках, двух уничтоженных орудиях и взорванном эшелоне с боеприпасами. Все это было бы очень хорошо, но 85 120-мм фугасных снарядов в набитом войсками небольшом городке не могли не найти свои жертвы.

К сожалению, артиллерийский налет не смог задержать движение войск противника, и буквально утром 9 августа германские части продолжили наступление вдоль левого берега Южного Буга в направлении Новой Одессы. В этих условиях было принято решение повторить артиллерийский удар по Вознесенску в ночь с 10 на 11 августа. Однако в это время уже действовала речная переправа, по которой отходили части 2-го

кавалерийского корпуса. Командир корпуса наотрез отказался приостановить переправу и пропустить корабли вверх по реке. Пока связывались по радио со штабом Южного фронта, германские войска заняли несколько приречных населенных пунктов, в частности, Сухой Елец, и подходили к Третьяковке. В этих условиях от операции пришлось отказаться.

На следующий день, то есть 11 августа, пришло сообщение о прорыве германских войск к Николаеву. Таким образом, флотилия реально могла оказаться в окружении.



Содействие Дунайской флотилии войскам Южного фронта с августа по сентябрь 1941 года

Оттянувшись к городу, корабли сосредоточились на прикрытии переправы через Варваровский мост и Ингульскую переправу у судостроительного завода им. 61 Коммунара. Одновременно с двух мониторов высадили 7-ю роту морской пехоты для прикрытия аэродрома Сливны.

Однако в условиях отсутствия какой-либо организованной обороны города все попытки флотилии задержать противника результата не имели. К 14:00 германские войска заняли аэродром

Сливны, к 16:00 противник уже с востока ворвался на аэродром Водопой, к ночи оказалась перехвачена дорога на Херсон. В этих условиях мониторы и бронекатера заняли огневые позиции ниже Варваровского моста с целью обеспечить переправу 9-й армии. Все остальные корабли и суда флотилии были оправлены в Херсон. 13 августа германские войска заняли село Корениха на правом берегу реки напротив Николаева и начали обстрел судостроительного завода им. Марти. В 14:00 в результате прямого попадания снаряда, предположительно калибром 150 мм, погиб со всем экипажем бронекатер № 404.

В 01:00 14 августа командование флотилии получило приказание отходить в Днепровский лиман, в 02:00 корабли ушли с огневых позиций и направились вниз по реке. На рассвете из штаба Черноморского флота уточнили новый пункт сосредоточения флотилии – Херсон. В 12:20 мониторы «Ударный», «Железняков», «Мартынов» и 16 бронекатеров встали на якорь в протоке Конка в 3 км от Херсона, а уже к исходу дня под огнем противника прорвались в порт. Так завершился «бугский» период боевой деятельности Дунайской флотилии и начался новый – «днепровский».

К 15 августа в Херсоне царили анархия и мародерство. Части 9-й армии отходили за Днепр, переправляясь через него в районе Берислав и селения Антоновка вблизи Херсона. Протоки Днепра напротив города забили суда и баржи речного флота, прибывшие сюда из районов Киева и Днепропетровска: не менее 18 пассажирских судов, 15 буксиров, 12 землечерпалок, до 40 несамоходных барж, среди которых оказалось много загруженных нефтеналивных.

Связь со штабом фронта и со штабом 9-й армии флотилия потеряла еще 16 августа. С целью установления связи 15 августа командующий флотилией вместе с заместителем Наркома ВМФ вице-адмиралом Г. И. Левченко на глиссере выходили вверх по Днепру, но никаких штабов не обнаружили.

В этой обстановке Левченко приказал оборонять участок фронта от села Казачьи Лагери до выхода в море из Днепровского лимана, удерживая Херсон, насколько хватит сил и средств. Для наведения порядка в Херсоне и организации его обороны командующему флотилией приказали объявить себя начальником гарнизона города. Назначенный военным комендантом Херсона капитан 3 ранга К. М. Балакирев с морскими пехотинцами достаточно быстро навел должный порядок.

По распоряжению командующего Черноморским флотом монитор «Железняков» и один бронекатер передали в распоряжение генерал-майора береговой службы Кузьмичева для

оказания содействия обороне Очакова. Туда же отправили взвод отдельной местной стрелковой роты.

В распоряжении командующего флотилией остались мониторы «Ударный» и «Мартынов», пятнадцать бронекатеров, пять катерных тральщиков, а также канонерские лодки «Буг» и «Днестр» Черноморского флота, находившиеся в это время в Херсоне и переданные в состав флотилии. Они имели по два 130-мм орудия, но и осадку 3,5 м, поэтому на реках их использование было затруднено.

Для сухопутной обороны Херсона флотилия располагала 7-й ротой морской пехоты (220 человек, 3 пулемета), отдельной местной стрелковой ротой (140 человек, 3 пулемета), флотским полуэкипажем (110 человек, 1 пулемет), 17-й пулеметной ротой (150 человек, 15 пулеметов) – итого 620 человек при 22 пулеметах. Силы почти смехотворные. Для оказания огневого содействия войскам флотилии при обороне Херсона корабли заняли огневые позиции: монитор «Ударный» с четырьмя бронекатерами в протоке Конка, три бронекатера прикрывали переправу у сел Антоновка, три бронекатера – в районе Касперовка.

Одновременно в течение 14–16 августа флотилия вытаскивала свои тылы из Николаева на восточный берег Днепра. 16 августа германские мотоциклисты пытались с ходу ворваться в Херсон, но были легко отбиты. Наступило некоторое затишье.

18 августа монитор «Мартынов» с бронекатерами № 101, 102, 103 и 104 начали движение вверх по Днепру в район Никополь-Запорожье, где осуществляли поддержку войск 18-й армии. В состав флотилии они уже больше не вернулись. После прорыва немецких войск через Днепр в районе Каховки, оказавшись отрезанными, 18 сентября экипажи взорвали монитор и бронекатера.

18 августа с утра немцы повели наступление на Херсон, но уже более значительными силами. С 07:00 «Ударный» обстреливал наступающего противника по заявкам коменданта сухопутной обороны Херсона и к 18:40 произвел 260 выстрелов, то есть практически полностью разгрузил погреба главного калибра. Причем когда вышло из строя первое орудие, его боезапас подавался во вторую башню. Несмотря на все усилия, к 19:00 германские войска прорвались к берегу в районе элеватора, а к 20:00 – в район порта и пристани. Дальнейшая оборона города стала невозможной. Наши части по приказанию командования отходили к пристаням и под непрерывным огнем противника переправлялись на другой берег на подручных плавсредствах. Прикрытие посадки и переправы осуществляли пять

бронекатеров, которые также находились под обстрелом противника. От попадания снаряда крупного калибра взорвался и погиб почти со всем личным составом бронекатер № 201. От нескольких прямых попаданий снарядов загорелся штабной корабль «Буг»; он лишился хода и выбросился на берег, где и догорел. Сгорели также две баржи с имуществом, минный заградитель «Колхозник» получил несколько попаданий, но остался на плаву К 22:00 все сухопутные части флотилии переправились через Днепр. Однако кто-то еще оборонялся на правом берегу, и противник полностью овладел городом лишь через сутки.

К этому времени войска Южного фронта, переправившись через Днепр, заняли оборону на его восточном берегу. Дунайская флотилия получила от командования Южного фронта через Военный Совет Черноморского флота задачу прочно оборонять участок фронта Цюрупинск (включительно) – Новая Збурьевка (исключительно) протяженностью 30 км и кораблями прикрывать участок Новая Збурьевка – Прогнои – остров Первомайский. Все действия согласовывать с командованием 51-й стрелковой дивизии.

Воспользовавшись некоторым затишьем, командование флотилией постаралось создать устойчивую оборону, опирающуюся на заранее организованную систему огня. Прежде всего создали сеть постов СНиС [286] , которые являлись также опорными оборонительными пунктами. Каждый пост имел 20 бойцов, один станковый и два ручных пулемета, радиостанцию, плавсредства. Посты СНиС выставили: № 201 – напротив верхнего выхода из протоки Конка, № 202 – напротив села Антоновка, № 203 – напротив Херсона (в районе трех затонов), № 204 и 205 – в низовьях Днепра. Внешнюю кромку камышовых плавней между постами № 201 и 202 оборонял 1-й стрелковый взвод 7-й роты морской пехоты. Район трех затонов напротив Херсона оборонял минометный взвод с двумя станковыми пулеметами 7-й роты морской пехоты. Внешнюю кромку острова между постами № 203 и 204 оборонял 3-й стрелковый взвод 7-й роты с двумя станковыми пулеметами. Внешнюю кромку островов между постами № 205 и 204 оборонял флотский полуэкипаж в количестве 100 человек. Отдельная местная стрелковая рота занимала второй оборонительный рубеж по южному берегу Кардашинского лимана. 17-я пулеметная рота и 46-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион обороняли район Голой Пристани. Там же находился штаб флотилии.

Монитор «Железняков» после сдачи Очакова перешел в порт Скадовск, так что в непосредственном подчинении командования

флотилии остался только «Ударный», который замаскировали в протоке Конка у Голой Пристани в качестве резерва командующего. Оставшиеся бронекатера и катерные тральщики расставили на угрожаемых направлениях, по возможности в видимости постов СНиС, что повышало надежность управления. В темное время суток катерные тральщики непрерывно патрулировали у кромки плавней на своих участках. Канонерские лодки «Буг» и «Днестр» прикрывали район селения Прогнои.

Воспользовавшись затишьем в районе Херсона, силы флотилии постоянно вели разведку противника. Вела разведку и 9-я армия. По ее данным, в городе имелся гарнизон численностью порядка 1000 человек без тяжелого вооружения. По данным же флотилии, в районе Херсона находилось порядка 5000 человек. Каждый оставался при своем мнении, но флотилия оперативно подчинялась фронту, и в 18:00 24 августа начальник штаба флотилии, вызванный в штаб 9-й армии в селение Радянское, получил приказ командарма на десантную операцию по захвату Херсона в эту же ночь. В 21:00 приказ командарма доставили командующему флотилией. С этого момента корабли начали готовиться к операции. Предполагалось осуществить высадку на пяти пунктах общей численностью 1500 человек. Как и можно было предположить при такой спешке, войска прибыли на посадку с большим опозданием, и она завершилась только в 01:30 25 августа. Корабли с десантом уже никак не могли скрытно в темное время подойти к месту высадки. После вторичного доклада командующему 9-й армией об обстановке операцию отменили.

В дальнейшем никаких значительных событий перед фронтом флотилии не происходило. Несколько раз высаживали разведывательные группы, обстреливали позиции противника, даже заняли несколько мелких островков напротив Херсона. 27 августа канонерские лодки «Буг» и «Днестр», неся патрульную службу в Днепро-Бугском лимане, в 02:30 обстреляли плавучие средства противника в районе Очаковского мыса.

Но 31 августа обстановка резко изменилась. Противник после сильной артиллерийской подготовки под прикрытием дымовой завесы форсировал Днепр у Каховки. Это заставило 9-ю армию снять с обороны низовий реки 51-ю стрелковую дивизию и перебросить ее к Каховке. Взамен 263-го стрелкового полка в оперативное подчинение флотилии передали 1 – й батальон 534-го стрелкового полка, занявший оборону между Старой Збурьевкой и Цюрупинском.

3 сентября флотилия, получив приказание от командования 9-й армии воспрепятствовать переправам противника в районе

Каховки, выделила для этой цели четыре бронекатера: № 301 (202), 304 (203), 401 и 402. Прорваться смогли только два последних, остальные погибли. Пропало без вести 10 и ранено 8 человек. Правда, и прорвавшиеся катера дальше Каховки не прошли и вскоре вернулись обратно.

9 сентября приказом командующего Южным фронтом флотилия передавалась в непосредственное оперативное подчинение 9-й армии. В тот же день командующий армией возложил на флотилию полную ответственность за оборону участка Кринки – Днепровский лиман, придав ей в оперативное подчинение, кроме имевшихся сухопутных частей, еще 8-й инженерный батальон. В районе Кринки на правом фланге флотилии должна была действовать 74-я стрелковая дивизия.

10 сентября противник, наступавший из района Каховки, к вечеру занял поселки Большая Маячка, Большие Копани и продолжал развивать наступление в направлении на Скадовск. Части 9-й армии отошли на восток. Флотилия в очередной раз могла оказаться в окружении – что и произошло 11 сентября, когда к 15:00 части Красной Армии оставили Скадовск. Связи со штабом 9-й армии ни у флотилии, ни у Тендровского боевого участка не было. Надеяться было не на кого.

Из всех имеемых частей своим приказом командующий Дунайской флотилией сформировал сводный полк общей численностью в 1700 человек. Кроме того, в состав сводного полка входили 46-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион и батарея 122-мм гаубиц.

Кораблям и судам флотилии поставили задачу по особому сигналу сосредоточиться в район островов Круглый, Соколиный – нижнее устье протоки Конка. При этом бронекатера и катерные тральщики должны были снять личный состав постов СНиС и морской пехоты, находившиеся в обороне в районе Херсона и хутора Пятихатка.

Начальнику тыла флотилии приказали подготовить все баржи и буксиры и выходить по сигналу с расчетом прибыть в Тендровский залив к исходу ночи 13 сентября; все тыловые учреждения требовалось перебросить по направлению Новая Збурьевка – Чулаковка – Циммервальд. Штаб флотилии, участок СНиС и 17-я пулеметная рота должны были отходить по сигналу командующего в том же направлении.

Несмотря на упорное сопротивление сухопутных частей обороны флотилии при поддержке бронекатеров, к рассвету 12 сентября противнику удалось форсировать Днепр в районе Херсона и высадиться на остров. В течение суток части Тендровского боевого участка вели тяжелые оборонительные бои

и к 16:00 вынуждены были отойти на новый рубеж обороны Большая Кардашинка – Келегейские хутора.

Корабли сосредоточились в районе острова Соколиный. Бронекатера и катерные тральщики сняли личный состав постов СНиС и 7-ю роту морской пехоты.

13 сентября приказом Военного Совета Черноморского флота все сухопутные части Дунайской флотилии передали в оперативное подчинение Тендровскому боевому участку. Флотилии же поставили задачу поддержать левый (западный) фланг этого участка со стороны Днепровского лимана.

14 сентября корабли флотилии подвергались непрерывным ударам с воздуха. Канонерская лодка «Днестр» получила несколько осколочных повреждений, четыре человека были ранены. При переходе в Ак-Мечеть на канлодке «Буг» попаданием снаряда выведено из строя 130-мм орудие и все зенитные средства. При этом монитор «Железняков» находился в районе Свободный порт, а монитор «Ударный», заградитель «Колхозник», бронекатера, катерные тральщики и глиссеры действовали в устье Днепра.

16 сентября произошла смена командования Дунайской флотилии – ее командующим стал контр-адмирал А. С. Фролов.

В дальнейшем корабли флотилии продолжали оказывать огневую поддержку обороняющимся войскам, при этом почти непрерывно находясь под ударами противника. Так, 17 сентября монитор «Железняков» подвергался атаке 17 самолетов. Повреждений удалось избежать, но он был вынужден во второй половине дня перейти в Свободный порт.

При прорыве вспомогательных кораблей в ночь на 18 сентября в районе острова Первомайский подорвались на минах две баржи и плавбаза бронекатеров; буксиры при этом получили незначительные повреждения.

19 сентября произошло то, чего в этих условиях трудно было избежать – у Кинбурнской косы в районе Покровка монитор «Ударный» получил несколько прямых попаданий авиабомб и погиб. В то же время «Железняков» получил несколько тяжелых повреждений от осколков и взрыва бомб возле корабля.

21 сентября в результате неоднократных воздушных налетов на район Покровка прямыми попаданиями бомб потоплены заградитель «Колхозник» и бронекатер № 401, производившие гидрографические работы, причем погиб почти весь личный состав этих кораблей. Сторожевой катер МО-127 взрывной волной выбросило на берег, но затем его стащили на воду, и, несмотря на повреждения, он самостоятельно дошел до Ак-Мечети.

В ночь на 23 сентября силами и средствами флотилии

остатки личного состава Тендровского боевого участка и боевое имущество, за исключением нескольких автомашин, эвакуировали на Тендру. Все усилия противника отрезать отходившие части от плавучих средств потерпели неудачу С 22 по 24 сентября немецкие пикирующие бомбардировщики потопили в районе Тендры эсминец «Фрунзе», канонерскую лодку «Красная Армения», морские буксиры «Тайфун» и ОП-8, баржи флотилии с боезапасами, топливом и вещевым имуществом, а также большое количество мелких судов.

25 сентября все корабли Дунайской флотилии, кроме двух бронекатеров, а также ее суда и сухопутные части по приказу Военного Совета Черноморского флота через Ак-Мечеть и Евпаторию начали движение в Севастополь, куда прибыли 1 октября. Там им предоставили время на укомплектование и ремонт. Не дошел до Севастополя буксирный пароход «Аккерман» – на нем вышла из строя машина, и пароход сильным северо-восточным ветром снесло к турецкому берегу вблизи города Синоп, где его интернировали. Так завершился очередной этап боевой деятельности Дунайской флотилии. Но, как оказалось, не последний.

8 октября командующий Черноморским флотом вышел с ходатайством перед Наркомом ВМФ о сохранении Дунайской флотилии и перебазировании ее в Камыш-Бурун для недопущения ворвавшегося в Крым противника через Керченский пролив на Таманский берег. Более того, командующий просил разрешение усилить флотилию дивизионом канонерских лодок типа «Красная Грузия» и плавучей батареей.

Это предложение может показаться странным, так как уже существовали Азовская флотилия и Керченская ВМБ, а силы Дунайской флотилии можно было просто включить в их состав. Однако сделали иначе, и в этом была своя логика. Дело в том, что в условиях обстановки, складывающейся на побережье Азовского моря, Азовская и Дунайская флотилии должны были действовать на различных операционных направлениях. Поэтому с 1 по 15 октября Дунайская флотилия проходила в Севастополе как ремонт, так и частичное доукомплектование и переформирование. В ее состав включили плавучую несамоходную батарею № 4 (три 100-мм и три 45-мм орудия и шесть пулеметов М-1) с буксиром СП-1 и пять сейнеров, дивизион канонерских лодок в составе «Красная Грузия», «Красный Аджаристан» и «Красная Абхазия». Кроме того 7-ю роту морской пехоты развернули в батальон.

20 октября флотилия сосредоточилась в базе Камыш-Бурун. Правда, монитор «Железняков» и канонерская лодка «Красная

Грузия» все еще находились в Севастополе, буксирные пароходы ПП-23 и ПП-22, санитарное судно «Советская Буковина» и плавучая мастерская требовали капитального ремонта, батальон морской пехоты на 70 % не имел вооружения, 46-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион не имел приборов управления огнем и даже дальномеров, да и сами орудия требовали ремонта. К тому же дивизион канонерских лодок сразу оказался под непосредственным управлением штаба флота.

Дунайская флотилия подчинялась в оперативном отношении командованию 51-й армии и сначала имела задачу оборонять побережье Азовского моря на участке Геническ – Арабатская Стрелка – Ак-Монай – северное побережье Керченского полуострова до мыса Ахиллеон, который одновременно служил разграничительной линией с Керченской ВМБ и Азовской военной флотилией.

20-22 октября плавбатарея № 4 производила обстрел Геническа и огневых точек противника на острове Бирючий. Но обстановка на сухопутном фронте быстро менялась в худшую сторону. Уже 22 октября флотилия получила новую задачу – оборонять Камыш-Бурун. В связи с ухудшением положения на сухопутном фронте базу флотилии перенесли в город Тамань. 25 октября туда перебазировали учреждения, тылы и зенитную батарею № 463. На северном берегу Керченского полуострова были развернуты посты СНиС флотилии в пунктах: Казантип, мыс Зюк, мыс Хрони и мыс Пеклы. От Ак-Моная до северного входа в Керченский пролив сейнеры и катерные тральщики непрерывно несли дозорную службу

26 октября в Камыш-Бурун прибыли «Красная Грузия» и «Железняков». В тот же день в 22:15 начальник штаба Черноморского флота передал командующему Дунайской флотилии следующее приказание: *«Теперь же направить Горшкову один отряд БКА (4 ОБКА) для действий в составе Донского отряда кораблей АВФ. Один ОБКА оставить в составе ДВФ».* 27 октября начальник штаба флота приказал срочно водным путем направить в Севастополь батальон морской пехоты. Ничего под рукой не нашлось, и батальон повезли на канонерской лодке «Красная Грузия». Наконец 30 октября 46-й отдельный зенитный артиллерийский дивизион и 17-я пулеметная рота развернулись на оборонительном рубеже Керченской ВМБ. 3 ноября от прямого попадания авиабомбы получила повреждения плавучая батарея № 4, которую поставили на ремонт в Камыш-Бурун.

8 ноября во второй половине дня по приказанию заместителя Наркома ВМФ вице-адмирала Левченко командующий Дунайской флотилией перешел в Керчь для руководства эвакуацией

имущества и частей Красной Армии. В Камыш-Буруне остались штаб, части и корабли флотилии под командованием начальника штаба флотилии. Но уже 10 ноября к 08:00 флотилия сосредоточилась в Керчи для прикрытия эвакуации города и частей Красной Армии. В последующие дни монитор «Железняков», плавбатарея № 4, бронекатера поддерживали огнем обороняющиеся войска. В ночь на 17 ноября все было кончено, и на рассвете германские войска полностью заняли западный берег Керченского пролива. Лишь косу Чушка и косу Тузла продолжали оборонять наши части.

Наконец 20 ноября произошло то, чего давно ожидали: Дунайскую флотилию приказали расформировать. То, что от нее осталось, передали в Азовскую флотилию. 1 декабря пришел соответствующий приказ Наркома ВМФ.

13 апреля 1944 года все произойдет с точностью до наоборот: на базе Азовской флотилии вновь сформируют Дунайскую военную флотилию, и ее флагманом станет единственный уцелевший корабль флотилии первого формирования – монитор «Железняков».

Боевая деятельность Дунайской военной флотилии в 1941 году может являться примером того, как в условиях повсеместного отступления Красной Армии одно отдельно взятое объединение ВМФ постоянно добивалось хоть и небольших, но побед. Начать надо с деятельности флотилии на Дунае. Прежде всего она парализовала более мощную речную дивизию румын. Они не смогли ни воспользоваться речной коммуникацией, ни обеспечить форсирования Дуная германо-румынскими войсками, ни защитить свои берега от десантов советских войск. И наоборот, Дунайская флотилия захватила часть румынского побережья, обеспечив тем самым себе безопасную речную коммуникацию. А главное – противник так и не смог форсировать Дунай в операционной зоне флотилии.

Когда же в силу сложившихся условий обстановки Дунайская флотилия была вынуждена покинуть Дунай, она сделала это организованно, практически без потерь. И не стоит думать, что это везение. Просто в отличие, например от Балтийского флота при его прорыве из Таллина командование флотилии совершенно правильно поняло цель предстоящих действий и спланировало именно операцию по прорыву блокады противника, а не просто перебазирование кораблей флотилии.

Находясь на Южном Буге, а затем в районе Херсона, Дунайская флотилия оказалось там чуть ли не единственным боеспособным, а главное – организационно устойчивым объединением. Во многом именно благодаря ему смогли

функционировать переправы в районе Николаева и Херсона. При этом силы флотилии не только осуществляли оборону участков фронта, не только оказывали огневую поддержку обороняющимся войскам Красной Армии, но и предпринимали активные наступательные действия – такие, как огневой налет на Вознесенск или захват нескольких островков перед Херсоном. Каждый раз попадая в окружение, Дунайская флотилия умудрялась не только по возможности сохранить корабельный состав, но и эвакуировать учреждения и тылы, то есть спасти личный состав береговых частей. При этом эвакуация всегда проходила исключительно по приказанию вышестоящего командования.

Произойди вышеописанные события хотя бы году в 1943-м, а тем более в 1944-м – и победы Дунайской флотилии попали бы во все хрестоматийные издания, посвященные Великой Отечественной войне. Однако все описанное относится к 1941 году – году тяжелейших поражений и отступления. На их фоне даже наши успешные действия начала войны как бы затушевались. Для истории оставили оборону Брестской крепости, оборону Одессы, оборону Москвы… А вот о победах на Дунае незаслуженно забыли.

Примечания

1

Виктор Суворов. Последняя республика, М.:АСТ, 2004. С. 274.

2

Valstieciu laikrastis, 08.11.1965.

3

Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 18. М.:Воениздат, 1955. С. 150.

4

А. В. Исаев. Старший сержант против генерал-полковника // Полигон, 2002, № 3.

5

Historical study. Small unit actions during the German campaign in Russia. Department of the army, July 1953.

6

Ibid: The armored roadblock (June 1941), p. 76–84.

7

Ibid: p. 83.

8

D. Glantz. The initial Period of War on the Eastern Front, 22 June – August 1941: Proceedings of the Fourth Art of War Symposium, Garmisch, October 1987.

9

Ibid: The border battles on the Siauliai axis 22–26 June 1941, p. 78–154.

10

Ibid: The border battles on the Vilnius axis 22–26 June 1941, p. 155–183.

11

Ibid, p. 114.

12

Thomas L. Jentz. Panzertruppen. The complete guide to the creation and combat employment of Germans tank force.

13

Ibid, p. 35; *Алексей Исаев.* Антисуворов. М.: Яуза, 2004, с. 321; Танковый прорыв. Советские танки в боях. 1937–1942 гг. М: Яуза, 2007, с. 248.

14

Эрхард Раус. Танковые сражения на восточном фронте. М: АСТ, 2005.

15

Там же, с. 3–5.

16

Там же, с. 67–78.

17

Например: КВ. История создания и применения. Часть 2. М.: Восточный фронт, 1996; Боевые машины, № 6 3. КВ-2; 1941: Бои в Прибалтике. Фронтовая илюстрация. №, 2002. (М.: Стратегия КМ, 2002); *Максим Коломиец.* Танк прорыва КВ «Клим Ворошилов». М.: Яуза, 2006.

18

Интернет-сайт http://www.deol.ru/manclub/war/suvtank.htm

19

Алексей Исаев. Антисуворов, с. 317–324.

20

Танковый прорыв. Советские танки в боях. 1937–1942 гг. С. 238–255.

21

Постановление Совета Народных комиссаров Союза ССР от 6 июля 1940 года № 1193-64 сс.

22

Здесь и далее данные по 3-му МК приводятся по: *Евгений Дриг.* Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005.

23

Прелюдия к «Барбароссе». Фронтовая иллюстрация №.4 – 2001; Боевой и численный состав вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический

сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М.: Институт военной истории МО РФ, 1994, с. 144.

24

1941: Бои в Прибалтике. Фронтовая илюстрация. № 5 – 2002, с. 9.

25

Состав германских войск приводится по: Unternehmen Barbarossa, «Kriegsgliederung Barbarossa» (B-Tag) OKH GenStdH./ Op.Abt.(III) Prbf-Nr.15801.

26

Thomas L. Jentz. Panzertruppen. P. 50.

27

D. Glantz. The initial Period of War on the Eastern Front, 22 June – August 1941, p. 108–109.

28

Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии. 1933–1945. М.: Эксмо, 2005.

29

Описание боевых действий дивизии приводится по: *Э. Раус.* Танковые сражения на Восточном фронте; la, Kriegstagenbuch. Jun 17 – Sep 15, 1941. NARA,T-315, Item No.25448/2, Roll 323; la, Kriegstagenbuch Nr. 3. Jun 21 —Nov 22,1941.NARA,T-315,ItemNo.22835/ lb, Roll 322.

30

В. М. Бережков. Страницы дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1987, с. 56.

31

Военно-исторический журнал, 1988, № 6, с. 52–57.

32

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 34. М.: Воениздат; Военно-научное управление Генерального штаба, 1958. Директива командующего войсками Северо-Западно-го фронта от 22 июня 1941 г. командующим войсками 8-й и 11-й армии, командирам 3-го и 12-го механизированных корпусов о нанесении удара по противнику, прорывающемуся на Таураге.

33

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. М.: Воениздат; Военно-научное управление. Генерального штаба, 1957. Боевой приказ комадующего 8-й армией № 1 от 22 июня 1941 г. на контрудар в направление Таураге.

34

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны.

Выпуск 34. Донесение начальника автобронетанкового управления Северо-Западного фронта от 23 июня 1941 г. комадующему войсками Северо-Западного фронта о задачах, поставленных командирам 3-го и 12-го механизированных корпусов.

35

Евгений Дриг. Механизированные корпуса РККА в бою, с. 137.

36

П. П. Полубояров. Крепче брони // На Северо-Западном фронте. М.: Наука, 1969.

37

Вернер Хаупт. Сражения группы армий «Север». М.: Яуза, 2006. С. 36.

38

Военно-исторический журнал, 1988, № 6. С. 52.

39

Евгений Дриг. Механизированные корпуса РККА в бою, с.137.

40

Здесь и далее цит. по: *А. В. Исаев.* Старший сержант проив генерал-полковника.

41

Алексей Исаев. Антисуворов, с. 319.

42

Э. Раус. Танковые сражения на Восточном фронте, с.17.

43

Э. Раус. Там же, с. 67.

44

Подробнее об этом в интернет сайте «Rytu frontas», фотогалерея «По следам одинокого танка»: http:// www.rytufrontas.net/ e!07_plugins/content/content.php?content.26

45

la, Kriegstagenbuch Nr.3. Jun 21 – Nov 22, 1941. NARA, T-315, Item No.22835/lb, Roll 322.

46

Ia, Ankomende Meldung, 22 Jun – 19 Jul 1941. NARA, Item No.25448/16, Rol 325.

47

Ф. Гальдер. Военный дневник: 1941 год. М.: Русич, 2006. С. 265.

48

Там же, с. 270–271.

49

Э. Раус. Танковые сражения на восточном фронте, с. 69.

50

la, Kriegstagenbuch Nr.3. Jun 21 – Nov 22, 1941. NARA, T-315, Item No.22835/lb, Roll 322. Запись от 24 июня.

51

Steven J. Zaloga, James Grandsen. Soviet heavy tanks. London, Osprey publishing, 1981.

52

Этнографический район на западе Литвы.

53

Так в тексте; должно быть – «на восток».

54

Средняя численность дивизий Прибалтийского военного округа на 22 июня 1941 года составляла около 8000 человек; естественно, что к исходу второй недели войны она была гораздо ниже.

55

Операции Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Том I. М.: Воениздат; ВНУ ГШ, 1958. С. 166 и карта 11.

56

Ранее входила в состав 10-го стрелкового корпуса 8-й армии, отошла на восток через район Пскова, передана в резерв командира 41-го стрелкового корпуса.

57

Отто Тиф. Из воспоминаний и заметок о 1939–1969 // Минувшее: Исторический альманах. Выпуск 7. М.: Прогресс; Феникс, 1992. С. 113.

58

Б. В. Бычевский. Город-фронт. М.: Воениздат, 1963. С. 23.

59

Здесь и далее описание боевых действий 21-й танковой дивизии дано по ее журналу боевых действий – http://mechcorps.rkka.ru/files/mechcorps/pages/gbd_21td.htm.

60

W. Paul. Brennpunkte. Die Geschihte der 6. Panzerdivision (1. leichte). 1937–1945. Hontiges-Verlag, Krefild, 1977. S. 116–117.

61

Ф. Гальдер. Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск. Том 3. От начала Восточной кампании до наступления на Сталинград (22.06.1941 – 24.09.1942). Книга первая. М.: Воениздат, 1971. С. 121.

62

W. Paul. Brennpunkte. Die Geschihte der 6. Panzerdivision. S. 117.

63

Ф. Гальдер. Военный дневник. Том 3. Книга первая. С. 129.

64

Ю. С. Кринов. Лужский рубеж, год 1941-й. Л.: Лениздат, 1987. С. 49.

65

См. там же, с. 36–37. Кринов ошибочно относит этот эпизод на 13 июля, но в целом приведенное им описание не противоречит мемуарам Рауса:

66

Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1975. С. 109.

67

W. Paul. Brennpunkte. Die Geschihte der 6. Panzerdivision. S. 118. Здесь же отмечается, что в действительности мостов было два – в паре сотен метров ниже основного шоссейного располагался старый деревянный, не отмеченный на картах. О действиях «Бранденбурга» пишет и Хаунт.

68

См.: Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1941. Сборник документов и материалов. М.: Наука, 1976. С. 650–651.

69

Цит. по: *Ю. С. Кринов.* Лужский рубеж, год 1941-й. С. 50. Дата восстановлена из контекста описания.

70

Известно, что по окончании боев за Сольцы в состав 70-й стрелковой дивизии из расформированной 3-й танковой дивизии было передано 15 танков, в том числе оба КВ. См.: Е. Дриг. Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005. С. 93.

71

А. И. Радзиевский. Армейские операции. М.: Воениздат, 1977. С. 199 (карта).

72

В. Хаупт. Группа армий «Север». М.: Центрполиграф, 2005. С. 58.

73

Э. *фон Манштейн.* Утерянные победы. М.: АСТ, 2007. С. 210.

74

W. Haupt. Die 8. Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg. Friedberg, 1987. S. 158. Основное описание действий 8-й танковой дивизии дано по этому источнику.

75

Военно-исторический журнал, 1992, № 4–5. С. 16

76

Ныне железнодорожной ветки из Сольцев на Шимск уже не существует, но на топографических картах все еще обозначается ее насыпь.

77

Ю. С. Кринов. Лужский рубеж, год 1941-й. С. 98.

78

Э. фон Манштейн. Утерянные победы. С. 202.

79

В. Хаупт. Группа армий «Север». С. 60.

80

W. Haupt. Die 8.Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg. Friedberg, S. 161.

81

Составлено на основе немецких архивных данных, любезно предоставленных Р. И. Ларинцевым.

82

26 июля дивизия показана вне 56-го моторизованного корпуса, хотя на следующий день вновь появляется в его составе. Цифры на 30 июля и 31 июля могут быть неточны по причине плохого качества документа.

83

W Haupt. Die 8.Panzer-Division im Zweiten Weltkrieg. Friedberg, S. 161.

84

Ю. С. Кринов. Лужский рубеж, год 1941-й. С. 121.

85

Ю. С. Крипов. Лужский рубеж, год 1944-й. С. 176–177.

86

Там же, с. 122.

87

Там же, с. 138.

88

Там же, с. 117.

89

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 484.

90

Там же. С. 485.

91

Там же. С. 422.

92

Bryan I. Fugate. Operation Barbarossa. Strategy and Tactics on the Eastern Front, 1941. Novato, CA: 5. Presidio Press, 1984. P. 132.

93

Thomas L. Jentz. Panzertruppen. The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1933–1942. Atglen, PA: Schiffer Military History, 1996. P. 206.

94

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 37. М.: Воениздат, 1959. С. 156.

95

Otto Weidinger. Das Reich. Volume II: 1940–1941. Winnipeg, MB: J. J. Fedorowicz Publishing, 1995. P. 318–319.

96

Bryan I. Fugate. Operation Barbarossa. Strategy and Tactics on the Eastern Front, 1941. Novato, CA: Presidio Press, 1984. P. 165.

97

Otto Weidinger. Das Reich. Volume II: 1940–1941. Winnipeg, MB: J.J. Fedorowicz Publishing, 1995. P. 319.

98

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 37. М.: Воениздат, 1959. С. 158.

99

Otto Weidinger. Das Reich. Volume II: 1940–1941. Winnipeg, MB: J.J. Fedorowicz Publishing, 1995. P. 339.

100

Helmuth Spaeter. The History of the Panzerkorps Grossdeutschland. Vol. I. Winnipeg, MB: J.J. Fedorowicz Publishing, 1992. P. 218.

101

Otto Weidinger. Das Reich. Volume II: 1940–1941. Winnipeg, MB: J.J. Fedorowicz Publishing, 1995. P. 333.

102

Ibid. P. 338.

103

Ibid. P. 364.

104

Ibid. P. 363, 366.

105

Otto Weidinger. Comrades to the End. The 4th SS Panzer-Grenadier Regiment «Der Führer» 1938–1945. Atglen, PA: Schiffer Military History, 1998. P. 206.

106

Федор фон Бок. Я стоял у ворот Москвы. Военные дневники 1941–1945. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 127.

107

Ф. Гальдер. Военный дневник. 1941–1942. М.: АСТ, 2003. С.

318.

108

Г. Гудериан. Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1998. С. 263.

109

Otto Weidinger. Das Reich. Volume II: 1940–1941. Winnipeg, MB: J.J. Fedorowicz Publishing, 1995. P. 372.

110

B. Fugate. Operation Barbarossa. Strategy and Tactics on the Eastern

Front, 1941. Novato, CA: Presidio Press, 1984. P. 172.

111

Ibid. P. 174.

112

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 33. М.: Воениздат, 1959. С. 78–79.

113

Е. Дриг. Механизированные корпуса РККА в бою. М.: АСТ, 2005. С. 632.

114

Там ж, с. 635–638.

115

Г. Хорошилов, А. Баженов. Ельнинская наступательная операция 1941 года. Военно-исторический журнал № 9/1974.

116

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 37. М.: Воениздат, 1959. С. 167–168.

117

David M. Glantz. Forgotten Battles of the German-Soviet War (1941–1945). Vol. I. The Summer-Fall Campaign (22 June – 4 December 1941). 1999. P. 82.

118

Г. Хорошилов, А. Баженов. Ельнинская наступательная операция 1941 года. Военно-исторический журнал № 9/1974.

119

ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 9. JL 160. Цитируется по журналу «Военно-исторический архив» № 7/2006. С. 160–161.

120

Хорошилов Г., Баженов А. Ельнинская наступательная операция 1941 года. Военно-исторический журнал № 9/1974.

121

B. Fugate. Operation Barbarossa. Strategy and Tactics on the Eastern Front, 1941. Novato, CA: Presidio Press, 1984. P. 181.

122

Г. Хорошилов, А. Баженов. Ельнинская наступательная операция 1941 года. Военно-исторический журнал № 9/1974.

123

B. Fugate. Operation Barbarossa. Strategy and Tactics on the Eastern Front, 1941. Novato, CA: Presidio Press, 1984. P. 181.

124

Цитируется по книге Краснов В. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 210.

125

Weidinger Otto. Das Reich. Volume II: 1940–1941. Winnipeg, MB: J.J. Fedorowicz Publishing, 1995. P. 349.

126

Герман Гейер, Эберхард фон Макензен. От Буга до Кавказа. М.: АСТ, Транскнига, 2004. С. 216.

127

В. Краснов. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 211.

128

Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993. С. 224.

129

ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 25. Л. 26. Цитируется по журналу «Военно-исторический архив» № 7/2006. С. 167.

130

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 484.

131

ЦАМО РФ. Ф. 219. Оп. 679. Д. 25. JL 26. Цитируется по журналу «Военно-исторический архив» № 7/2006. С. 167.

132

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 285.

133

Там же. С. 287.

134

Там же. С. 286.

135

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 181–182.

136

B. Fugate. Operation Barbarossa. Strategy and Tactics on the Eastern Front, 1941. Novato, CA: Presidio Press, 1984. P. 132.

137

The German Campaign in Russia – Planning and Operations (1940–1942). Washington: Department of the Army, 1955. P. 72.

138

Ibid. P. 71.

139

Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии. 1933–1945 гг. Москва: Изографус, 2002. С. 284–285.

140

Там же. С. 289.

141

Там же. С. 286.

142

The German Campaign in Russia – Planning and Operations (1940–1942). Washington: Department of the Army, 1955. P. 79.

143

В. Абатуров, Р. Португальский. Харьков – проклятое место Красной Армии. М.: Яуза, Эксмо, 2008.

144

Военный энциклопедический словарь / Пред. Гл. ред. комиссии Н. В. Огарков. М.: Воениздат, 1983. С. 562.

145

В. М. Мельников. Харьков в огне сражений. – Харьков: СИМ, 2008. С. 9.

146

К. Быков. Киевский «котел». Крупнейшее поражение Красной Армии. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 12.

147

П. Т. Кунщкий. Восстановление прорванного стратегического фронта обороны в 1941 году // Военно-исторический журнал. 1988. № 7. С. 52.

148

Г. Гудериан Воспоминания солдата. Пер. с нем. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С. 216.

149

Положение частей с севера на юг по состоянию на 26 сентября 1941 года.

150

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование / Под ред. Г. Ф. Кривошеева. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 310.

151

Г. Журавель, В. Андрієць. До вивчення участі в оборонних боях 300 стрілецької дивізії в серпні—жовтні 1941 року //

Подвигу народному жити у віках: Матеріали науково-практичної конференції, 19 квітня 2000 р. Полтава: АСМІ, 2000. С. 22.

152

ЦАМО РФ, ф. 229, он. 161, д. 143, л. 28.

153

Там же. – ф. 229, оп. 213, д. 20, л. 272; ф. 229, оп. 161, д. 143, л. 28.

154

Артиллерийское снабжение в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Т. 1. М.,Тула: Изд. ГАУ, 1977. С. 409.

155

К 1 января 1941 г. в восточных областях Украины (Харьковской, Сталинской и Ворошиловградской) проживало до 20 %, а с учетом прилегающих Сумской и Полтавской – до трети населения республики. По количеству жителей Харьковская (2618 тыс. чел.) и Сталинская (3324 тыс. чел.) области уступали лишь столичной Киевской (3694 тыс. чел.). См.: *В. К. Вохмянин, А. И. Подопригора.* Харьков, 1941-й. У края грозы. Ч. 1. Харьков: ВД «Райдер», 2008, С. 15. Население самого Харькова, превышавшее к началу войны 928 000 человек, уже в августе, несмотря на массовую мобилизацию военнообязанных, возросло до полутора миллионов душ за счет беженцев и эвакуированных из Западной и Центральной Украины.

156

А. М. Василевский. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1974. С. 142; Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 г. / Под общ. ред. В.А. Золотарева. Т. 16. М.: ТЕРРА, 1996. С. 120; Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Вып. 40. М.: Воениздат, 1960. С. 9.

157

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 г. Т. 16. С. 182, 185.

158

Там же. С. 189.

159

Там же. С. 103–104.

160

М. Д. Грецов. На Юго-Западном направлении (июнь-ноябрь 1941 г.). М.: Военная академия Генерального штаба, 1965. С. 260.

161

Там же. С. 261.

162

Там же. С. 261

163

Там же. С. 385.

164

В сражениях за Победу: Боевой путь 38-й армии в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.: Наука, 1974. С. 50.

165

В. С. Архипов. Время танковых атак. М.: Воениздат, 1981. С. 72.

166

Там же. С. 74.

167

Там же. С. 91.

168

ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 161, д. 143, л. 28.

169

Там же, л. 10.

170

В. К. Вохмянин. Чёрный сентябрь 1941-го // Слобода. № 74.15 сентября 2006 г.; *В. А. Рыбалов.* Записки заведующего военным отделом Харьковского горкома партии. (Неопубликованная рукопись. Архив авторов).

171

В. А. Рыбалов. Записки заведующего военным отделом Харьковского горкома партии. (Архив авторов).

172

В. К Вохмяни., А. И. Подопригора. Харьков, 1941-й. У края грозы. Ч. 1.С. 89.

173

ЦАМО РФ, ф. 1485, on. 1, д. 68, л. 96–97.

174

ЦАМО РФ, ф. 229, оп. 178, д. 42, л. 60.

175

Р. Португальский. Маршал Тимошенко. «Поставьте меня на опасный участок…». М.: Яуза, Эксмо, 2007. С. 217.

176

Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. Редкол.: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. гл. ред.) и др. М.: Сов. энциклопедия, 1985. С. 331.

177

А. М. Василевский. Дело всей жизни. С. 151.

178

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. С. 270.

179

Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933–

1945. М.: Изографус, Изд. Эксмо, 2002. С. 285–286.

180

М. Д. Грецов. На Юго-Западном направлении (июнь-ноябрь 1941 г.). С. 268–269.

181

В. В. Бешанов. Танковый погром 1941 года. Минск: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 437.

182

А. М. Василевский. Дело всей жизни. С. 156.

183

В. В. Бешанов. Танковый погром 1941 года. Минск: Харвест; М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. С. 437.

184

Там же. С. 443–444; *С.* 77. *Иванов.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990. С. 157–160.

185

М. Д. Грецов. На Юго-Западном направлении (июнь-ноябрь 1941 г.). С. 302.

186

Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 г. / Под общ. ред. В.А. Золотарева. Т. 16. С. 245. Выделения наши – *В. В., А. П.*

187

И. Х. Баграмян. Так начиналась война. М.: Голос, 2000. С. 384.

188

ХПЗ – Завод им. Малышева. 1895–1995. Краткая история развития / А. В. Быстриченко и др. Харьков: Прапор, 1995. С. 255, 257.

189

Украинская ССР в годы Великой Отечественной войны Советского Союза: Хроника событий / Рук. кол. сост. В. И. Клоков. – Киев: Политиздат Украины, 1985. С. 89.

190

А.В. Скоробогатов. Харюв у часи шмецько \'**1** окупацй' (1941–1943). – Харьков: Прапор, 2004. С. 41.

191

Не путать с селом Никитское на дороге Ливны – Елец.

192

Фон Бок. Дневники 1939–1945. Смоленск: Русич, 2006. С. 372. В переводе книги К. Рейнгарда «Поворот под Москвой» второе предложение звучит несколько лучше: *«По числу дивизий, если судить об этом за зеленым столом, соотношение сил не хуже, чем обычно».* Однако Рейнгардт опускает второй абзац фразы, придающий ей несколько иное звучание

193

Фон Бок. Дневники 1939–1945. С. 373.

194

К. Рейнгардт. Поворот под Москвой. М.: Воениздат, 1980. С. 186.

195

Там же, с. 381.

196

Там же, с. 200.

197

Там же, с. 383.

198

Там же, с. 202–203.

199

В пламени сражений. Боевой путь 13-й армии. М.: Воениздат, 1973. С. 41–42.

200

И. Х. Баграмян. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. С. 470.

201

С. П. *Иванов.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат 1990. С. 164–165.

202

Фон Бок. Дневники 1939–1945. С. 388.

203

Из имеющихся источников не совсем ясно, когда были нанесены эти два удара – 4 или 5 декабря.

204

По мнению С. П. Иванова причиной такого решения было стремление Тимошенко избежать раздергивания этих сил, решил оставить их непосредственно под управлением фронта.

205

Численность после пополнения. На 17 ноября в дивизии со всеми тылами насчитывалось 6097 человек, 19 полевых 76-мм и 7 противотанковых 45-мм пушек, 31 миномет всех калибров, а также 1999 лошадей и 62 автомашины. См.: Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 31. М.: Воениздат, ВНУ ГШ, 1957. С. 78. Таким образом видно, что дивизия была пополнена в основном только личным составом.

206

С. 77. *Иванов.* Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 164, 168.

207

И. Х. Баграмян. Так начиналась война. С. 491.

208

Там же, с. 476.

209

И. Х. Баграмян. Так начиналась война. С. 476.

210

К. Рейнгардт. Поворот под Москвой. С. 252.

211

Там же, с. 392.

212

Там же, с. 394.

213

И. Паротькын, В. Кравцов. Елецкая операция. М.: Воениздат, ВИО ГШ КА, 1943. С 12.

214

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 31. С. 88.

215

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 31. С. 89.

216

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 31. С. 88.

217

И. Н. Руссиянов. В боях рожденная. М.: 1982. С. 126.

218

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 31. С. 89. У Руссиянова эти трофеи ошибочно отнесены на 7 декабря.

219

Там же.

220

С. П. *Иванов.* Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 180.

221

И. Паротъкын, В. Кравцов. Елецкая операция. М.: Воениздат, ВИО ГШ КА, 1943. С. 15.

222

ЦАМО, ф. 361, оп. 6079, д. 6, л. 38–39. Приводится по: С. П. Иванов. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 180.

223

Фон Бок. Дневники 1939–1945. С. 398.

224

Там же, с 399.

225

Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 31. С. 92–93.

226

Там же, с. 93–94.

227

Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. М.: Юридическая литература, 1975. С. 338.

228

В документе ошибочно «Квинтовка».

229

Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 338.

230

К. Рейнгардт. Поворот под Москвой. С. 253.

231

Приводится по *: И. Х. Баграмян.* Так начиналась война. С. 506.

232

Фон Бок. Дневники 1939–1945. С. 403.

233

И. Х. Баграмян. Так начиналась война. С. 506.

234

ЦАМО, ф. 15, оп. 11600, д. 1066, л. 1-12. Приводится по: С. П. Иванов. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 183–184.

235

И. Паротъкин, В. Кравцов. Елецкая операция. С. 20.

236

Фон Бок. Дневники 1939–1945. С. 404.

237

Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 331, 338.

238

И. Н. Руссиянов. В боях рожденная. С. 128.

239

ЦАМО, ф. 202, оп. 5, д. 19, л. 84–85. Приводится по: С. П. Иванов. Штаб армейский, штаб фронтовой. С. 184.

240

В пламени сражений, с. 53.

241

Приводится по: И. Х. Баграмян. Так начиналась война. С. 507.

242

Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. С. 333.

243

В пламени сражений, с. 53. При этом дается ссылка на «Елецкую операцию», с. 15 – но на этой странице (и вообще в этом

изданиии) такой цифры нет.

244

Дореволюционное название острова Сааремаа.

245

До марта 1942 года этот самолет именовался ДБ-3ф.

246

В мемуарах Н. Г. Кузнецова этот момент изложен иначе и, как представляется, менее достоверно: *«Ставкаутвердила наше предложение. „Вы лично отвечаете за выполнение операции ”, – было сказано мне на прощание».*

247

Данные о потерях противника, если это не оговорено особо, приводятся по документам Бундесархива – Военного архива, дела с RL 2 III/1177 по RL 2 III/1179.

248

А. Н. Заблотский, Р. И. Ларинцев. В прицеле Ме-110. СПб., 2006. С. 12.

249

Seenotzentrale L – черноморский центр поисково-спасательных операций.

250

М. Морозов. Морская торпедоносная авиация. Т. 2. СПб., 2007. С. 5.

251

М. Морозов. Морская торпедоносная авиация. Т. 1. СПб. С. 97

252

А. Н. Заблотский, Р. И. Ларинцев. В прицеле Ме-110. С. 13.

253

Н. С. Скрипко. По целям ближним и дальним. М., 1981. С. 92.

254

Там же, с. 66.

255

О. Растренин. Штурмовик Ил-2. «Летающий танк». М., 2007. С. 42–43.

256

Д. Б. Хазанов. Битва за небо. 1941. От Днепра до Финского залива. М., 2007. С. 66.

257

RAD – Reichsarbeitdienst («Имперская служба труда»), обязательная трудовая повинность для всех трудоспособных граждан Третьего рейха.

258

Заводской номер в архивных документах не указан.

259

А. Н. Заблотский, Р. И. Ларинцев. В прицеле ФВ-189. СПб., 2006. С. 9.

260

Prien J. Einsatz des Jagdgeschwaders 77 von 1939 bis 1945. Teil 2. Hamburg, 1993. S. 708. Номера поврежденных машин в хронике не указаны.

261

Д. Хазанов, Н. Гордюков. Ближний бомбардировщик Су-2. М., 2000. С. 53.

262

И. Г. Иноземцев. Под крылом – Ленинград. М., 1978. С. 102–03.

263

92-я дивизия упомянута не случайно. Хорошо укомплектованная и вооруженная, она в октябре 1941 года прибыла на фронт из Приморского края, а уже в начале ноября её зенитчики оказали достойное сопротивление воздушному противнику. Это интересная тема, заслуживающая отдельного рассказа.

264

А. Н. Заблотский, Р. И. Ларинцев. В прицеле Ju-87. Северодвинск, 2006. С. 25.

265

М. Морозов. Морская торпедоносная авиация. Т. 2 – СПб., 2007. С. 14–15.

266

Hptm. Spohr. Geschichte der Kampfgeschwader «Hindenburg». Berlin, 1944. S. 49.

267

W. Paul. Die Truppengeschichte der 18. Panzer-Division 1940–1943. Preussischer Militaerverlag, 1989. S. 44.

268

Несмотря на столь специфическое наименование, «Юнкерсы» этого соединения на Восточном фронте занимались обычными транспортными перевозками.

269

Вообще-то транспортные «Юнкерсы» проходят по сводкам как потерянные 31 октября. Но вероятнее всего, имеет место обычное для подобных документов некоторое смещение дат.

270

Военно-исторический журнал. 1974, № 12. С. 18.

271

Согласно самым последним данным, основанным на финских документах, при отражении налетов 25 июля финская авиация

потеряла три истребителя – два «Харрикейна» из LLv.30 и Брюстер «Буффало» из LLv.24. При этом погибло два пилота, в том числе командир 2-й эскадрильи LLv.24 Лео Ахола. Характерно, что все потери относятся финнами к небоевым. См.: К.-Ф. Геуст. Советская бомбардировка финских аэродромов в июне 1941 г. в начальной стадии «войны-продолжения» // От войны к миру СССР и Финляндия в 1939–1944 гг. СПб.: Изд-во СпбГУ, 2006. С. 223–239. Безусловно, эти цифры не меняют итога в целом крайне неудачной операции – но свидетельствуют о том, что к опубликованной финнами информации следует относиться крайне осторожно. *(Прим. ред.)*.

272

Ситуация с потерями, понесенными ВВС Германии, еще хуже. В документах обнаружено лишь упоминание о двух раненых 25 июня в Рованиеми солдатах, одном из караульного взвода и одном из роты снабжения.

273

Casus belli (лат.) – повод к войне. Факт или событие, которые становятся формальным поводом или предлогом для объявления войны.

274

К началу войны в Крыму было подготовлено 23 сухопутных и семь морских аэродромов.

275

Боевая деятельность авиации ВМФ в Великой Отечественной войне. Часть 3. М., 1963. С. 118.

276

К сожалению, сведения о потерях аэродромной инфраструктуры, за редким исключением, нам недоступны.

277

М. Морозов. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. М., 2007. С. 241.

278

Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. Вып. 2. М.: МВС СССР, 1946. С. 259.

279

Об этом очень хорошо написано в книге О. Растренина «Расколотое небо. Май-июнь 1943 года» (М., 2007).

280

М. Морозов. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. С. 241.

281

BA-MA RL 8/249.

282

М. Морозов. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. С. 309.

283

М. Морозов. Воздушная битва за Севастополь. 1941–1942. С. 241.

284

На командира 14-го стрелкового корпуса генерал-майора Егорова возложили ответственность за оборону южной Бессарабии.

285

Здесь и далее в скобках указаны известные заводские номера катеров.

286

СНиС – служба наблюдения и связи.